

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН
ИНСТИТУТ ЭКОЛОГИИ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

ЭКОЛОГИЯ ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ

Материалы V Международной научной конференции
г. Тюмень, 7–11 ноября 2016 г.

ВЫПУСК 5
Часть 2

Тюмень
Издательство
Тюменского государственного университета
2016

УДК 902
ББК Т44
Э400

Редакционная коллегия:

В. Н. Адаев
Н. П. Матвеева
Н. Е. Рябогина
С. М. Слепченко

Э400 **Экология** древних и традиционных обществ : материалы V Международной научной конференции, г. Тюмень, 7–11 ноября 2016 г. / под ред. доктора исторических наук, профессора Н.П. Матвеевой; Министерство образования и науки Российской Федерации, Тюменский государственный университет. — Вып. 5 : в 2 ч. — Ч. 2. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2016. — 276 с.

ISBN 978-5-400-01321-8 (ч. 2)
ISBN 978-5-400-01313-3

Доклады конференции посвящены методикам междисциплинарного исследования, раскрывающим процессы взаимодействия человека, природы и общества в самых широких хронологических рамках на территории Евразии. Особое внимание уделяется практике преобразования и восприятия ландшафтов у народов в разные эпохи. Представлены материалы изучения природных изменений и катастроф, как глобальных, так и частных, в конкретных регионах. Обсуждаются вариации физической, социальной и культурной адаптации коллективов, в том числе демографические аспекты, палеопатологии, динамика рациона питания. Рассматривается характер антропогенного воздействия на среду обитания. Научные работы объединены в разделы: «Историческая экология человека», «Реконструкция природного окружения древних и средневековых обществ», «Культурные ландшафты», «Жизнеобеспечение древних и средневековых обществ», «Этнология».

Издание осуществлено при поддержке гранта РГНФ 16-01-14030.

УДК 902
ББК Т44

ISBN 978-5-400-01321-8 (ч. 2)
ISBN 978-5-400-01313-3

© Тюменский государственный университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОБЩЕСТВ

<i>Адамов А.А., Корона О.М., Рябогина Н.Е.</i> ПАЛЕОЭТНОБОТАНИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ПАШЕННОМ ЗЕМЛЕДЕЛИИ НА ПАМЯТНИКАХ XII-XIV ВВ. В ТОБОЛЬСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ	15
<i>Анисимов Н.П., Окладникова Е.А.</i> АРКАИМ И ГИПОТЕЗА КАРГАЛИНСКОГО ПРОТОГОСУДАРСТВА	20
<i>Балюнов И.В.</i> ПАМЯТНИКИ ОСВОЕНИЯ РУССКИМ НАСЕЛЕНИЕМ ТОБОЛЬСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ: КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ	23
<i>Бачура О.П.</i> ВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ И СЕЗОНЫ ЗАБОЯ СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НАДЫМСКОГО ГОРОДКА В XVII-XVIII ВВ.	26
<i>Борисов А.В.</i> РАЗВИТИЕ ТЕРРАСНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ	29
<i>Гладилина Е.В.</i> РЫБОЛОВСТВО В ХЕРСОНЕСЕ В II-VI ВВ.: РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ КУХОННЫХ ОСТАТКОВ	32
<i>Гурулев Д.А., Харевич В.М.</i> ЗАГОТОВКИ С ОББИВКОЙ УТОНЧЕНИЯ В КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЯХ ГОЛОЦЕНА СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ	34
<i>Девяшин М.М.</i> КОСТНЫЕ ОСТАТКИ ЖИВОТНЫХ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ ЛОЖКА-6	38
<i>Дубова Н.А., Сатаев Р.М.</i> КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СИСТЕМ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНЫХ РАЙОНОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ ДО СОВРЕМЕННОСТИ	40
<i>Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А., Тонкушина М.О., Косинская Л.Л., Кулеш Н.А., Остроушко А.А., Усачева И.В.</i> ПРИРОДНЫЕ МИНЕРАЛЬНЫЕ ПИГМЕНТЫ (ОХРА) В КЕРАМИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ЭПОХИ НЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	44
<i>Емельянова Ю.А., Кичигин Д.Е.</i> КЕРАМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ БАЙКАЛА	48
<i>Енгибарян Н.Г., Манасерян Н.У.</i> ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖИВОТНЫХ НА УРАРТСКИХ ПЕЧАТЯХ	52

<i>Ерицян Б.Г.</i>	НОВООТКРЫТЫЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ОЛДУВАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТАВУШСКОЙ ОБЛАСТИ (СЕВЕРНАЯ АРМЕНИЯ)	56
<i>Ефремова Н.С.</i>	САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ	59
<i>Зах В.А.</i>	ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ В ПЕРЕХОДНОЕ ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ ВРЕМЯ В ЛЕСОСТЕПИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	62
<i>Зеленков А.С.</i>	ПРИСПОСОБИТЕЛЬНЫЕ НАВЫКИ ГОНЧАРОВ БАКАЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛОВСКОГО ГОРОДИЩА)	66
<i>Зимица О.Ю.</i>	ПОСЕЛЕНИЯ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА р. ТУРЕ	69
<i>Илюшин А.М., Онищенко С.С.</i>	СИСТЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ВОСТОЧНЫХ КЫПЧАКОВ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК НА ТОРОПОВО-7 В ДОЛИНЕ р. КАСЬМЫ	72
<i>Илюшина В.В.</i>	ДРЕВНЯЯ КЕРАМИКА КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ И ПРИРОДНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ	74
<i>Киргинцев Э.Н.</i>	ОСОБЕННОСТИ И НЕКОТОРЫЕ УСЛОВИЯ РАСПОЛОЖЕНИЯ АФАНАСЬЕВСКИХ ПАМЯТНИКОВ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ	78
<i>Клементьев А.М., Базаров Б.А., Миягашев Д.А.</i>	МЛЕКОПИТАЮЩИЕ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ХУННУ ЗАБАЙКАЛЬЯ (НОВЫЙ ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЙ)	81
<i>Ковалевский С.А.</i>	О РОЛИ СКОТОВОДСТВА В ХОЗЯЙСТВЕ ИРМЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	85
<i>Корякова Л.Н., Краузе Р.</i>	ЛАНДШАФТ, АРХИТЕКТУРА И ХОЗЯЙСТВО ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ: ПО МАТЕРИАЛАМ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ДОЛИНЫ р. КАРАГАЙЛЫ-АЯТ	88
<i>Кузнецов А.М., Rogovskoy E.O.</i>	НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ В ФИНАЛЬНОМ МЕЗОЛИТЕ (НА ПРИМЕРЕ СТОЯНКИ ОСТРОВ ЛИСТВЕНИЧНЫЙ)	91
<i>Ларина Н.С., Загоруйко А.В., Матвеева Н.П.</i>	РАЗРАБОТКА СПОСОБОВ ОТБОРА И ХИМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОЧВ ИЗ ПОГРЕБЕННЫХ СОСУДОВ	94
<i>Лебедева Е.Ю., Яворская Л.В., Антипина Е.Е.</i>	ПРИРОДНЫЕ ФАКТОРЫ И СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОРОДОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ	98

<i>Леонтьева Д.С.</i>	ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНДРОНОВСКОЙ КЕРАМИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ПОСЕЛЕНИЯ ФИРСОВО-XV	101
<i>Лобанова Т.В., Соболевникова Т.Н.</i>	АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСТЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА ЧЕБАЧЬЯ ПРИСТАНЬ-2.....	104
<i>Марсадолов Л.С.</i>	ПРОБЛЕМЫ ОБЪЯСНЕНИЯ РЯДА «ИСКАЖАЮЩИХ ЭФФЕКТОВ» ПРИ РАДИОУГЛЕРОДНОМ ДАТИРОВАНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ	107
<i>Матвеева Н.П.</i>	ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУР РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	113
<i>Митрошин Е.Н., Лычагина Е.Л., Демаков Д.А., Батуева Н.С.</i>	ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕГОЛОЦЕНОВЫХ ПАМЯТНИКОВ, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ВОСТОЧНОМ БЕРЕГУ ЧАШКИНСКОГО ОЗЕРА.....	117
<i>Молодин В.И.</i>	ПРИРОДНЫЕ ОАЗИСЫ В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ КАК ОСНОВА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА	121
<i>Перевозчикова С.А., Черных Е.М.</i>	НОВЫЕ АСПЕКТЫ ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ УДМУРТОВ НОВОГО ВРЕМЕНИ	124
<i>Петросян Л.А.</i>	ПАМЯТНИК ЛЧАШЕН В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА АРМЕНИИ	127
<i>Сайберт В.О.</i>	ОСОБЕННОСТИ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА ОДИНЦОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ.....	130
<i>Сатаев Р.М.</i>	ЖИВОТНОВОДСТВО И ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ ДРЕВНЕЙ МАРГИАНЫ (БРОНЗОВЫЙ ВЕК, ТУРКМЕНИСТАН).....	132
<i>Сатаева Л.В.</i>	ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДРЕВЕСИНЫ В ХОЗЯЙСТВЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ГОНУР-ДЕПЕ (БРОНЗОВЫЙ ВЕК, ТУРКМЕНИСТАН)	135
<i>Сергушева Е.А.</i>	КУЛЬТУРНЫЕ РАСТЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ МОХЭСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ, ЮГ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ)	138
<i>Серегин Н.Н.</i>	ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	143
<i>Сериков Ю.Б.</i>	НЕКОТОРЫЕ НЕСТАНДАРТНЫЕ ПРИЕМЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЯХ	146

<i>Татауров С.Ф.</i>	
ЩУКА В РЫБОЛОВСТВЕ ЖИТЕЛЕЙ ТАРЫ В XVII-XIX вв. «ПОЗДНО ЩУКЕ НА СКОВОРОДЕ ВСПОМИНАТЬ О ВОДЕ»	149
<i>Татауров Ф.С.</i>	
РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИРОДНОГО ОКРУЖЕНИЯ И ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ XVII-XVIII вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА АНАНЬИНО-I)	152
<i>Татаурова Л.В.</i>	
ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ XVIII в. ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ	155
<i>Тихомиров К.Н., Никонова В.Г.</i>	
НЕКОТОРЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ НИЗОВИЙ р. ТАРА XVII-XVIII вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПЛОЩАДКИ ПОСЕЛЕНИЯ БЕРГАМАК-III).....	158
<i>Тихонов С.С.</i>	
БУХАРЦЫ В ТАРСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVIII в.	160
<i>Ушаков С.В.</i>	
ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ: ДИНАМИКА ТЕРРИТОРИИ И ПРОБЛЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ (ОТ ПОЗДНЕЙ АРХАИКИ ДО РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ).....	164
<i>Файзуллин И.А.</i>	
К ВОПРОСУ О ФОРМЕ ЖИВОТНОВОДСТВА В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ.....	170
<i>Федорченко А.Ю.</i>	
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СКРЕБКОВЫХ ОРУДИЙ VI ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО СЛОЯ УШКОВСКИХ СТОЯНОК (ЦЕНТРАЛЬНАЯ КАМЧАТКА).....	174
<i>Чернышева Е.В.</i>	
МИКРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ ДРЕВНЕГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ЖИВОТНОВОДСТВА.....	178
<i>Чикунова И.Ю.</i>	
ПРОИЗВОДСТВЕННО-ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС НА ГОРОДИЩЕ УСТЬ-ВАСЬЕГАН-1	181
<i>Шаймуратова Д.Н., Аськеев И.В., Аськеев О.В.</i>	
ИССЛЕДОВАНИЯ ОСТАТКОВ РЫБ И ПТИЦ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ.....	184
<i>Рюль Л., Корякова Л.Н., Краузе Р., Штоббе А.</i>	
КОЛОДЦЫ УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ КАМЕННЫЙ АМБАР (ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ).....	187

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Агафонова А.Б.</i>	
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА 1870-1917 гг. СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ПРАКТИК	193

<i>Адаев В.Н.</i>	О ПЕРЕСЕЧЕНИЯХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОЛЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ И ЭТНОАРХЕОЛОГИИ	196
<i>Букина Л.А., Игитова Д.М.</i>	ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО ПИТАНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧУКОТСКОГО ПОЛУОСТРОВА В ПЕРИОД МОДЕРНИЗАЦИИ	199
<i>Вершубская Г.Г., Козлов А.И.</i>	«ЭКОНОМИКА ДАРА»: ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА И ЗДОРОВЬЕ СЕВЕРЯН	202
<i>Волжанина Е.А.</i>	ОПЫТ РАЗВЕДЕНИЯ ДОМАШНИХ ОЛЕНЕЙ НА АРХИПЕЛАГЕ НОВАЯ ЗЕМЛЯ	205
<i>Воробьев Д.В.</i>	СНЕГОХОД И ОЛЕНЬ В ОСВОЕНИИ ТАЕЖНОГО ПРОСТРАНСТВА	208
<i>Вртанесян Г.С.</i>	ЧИСЛОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ. ИХ ОТРАЖЕНИЕ В МИФОПОЭТИКЕ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ	212
<i>Галеева Н.Ф.</i>	ПОЧИТАНИЕ ДЕРЕВЬЕВ У ТАТАР СЕВЕРА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ	215
<i>Ермакова Е.Е.</i>	САКРАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: ТИПОЛОГИЯ И МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ	218
<i>Жамсаранова Р.Г.</i>	ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПОГРЕБАЛЬНЫХ НАДМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ (РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2015 г.).....	221
<i>Зыков А.П., Иванова А.Н., Кокшаров С.Ф.</i>	АМУЛЕТЫ ИЗ АСТРАГАЛОВ ЖИВОТНЫХ ИЗ ЕНДЫРСКОГО П МОГИЛЬНИКА.....	225
<i>Исаева Т.А.</i>	ОЛЕНЕВОДСТВО В БАССЕЙНЕ р. ТРОМ-АГАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	228
<i>Каксин А.Д.</i>	ЭКОСИСТЕМА РЕГИОНА И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЭТНОСА: ДИАЛЕКТИКА СВЯЗИ	230
<i>Лискевич Н.А.</i>	ОБЕРЕГ В СИСТЕМЕ РИТУАЛОВ ПО ОХРАНЕ СКОТА У КОМИ НИЖНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ	233
<i>Мальцева Н.В.</i>	ТРАНСФОРМАЦИЯ ОЛЕНЕВОДСТВА МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В XX — НАЧАЛЕ XXI в. (НА ПРИМЕРЕ ЭВЕНОВ И КОРЯКОВ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ).....	236
<i>Мостовенко М.С.</i>	ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.: МЕЖДУ ОТРАСЛЬЮ И ПРОМЫСЛОМ.....	239
<i>Павлова А.Н.</i>	КОСТЮМ В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НАРОДА МАРИ	242

<i>Садовой А.Н.</i>	ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ СИСТЕМ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ ЭТНОСОВ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ	245
<i>Стародубова О.В.</i>	ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЕРЕГИ ХАНТОВ БАССЕЙНА р. ТРОМ-АГАН (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)	248
<i>Степанова О.Б.</i>	ДАННЫЕ ФОЛЬКЛОРА О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЕЛЬКУПСКОГО ОЛЕНЕВОДСТВА	251
<i>Телегина Л.А.</i>	«МЕДВЕЖЬЯ ВЕЧЕРКА» У ХАНТОВ р. ДЕМЬЯНКА: ОПЫТ НАБЛЮДЕНИЯ 2015 г.	255
<i>Терентьев В.И.</i>	ПРИЧИНЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МОНГОЛОВ	259
<i>Федорова Е.Г.</i>	К ИСТОРИИ ОЛЕНЕВОДСТВА СЕВЕРНЫХ МАНСИ	261
<i>Шавлаева Т.М.</i>	АДАПТАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЧЕНЦЕВ К ГОРНОМУ ЛАНДШАФТУ	264
<i>Шитова Н.И.</i>	РУССКИЕ В ГОРНОМ АЛТАЕ: ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ (КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XX ВВ.)	266
<i>Южаков А.А.</i>	ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ И МОНИТОРИНГ ОЛЕНЕВОДСТВА НА ЯМАЛЕ	269

CONTENTS

SUBSISTENCE SYSTEMS OF ANCIENT AND TRADITIONAL SOCIETIES

<i>Adamov A.A., Korona O.M., Ryabogina N.E.</i> PALEOETHNOBOTANICAL AND ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE OF PLOW AGRICULTURE IN THE SETTLEMENTS (XII-XIV AD) IN TOBOLSK PRIIRTYSHYE (WESTERN SIBERIA).....	15
<i>Anisimov N.P., Okladnikova E.A.</i> ARKAIM AND THE HYPOTHESIS OF KARGALY PROTOSTATE	20
<i>Balyunov I.V.</i> MONUMENTS OF COLONIZATION OF THE TOBOLSK IRTYSH REGION BY RUSSIAN SETTLERS: BRIEF DESCRIPTION OF ARCHAEOLOGICAL MATERIALS	23
<i>Bachura O.P.</i> AGE STRUCTURE AND SLAUGHTER SEASONS OF REINDEER IN THE ECONOMIC ACTIVITY OF THE POPULATION OF THE NADYM TOWN IN THE VII-XVIII CENTURIES	26
<i>Borisov A.V.</i> DEVELOPMENT OF TERRACE AGRICULTURE IN MOUNTAINOUS DAGESTAN	29
<i>Gladilina E.V.</i> FISHERY IN THE II-VI CENTURIES CE IN CHERSONESE TAURICA: RECONSTRUCTION BASED ON COOKING DEBRIS	32
<i>Gurulev D.A., Kharevich V.M.</i> THINNED PREFORMS FROM HOLOCENE STONE INDUSTRIES OF NORTHERN ANGARA REGION	34
<i>Devyashin M.M.</i> ANIMALS BONE REMAINS FROM THE ARCHEOLOGICAL EXCAVATION OF THE LOZHKA-6 SETTLEMENT	38
<i>Dubova N.A., Sataev R.M.</i> COMPREHENSIVE STUDY OF LIFE-SUPPORT SYSTEMS OF THE POPULATIONS OF THE SOUTHERN DISTRICTS OF CENTRAL ASIA FROM THE BRONZE AGE TO THE PRESENT DAY	40
<i>Dubovtseva E.N., Iudina E.A., Tonkushina M.O., Kosinskaya L.L., Kulesh N.A., Ostroushko A.A., Usacheva I.V.</i> NATURAL MINERAL PIGMENTS (OCHER) IN THE CERAMIC INDUSTRY OF THE NEOLITHIC PERIOD ON THE TERRITORY OF THE TAIGA ZONE OF THE TRANS-URALS AND WESTERN SIBERIA	44
<i>Emelyanova Yu.A., Kichigin D.E.</i> CERAMIC TRADITIONS OF BRONZE AGE OF THE NORTHWESTERN COAST OF LAKE BAIKAL	48

<i>Engibaryan N.G., Manaseryan N.U.</i>	
IMAGES OF ANIMALS ON URARTIAN SEALS	52
<i>Yeritsyan B.G.</i>	
NEWLY FOUND CAMPS OF THE OLDDOWAN CULTURE IN THE PROVINCE OF TAVUSH (NORTHERN ARMENIA)	56
<i>Efremova N.S.</i>	
SACRAL SPACE AND ECOLOGICAL SITUATION IN A LIFE SUPPORT SYSTEM OF ANCIENT SOCIETIES	59
<i>Zakh V.A.</i>	
THE SETTLEMENTS STRUCTURES OF THE TRANSITIONAL PERIOD FROM THE BRONZE AGE TO THE IRON AGE IN THE FOREST-STEPPE OF WESTERN SIBERIA	62
<i>Zelenkov A.S.</i>	
ADAPTIVE LABOR SKILLS POTTERS OF BAKAL CULTURE (ON MATERIALS KOLOVSKOE SETTLEMENT)	66
<i>Zimina O.Yu.</i>	
SETTLEMENTS OF THE TRANSITIONAL PERIOD FROM BRONZE AGE TO IRON AGE AND THE EARLY IRON AGE ON THE TURA RIVER	69
<i>Ilyushin A.M., Onischenko S.S.</i>	
LIFE SUPPORT SYSTEM OF THE EASTERN KYPCHAKS ON MATERIALS OF EXCAVATION OF THE TOROPOVO-7 SETTLEMENT IN THE VALLEY OF THE KASMA RIVER	72
<i>Ilyushina V.V.</i>	
ANCIENT CERAMICS AS A SOURCE OF HISTORIC-CULTURAL AND NATURAL RECONSTRUCTIONS	74
<i>Kirginekov E.N.</i>	
FEATURES AND SOME CONDITIONS OF AFANASYEVSKA MONUMENTS' LOCATION IN THE KHAKASSIA-MINUSINSK HOLLOW	78
<i>Klementiev A.M., Bazarov B.A., Miyagashev D.A.</i>	
MAMMALS IN THE LIFE SUPPORT SYSTEM OF THE XIONGNU OF THE TRANSBAIKALIA (NEW PHASE OF RESEARCH)	81
<i>Kovalevskiy S.A.</i>	
ON THE ROLE OF CATTLE BREEDING IN THE ECONOMY OF THE IRMENSK POPULATION (HISTORIOGRAPHIC ASPECT)	85
<i>Koryakova L.N., Krause R.</i>	
LANDSCAPE, ARCHITECTURE AND ECONOMY OF THE SOUTHERN TRANS-URALS IN THE BRONZE AGE: THE FORTIFIED SETTLEMENTS OF THE KARAGAILY-AYAT RIVER VALLEY	88
<i>Kuznetsov A.M., Rogovskoy E.O.</i>	
SOME ASPECTS OF HUMAN ECOSYSTEM IN THE NORTHERN ANGARA REGION IN THE FINAL MESOLITHIC (ON MATERIALS OF THE OSTROV LISTVENICHNY SITE)	91
<i>Larina N.S., Zagoruiko A.V., Matveeva N.P.</i>	
DEVELOPMENT OF SAMPLING METHODS AND CHEMICAL ANALYSIS OF SOILS FROM BURIED VESSELS	94

<i>Lebedeva E.Yu., Yavorskaya L.V., Antipina E.E.</i>	
NATURAL FACTORS AND THE LIFE-SUPPORT SYSTEMS OF THE GOLDEN HORDE TOWNS	98
<i>Leontieva D.S.</i>	
TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF ANDRONOVO CERAMIC COLLECTION OF THE FIRSOVO-XV SETTLEMENT	101
<i>Lobanova T.V., Sobolnikova T.N.</i>	
ARCHAEOZOOLOGICAL STUDY OF THE OSTEOLOGICAL COLLECTIONS OF THE MEDIEVAL SETTLEMENT CHEBACHYA PRISTAN-2	104
<i>Marsadolov L.S.</i>	
PROBLEMS OF «DEFORMING EFFECTS» EXPLANATION USING RADIOCARBON DATING OF ARCHEOLOGICAL OBJECTS	107
<i>Matveeva N.P.</i>	
THE NATURAL CONDITIONS OF THE GREAT MIGRATION EPOCH IN THE WESTERN PART OF WESTERN SIBERIA AND FORMATION OF THE EARLY MEDIEVAL CULTURES	113
<i>Mitroshin E.N., Lychagina E.L., Demakov D.A., Batueva N.S.</i>	
PRELIMINARY RESULTS OF THE STUDY OF THE EARLY HOLOCENE SITES LOCATED ON THE EASTERN SHORE OF CHASHKINSKOE LAKE.....	117
<i>Molodin V.I.</i>	
NATURAL OASES IN THE BARABA FOREST STEPPE AS A BASIS OF THE LIFE SUPPORT SYSTEM	121
<i>Perevozchikova S.A., Chernykh E.M.</i>	
NEW ASPECTS OF NONFERROUS METAL PROCESSING OF THE UDMURTS IN THE MODERN PERIOD	124
<i>Petrosyan L.A.</i>	
LCHASHEN MONUMENT IN THE CONTEXT OF THE BRONZE AGE CULTURE OF ARMENIA.....	127
<i>Saybert V.O.</i>	
HOUSEBUILDING FEATURES OF THE ODINTSOVO CULTURE OF THE MIDDLE AGES IN THE UPPER OB.....	130
<i>Sataev R.M.</i>	
ANIMAL HUSBANDRY AND DOMESTIC ANIMALS OF ANCIENT MARGIANA (THE BRONZE AGE, TURKMENISTAN)	132
<i>Sataeva L.V.</i>	
USE OF WOOD IN THE ECONOMY OF THE ANCIENT POPULATION OF GONUR DEPE (THE BRONZE AGE, TURKMENISTAN).....	135
<i>Sergusheva E.A.</i>	
REMAINS OF CULTIGENS OF THE MOHE ARCHAEOLOGICAL CULTURE (THE EARLY MEDIEVAL AGES, THE SOUTH OF THE RUSSIAN FAR EAST)	138
<i>Seregin N.N.</i>	
RESULTS AND PROSPECTS OF STUDYING OF A LIFE SUPPORT SYSTEM OF EARLY MEDIEVAL TURKS IN THE ALTAI-SAYAN REGION AND CENTRAL ASIA	143

<i>Serikov Yu.B.</i>	SOME NONSTANDARD METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RECONSTRUCTIONS ...	146
<i>Tataurov S.F.</i>	PIKE IN FISHERY OF INHABITANTS OF TARA IN THE XVII-XIX CENTURIES. “IT’S LATE FOR A PIKE ON A FRYING PAN TO REMEMBER WATER”	149
<i>Tataurov Ph.S.</i>	RECONSTRUCTION OF THE NATURAL ENVIRONMENT AND LIVELIHOOD OF THE WEST SIBERIAN RUSSIAN VILLAGE OF THE XVII-XVIII CENTURIES (BASED ON MATERIALS OF THE ARCHAEOLOGICAL ANAN’INO-I SITES)	152
<i>Tataurova L.V.</i>	FUNDAMENTAL ELEMENTS OF A LIFE SUPPORT SYSTEM OF THE SIBERIAN VILLAGE OF THE 18 TH CENTURY ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL MATERIALS.....	155
<i>Tikhomirov K.N., Nikonova V.G.</i>	SOME ECONOMIC ASPECTS OF LIFE OF THE POPULATION OF THE LOWER TARA RIVER IN THE XVII-XVIII CENTURIES (ON MATERIALS OF THE BERGAMAK-III SETTLEMENT)	158
<i>Tikhonov S.S.</i>	BUKHARIANS IN THE TARA’S IRTYSH AREA AT THE END OF THE XVI — BEGINNING OF THE XVIII CENTURIES.....	160
<i>Ushakov S.V.</i>	TAURIC CHERSONESOS: THE DYNAMICS OF THE TERRITORY AND LIFE SUPPORT PROBLEM (FROM THE LATE ARCHAIC TO THE EARLY MIDDLE AGES)	164
<i>Faizullin I.A.</i>	ON FORM OF LIVESTOCK FARMING OF THE LATE BRONZE AGE PERIOD ON THE TERRITORY OF THE ORENBURG URALS.....	170
<i>Fedorchenko A.Yu.</i>	FUNCTIONAL ANALYSIS OF SCRAPING TOOLS OF THE VI PALAEOLITHIC LAYER OF USHKI SITES (CENTRAL KAMCHATKA).....	174
<i>Chernysheva E.V.</i>	MICROBIOLOGICAL INDICATORS OF ANCIENT FARMING AND ANIMAL HUSBANDRY.....	178
<i>Chikunova I.Yu.</i>	INDUSTRIAL AND RESIDENTIAL COMPLEX IN THE UST’ – VASYUGAN-1 SETTLEMENT	181
<i>Shaymuratova D.N., Askeyev I.V., Askeyev O.V.</i>	THE RESEARCH OF FISH AND BIRD REMAINS FROM ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE MIDDLE VOLGA REGION	184
<i>Rühl L., Koryakova L.N., Krause R., Stobbe A.</i>	WELLS OF THE FORTIFIED BRONZE AGE SETTLEMENT KAMENNYI AMBAR (CHELYABINSK OBLAST, RUSSIA).....	187

ECOLOGICAL ANTHROPOLOGY

<i>Agafonova A.B.</i> ENVIRONMENTAL HISTORY OF PROVINCIAL CITIES OF RUSSIA IN 1870-1917 THROUGH THE PRISM OF THE THEORY OF PRACTICE	193
<i>Adaev V.N.</i> ON INTERSECTIONS OF THE RESEARCH FIELD OF ECOLOGICAL ANTHROPOLOGY AND ETHNOARCHAEOLOGY	196
<i>Bukina L.A., Igitova D.M.</i> TRADITIONAL FOOD SYSTEMS OF THE CHUKCHI PENINSULA'S INDIGENOUS PEOPLE DURING THE PERIOD OF MODERNIZATION	199
<i>Vershubskaya G.G., Kozlov A.I.</i> "GIFT ECONOMY": TRADITIONAL FOOD AND HEALTH OF NORTHERNERS	202
<i>Volzhanina E.A.</i> THE EXPERIENCE OF REINDEER BREEDING ON THE ARCHIPELAGO NOVAYA ZEMLYA.....	205
<i>Vorob'ev D.V.</i> SNOWMOBILE AND REINDEER IN THE APPROPRIATION OF THE TAIGA SPACE.....	208
<i>Vrtanesjan G.S.</i> NUMERICAL SYSTEMS. THEIR REFLECTION IN THE MYTH-POETICS AND MATERIAL CULTURE	212
<i>Galeeva N.F.</i> THE WORSHIP OF TREES AMONG THE TATARS IN THE NORTH OF THE OMSK REGION	215
<i>Ermakova E.E.</i> SACRED LANDSCAPE OF TYUMEN REGION: TYPOLOGY AND MECHANISMS OF DESIGN	218
<i>Zhamsaranova R.G.</i> ETHNIC ORIGIN OF BURIAL CONSTRUCTIONS (ON THE RESULTS OF ETHNOGRAPHIC EXPEDITION OF MAY 2015)	221
<i>Zykov A.P., Ivanova A.N., Koksharov S.F.</i> COLLECTION OF ASTRAGALS OF ENDYR'S II CEMETERY	225
<i>Isaeva T.A.</i> REINDEER HERDING IN THE RIVER BASIN OF TOM-AGAN: HISTORY AND MODERNITY	228
<i>Kaksin A.D.</i> ECOSYSTEM OF THE REGION AND TRADITIONAL CULTURE OF ETHNOS: DIALECTICS OF THE RELATIONS	230
<i>Liskevich N.A.</i> APOTROPE IN THE RITUALS FOR LIVESTOCK PROTECTION OF THE KOMI OF THE LOW TOBOL RIVER.....	233

<i>Maltseva N.V.</i>	TRANSFORMATION OF REINDEER HERDING OF SMALL-NUMBERED PEOPLES OF THE NORTH IN THE XXTH — BEGINNING OF THE XXITH CENTURY (FOR EXAMPLE, EVENS AND KORYAKS IN MAGADAN REGION)	236
<i>Mostovenko M.S.</i>	THE TRADITIONAL NATURE MANAGEMENT IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF XXTH CENTURY: BETWEEN BRANCH AND CRAFT	239
<i>Pavlova A.N.</i>	COSTUME IN THE SYSTEM OF ECOLOGICAL IDEAS AMONG MARI PEOPLE	242
<i>Sadovoy A.N.</i>	THE TRANSFORMATION OF TRADITIONAL NATURE MANAGEMENT SYSTEMS OF THE ETHNIC GROUPS OF THE BLACK SEA REGION	245
<i>Starodubova O.V.</i>	TRADITIONAL APOTROPES OF THE KHANTY OF THE TROMYOGAN RIVER (BASED ON DATA OF FIELD RESEARCH).....	248
<i>Stepanova O.B.</i>	THE DATA OF FOLKLORE ABOUT THE ORIGIN OF THE SELKUP REINDEER.....	251
<i>Telegina L.A.</i>	THE BEAR FESTIVAL OF THE KHANTY OF DEMYANKA RIVER: EXPERIENCE OF OBSERVATION	255
<i>Terentyev V.I.</i>	THE CAUSES OF CHANGING IN ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS OF MODERN MONGOLS.....	259
<i>Fedorova E.G.</i>	THE FRAGMENT OF NORTH MANSI' REINDEER HERDING HISTORY	261
<i>Shavlaeva T.M.</i>	ADAPTATION OF ECONOMIC ACTIVITY OF CHECHENS TO A MOUNTAIN LANDSCAPE.....	264
<i>Shietova N.I.</i>	THE RUSSIANS IN GORNY ALTAI: DEVELOPMENT OF NEW TERRITORIES (THE END OF THE 18 — BEGINNING OF THE 20 CENTURIES).....	266
<i>Yuzhakov A.A.</i>	ENVIRONMENTAL PROBLEMS AND MONITORING OF REINDEER HERDING ON THE YAMAL.....	269

ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОБЩЕСТВ

А.А. Адамов, О.М. Корона, Н.Е. Рябогина

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Тобольск,
Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург,
Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень, Россия
profi1204@ya.ru, korona@ipae.uran.ru,
nataly.ryabogina@gmail.com

ПАЛЕОЭТНОБОТАНИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ПАШЕННОМ ЗЕМЛЕДЕЛИИ НА ПАМЯТНИКАХ XII-XIV вв. В ТОБОЛЬСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ

A.A. Adamov, O.M. Korona, N.E. Ryabogina

Tobolsk Complex Scientific Station UB RAS, Tobolsk,
Institute of Plant and Animal Ecology UB RAS, Yekaterinburg,
Institute of the Problems of Northern Development SB RAS,
Tyumen, Russia

PALEOETHNOBOTANICAL AND ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE OF PLOW AGRICULTURE IN THE SETTLEMENTS (XII-XIV AD) IN TOBOLSK PRIIRTYSHYE (WESTERN SIBERIA)

*ABSTRACT: Some artifacts attesting the agriculture stand out among the various tools on archaeological sites of XII-XIV AD around Tobolsk in the Irtysh basin (Western Siberia). However, until recently, these materials had not been supported by palaeobotanical data, so this work focuses on the presentation and analysis in a complex with archaeological data. The basic features of tillage tools and instruments for crop processing from the Irtysh basin and their analogues in the Urals region were considered. The article presents the first results of macro-remains research, accidentally found in manure from the Yarkovskoe 1 settlement and pollen from the cultural layers from this settlement and the Vahrushevskoe 1 settlement. Composition of grains, quantitative ratio and degree of cleaning indicate accumulation of feed grains. Charred grains of barley belonging to multi-row *Hordeum vulgare* ssp. *vulgare* are dominant, a small amount of oat and two species of wheat are also found. According to palynological data barley pollen predominates, but the ratio of pollen wheat and barley is very close, moreover rye pollen is detected, although oat pollen is not found. Thus, archaeological and archaeobotanical evidence shows the developed plow agriculture with crops of barley, wheat, oats and rye in Irtysh basin around Tobolsk in XII-XIV centuries. Such composition of crops is typical for medieval sites in Preduralye (the area to the west of the Urals). Other evidences of plow agriculture are known in the east of the Ob basin and they are characterized by a different set of crops.*

Среди разнообразного инвентаря памятников Тобольского Прииртышья, датирующихся XII-XIV вв. выделяются артефакты, свидетельствующие о занятии населения в это время земледелием. Однако до недавнего времени эти материалы не были подкреплены палеоботаническими данными, поэтому здесь осветим их и проанализируем в комплексе с археологическими.

Особенности материальной культуры населения Тобольского Прииртышья XII-XIV вв. позволяют считать, что оно сформировалось на основе пришлых из Предуралья коллективов и местных

общин [Адамов, 2016]. О пашенном характере земледелия в это время свидетельствуют ральники, обнаруженные на городищах Тобол-Тура-1, Ивановское-1, Искер и поселении Обрядовщина. Эти орудия наиболее близки ральникам родановской культуры Пермского Предуралья [Сарапулов, 2011, рис. 1, 3, 4]. По форме они относятся к одному типу и подразделяются на два подтипа: средних размеров с сильно выделяющимися плечиками и подтреугольной рабочей частью; и так называемые «роговые» ральники с сильно выдающимися плечиками, перерастающие в длинные выступы — «рога». Отсутствие находок чересел сближает конструкцию рала из Тобольского Прииртышья и Предуралья, где чересла также встречаются в единичных экземплярах [Сарапулов, 2006, с. 134].

В этом районе для распашки необходимо было расчищать земли от леса, так как не обрабатываемые участки зарастают березняком уже через 10 лет. Именно для этой цели служили железные проушные топоры, количество находок которых превысило четыре десятка. Находки орудий уборки урожая — серпов, достаточно редки. К этому периоду мы можем отнести только два серпа — с Искера [Пигнатти, 1915, табл. IV, 3] и его окрестностей [Адамов, Балюнов, Данилов, 2006, рис. 2,1].

Орудия переработки урожая — ручные каменные поставки, обнаруженные на городищах Ярковское-1 (2 экз.) и Искер, Тобол-Тура-1, близки жерновам из Пермского Предуралья [Сарапулов, 2013, с. 9]. Найденные на городище Ярковское-1 обломки массивных жерновов толщиной до 15 см свидетельствуют о наличии мельниц, где в качестве тягловой силы использовались животные или вода протекающего рядом ручья.

Земледельческие орудия, обнаруженные на городище Искер, рассмотрены А.П. Зыковым как орудия сибирских татар [Зыков, 2013], несмотря на многослойность памятника и достаточно мощный слой XII-XIV вв. [Адамов, 2016]. Найденные на городище Искер ральник, целые жернова и их обломки, один из серпов имеют прямые аналогии в памятниках XII-XIV вв. **Конструктивные особенности** аналогичных изделий сибирских татар в Тобольском Прииртышье в XV-XVI вв. пока не выявлены. С известной долей осторожности нужно относиться и к семенам культурных растений, обнаруженных в культурном слое Искера (исследования О.М. Короны). Они могут относиться как ко времени существования Сибирского ханства, так и к более раннему периоду.

Кроме находок земледельческих орудий на памятниках XII-XIV вв. при исследовании городища Ярковское-1 [Адамов, Балюнов, 2011] на глубине 120-125 см от поверхности в яме (Сек. 5, кв. 12-13-Г, слой В) было обнаружено скопление остатков обгорелых зерен. Яма заполнена спрессованным перепревшим навозом, что указывает на стойловое содержание домашних животных. Флотация не проводилась, но дополнительно из культурных слоев городища Ярковское-1 и поселения Вахрушево-1 отобраны пробы на пылецевой анализ. В общем объеме образца (620 мл) обугленные растительные макроостатки составили 320 мл (зерновки, фрагменты колосьев и чешуй), остальное — фрагменты чешуй, мелкие кости, угольки и зола. Сохранность большинства зерновок хорошая, но часть растительных остатков и их фрагментов не удалось определить до рода, можно лишь с уверенностью сказать, что это остатки культурных злаков (*Cerealia*).

Таблица 1

Таксономический состав археоботанических макроостатков в образце из средневековых слоев XII-XIV вв. Ярковского-1 городища

Таксон	Количество остатков
Культурные растения	
<i>Hordeum vulgare</i> L. (Ячмень обыкновенный), пленчатая форма	8300 зерновок
<i>Hordeum vulgare</i> L. (Ячмень обыкновенный), голозерная форма	1 зерновка
<i>Triticum dicoccum</i> (Schrank) Schubl. (Полба, пшеница двузернянка)	8 зерновок + 9 «вилочек»
<i>Triticum aestivum</i> L. (Пшеница мягкая)	5 зерновок
<i>Avena sativa</i> L. (Овес посевной)	27 зерновок
<i>Cerealia</i> gen.indet. (культурные злаки)	1190 фрагментов зерновок
<i>Pisum arvense</i> L. (Горох полевой, пелюшка)	1 половинка семени
Сорные и лесные растения	
<i>Chenopodium album</i> L. (Марь белая)	8 целых + 6 фрагментов семян
<i>Fallopia convolvulus</i> (L.) A. Love (Гречишка вьюнковая)	270 целых + 70 фрагментов орехов
<i>Sambucus</i> sp. (Бузина)	1 фрагмент семени

В данном скоплении зерен (табл. 1) абсолютно преобладают макроостатки ячменя, принадлежащие многорядному ячменю *Hordeum vulgare* ssp. *vulgare*. Обнаружены как прямые, так и асимметричные зерновки, большинство из них относятся к пленчатой форме, об этом свидетельствуют сами пленчатые зерновки и остатки чешуй или их следы, запечатленные на голых зерновках, а также фрагменты колосковых стержней. В небольшом количестве встречаются остатки овса и двух видов пшеницы, обнаружено большое количество неопределимых фрагментов зерновок культурных злаков, логично предположить, что большинство из них принадлежит ячменю. Другие культурные растения представлены половинкой семени гороха. Степень очистки зернового материала носит промежуточный характер: с одной стороны относительно небольшое количество семян сорняков свидетельствует о высокой степени очистки, а с другой — большинство макроостатков ячменя сохранилось в виде пленчатых зерновок, т. е. само зерно не подвергалось дополнительной очистке, как при подготовке для приготовления пищи.

Извлечение пыльцы из культурных слоев выполнено с применением сепарационного метода, без ацетализа. К пыльце культурных злаков *Cerealia type* отнесены пыльцевые зерна злаков размером более 40 мкм и размером поры более 3 мкм.

На городище Ярковское колонкой через 5 см исследованы пробы в заполнении ямы (№ 2-5) с перепревшим навозом, в которой было найдено скопление зерен. Для контроля отобраны отложения под ямой (№ 6) и в стороне в средней части перерезанной ямой культурного слоя на участке межжилищного пространства (№ 1).

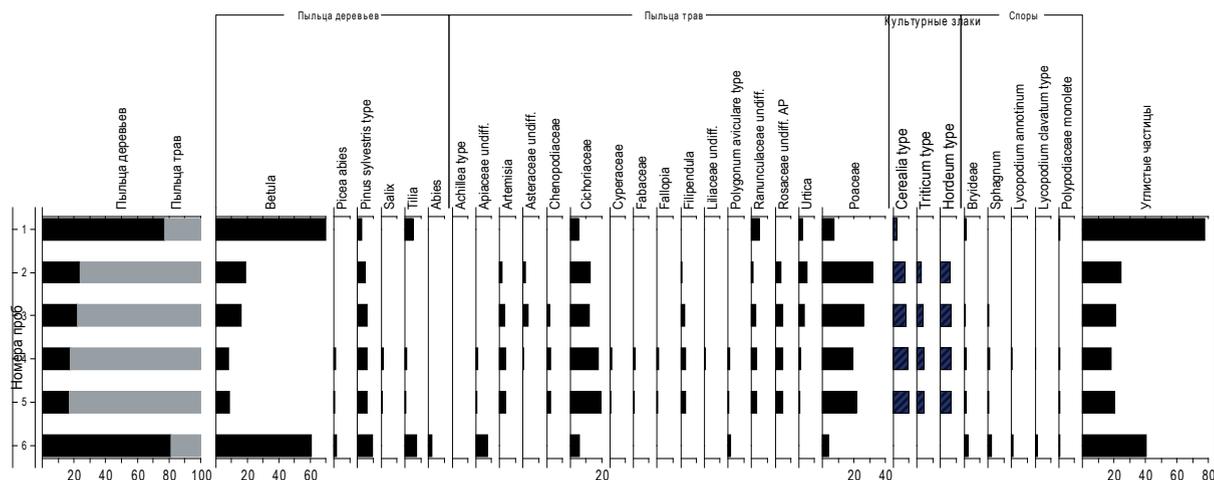

Рис. 1. Состав пыльцы и спор из культурного слоя городища Ярковское-1

Из шести исследованных проб (рис. 1) пыльца культурных злаков обнаружена в значительном количестве (17-19%) только в заполнении ямы, в пробе из межжилищного пространства — единично, в одной пробе под ямой отсутствовала. В ряде случаев по микроструктуре поверхности зерна [Beug, 2004] идентифицированы пыльцевые зерна *Triticum type* (пшеница) и *Hordeum type* (ячмень); тип пыльцы *Hordeum type* преобладал (6-7%). Пробы из ямы содержали наибольшее количество пыльцы трав (злаков, цикориевых, розоцветных). Пыльца сорняков (маревые, крапива) встречена в небольшом количестве, но важно отметить присутствие пыльцы *Fallopia* sp., учитывая находку семян гречишки вьюнковой в составе макроостатков — это наиболее вероятный сорняк посевов. В пробах не связанных с заполнением ямы содержится около 80% пыльцы древесных пород (преимущественно березы и липы), кардинально изменяется состав пыльцы трав и встречено много углей. Во всех пробах сохранность пыльцы была отличной, пробы из ямы изобиливали разнообразными формами фитоцитов, единичные экземпляры из них соответствовали по форме фитоцитам шелухи зерна ячменя *Hordeum vulgare* L. [Гольева, 2001].

На поселении Вахрушево-1, которое хорошо датируется по найденным с осыпающихся склонов находкам, отобраны пробы при зачистке стенок двух грабительских ям в центре по-

селения, поэтому соотнести их с объектами невозможно. Пыльца культурных злаков в обилии найдена в черно-коричневом суглинке (рис. 2. № 4), насыщенном мелкими фрагментами пережженной глины — остатками чумалов (до XII-XIV вв. чумалы в Тобольском Прииртышье не встречались) и в слое полуразложившегося навоза (№ 8-9). Из-за плохой сохранности точно идентифицировать большую часть пыльцы злаков затруднительно. В слое с навозом преобладала пыльца *Hordeum type*, достаточно много встречалось пыльцы *Triticum type* и единично встречена пыльца *Secale cereale* L. (рожь). В слое навоза редуцирована группа древесной пыльцы, встречено много пыльцы дикорастущих злаков и единично гречишки — вероятных сорняков посевов. В остальных пробах хорошо охарактеризован состав фоновой растительности вокруг поселения, в них преобладает пыльца древесных пород (березы, сосны и липы), всегда присутствует крапива и много углей.

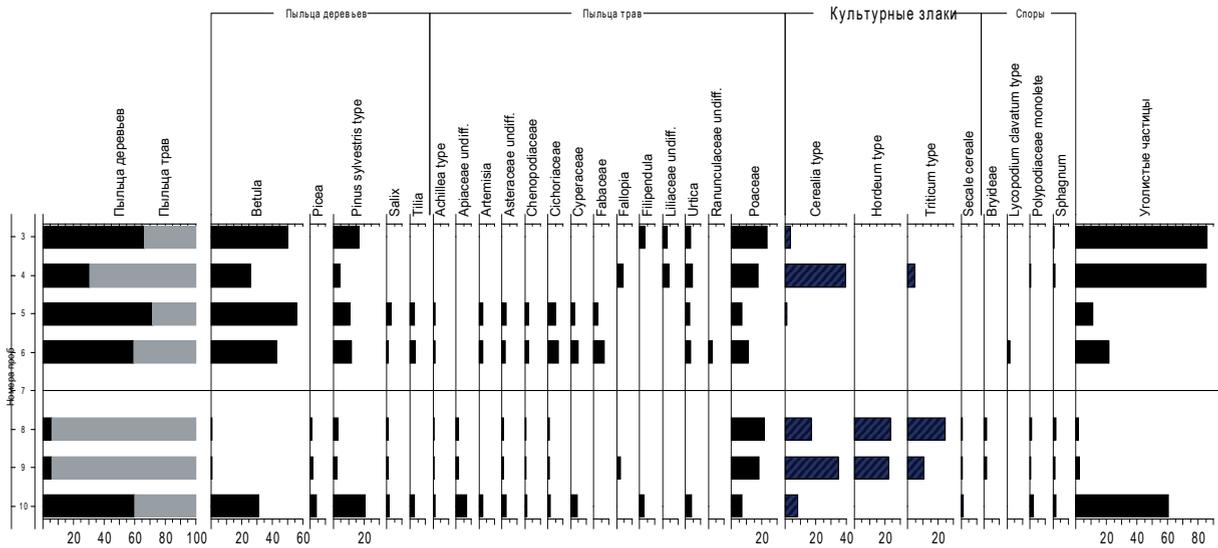

Рис. 2. Состав пыльцы и спор из культурного слоя поселения Вахрушево-1

Обнаруженное скопление зерен по видовому, количественному составу и степени очистки, вероятно, является скоплением фуражного зерна, что подтверждается и его локализацией в яме с навозом. Насыщенность пыльцой культурных злаков, ее состав и сохранность в слоях с навозом показывает перспективность исследования подобных отложений для аргументации древнего земледелия. Однако интересно, что по палинологическим данным соотношение пшеницы и ячменя не существенно отличалось, и обнаружена пыльца ржи, хотя не было найдено пыльцы *Avena type* (овес).

По таксономическому составу остатков культурных злаков (ячмень, пшеница и овес) находка зерен сопоставима с образцами из других средневековых памятников Предуралья: Запоселье-1 в Пермском крае, Иднакар в Прикамье [Лебедева, 2014; Туганаев, 2001]. По данным Е.Ю. Лебедевой в Запоселье-1 одно из трех обнаруженных зерновых скоплений на 98% состоит из ячменя, кроме того, обнаружены зерна пшеницы, овса и ржи, однако там зерновки пленчатого ячменя были очищены не только от сорных семян, но и от чешуй. Аналогичный состав культурных растений (ячмень, овес, пшеница и горох) был обнаружен при изучении археоботанических остатков из средневековых могильников XIII-XIV вв. н.э. [Косинцев, 2002].

Таким образом, археологические и археоботанические факты свидетельствуют о существовании в Тобольском Прииртышье в XII-XIV вв. пашенного земледелия с посевами ячменя, пшеницы, а также овса и ржи. Подобный состав культурных растений характерен для средневековых памятников Предуралья и ближайших регионов, отличие заключается в количественном соотношении выращиваемых культур.

Список литературы

1. Адамов А.А. Городища XII-XIV вв. в Тобольском Прииртышье // Тезисы XVII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции. Томск: ТГУ, 2016.
2. Адамов А.А. Хронология городища Искер (анализ имеющихся материалов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. (в печати).
3. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Разведочные работы в устье реки Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2006 г.). Т. XII. Ч. I. Новосибирск, 2006. С. 242-248.
4. Адамов А.А., Балюнов И.В. Археологические исследования на Ярковоком городище // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 г. Новосибирск, 2011. Т. XVII. С. 124-126.
5. Беликова О.Б. Комплекс с палеорастительными остатками из таежного Причюлымья // Экология древних и современных обществ. Доклады конференции. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. Вып. 2. С. 104-109.
6. Зыков А.П. Земледелие сибирских татар в эпоху позднего средневековья (конец XIV-XVI вв.) // Уральский исторический вестник Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2013. № 2 (39). С. 137-144.
7. Кирюшин А.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул: Изд-во АГУ, 2003.
8. Косинцев П.А., Терехова Л.М., Корона О.М. Растительные продукты в погребальном обряде средневекового населения Сургутского Приобья. Северный Археологический конгресс. Тез. докл. Екатеринбург: Ханты-Мансийск, 2002. С. 170-172.
9. Лебедева Е.Ю. Археоботаническая коллекция из селища ломоватовской культуры Запоселье-1 в Пермском крае // Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера. Пермь: Перм. ГГПУ, 2014. С. 513-523.
10. Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1915. Вып. XXV. С. 1-43.
11. Сарапулов А.Н. Возникновение пашенного земледелия на территории Западного Урала в эпоху средневековья (по археологическим данным) // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2011. № 1 (15). С. 81-90.
12. Сарапулов А.Н. Пашенное земледелие в Пермском Предуралье: от инновации к культурной традиции // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2006. № 1. С. 130-135.
13. Сарапулов А.Н. Средневековые орудия для преработки зерна в Пермском Предуралье // Вестник ЧелГУ. 2013. № 18 (309). С. 5-11.
14. Туганаев В.В., Туганаев А.В. Городище Иднакар. IX-XIII вв. н.э.: агроэкологический обзор. Ижевск: Удмурт. Ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2001. 64 с.
15. Beug H.-J. Leitfaden der Pollenbestimmung für Mitteleuropa und angrenzende Gebiete. Publisher: Verlag Friedrich Pfeil, Munich, 2004. 542 p.

Н.П. Анисимов, Е.А. Окладникова

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Екатеринбург, Санкт-Петербург, Россия
okladnikova-ea@yandex.ru, nikolay.anisimov@mail.ru

АРКАИМ И ГИПОТЕЗА КАРГАЛИНСКОГО ПРОТОГОСУДАРСТВА

N.P. Anisimov, E.A. Okladnikova

A.I. Herzen Russian State Pedagogical University,
Yekaterinburg, Saint Petersburg, Russia

ARKAIM AND THE HYPOTHESIS OF KARGALY PROTOSTATE

ABSTRACT: this article is purely hypothetical. The purpose of the article is interpretation of the system of archeological monuments of the Southern Urals (Kargaly, Arkaim, Sintashta) as one of the important Bronze age mining centers of ancient Eurasia. The authors examine such a unique cultural monument of the Bronze age of Eurasia South as Arkaim as an element of a complex system of socio-economic interactions in the Kargali mining area. The main parts of this complex system were: 1) the copper ore production, 2) food production for miners of copper ore, 3) transport (trade) of copper ore. The Arkaim and the "Land of cities" in general is interpreted as the center of cattle breeding. Meat used to feed the Kargali miners bone, and that is more important, was used as a material for tunneling tool. Skins were used for clothing people who mined copper ore in Kalalah. Fat — for the lighting of tunnels. A series of unique monuments in the Southern Urals, including monuments of culture Sintashta, Arkaim, Kargaly are considered as evidence for the existence of a single copper mining and ranching complex from the Bronze age (III-II thousand BC). Social relations and the system of social power in this ancient metallurgical center can be reconstructed with the help of the stategenesis theory. On the basis of the stategenesis theory can also be assumed that the Kargaly were not only production center of metal in the Bronze age, but one of the forms protostate (pre-state) systems of social control over the large groups of people who were engaged in different but interrelated economic activities.

Интерпретация Аркаима как культового центра [Зданович, 1997, с. 47-62] или одного из древнейших городов на границе лесной и степной зон Евразии [Зданович, 2007] удовлетворяла не всех, кто посетил этот памятник и пытался мысленно соотнести его функцию с климатом, ландшафтом, а также с системой хозяйственной и социальной жизни его обитателей. Н.П. Анисимов высказал гипотезу о том, что Аркаим является крупным скотным двором (кардой) [Анисимов, 2015, с. 74]. Для подтверждения версии карды как стационарного загона для скота ограничимся списком артефактов, относящихся к архитектурному контексту темы: колодцы, печи, столбовые ямки, земляные валы, жилищные провалы, могильники и гидрологические особенности зауральского пенеплена — вот арсенал аргументов, участвующий в построении версии, альтернативной «укрепленному поселению». Функциональным аналогами Аркаиму могут быть памятники в Сарым-Саклы, Ольгино и комплекс укрепленных поселений Исинеи.

Выращенный там скот использовали для пропитания людей, которые работали на Каргалинских медных рудниках, работы на которых производились по определенному технологическому графику [Анисимов, 2015, с. 124], что может рассматриваться как сложная система социально-экономических взаимодействий. Элементами этой системы в хозяйственном плане были: 1) производство руды, 2) производство продуктов питания для добытчиков медной руды, 3) транспортировка (торговля) добытой руды. Каргалинская агломерация в своем круге (до миллиона квадратных километров) торговой экспансии, географически находясь на периферии распространения срубной и ямно-полтавкинской культур, располагаясь на северо-восточной окраине Циркумпонтийского мира, теоретически могла быть и сырьевым придатком, и крупнейшим геополитическим центром влияния на севере Евразии. Медный путь был одним из наиболее древних торговых путей, связывавших восток и запад Евразии. Более поздними его аналогами были Лазуритовый, нефритовый, а, затем, и Фарфоровый, Шелковый и Чайный пути [Окладникова, 2015, с. 156-162]. По медному

пути медь могла доставляться через Кавказский мост контактов в Причерноморье и Прикарпатье. Известно, что обратно на восток по древним торговым путям проникали технические инновации, люди, владевшие технологиями, предметы роскоши, а также осуществлялся обмен символическими представлениями [Окладникова, 2015, с. 153-214].

Парадоксально, но возникновение Каргалинской протогосударственной структуры заключалось в успешной интеграции серии производств на фоне «антагонизма природных систем». Иными словами, нехватка качеств одной экосистемы перекрывалась путем освоения соседних систем, имевших избыточное количество прежде недостающих свойств. Подобных взаимоисключающих природных факторов, очевидно, не возникало ни на территориях европейской части, ни в районах «карманных» рудников Урала.

С точки зрения организации социальных отношений и управления, эта система может быть описана как одна из форм протогосударственности или ранней государственности [Claessen, Skalnik, 1978]. Теория политогенеза разрабатывалась еще Ф. Энгельсом, а в нашу эпоху Х.Дж.М. Классе-ном, П. Скальником, Р. Карнейро, Л.Е. Грининым, А.В. Коротаевым, Н.Н. Крадиным. Каргалинская система социально-экономических отношений (XXII-XVII вв. до н. э.) могла быть организована далекими от государственных форм управления способами. В большинстве догосударственных социумов потребность в систематическом профессиональном управлении была слабой и отсутствовала. Функции центральной власти вполне могли осуществляться различными альтернативными подсистемами. Нередко крупные хозяйственные работы (например, ирригационные) велись самостоятельно сельскими общинами без участия вождей или иных правителей [Claessen, 2004, р. 79; Leach, 1970]. Правители в этой культуре, вероятно, были, о чем свидетельствуют погребения [Большой Синташтинский курган]. Для описания археологического феномена протогосударство (или альтернативное раннее государство) исследователями выбирались различные категории данных для анализа: крупные общественно-культурные сооружения; численно крупные поселения (количество жителей); наличие предметов неутилитарного, но престижного потребления; иерархия поселений по размеру, создание условий для воспроизводства хозяйства, там, где требовалась координация общих усилий [Гринин, 2012, с. 9-99].

Если рассматривать Каргалы как с позиций теории политогенеза, то его возникновение могло быть стимулировано возникновением спроса на медь, как важного сырья для индустрии андроновской культуры южного Урала. В силу того, что мы не имеем достаточных данных [Саутхолл, 2000] для описания догосударственного образования Каргалы, мы остановимся только на таких параметрах как организация взаимодействия металлодобывающего, скотоводческого и торговобьтового комплекса. Принимая во внимание факт сложного взаимодействия производственных подразделений внутри Каргалинской догосударственной формации, следует обратить внимание на механизм регулирования металлопроизводящего процесса. Совершенно очевидно, что трехчастная Каргалинская структура с охватом территорий до 300 тыс. кв. км и одновременным противостоянием менталитетов степняка-скотовода, горняка и металлурга не могла эффективно функционировать сколько-нибудь продолжительное время без централизованного управления. Очевиден и тот факт, что импульс запуска взаимоотношений и постоянный контроль над разнородными в хозяйственном плане процессами, предполагали некую систему организации и управления (рис. 1). В работе, посвященной публикации памятника Каргалы Е.Н. Черных и его соавторы писали: «Судя по ряду признаков, эксплуатация Каргалинских меднорудных залежей продолжалась непрерывно в течение двух тысячелетий, по существу всей длительной эпохи бронзы, по-видимому, вплоть до второй половины или же последней четверти второго тыс. до н. э. ... Период эксплуатации рудников завершился совершенно внезапно, полным и потому труднообъяснимым исходом древних горняков и металлургов с Каргалов» [Черных и др., 2002, с. 39].

Деградация коснулась и профессиональных навыков длительной работы в подземельях, метода поиска рудных тел, шликерного метода проведения вскрышных работ и множества других нюансов, определявших культуру горного дела. Утеря навыков проведения горнопроходческих работ далее проявляется в небрежности отсыпки отвалов пустой породы, к примеру, на руднике Воровская Яма, в хищнической выборке незначительного фрагмента рудной жилы на рудопрояв-

лении Змеиные Ямки и, что самое важное, в не возвращении на рудные поля Каргалов. В последующие времена, вплоть до XVIII в., как свидетельствует археология, масштабная добыча меди на Каргалах не возобновлялась. Вероятнее всего потому, что на территории в сотни тысяч квадратных километров без централизации власти невозможно воплощение трехчастной структуры производства. Только полиструктура позволяла вести эффективную добычу каргалинской руды. Сама же идея производственной централизации, замещенная принципом множественности так называемых карманных рудников (Воровская яма, Змеиные ямки, Гумешки и т. д.), принадлежащих локальным племенным группам и относящимся уже к общностям других, более поздних культур, распространялась по медным месторождениям Урала на север от Каргалов и во время процветания и после исчезновения феномена.

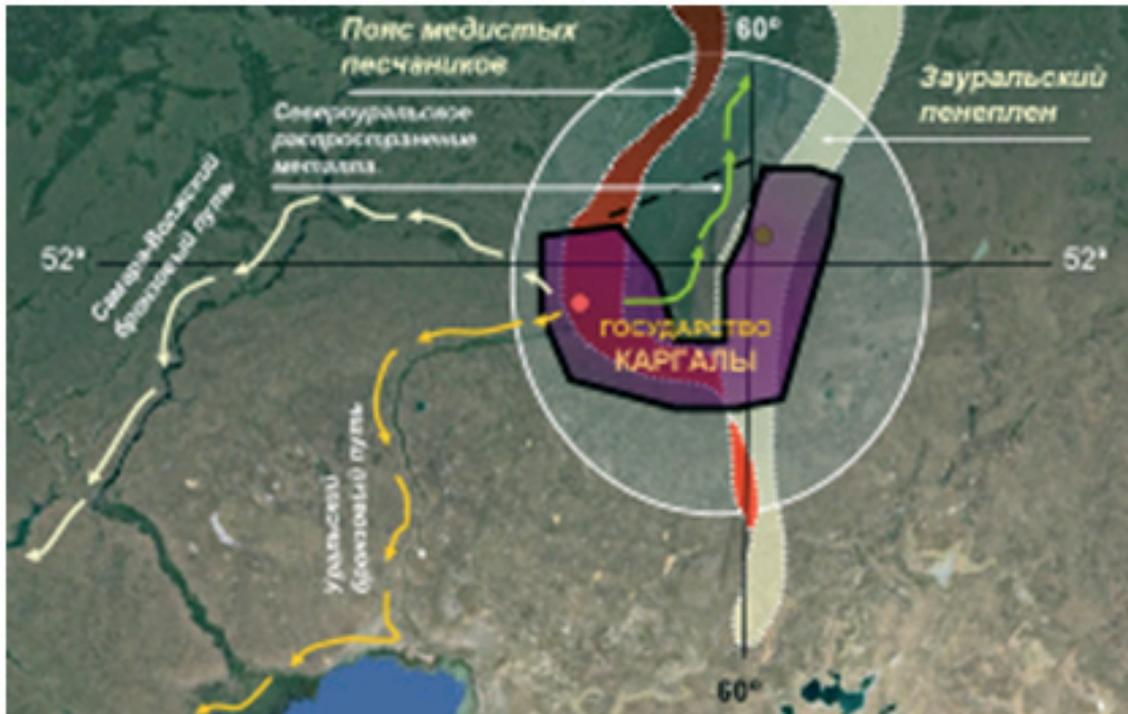

Рис. 1. Географическое положение протогосударства Каргалы

Вопрос о гибели протогосударства Каргалы пока остается открытым. Можно только предположить, что прекращение добычи медной руды произошло стремительно по меркам исторического времени, но не от воздействия внешних, военных или социально-политических обстоятельств, а в результате трагических событий внутреннего порядка. Возможно, что вероятной причиной угасания протогосударства Каргалы стал разрыв технологической цепочки, коллапс в одном из трех базовых элементов системы Каргалинского горнодобывающего комплекса: 1) кризис в скотоводческом комплексе, 2) как последствие кризиса — голод и эпидемия среди добытчиков медной руды, 3) проблемы в системе организации социальных связей и управления. Таким образом, серия уникальных памятников Синташтинской культуры на юге Урала могут быть рассмотрены под новым углом зрения, а именно как свидетельства существования единого медно-добывающего и скотоводческого комплекса эпохи бронзы. Время существования этого древнего Евразийского комплекса: III-II тыс. до н.э. На основании теории политогенеза может быть также сделано предположение, что Каргалы были не только центром добычи металла в эпоху бронзы, но одной форм протогосударственной системы социального управления больших групп людей, которые занимались разными, но хозяйственно взаимосвязанными видами деятельности. Именно эта взаимосвязь и была основой протогосударственной Каргалинской системы управления.

Список литературы

1. Анисимов Н.П. Аркаим, территория, карды, система расселения // «Homo Eurasicus» в системах социальных коммуникаций: колл. монография. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 35-67.
2. Большой Синташтинский курган // Электронный ресурс: <http://scibook.net/alternativnaya-istoriya-knigi/bolshoy-sintashtinskiy-kurgan-24730.html> — Дата обращения 23.03.2016.
3. Гринин Л.Е. Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ // Ранние формы политических систем. СПб.: Наука, 2012. С. 9-99.
4. Зданович Г. Б. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // Российская археология. 1997. № 2. С. 47-62.
5. Зданович Г. Б. Аркаим — Страна городов: пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований) / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина — Челябинск: Изд-во Крокус; Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. 260 с.
6. Окладникова Е.А. Культурные контакты древней Евразии: виды и артефакты // «Homo Eurasicus» в системах социальных коммуникаций: колл. моногр. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 153-214.
7. Саутхолл Э. О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. 368 с.
8. Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю., Кузьминых С.В., Лунькова В.Ю., Горожанин В.М., Горожанина Е.Н., Овчинников В.В., Пучков В.Н. Каргалы. Т. 1. М.: Наука, 2002. 319 с.
9. Claessen H.J.M. Was the State Inevitable? Analogues / eds. L.E. Grinin, R.L. Carneiro, D.M. Bondarenko, N.N. Kradin, A.V. Korotayev. Volgograd: Uchitel, 2004. P. 72-87.
10. Claessen H.J.M., Skalnik P. The Early State. The Hague: Mouton, 1978. 640 p.
11. Leach E.R. Political Systems of Highland Burma. Boston: Beacon Press, 1970.

И.В. Балюнов

Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия
balyunoff@mail.ru

ПАМЯТНИКИ ОСВОЕНИЯ РУССКИМ НАСЕЛЕНИЕМ ТОБОЛЬСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ: КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

I.V. Balyunov

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

MONUMENTS OF COLONIZATION OF THE TOBOLSK IRTYSH REGION BY RUSSIAN SETTLERS: BRIEF DESCRIPTION OF ARCHAEOLOGICAL MATERIALS

ABSTRACT: The aim of the article is to make an overview of the study of archaeological monuments of the Tobolsk Irtysh Region and create a brief description of archaeological materials that were obtained. The basic method of work is a description of archaeological sites through their classification. The results of the work provided a brief overview of the archaeological research of monuments of Russian population of the Tobolsk town and its surroundings. There the first settlers of the Urals were at the beginning of the formation of a new life support culture, which later developed actively enough. Initially, there were Cossacks, who lived for a short time in the capital of the Siberian Khanate. There are archaeological materials testifying it. Later the fort was built, which gave rise to the

town of Tobolsk. The fort was not found during archaeological excavations. Soon Tobolsk became the administrative and economic center. A large number of archaeological objects have been found in Tobolsk. In the vicinity of Tobolsk rural settlements were created which were studied by archaeologists. Archaeological material was obtained during the excavation of two rural monasteries and several villages. Conclusion: On the territory of the Tobolsk Irtysh Region there are archaeological sites, the study of which provides valuable information about the Russian population in the XVI-XIX centuries.

Тобольское Прииртышье является центральным регионом для начала и развития процесса русского освоения сибирских земель, что находит подтверждение как в письменных, так и в картографических источниках. Политические события, связанные с историей падения Сибирского ханства, определили то, что именно здесь первые переселенцы за Урал оказались у истоков формирования новой культуры жизнеобеспечения, которая в дальнейшем достаточно активно развивалась. Кроме того, что территориально Тобольское Прииртышье было освоено русскими раньше, здесь и плотность населения была существенно выше, чем в других сибирских землях. Эти факторы обусловили заметное разнообразие как самих памятников (поселения, острог, город, село, деревня), так и данных, полученных при их археологическом изучении, что достаточно ярко характеризует материальную и духовную культуру русского населения Западной Сибири конца XVI-XIX вв.

Освоение Тобольского Прииртышья происходило в несколько этапов: первоначально здесь в конце XVI в. появились казачьи отряды, которые проживали в условиях серьезной военной опасности. Археологических свидетельств их пребывания в Сибири найдено не столь уж много. Единственным обследованным памятником, который можно абсолютно уверенно связать с походом Ермака, является городище Искер — столица Сибирского ханства, где, как считается, несколько лет провела его дружина. Насколько можно судить по рисункам М.С. Знаменского, находкам, сделанным В.Н. Пигнатти, А.П. Зыковым, А.А. Адамовым, здесь в значительном количестве были оставлены вещи явно русского происхождения: кресты, монеты, фрагменты стволов пищалей, пулелейка, свинцовые пули [Могильников, 2002, с. 79].

Через два года после завершения похода Ермака в 1587 г. был основан город Тобольск. Он, во-первых, явился неким правопреемником Искера, а во-вторых, стоял в тот период времени на основных путях, соединяющих сразу три направления — запад, север и юго-восток. Согласно письменным источникам, существовавшая военная угроза определила то, что русское поселение начиналось здесь с небольшого военного острога, расположенного на высоком участке правого берега р. Иртыш — восточной части Троицкого мыса. Однако проведенные археологические исследования пока не позволили определить его месторасположение сколько-нибудь точно, хотя на указанном месте раскопы закладывались неоднократно.

Тобольский острог уже в конце XVI в. был перестроен и получил статус города, который активно развивался, что привело к заметному расширению его границ. В настоящее время «историческая часть» включает в себя несколько археологических участков и объектов: Тобольский кремль — некий преемник первого острога — военно-оборонительное сооружение, на территории которого проживали представители светской и духовной власти; Городской посад, располагавшийся как в верхнем, так и в нижнем городе; Христианские кладбища, располагавшиеся в черте города вокруг приходских церквей с конца XVI до 70-х гг. XVIII вв. Эти и другие объекты неоднократно исследовались во время работ, проводимых преимущественно в начале XXI в. [Адамов и др., 2008, с. 25-27; Аношко, 2014]. Кроме того, был получен предметный комплекс, представленный обломками гончарной посуды, изделиями из кожи, железа, кости, глины, стекла. Эти данные позволяют достаточно полно реконструировать материальную духовную культуру русского населения жителей Тобольска.

Экономические и культурные факторы достаточно быстро приводят к тому, что русское население, оказавшись на территории, прилегающей к пойме Иртыша, начинает активно обрабатывать землю, и рядом с Тобольском возникает множество сельских поселений, и город становится в XVII в. центром крупного земледельческого района Западной Сибири. Таким образом, формируется комплекс населенных пунктов, объединенных административными, экономическими и культурными связями. Сельские поселения можно подразделить на деревни и села.

Село традиционно выступает как центр волости, что дополнительно подкреплено наличием церкви на территории, а, следовательно, оно имеет выше статус и большую площадь в сравнении с деревней. В Тобольском Прииртышье археологические исследования проводились в с. Абалак и в с. Ивановском, причем эти работы были осуществлены на стадии подготовки местных монастырей к реставрации. В Абалакском Знаменском монастыре при обследовании объектов каменной архитектуры было выявлено крупное приходское кладбище, которое на основании ряда признаков можно уверенно датировать в границах XVII-XVIII вв. Значительная плотность погребений позволяет утверждать, что здесь хоронили многочисленных жителей окрестных деревень. Кроме этого, в культурном слое собрана интересная коллекция фрагментов гончарной посуды, изделий из железа и глины, цветных металлов, относящаяся к материальной культуре русского населения (преимущественно XVIII в.). Обнаруженное кладбище и предметный комплекс относятся ко времени, когда монастырь здесь еще не был создан [Данилов, 2012]. На территории Иоанно-Введенского монастыря в с. Ивановском при археологических исследованиях были обнаружены архитектурные объекты, а также выявлен склеп и надмогильная плита погребения Петра Дружинина — своего рода «элитное» погребение, которое никак не может быть соотнесено с приходским кладбищем [Загваздин, 2014].

Отдельную категорию сельских памятников в Тобольском Прииртышье образуют русские деревни. Согласно опубликованным Дозорным книгам XVII в. и чертежам С.У. Ремезова, в окрестностях города находилось большое количество такого рода поселений, но к настоящему времени выявлена и изучена только небольшая часть из общего числа. Наиболее ранний опыт их исследования был получен С.Г. Пархимовичем в 80-е гг. XX в. на Карачином острове близ Тобольска. Были изучены две полуземлянки и одно наземное жилище, где найдены останки гончарного горна, и, кроме этого, в материалах представлены немногочисленные находки [Пархимович, 1986, с. 140-142].

В 2006 г. тобольскими археологами в месте впадения речки Сибирки в р. Иртыш, были обнаружены остатки русской деревни Выходцева, существовавшей с начала XVII в. до конца XIX в. В этом месте на берегу Иртыша в его пойме была собрана коллекция предметов, представленная гончарной керамикой, медным нательным крестом, железными изделиями [Адамов и др., 2006, с. 244-247]. В 2007 г. под руководством П.Г. Данилова на месте поселения был заложен раскоп, где была собрана значительная коллекция находок изделий из железа, цветных металлов, керамики. В 2015 г. тобольские археологи произвели исследования на территории заброшенной деревни Яркова XVII — середины XX в. Здесь было изучено два детских погребения, которые авторы раскопок предварительно датировали концом XIX — началом XX в. [Данилов, Турова, 2015].

Совершив краткую характеристику археологических материалов, полученных при исследованиях памятников русского освоения Тобольского Прииртышья, можно отметить, что они существенно дополняют наши знания об историческом прошлом указанного региона, а кроме того, позволяют конкретизировать данные, содержащиеся в письменных и картографических источниках. Особо ценным, с определенными оговорками, является информация об особенностях и хронологических изменениях, происходивших в материальной культуре, хозяйственной жизни и погребальной обрядности русского населения с конца XVI-XIX вв. Кроме того, подобные исследования, очевидно, позволят определить устойчивые черты и отличия жизни казаков-первопроходцев, горожан, жителей местных сел и деревень.

Список литературы

1. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Разведочные работы в устье реки Сибирки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2006. Т. XII. Ч. I. С. 242-248.
2. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
3. Аношко О.М. Изучение культуры Сибирских первопроходцев по раскопкам в Тобольске // Присоединение Сибири к России: Новые данные материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2014. С. 11-15.

4. Данилов П.Г. Православный некрополь XVII-XVIII веков в селе Абалак Тобольского района: итоги и перспективы исследований // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. № 5. С. 209-220.
5. Данилов П.Г., Турова Н.П. Результаты археологических исследований деревни Яркова в Тобольском районе Тюменской области // Тобольск научный–2015: Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). 2015. С. 122-125.
6. Загваздин Е.П. Итоги археологических исследований в монастырях Тюменской области // Культура русских в археологических исследованиях. 2014. Т. 1. С. 158-163.
7. Могильников В.А. Археологические памятники сибирских татар XIV-XVI вв. в Тобольском Прииртышье // Тюрские народы. Материалы V-Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири», 2002. С. 78-82.
8. Пархимович С.Г. Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири (XVI–XVII вв.) // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986. С. 138-143.

О.П. Бачура

Институт экологии растений и животных УрО РАН,
Екатеринбург, Россия
olga@ipae.uran.ru

ВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ И СЕЗОНЫ ЗАБОЯ СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НАДЫМСКОГО ГОРОДКА В XVII-XVIII ВВ.

O.P. Bachura

Institute of Plant and Animal Ecology UB RAS,
Yekaterinburg, Russia

AGE STRUCTURE AND SLAUGHTER SEASONS OF REINDEER IN THE ECONOMIC ACTIVITY OF THE POPULATION OF THE NADYM TOWN IN THE VII-XVIII CENTURIES

ABSTRACT: Nadym is a town in Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, located on the Nadym River. This work describes the results of determination of age composition and seasons of reindeer slaughter at the end of the XVI — the beginning of the XVIII century. Determination of these parameters is based on analysis of growth layers in teeth of reindeer as well as on analysis of the dental system. It was shown that people slaughtered reindeer mainly in the autumn (October-November). It can be traced in ritual activity as well as in economic activity. Fewer reindeer were killed in summer months. Probably the population was living in the town mainly from autumn to mid-spring. Every summer most of the population left the settlement with reindeer herds and went to the north of the tundra. Probably for food purposes people killed reindeer aged from 1 to 4. For ritual purposes people killed animals aged from six months to 1 year. There were few animals aged from 4 to 8. Perhaps reindeer over the age of 4 were used for transport purposes. The prevalence of certain age groups among the slaughtered animals indicates that the population of the Nadym town at the end of the XVI century had quite numerous domestic reindeer herds.

Северный олень в прошлом, как и в настоящее время, занимал ключевое место в хозяйственной деятельности населения Севера. Широкие временные рамки существования Надымского городка и богатая коллекция костных остатков дают возможность охарактеризовать его роль в хозяйственной деятельности аборигенного населения [Косинцев и др., 2001; Косинцев, Лобанова,

2005; Кардаш, 200], опираясь на время (сезон) гибели и возрастной состав особей в каждом из комплексов городка.

Археологический памятник Надымский городок находится в Ямало-Ненецком автономном округе, в самом устье р. Оби при слиянии ее с р. Надым [Кардаш, 2009]. В настоящей работе использованы материалы из раскопок 1998-2005 годов, которые датируются концом XVII — началом XVIII веков. Планировочная структура городка включала несколько функциональных площадок, на которых осуществлялась различная жизнедеятельность. В центре городка располагался жилой комплекс (ОЖК). На этой площадке отдельно выделена территория жилых построек, дом вождя и территория на границе с ритуальным комплексом [Кардаш, 2009]. Материалы из западной многофункциональной площадки (ЗМФП) большей частью уничтожены пожаром. Человеческая деятельность на ней была ограничена [Кардаш, 2009]. На северо-западной многофункциональной (СЗ МФП) площадке городка осуществлялась повседневная хозяйственная деятельность, а так же ряд праздников и ритуалов [Кардаш, 2009]. Южная многофункциональная площадка (ЮМФП) примыкала к той части жилого комплекса, где, предположительно, проживало автохтонное и наиболее привилегированное население Надымского городка [Кардаш, 2009]. Это было местом для проведения общественных мероприятий, религиозных обрядовых действий, в том числе и ритуальных жертвоприношений [Кардаш, 2009].

Определение возраста и времени гибели особей северного оленя производилось по росто-вым слоям в зубах [Клевезаль, 1988]. С помощью этого метода возможно определение возраста любой особи старше 1 года [McEwan, 1963; Reimers, Nodby, 1968; Miller, 1974; Клевезаль, Соколов, 1999]. Дополнительно для особей до 1-го года, а так же для зубов из челюстей с плохой сохранностью возраст определялся на основании состояния зубной системы [Акаевский, 1939; Bergerud, 1970; Miller, 1972] (табл. 2). **Определение времени (сезона) гибели особи производится** на основании состояния краевой линии в цементе или дентине [Reimers, Nodby, 1968; Miller, 1974]. Под сезонами понимаются их календарные сроки. Всего было проанализировано 118 зубов северного оленя.

Результаты. В жилых постройках ОЖК присутствуют особи, забитые в течение всего года, но преобладают особи забитые осенью (табл. 1). На основании двух методов определения возраста показано, что забивались животные разных возрастов, но преобладают особи в возрасте от 2-х до 3-х лет (табл. 2, 3).

В доме вождя присутствуют особи 2-4-х лет, забитые в осенние месяцы (табл. 2, 3). На участке, который примыкает к ритуальному комплексу, показали, что одна особь была забита зимой в возрасте 3-4-х лет. Другая особь была забита в начале осени в возрасте чуть больше одного года (табл. 1, 2). Третья особь была забита весной в возрасте 2-х лет.

Таблица 1

Количество особей северного оленя, погибших в разные сезоны года в Надымском городке

Комплекс		Месяцы			
		зима	весна	лето	осень
ЮМФП (ритуальный комплекс)			3		7
ЗМФП		1	2	1	6
СЗМФП		1		2	2
ОЖК	Постройки	3	2	3	10
	Дом вождя				4
	Граница с ритуальным комплексом	1	1		1
Всего	абс.	8	9	6	33
	%	12	16	12	60

На ритуальном комплексе ЮМФП основное количество особей северного оленя было забито осенью (табл. 1), остальные — весной. В данном комплексе преобладают молодые (до 2-х лет) особи, среди которых основное количество — это особи в возрасте до одного года (табл. 3). Среди

взрослых животных присутствуют в основном особи от 2-х до 4-х лет (табл. 2). На ЗМФП присутствуют особи в возрасте от 6 месяцев до 3-х лет, которые были забиты в течение всего года (табл. 1, 2). Преобладают животные забитые осенью (табл. 2). В комплексе СЗМФП присутствуют особи северного оленя, забитые в течение всего года (табл. 1). Возраст особей в этом комплексе от 6 месяцев до 3-х лет (табл. 2, 3).

Таблица 2

Возрастной состав особей северного оленя в Надымском городке на основании изучения регистрирующих структур в зубах

Комплекс		Возрастные группы, лет						
		1-2	2-3	3-4	4-5	5-6	более 2-х	более 8
ЮМФП (ритуальный комплекс)		2	3	2		2	1	
ЗМФП		2	3	2				
СЗМФП		2	3					
ОЖК	Постройки	2	10	1	2	1	1	1
	Дом вождя		3		1			
	Граница с ритуальным комплексом	1	1	1				
Всего	абс.	9	26	8	3	3	2	1
	%	19	49	13	6	6	4	2

Таблица 3

Возрастной состав особей северного оленя на основании состояния зубной системы

Комплекс		Возраст, мес.			
		6-9	9-18	18-22	Старше 22
ЮМФП (ритуальный комплекс)		8		1	2
ЗМФП		7	1		4
СЗМФП		4	2	1	6
ОЖК	Постройки	3		1	8
	Дом вождя	2	2	1	7
Всего	абс.	25	5	7	31
	%	37	7	10	46

Заключение. Таким образом, в конце XVII — начале XVIII веках в Надымском городке северного оленя забивали преимущественно в осенние месяцы (сентябре-ноябре) и меньше всего летом (табл. 1). Причем это прослеживается как на ритуальном, так и в оборонительно-жилом комплексе (табл. 1). Вероятно, население проживало на территории городка в основном с осени до середины весны, а летом большая часть его уходила со стадами северного оленя на север в тундру на летние пастбища. Об этом же свидетельствует видовой состав промысловых млекопитающих и птиц [Косинцев, 2006]. Ритуальные действия жители Надымского городка совершали преимущественно осенью, для чего использовали в основном особей от полугода до 1 года (табл. 2). Существовала выборочность забоя северного оленя по возрасту. Вероятно, для питания забивали в основном особей в возрасте от 1-х до 4-х лет (табл. 2), минимальную долю составляют особи в возрасте от 4-х до 8-ми лет. Олени в возрасте от 3-х до 9-ти лет являются верховыми, и их, как правило, не забивают [Ермолова, 1996]. Вероятно, и в Надымском городке северных оленей старше 4-х лет использовали для транспортных целей. Отбор особей для забоя определенного возраста возможен только в случае относительно многочисленного стада домашних северных оленей (Трудно себе представить избирательность забоя животных при охоте на диких северных оленей). Следовательно, уже в конце XVII века население Надымского городка и, вероятно, и все аборигенное население севера Западной Сибири содержали многочисленные стада домашних северных оленей.

Список литературы

1. Акаевский А.И. Анатомия северного оленя. Л., 1939. 327 с.
2. Ермолова Н.В. Верховой эвенкийский олень // Материалы полевых этнографических исследований. СПб., 1996. Вып. 3. С. 80-91.
3. Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI — первой трети XVIII веков // История и материальная культура. Екатеринбург: Нефтеюганск: Магеллан, 2009. 360 с.
4. Клевезаль Г.А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М.: Наука, 1988.
5. Клевезаль Г.А., Соколов А.А. Ретроспективная оценка состояния популяции новоземельских северных оленей (*Rangifer tarandus*) в период проведения ядерных испытаний // Зоол. журн. 1999. Т. 78. № 1. С. 102-111.
6. Косинцев П.А. Экология средневекового населения севера Западной Сибири. Источники. Екатеринбург; Салехард: Изд-во УрГУ, 2006. 271 с.
7. Косинцев П.А., Лобанова Т.В. Охота населения Надымского городка на млекопитающих в XVII-XVIII веках // Историческое краеведение Ямала. Омск, 2005. С. 12-22.
8. Косинцев П.А., Лобанова Т.В., Кардаш О.В. Костные остатки из постройки 8 Надымского городка // Самодийцы. Материалы IV Сибир. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2001. С. 129-131.
9. Bergerud A.T. Eruption of permanent premolars and molars for Newfoundland caribou // J. Wild. Manage. 1970. Vol. 34. № 4. P. 962-963.
10. McEwan E.H. Seasonal annuli in the cementum of the teeth of Barren Ground caribou // Can. J. of Zoology. 1963. Vol. 41. P. 111-113.
11. Miller F.L. Eruption and attrition of mandibular teeth in Barren-Cround caribou // J. Wild. Manage. 1972. Vol. 36. № 2. P. 606-619.
12. Miller F.L. Age determination of caribou by annulations in dental cementum // J. Wild. Manage. 1974. Vol. 38. № 1. P. 47-53.
13. Reimers E., Nordby Ø. Relationship between age and tooth cementum layers in Norwegian reindeer // J. Wild. Manage. 1968. Vol. 32. № 4. P. 957-961.

А.В. Борисов

Институт физико-химических и биологических проблем
почвоведения РАН, Пущино, Россия
a.v.borisovv@gmail.com

РАЗВИТИЕ ТЕРРАСНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ¹

А.В. Борисов

Institute Physicochemical and Biological Problems in Soil
Science RAS, Pushchino, Russia

DEVELOPMENT OF TERRACE AGRICULTURE IN MOUNTAINOUS DAGESTAN

ABSTRACT: A comprehensive study of ancient agricultural terraces of mountainous Dagestan was performed with the use of methods of soil science, archaeology, geography, landscape Geochemistry and GIS technologies. For the first time new data on the scope and history of agricultural development of mountainous areas were obtained. It was found that the total area of terraced fields reaches 1500 km². The lower boundary of terraced area is located at 900 m; the upper boundary in some areas is located at 2400 m. The main types of terraces were estimated. It was demonstrated that in the first place the

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 15-06-05763.

river floodplains and terraces, which did not require additional ground work, were used as agricultural plots. But suitable areas for creating terraces on the slopes began to reduce. First terraces were created on the lowlands in the northern slopes where the most fertile soil existed. In these places, the upper fertile soil was cut off and horizontal step on the slope was created. Later during the annual plowing, a small plot adjacent to the edges of terrace was plowed, resulting in increased length of terraced fields. Simultaneously there was erosion of the terrace adjacent to the area where the soil was cut, causing a terrace to grow. At a later stage the steepest southern slopes that were particularly susceptible to erosion were terraced. Presumably, the greatest population pressure occurred in the first half of the 20th century when all slopes were terraced. As a result, the mountainous Dagestan had a unique landscape, where the whole surface, except badlands, was covered by terraces.

Становление земледелия в горном Дагестане, вероятно, следует связывать с эпохой неолита. Именно в этот период в культурных слоях памятников появляются зернотерки [Марковин, Мунчаев, 1957, с. 47]. В энеолите, если судить по материалам Гинчинского поселения, земледельческо-скотоводческое направление составляло уже основу экономики [Котович, 1965, с. 5-13]. Но, вероятнее всего, земледельческому освоению в тот период подвергались участки с ровной горизонтальной поверхностью, не требовавшие дополнительных агротехнических мероприятий и обладающие высоким плодородием, в первую очередь, поймы рек и речные террасы [Гаджиев, 1980, с. 7-9].

Качественные изменения в развитии земледелия в Дагестане произошли в эпоху бронзы, когда население вышло за пределы речных долин и освоило практически все природные зоны региона [История Дагестана, 1967, с. 42-44, 54-56]. Земледелие в этот период охватило территории, где в силу повсеместного распространения склонов, распашка была невозможна. Принято считать, что именно в этот период появились первые террасы [Агларов, 1964, с. 177-180; 1979, с. 12; 2007, с. 1-16]. Но наиболее твердо установленной на сегодняшний день является дата уже развитого террасного земледелия в Дагестане — рубеж II-I тыс. до н.э. [Котович, 1965, с. 286]. После раскопок Верхнегунибского поселения, когда было доказано, что окружающие поселение поля синхронны памятнику, эта точка зрения стала преобладающей [Котович, 1965, с. 216].

По мнению Х.А. Амирханова, накопление информации о вегетационных особенностях дикорастущих предков пшеницы и ячменя позволило неолитическому населению довольно легко перейти к их воспроизводству [Амирханов, 1983, с. 56-57]. Для выращивания этих растений достаточно было лишь расчистить поле и разрыхлить верхний слой почвы с помощью самых примитивных орудий. Но в условиях повсеместного распространения склонов даже эти незначительные по своим масштабам действия обуславливали перемещение части почвенного материала с верхних участков поля на нижние и накопление мелкозема у нижнего края поля. При многократном повторении это приводило к формированию террас (Амирханов, 1983, с. 56). Вероятно, в какой-то момент древние земледельцы отметили тот факт, что на подобных террасах растения растут лучше и дают больший урожай, так как значительно снижается скорость эрозии. С этого времени террасирование проводилось уже как сознательный агротехнический прием, в результате чего к началу исторического времени горный Дагестан стал одним из мировых центров террасного земледелия.

Следует отметить, что до настоящего времени террасы горного Дагестана привлекали внимание лишь с этнографической точки зрения и долгое время оставались за полем зрения специалистов в области археологии и естественнонаучных дисциплин. В данной статье приводятся первые результаты изучения эволюции террасного земледелия в горном Дагестане.

В ходе изучения свойств почв терраса установлены хронологические особенности создания и функционирования террасных комплексов. Показано, что в первую очередь осваивались пологие участки пойм и речных террас. Здесь создавались террасы как естественный результат аккумуляции мелкозема на нижней границе пахоты.

Следующими по привлекательности для древних земледельцев объектами являются участки с естественными предпосылками для земледелия в виде минимальной эрозионной опасностью и наличия наиболее плодородных почв. Такие участки приурочены к аккумулятивным отрицательным элементам склонов — западинам, потяжинам, древним оползневым формам где создавались условия для накопления эрозионного материала и где плодородие почв было максимальным. В этих участках создались насыпные террасы, которые быстро развивались вследствие дополнительного поступления эрозионного материала.

Этапы формирования террасы можно представить следующим образом. На первом этапе в наиболее благоприятном для земледелия участке склона устраивались насыпные террасы. Для

этого срезался верхний слой почвы до материка и из этого материала формировалась горизонтальная ступенька. Этим объясняется довольно значительное расстояние между террасами на склоне: для создания изначальной горизонтальной террасы оптимальной площади было необходимо срезать грунт на довольно большом участке, до 10 м и более в направлении вдоль склона.

Таким образом, на момент создания терраса представляла собой горизонтальную ступеньку, к которой сверху прилегал обширный участок, лишенный плодородного слоя. В этом месте материк припахивался и создавались условия для очень активного размыва почвообразующей породы и вовлечения материкового грунта в пахотный слой. Очевидно, почвы этого участка обладали весьма низким плодородием, и требовали непременно внесения удобрений, что объясняет обилие керамики, печины, мелких камней и бытового мусора именно в этой зоне. Постепенно грунт с верхней части террасного полотна перемещался вниз и откладывался в центральной и нижней части террасы. Кроме того, вдоль верхней границы террасного полотна при вспашке зачастую специально делается несколько проходов плугом по одной борозде [Агларов, 1964, с. 180], что способствует уменьшению угла наклона террасы и быстрому приобретению террасой горизонтальной поверхности. В результате активного размыва и распашки материка в верхней части террасы поверхность террасного полотна приближалась к горизонтальной, а сама терраса приобретала равновесное состояние. В условиях равновесного состояния потеря грунта за счет размыва откоса террасы компенсировалось поступлением грунта от размыва вышележащей террасы. В этих условиях увеличивается мощность пахотного слоя, а сама терраса смещается относительно своего исходного положения углубляясь тыловым швом в материк.

Таким образом в теле террасы предлагается выделять «насыпную» часть террасы, насыпное ядро, площадь которого была относительно небольшой. А далее увеличение площади террасы происходило за счет припахивания прилегающего к террасе участка целины. Таким образом большая часть террас, существующих в настоящее время, представляет собой комбинацию насыпных и напашных участков.

На сегодняшний день значительные площади горного Дагестана заняты исключительно напашными террасами. Как правило, это верхние части крутых склонов с почвами низкого бонитета и высокой эрозионной опасностью. К числу наиболее поздних относятся напашные террасы на выпуклых элементах рельефа (увалах, гривках и т.д.) и склонах южной экспозиции. В этих местах происходит наиболее активная эрозия, а почвы отличаются низкими плодородием [Борисов и др. 2012, с. 644-646; Борисов, Коробов, 2013, с. 194]. Предполагается, что распашку и террасирование этих участков могло инициировать лишь очень мощное демографическое давление в 30-40 годы XX века, когда стабилизировалась социально-политическая ситуация в регионе и начало развиваться здравоохранение и образование. В итоге постепенного многовекового освоения склонов, террасные поля горного Дагестана приобрели тот вид, который они имеют сейчас.

Таким образом, современные террасные поля горного Дагестана не следует рассматривать как результат единовременного преобразования ландшафта человеком, а в реконструкции этого процесса нельзя опираться только лишь на этнографические сведения. Практически полное земледельческое освоение всей территории, где имеется почвенный покров, — это следствие многовекового, в отдельных случаях — тысячелетнего, вовлечения в аграрное производство участков с почвами все более низкого бонитета, сопровождавшегося прогрессивной интенсификацией производства, ростом площадей и совершенствованием агротехники.

Список литературы

1. Агларов М.А. Дагестан — один из исходных центров мирового террасного земледелия // Вестник Дагестанского научного центра. 2007. № 28. С. 1-6.
2. Агларов М.А. Террасное земледелие в зоне доместикации растений // Хозяйство народов Дагестана в XIX-XX вв. Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР, 1979. С. 7-19.
3. Агларов М.А. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности // Ученые записки. Том XIII. Сер. историческая. Махачкала, 1964. С. 177-193.
4. Амирханов Х.А. Начало земледелия в Дагестане // Природа. 1983. № 2. С. 52-57.
5. Борисов А.В., Коробов Д.С., Симакова А.Н., Занина О.Г., Бухонов А.В., Демидов В.В. Древние земледельческие террасы Кисловодской котловины: история и развития почв современное состояние Почвоведение. 2012. № 6. С. 630-647.

6. Борисов А.В., Коробов Д.С. Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: итоги почвенно-археологических исследований. М.: Таус, 2013. 272 с.
7. Гаджиев М.Г. Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980. С. 7-14.
8. История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 42-44, 54-56.
9. Котович В.Г. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности // Советская археология. 1965. № 3. С 5-13.
10. Котович В.Г. О хозяйстве населения Дагестана в древности // СА. № 3. 1965. С. 5-13.
11. Котович В.М. Верхнегунибское поселение. Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР, 1965.
12. Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Неолитическая стоянка близ г. Буйнакса (Дагестан) // КСИИМК, 67, 1957. С. 78-82.

Е.В. Гладиллина¹

ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Россия
el.gladilina@gmail.com

РЫБОЛОВСТВО В ХЕРСОНЕСЕ В II-VI ВВ.: РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ КУХОННЫХ ОСТАТКОВ

E.V. Gladilina

State Museum-Preserve “Tauric Chersonese”, Russia

FISHERY IN THE II-VI CENTURIES CE IN CHERSONESE TAURICA: RECONSTRUCTION BASED ON COOKING DEBRIS

ABSTRACT: In this article some data are reported according to ichthyological materials which were taken from debris in the cistern of the Kruze basilica (2nd — 6th centuries CE) in the northeastern area of the Chersonese Taurica. A part of the material consists of 150 fragments of skeletal elements of large and medium-size fish specimens, whereas another part is small fish from sauce remains. In total, 13 species from 11 families were identified, 9 of them belong to marine species and 4 of them belong to freshwater species. The greatest number of identified fragments belonged to the turbot (62%), and fewer fragments belong to the thornback ray (17%) and sturgeons (9%). Partial examination of fish sauce remains showed three small marine species: the anchovy (the most of specimens), the sand smelt and the sprat.

Древний город Херсонес находился на берегу Черного моря в юго-западной части Крымского полуострова, на Гераклеийском полуострове. Его расположение уже предполагает, что рыба и рыбный промысел должны были играть важнейшую роль в жизни города, что подтверждает наличие большого количества рыбозасолочных цистерн и пифосов с остатками рыб. При этом исследования, посвященные вопросу, какую именно рыбу предпочитали употреблять херсонеситы, довольно скудны [Тихий, 1917; Семенов-Зусер, 1947; Белов, 1948; Kovalchuk and Klenina, 2015]. В данной работе представлены итоги обработки ихтиологического материала, обнаруженного в одной из многочисленных рыбозасолочных цистерн, расположенной в северо-восточном районе Херсонеса, под полом центрального нефа базилики «Крузе». Цистерна имела глубину 4,85 м, ее использовали в римское (позднеантичное) время (II-IV вв.), а также при возведении храма во эпоху правления Юстиниана I (V — начало-середина VI вв.) [Ушаков, 2014].

Обработано 150 фрагментов элементов скелета рыб. Они принадлежали средним и относительно крупным представителям хрящевых и костных рыб. Помимо этого обработана часть рыб-

¹ Автор выражает благодарность С.В. Ушакову за предоставленный материал, а также В.Ю. Ратникову и П.Е. Гольдину за помощь в обработке материала.

ной трухи, которая является остатком от рыбного соуса, в состав которой входили мелкие морские виды рыб. Всего определено 13 представителей из 11 семейств (не все экземпляры удалось идентифицировать до видовой принадлежности) (табл. 1). Наиболее многочисленны камбала-калкан (62% фрагментов из всех идентифицированных), скат морская лисица (17%) и осетровые (9%) (рис. 1). В том числе найдены позвонки редкой в настоящее время для Черного моря рыбы — тунца, а также фрагмент черепа родственного ему вида — пеламида, встречающейся в сегодняшние дни у берегов Гераклейского полуострова в некоторые годы в большом количестве. Морская ихтиофауна: морская лисица, анчоус, шпрот, кефаль, атерина, скорпена, тунец, пеламида, камбала-калкан; представлена более богато, чем пресноводная (осетровые, плотва, сазан, судак), 9:4 соответственно.

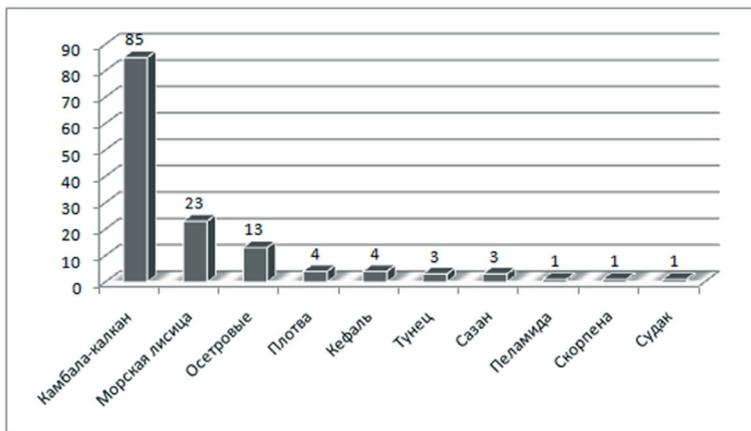

Рис. 1. Соотношение идентифицированных видов из цистерны Базилики «Крузе» (без учета рыбного соуса)

Особый интерес представляют остатки из рыбного соуса. Основную массу материала составляет анчоус, он же хамса. Но кроме него имеются также кости атерины и шпрота. Помимо остатков рыб, в усной трухе найдены позвонки мелких ящериц, которые вероятно падали в цистерну во время засолки.

Таблица 1

Видовой состав рыбных остатков из засыпи цистерны Базилики «Крузе»

Виды	Количество
Семейство Rajidae Goodrich, 1909 Морская лисица (<i>Raja clavata</i> Linnaeus, 1758)	23
Семейство Acipenseridae Bonaparte, 1831 Семейство Engraulidae Grill, 1861 Европейский анчоус (<i>Engraulis encrasicolus</i> (Linnaeus, 1758)	13
Семейство Clupeidae Cuvier, 1816 Шпрот европейский (<i>Sprattus sprattus</i> (Linnaeus, 1758)	соус
Семейство Cyprinidae Fleming, 1822 Обыкновенная плотва (<i>Rutilus rutilus</i> (Linnaeus, 1758)	соус
Сазан (<i>Cyprinus carpio</i> Linnaeus, 1758)	4
Семейство Mugilidae Bonaparte, 1831 Семейство Atherinidae Rosen, 1964 Атерина (<i>Atherina</i> sp.)	3
Семейство Scorpaenidae Risso, 1826 Скорпена черноморская (<i>Scorpaena porcus</i> Linnaeus, 1758)	4
Семейство Percidae Cuvier, 1816 Судак обыкновенный (<i>Sander lucioperca</i> (Linnaeus, 1758)	1
Семейство Scombridae Rafinesque, 1815 Тунец голубой (<i>Thunnus thynnus</i> (Linnaeus, 1758)	1
Пеламида атлантическая (<i>Sarda sarda</i> (Bloch, 1793)	3
Семейство Scophthalmidae Jordan, 1923 Камбала-калкан черноморская (<i>Psetta maeotica</i> (Pallas, 1814)	1
	85

В результате, даже на таком малочисленном материале удалось дать оценку разнообразия рыбных продуктов, употреблявшихся в пищу древними херсонеситам, которая наверняка еще далека от полной картины. Впервые показано, что при изготовлении знаменитого рыбного соуса — гарума, или как его еще называли гароса, гарона, наравне с анчоусом (хамсой), использовались и другие мелкие рыбы (атерина, шпрот). Дальнейшие исследования помогут дать ответы на многие вопросы о том, как именно осуществлялся рыбный промысел, какой рыбе и в каких случаях отдавалось предпочтение и многие другие.

Список литературы

1. Белов Г.Д. Херсонес Таврический: историко-археологический очерк. Л.: Государственный Эрмитаж, 1948. 147 с.
2. Семенов-Зусер С.А. Рыбный рынок в Херсонесе // Вестник древней истории. № 2 (20). М.-Л., 1947. С. 237-246.
3. Тихий М. Анчоус Херсонеса Таврического. Вестник рыбной промышленности. 1917. № 1-3, Пгр.
4. Ушаков С.В. Базилика «Крузе» в Херсонесе: новые исследования. Основные итоги // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2014. № 6. С. 64-83.
5. Kovalchuk O., Klenina E. An archeozoological survey of ichthyofauna from Byzantine Chersonesos // Материалы Международной научной конференции «Крым и северное побережье Черного моря в археологических исследованиях 1956-2013». Варшава, 2015. С. 25.

Д.А. Гурулев¹, В.М. Харевич²

¹Сибирский федеральный университет,

²Институт археологии и этнографии СО РАН,

Красноярск, Россия

pepel-ls@mail.ru, mihalich84@mail.ru

ЗАГОТОВКИ С ОББИВКОЙ УТОНЧЕНИЯ В КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЯХ ГОЛОЦЕНА СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ¹

D.A. Gurulev¹, V.M. Kharevich²

¹Siberian Federal University,

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,

Krasnoyarsk, Russia

THINNED PREFORMS FROM HOLOCENE STONE INDUSTRIES OF NORTHERN ANGARA REGION

The article describes the peculiar category of stone artifacts — thinned preforms found in the Northern Angara region. Earlier, in the studies dedicated to the stone industries, pieces of this type were not specially considered. Analyzed group of pieces was found at the Pashina, Ust'-Kova, Ust'-Kova I sites. Findings are dated to the Neolithic (Late Mesolithic?) — Bronze Age. Pieces are made mainly on flattened platy and parallelepiped-shaped blocks of raw materials or fragments of sedimentary rocks (aleurolite, sandstone). A characteristic feature of these pieces is very acute flaking. Given the differences in metric parameters we can suggest different purposes of the

¹ Публикация подготовлена в рамках научного проекта РГНФ № 16-11-24005.

blanks. Presumably, the pieces served as stadial form in the manufacture of various types of tools, particularly four-sided axes and adzes, bifaces, and others. According to the authors, this category of pieces demonstrates primary treatment of raw material blocks and preparation of preforms for various purposes by their thinning. The generality of the principles of treatment and serially of the pieces allow us to consider them as a separate category in the typological scheme of Holocene stone industries of the Northern Angara region.

В ходе активного археологического изучения Северного Приангарья в последнее десятилетие был получен колоссальный объем данных, позволивший по новому взглянуть на многие вопросы древней истории региона. Одной из актуальных проблем, на настоящее время, является выявление специфики каменных индустрий голоценового времени. Разработка данной проблематики на основе только типологического метода не может быть полноценной, что делает необходимым использование технологического анализа.

В ходе работы с материалами каменных индустрий стоянок Пашина [Гришин и др., 2016], Усть-Кова [Акимова и др., 2011], Усть-Кова I [Томилова и др., 2014] авторами была зафиксирована серия своеобразных изделий — преформ с первичной оббивкой утончения (рис. 1). Ранее, в археологических исследованиях Северного Приангарья, изделия данного типа специально не выделялись и не рассматривались. Более того, авторам не удалось обнаружить среди опубликованных материалов близких по морфологии изделий, что, вероятно, связано не с отсутствием аналогичных артефактов среди индустрий синхронных памятников, а с их «выпадением» из поля внимания исследователей как «малопредставительных». Этот же фактор, затрудняет поиск подобных предметов в коллекциях памятников сопредельных регионов.

Культурно–хронологическая атрибуция находок осложнена залеганием культурных слоев, рассматриваемых памятников, в пачке маломощных голоценовых отложений, с многочисленными антропогенными и естественными нарушениями, что, зачастую, затрудняет разделение материалов разновременных комплексов.

На основании стратиграфических данных и контекста нахождения, изделия с оббивкой утончения, на указанных памятниках, могут быть датированы в широких хронологических рамках неолита (позднего мезолита?) — бронзового века.

Всего в коллекциях указанных памятников, выделено 22 преформ с оббивкой утончения: Пашина — 12 экз., Усть-Кова — 5 экз., Усть-Кова I — 5 экз. Более половины (15 экз.) форм представлены обломками. В основной своей массе (18 экз.) изделия выполнены из осадочных пород алевролит–песчаного состава. В двух случаях в качестве сырья использовалась окремненная древесина, по одному — рисунчатый пестро окрашенный кремь и кремь по осадочной породе. При использовании осадочных пород исходными отдельностями выступали, преимущественно, неокатанные уплощенные блоки сырья в виде плиток или обломков. Два экземпляра изделий выполнены на массивных отщепах.

Форма и метрические параметры изделий варьируются, поперечное сечение близко к прямоугольному или трапециевидному. Общей чертой обработки изделий является односторонняя оббивка одной из сторон изделия мелкими разноразмерными сколами, покрывающими фас полностью. В зависимости от формы изделия обработка фаса производилась встречными сколами с двух противолежащих сторон, подперекрестными или радиальными центростремительными снятиями. Необработанный фас представляет собой, как правило, плоскую исходную грань отдельности либо плоскость разлома по трещине. Один экземпляр выполненный на отщепе обработан субпараллельной односторонней оббивкой частично покрывающий дорсальную поверхность. Двусторонняя попеременная обработка с переориентацией площадок отмечена только на одном изделии (рис. 1, 5).

Расположенные на торцовых гранях преформ ударные площадки для снятий по фасам подготавливались мелкой оббивкой со стороны обрабатываемой плоскости. Благодаря этому создавался оптимальный угол скалывания (45–70°) и выравнивался рельеф торцовых поверхностей. Подготовка площадок носила конкретно-ситуационный характер, так, на ряде изделий оббивка производилась как с подготовленных площадок, так и с необработанных естественных граней или с плоскостей поперечных разломов изделий.

Рис. 1. Заготовки с оббивкой утончения со стоянок Северного Приангарья: 1, 7–11 — Пашина (по: [Гришин, 2010; Гришин и др., 2016]); 2, 3, 6 — Усть-Кова; 4, 5 — Усть-Кова I

Предположительно, обработка части изделий могла производиться с использованием техники опосредованного удара (посредника), на что косвенно указывают точечное начало скалывающих и зубчатый абрис площадки, указывающие на малую площадь зоны контакта с «отбойником» и высокую степень контроля точки приложения силового импульса инициирующего образование скалывающей.

К особенностям обработки рассматриваемых изделий относится реализация снятий с «тупых» сплошных ударных площадок по плоским фасам. Это позволяло ориентировать скальвающие практически параллельно центральной плоскости формы и, соответственно, получать снятия максимальной длины. Контроль толщины сколов обивки производился смещением точки приложения силового импульса вглубь ударной площадки или ближе к ее краю. Данный прием технологически близок способу вторичного бифасиального утончения [Гиря, 1997, с. 154]. В то же время, использование плоских поверхностей зачастую приводило к формированию заломов и петлеобразных окончаний сколов. Удаление таких заломов производилось встречной, подперекрестной или радиальной оббивкой с нескольких площадок, в результате чего происходило равномерное уплощение одного из фасов и уменьшение толщины изделия практически без изменения ширины. Вероятно, использование описываемого метода обработки во многом обусловлено исходной уплощенной формой отдельностей осадочных пород и кремневой древесины (?), служивших заготовками. Учитывая различия в морфологии и метрических параметрах изделий, стоит предполагать, что они предназначены для производства различных категорий орудий, которые, при этом, идентичны по приемам первичной подготовки преформ.

Технологические контекстуальные связи рассматриваемых изделий с конечными формами, на настоящее время, не могут быть доподлинно установлены ввиду отсутствия известных изделий представляющих собой переходные типы. Использование аналогичной стелющейся оббивки отмечено на ряде изделий, обнаруженных в Северном Приангарье и интерпретируемых как ножи [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988, с. 53, табл. XXII, 14] и наконечники копий [Гришин и др., 2016, рис. 109, 4; 113, 2]. Гипотетически, рассматриваемые заготовки могли выступать в качестве стадийных форм в производстве бифасов, топоров и тесел с четырехгранным сечением, широко распространенных в каменных индустриях неолита — бронзового века региона. В первом случае, первично утонченные плитчатые формы с ровным рельефом фасов, при последующем формировании бифасиального ребра между ними, могли выступать в качестве преформы для дальнейшего вторичного утончения [Гиря, 1997, 153–154]. Косвенным подтверждением технологической связи изделий с оббивкой утончения с вышеописанными категориями орудий является идентичность использованного сырья — осадочных пород алевролит–песчаного состава, широко использованных в каменных индустриях региона.

Таким образом, рассматриваемая категория изделий, по мнению авторов, демонстрирует процесс первичной обработки отдельностей сырья и подготовки преформ различного целевого назначения посредством их унифасиального (преимущественно) утончения. Общность принципов обработки и серийная представленность изделий позволяют рассматривать их в качестве самостоятельной категории в типологической схеме каменных индустрий и говорить о специализированном технологическом приеме, распространенного в палеокультурах голоцена Северного Приангарья.

Список литературы

1. Акимова Е.В., Томилова Е.А., Горельченкова О.А., Кукса Е.Н., Махлаева Ю.М., Стасюк И.В., Харевич В.М. Раскопки многослойного поселения Усть-Кова в 2011 году (неолитические горизонты) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. XVII. С. 359–364.
2. Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск: Наука, 1988. 224 с.
3. Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-, макроанализа древних орудий труда. СПб.: ООО «АкадемПринт», 1997. Ч. 2. 198 с.
4. Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Гурулев Д.А., Шнайдер С.В., Кулик Н.А., Васильев С.К., Кербе Е.А. Стоянка Пашина в Северном Приангарье (исследования 2008–2009 гг.) / Труды Богучанской археологической экспедиции. Т. 2. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016 (в печати).
5. Гришин А.Е. Отчет о раскопках на многослойной стоянке Пашина и местонахождении Деревня Пашино в Кежемском районе Красноярского края в 2009 году: в 4 т. Новосибирск, 2010.

6. Томилова Е.А., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Махлаева Ю.М., Горельченкова О.А., Харевич В.М., Орешников И.А. Многослойная стоянка Усть-Кова I в Северном Приангарье: итоги исследований 2008–2011 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». Т. 8. С. 82–99.

М.М. Девяшин

Институт экологии растений и животных УрО РАН,
Екатеринбург, Россия
devjashinm@yandex.ru

КОСТНЫЕ ОСТАТКИ ЖИВОТНЫХ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ ЛОЖКА-6

М.М. Devyashin

Institute of Plant and Animal Ecology UB RAS,
Yekaterinburg, Russia

ANIMALS BONE REMAINS FROM THE ARCHEOLOGICAL EXCAVATION OF THE LOZHKA-6 SETTLEMENT

ABSTRACT: The article presents new paleozoological material from the Lozhka-6 settlement. That material allows to complete the description of economical activity of the Pahomovo population in the Bronze Age. It shows the leading role of the appropriative economy in the culture of this population.

Памятник Ложка-6 расположен в Барабинской лесостепи (Венгеровский район Новосибирской области) на надпойменной террасе южного берега озера Большая Ложка в окрестностях села Венгерово (районный центр). Его раскопки были проведены археологическим отрядом под руководством заведующего кафедры археологии ФИМО КемГУ, д.и.н. В.В. Боброва в 2010–2014 гг.

При описании материала определялись видовая принадлежность кости и элемент скелета; указывалось, какая часть этого элемента или целая кость; приросли или нет эпифизы (если это можно было установить); для челюстей указывалось состояние зубной системы. Большую часть костей из-за сильной фрагментированности определить до вида не удалось. Кости птиц единичны и их видовое определение не проводилось.

К «целым» костям отнесены все собственно целые кости; целые верхние и нижние концы и целые диафизы плечевой, лучевой, бедренной, берцовой и метоподиальных костей; целые суставные впадины лопатки и таза; целые зубные ряды верхних и нижних челюстей; целые тела позвонков; ребра, сохранившиеся более чем на половину, и локтевой отросток с суставной впадиной локтевой кости. Костные остатки распределены по толще культурного слоя относительно равномерно. Большинство костей (около 95%) — «сырые», имеется небольшое количество горелых и единично — прокаленных. Небольшое количество имеет следы разделки: порезы и порубы. Доля определимых до вида костей составляет 22,1%.

Крупный рогатый скот *Bos taurus*. Этому виду принадлежит наибольшее количество костей — 313 костей (табл. 1). Кости сильно раздроблены. В целые и условно целые кости составляют 14,7%. Среди отделов скелета преобладают кости туловища (20,9%) и конечностей (проксимальных частей — 25,7%; дистальных — 29,7%). Все это свидетельствует о том, что кости крупного рогатого скота являются типичными кухонными остатками. Мелкий рогатый скот *Ovis aries et Capra hircus*.

Этим двум видам принадлежит 124 костных остатка. 7 из них удалось идентифицировать до вида, и все они оказались принадлежащими овце. В материалах целые и условно целые кости составляют 26,6%. Среди отделов скелета преобладают кости проксимальных частей ног (45%) и относительно многочисленны кости туловища (25%). Это свидетельствует о том, что кости мелкого рогатого скота являются типичными кухонными остатками.

Лошадь *Equus caballus*. По количеству остатков этот вид занимает второе место — 284 кости (табл. 1). Доля целых и условно целых костей составляет в материалах 27%. Среди отделов скелета преобладают проксимальные кости конечностей (57,9%). Все это указывает на то, что костные остатки лошади представляют собой кухонные отбросы. Собака *Canis familiaris*. Этому виду принадлежит 3 кости минимально от 1 особи (табл. 1). Кости диких животных единичны (около 5% от определяемых костей) и принадлежат следующим видам: лосю (*Alces alces*), кабану (*Sus scrofa*), косуле (*Capreolus pygargus*), северному оленю (*Rangifer tarandus*), медведю (*Ursus arctos*), зайцу-беляку (*Lepus timidus*). Млекопитающие, ближе не определяемые — *Mammalia indet.* Все кости, отнесенные к этой категории, представляют собой мелкие фрагменты плоских и трубчатых костей крупных (не мельче собаки) млекопитающих. Вероятно, почти все они принадлежат копытным — мелкому и крупному рогатому скоту и лошади.

Сравнение видового состава млекопитающих из Ложки-6 с другими памятниками пахомовской культуры, можно отметить, что он очень близок к таковому поселения Большой Имбиряй-10 [Матвеев и др., 2009]. Ведущей отраслью хозяйства населения Ложки-6 являлось скотоводство.

Таблица 1

Видовой состав костных остатков

Вид	Годы раскопок				Объекты			
	2010	2011	2013	2014	Яма 29	Яма Г	Яма Ж	Скопление 1
Крупный рогатый скот	60	54	52	82	45	1	0	3
Мелкий рогатый скот	18	21	10	37	28	0	0	0
Лошадь	60	51	82	77	1	6	2	1
Кабан (<i>Sus sp.</i>)	1	0	0	1	0	0	0	0
Лось	7	2	11	6	0	0	0	0
Косуля	2	0	0	2	0	0	0	0
Заяц	0	2	0	0	0	0	0	0
Собака	3	0	0	0	0	0	0	0
Медведь	1	0	0	0	0	0	0	0
<i>Mammalia indet.</i>	473	493	585	906	66	9	11	22

Список литературы

1. Матвеев А.В., Костомаров В.М., Костомарова Ю.В. К характеристике хозяйственной деятельности носителей пахомовской культуры лесостепного Зауралья // Вестник Тюменского государственного университета. № 7. 2009. С. 3–14.

Н.А. Дубова, Р.М. Сатаев

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия
dubova_n@mail.ru, rob-sataev@mail.ru

**КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СИСТЕМ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНЫХ РАЙОНОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ
ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ ДО СОВРЕМЕННОСТИ**

N.A. Dubova, R.M. Sataev

N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology
and Anthropology RAS,
Moscow, Russia

**COMPREHENSIVE STUDY OF LIFE-SUPPORT SYSTEMS
OF THE POPULATIONS OF THE SOUTHERN DISTRICTS OF CENTRAL ASIA
FROM THE BRONZE AGE TO THE PRESENT DAY**

ABSTRACT: The article presents the most significant results of the interdisciplinary study of Gonur Depe, the Bronze Age site of Turkmenistan, and separate investigations of the medieval monuments of Turkmenistan, as well as field research among the Tajiks in Baljuvon and Parhar areas of Tajikistan (2012-2015) and among the Turkmen in Mary province. Based on the analysis of the structure of farmed and harvested animals and cultivated and used plants, different basic types of adaptation strategy to environmental conditions of life support systems are separated: the first type is not closely related to the conditions of natural areas (Gonur Depe, medieval Kyz-Kala in Ancient Merv) and the second type (New Nisa in the piedmont of Kopet Dagh) is implemented in strict dependence on well-defined climatic conditions and resources inherent in any geographical area. Another situation is demonstrated by Ephtalite cemetery Shakhidon in Tajikistan, where the widespread using of equids in a funeral ceremony reflects the nomadic traditions. Studied in the same regions (Bronze Age Altyn Depe, Gonur Depe in Turkmenistan; Buston VI in Uzbekistan; Kushan Ksirov and medieval Shakhidon in Tajikistan) rich paleoanthropological material showed that, despite the widespread individual diseases, the diachronic population demonstrates adaptation to the complex of environmental factors. Paleopathological data, skull and postcranial skeleton phenetics, as well as other systems of traits show that all the studied group of ancient people did not show manifestations of exclusion.

Одной из важных задач этнологии, археологии и палеоантропологии является изучение систем жизнеобеспечения и выявление факторов, влияющих на их локальное разнообразие, стабильность, устойчивое развитие и эволюцию. В центре внимания нашего коллектива находится именно система жизнеобеспечения в целом. Интегрирующую роль в проекте играют положения этноэкологической школы профессора В.И. Козлова, в том числе, принадлежащей ему трактовки концепции «систем жизнеобеспечения» [Козлов, 1983; Ямсков, 2009].

Основой проекта явились многолетние исследования, ведущиеся на известном памятнике эпохи бронзы Туркменистана Гонур Депе [Сарианиди, 1990, 2002; У истоков цивилизации, 2004; ТрМАЭ, 2008, 2012, 2014; На пути открытия цивилизации, 2010 и др.], отдельные разработки по средневековым памятникам юга Туркменистана — Древнего Мерва и Новой Нисы, а также полевые исследования среди таджиков Бальджуванского и Пархарского районов Таджикистана (2012-2015) и среди туркмен Марыйского вelayata (2009-2015)¹. Анализировались традиционные формы эксплуатации природно-территориальных комплексов, материальные и духовные аспекты животноводства, охоты, рыболовства, земледелия и эксплуатации естественных растительных ресурсов,

¹ Исследования проводились в рамках проекта РФФИ № 13-06-00235, РГНФ № 15-01-18064, а палеоантропологические — по проекту РГНФ № 16-01-00288.

роль животных и растений (и их дериватов) в ритуальной практике населения региона, отражению растительной символики в культурных традициях, взаимозависимость между отдельными компонентами системы жизнеобеспечения и особенностями физических показателей древнего, средневекового и современного населения (оценка «качества жизни»).

Представленный комплекс исследований дает возможность получить немало интересных результатов в каждой из перечисленных областей. Кроме того, изучение различных компонентов систем жизнеобеспечения в разные исторические эпохи позволит в дальнейшем разработать концепцию их стабильности, построить их классификацию для отдельных регионов, а также проанализировать эффективность разнообразных механизмов поддержания устойчивости систем для сохранения и развития культурного разнообразия.

Даже кратко охарактеризовать все полученные результаты в статье не представляется возможным. Приведем здесь наиболее интересные. Собранные на упомянутом туркменском памятнике Гонур-депе данные показывают, что на ранних этапах существования города (конец III тыс. до н.э.) орошение имело лиманный характер. Усиление аридизации в начале II тыс. до н.э., снижение уровня Мургаба и пересыхание ряда его многочисленных рукавов привело к переходу населения к ирригации. На территории города выявлена целая система водохранилищ (бассейны) и каналов, а также особое сооружение для очистки речной воды. Подробное исследование одного из каналов [Сатаев, 2008], а также данного фильтра выявило их близкое сходство с таковыми, традиционно используемыми современными жителями Средней Азии для орошения, водоотведения и водоочистки.

Анализ археоботанического материала на том же памятнике показал, что наиболее широко в эпоху бронзы были представлены те же культуры, которые выращиваются в регионе и в настоящее время: пленчатые и голозерные пшеницы, двурядный и шестирядный ячмень, просо, бобовые чечевица, нут и горох (мелкосемянная форма), садовые яблоня, алыча, слива, виноград, бахчевые — дыня, а также виноград. Сравнительно крупные размеры и общие пропорции зерен злаков свидетельствуют, что растения выращивались в условиях достаточного влагообеспечения.

Широко в качестве топлива, в строительстве и для изготовления изделий эксплуатировалась и древесная растительность [Сатаева, Сатаев, 2014; Sataev, Sataeva, 2014]. На мясо жители Гонура забивали мелкий (МРС) и крупный (КРС) рогатый скот. Хотя по количеству остатков лидирует МРС, по объему мясной продукции КРС не намного уступал, а в некоторых случаях и превосходил МРС. Верблюды и ослы выполняли функцию выючных и тягловых животных, собаки использовались для охраны стад и жилищ. В целом, можно констатировать, что развитие земледелия и животноводства определялось здесь не общими природно-климатическими условиями, а локальными условиями оазисной системы (где изменяются все климатические показатели). В свою очередь, функционирование последней было обусловлено сохранением на протяжении длительного времени стока р. Мургаб и существованием хранилищ воды. После высыхания древней дельты, местность пришла в запустение.

Изучение остатков животных из раскопок городища Кыз-Кала (XIII в., Древний Мерв) показывает, что по количеству костей здесь доминирует КРС (46,8%), ему заметно уступает МРС (26,4%) и лошадь (17,3%); отмечен верблюд (7,5%) и домашний осел (1,5%). Такое соотношение забиваемых на мясо животных достаточно высоким процентом лошади заметно отличается и от установленного для Гонура, и от фиксируемого на этнографических материалах. Поскольку климат в это время по аридности был близок к современному, можно предположить, что такой характер использования животных был обусловлен не природными, а социальными условиями (значительным внешним влиянием, т.к. на XIII в. приходятся монгольские завоевания).

В предгорной полосе Копетдага состав стада домашних животных в большей степени отвечал природно-климатическим условиям территории. Об этом свидетельствуют материалы памятника Новая Ниса (Ахальский велаят Туркменистана, раскопки В.Н. Пилипко), где со времени существования Парфянского царства до XVII в. включительно среди забиваемых животных почти

всегда доминирует МРС. Такая стратегия в области животноводства была здесь обусловлена сохранением традиций, которые оправдывали себя на протяжении предыдущих поколений, а также не резкими климатическими изменениями, имевшими место в этой части Южного Туркменистана. Исключение составляет материал XII–XIII вв., когда, как и в Мерве, среди забиваемых на мясо животных возрастает доля КРС и лошади, а также верблюда.

Другой характер использования животных, демонстрируют костные остатки из оставленного эфталитами могильника Шахидон (Таджикистан, V–VI вв., раскопки Т.Г. Филимоновой). Хотя о специфике хозяйства по таким материалам судить сложно, нужно отметить, что здесь преобладают лошади и мулы, также встречены остатки коз и овец. В погребения чаще всего помещались «шкуры» (голова и конечности), а также «мясные куски», что может свидетельствовать и об активном использовании этих видов на мясо. Практика широкого использования эквид в погребальном обряде (а также в пищу), хорошо отражает кочевнические традиции.

Изученный в указанных регионах богатый палеоантропологический материал показал, что, несмотря на широкое распространение отдельных заболеваний, население в диахронии демонстрирует довольно хорошую приспособленность к комплексу факторов окружающей среды. Данные палеопатологии, фенетики черепа и посткраниального скелета, а также других систем признаков, показывают, что все изученные группы древнего населения не демонстрируют выраженных проявлений дезадаптации.

Высокий уровень адаптированности жителей Гонур-депе к факторам среды подтверждается благополучной демографической обстановкой [Дубова, Рыкушина, 2007] и зафиксированной ретардацией темпов созревания скелета у детей, характерной также для «долгожительских» популяций. Высокая распространенность некоторых заболеваний (например, стоматологических и дегенеративных), по всей видимости, является следствием увеличения продолжительности жизни и профессиональной специализации людей, что в целом можно связать с высоким уровнем развития производящего хозяйства и урбанизацией [Куфтерин, 2015].

К особенностям известной краниосерии эпохи бронзы из Алтын-депе (Южный Туркменистан), по данным В.В. Куфтерина, можно отнести преобладание в палеопатологическом профиле стоматологических заболеваний (в первую очередь, кариеса и его осложнений, а также зубного камня), что, в целом, типично для земледельческих палеопопуляций региона (в частности, для Гонура). Сходную структуру палеопатологического профиля, когда при преобладании дегенеративных и стоматологических заболеваний занижены частоты инфекций и травм, показывает некрополь, относящийся к поздним этапам сапаллинской культуры Бустон VI [Дубова, Куфтерин, 2015]. Данные свидетельствуют о схожести протекания процессов адаптации у населения Шерабадского (Бактрия), Мургабского (Маргиана) и предгорий Копетдага.

Следует отметить также в целом невысокую частоту встречаемости различных стрессовых маркеров в палеопопуляциях кушанского (Ксиров) и эфталитского (Шахидон) времени в Южном Таджикистане. При значительных различиях в морфологии черепа серии сближаются по частотам палеопатологических маркеров. Полученные цифры близки таковым для раннего и развитого Средневековья Великобритании и свидетельствуют о достаточно хорошей адаптированности населения к условиям окружающей среды. Особенности развития рельефа длинных костей и состояние опорно-двигательного аппарата свидетельствуют об отсутствии экстремальных физических нагрузок у людей из Шахидона [Дубова, Куфтерин, 2016].

Список литературы

1. Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Антропология населения Южного Узбекистана эпохи поздней бронзы (по материалам некрополя Бустон VI). М.: Старый сад, 2015. 186 с.
2. Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Предварительные результаты исследования антропологических материалов из раскопок 2012–2013 гг. в Бальджуванском районе // АРТ. Вып. 40. Душанбе, 2016 (в печати).

3. Дубова Н.А., Рыкушина Г.В. Палеодемография Гонур-депе // Человек в культурной и природной среде. М.: Наука, 2007. С. 309-319.
4. Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1. С. 3-16.
5. Куфтерин В.В. Исследование темпов продольного роста длинных костей у населения Гонур-Депе: Туркменистан, эпоха бронзы // Палеоантропологические и биоархеологические исследования: традиции и новые методики / отв. ред. А.В. Громов, И.Г. Широбоков. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 58-61.
6. Куфтерин В.В. Новая палеоантропологическая находка из Южного Таджикистана (погребение эпохи бронзы в местности Обидара) // АРТ. Вып. 40. Душанбе, 2016 (в печати).
7. Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
8. Сарияниди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.
9. Сатаева Л.В., Сатаев Р.М. Результаты археозоологических и археоботанических исследований 2012-2013 гг. на Гонур Депе // ТрМАЭ. Т. 5. М.: Старый сад, 2014. С. 177-184.
10. У истоков цивилизации / ред. Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. М.: Старый сад, 2004. 470 с.
11. ТрМАЭ. Т. 2 / гл. ред. В.И. Сарияниди. М.: Старый сад, 2008. 253 с.
12. На пути открытия цивилизации (ТрМАЭ. Т. 3] / ред. Кожин П.М., Косарев М.Ф., Дубова Н.А. СПб.: Алетейя, 2010. 712 с.
13. ТрМАЭ. Т. 4. Исследования Гонур Депе в 2008-2011 гг. / гл. ред. В.И. Сарияниди. М.: Старый сад, 2012. 340 с.
14. ТрМАЭ. Т. 5. Исследования Гонур Депе в 2011-2013 гг. / гл. ред. В.И. Сарияниди. М.: Старый сад, 2014. 256 с.
15. Ямсков А.Н. Трактовки понятия «жизнеобеспечение» в этнической экологии и возможный подход к изучению культурной адаптации // Этнос и среда обитания. Вып. 1 / ред. Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова (отв. ред.), А.Н. Ямсков. М.: Старый сад, 2009. С. 73-94.
16. Sataev R., Sataeva L. Results of Archaeozoological and Archaeobotanical Research at the Bronze Age Gonur Depe Site (Turkmenistan) // Proceedings of the 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2014. P 369–372.

Список сокращений

АРТ — Археологические работы в Таджикистане, Душанбе
ТрМАЭ — Труды Маргианской археологической экспедиции, Москва
СЭ — Советская этнография, Москва

**Е.Н. Дубовцева¹, Е.А. Юдина², М.О. Тонкушина²,
Л.Л. Косинская², Н.А. Кулеш², А.А. Остроушко²,
И.В. Усачева³**

¹Институт истории и археологии УрО РАН,

²Уральский федеральный университет,

³Институт проблем освоения Севера СО РАН,

Екатеринбург, Тюмень, Россия

ket1980@yandex.ru, kveten@gmail.com, rita-zar@yandex.ru, ver2142@yandex.ru,
kuleshnik@list.ru, alexandre.ostroushko@usu.ru, i.usachova@gmail.com

ПРИРОДНЫЕ МИНЕРАЛЬНЫЕ ПИГМЕНТЫ (ОХРА) В КЕРАМИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ЭПОХИ НЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ¹

**E.N. Dubovtseva¹, E.A. Iudina², M.O. Tonkushina²,
L.L. Kosinskaya², N.A. Kulesh², A.A. Ostroushko²,
I.V. Usacheva³**

¹Institute of History and Archaeology UB RAS,

²Ural Federal University,

³Institute of the Problems of Northern Development SB RAS,

Yekaterinburg, Tyumen, Russia

NATURAL MINERAL PIGMENTS (OCHER) IN THE CERAMIC INDUSTRY OF THE NEOLITHIC PERIOD ON THE TERRITORY OF THE TAIGA ZONE OF THE TRANS-URALS AND WESTERN SIBERIA

ABSTRACT: This article is devoted to the use of natural mineral pigments (ocher) in the neolithic ceramic production on the territory of the Trans-Urals and Western Siberia. Different cases of pottery coloring and the use of ocher pigment as an impurity in the clay, interpretations of the phenomenon are discussed. In addition, some data from experimental studies and chemical analysis are published.

В данной работе под охрой подразумевается пигмент, полученный, преимущественно, из оже-лезненных глин (силикатная охра) или иных горных пород и минералов — конкреций лимонита, гематита и др. оксидная охра), а также соответствующее природное сырье. Как определенная категория находок охра либо окрашенные ею предметы и поверхности сравнительно часто фиксируются на ранних памятниках археологии практически по всему миру и, в том числе, на территории нашей страны. В таежной зоне Западной Сибири, начиная с эпохи неолита, судя по археологическим источникам, распространены были как минимум четыре формы использования охристого пигмента. Это подсыпка грунтовых полов жилищ и открытых (культовых?) площадок, заполнение погребальных камер, а также окрашивание керамической посуды и примесь в формовочной массе при ее изготовлении.

Окрашивание — один из наиболее распространенных способов декорирования керамики. Крашенная посуда входит в так называемый «неолитический пакет» Ближневосточного и Балканского регионов [Джанфезова и др., 2015; Неолит Северной Евразии, 1996]. Широко распространена она уже с эпохи неолита в Китае, Японии, Средней Азии. На территории стран бывшего СНГ такая керамика происходит с памятников малышевской и вознесенской археологических культур неолита Нижнего Амура [Филатова, 2008], известна она в джейтунских памятниках [Неолит Северной Евразии, 1996]. Наибольший расцвет традиции росписи охрой связан с трипольской культурой [Энеолит СССР, 1982].

На территории Зауралья и Западной Сибири крашенная охрой керамика также известна уже с эпохи неолита. Впервые она была зафиксирована на поселении Чэс-тый-яг в Нижнем Приобье,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 14-06-00162.

позже — была обнаружена на поселениях Шоушма-10, Усть-Вагильский холм, Большая Умытъя-57, 100, 109, Сумпанья-III, Барсова Гора-IV/5, Леуши-VII [Дубовцева, 2015].

Большинство изученных сосудов покрыто с внешней стороны краской, изготовленной на основе красной охры. Часто окрашивание сочетается с лощением или заменяется **обмазкой** внешней стороны емкостей **глиной, обогащенной охристым пигментом. Как правило, красная поверхность** служит фоном для графического орнамента, но встречаются и сосуды без него. Лишь на одном сосуде с поселения Леуши-VII достоверно зафиксирована роспись охрой из горизонтальных и наклонных волнистых линий по желтому фону.

Способы нанесения охры на стенки сосудов изучались экспериментально, чему посвящена отдельная статья [Дубовцева, 2015]. Методы естественных наук позволяют установить толщину слоя краски, выявить ее структуру и элементный состав. Последнее особенно важно для различения случайного (в случае окрашивания от вмещающего культурного слоя, содержащего охру) или намеренного нанесения пигмента. **Так, элементный анализ красящих веществ, проведенный методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии¹**, позволил предположить случайный характер окрашивания глиняной посуды на поселении Барсова Гора-II/42 (жилище 1): анализ пигмента с поверхности фрагментов керамики, а также из культурного слоя жилища показал большое сходство как качественного, так и количественного элементного состава образцов (табл. 1). Иная картина наблюдается на Усть-Вагильском холме, культурный слой которого также окрашен охрой. Элементный анализ пигментов с внешней и внутренней поверхности фрагментов керамики выявил их заметное различие. На внешней поверхности черепков фиксируется краситель, обогащенный окислами железа, тогда как на внутренней — присутствуют лишь следы ожелезненной глины (табл. 1). Это позволяет предполагать различный механизм формирования поверхностного слоя на внешней и внутренней поверхности емкости и, с известной долей вероятности, — целенаправленное окрашивание внешней стороны черепка.

Еще одной проблемой, возникающей при выявлении и анализе окрашенной керамической посуды, является постепенная потеря насыщенности цвета пигментированных образцов — в ходе изготовления и эксплуатации изделий, их археологизации и последующего хранения в качестве находок. Проблему выявления охристого пигмента на обесцвеченных **поверхностях помогает** решить бинокулярная микроскопия, а также методы естественных дисциплин, в том числе — элементный анализ веществ с поверхности изделий. Под биноклем на окрашенной поверхности четко фиксируются мелкие остроугольные или окатанные фракции красного цвета, которые забивают поры, обволакивают примеси, выступающие на поверхности. При этом их концентрация на окрашиваемой поверхности и внутри черепка значительно различается. Элементный анализ внешних поверхностей, предположительно окрашенных охрой, демонстрирует предельно высокое содержание железа в образцах, массовая доля которого колеблется в среднем от 55 до 85%.

Так, в коллекции поселения Сумпанья-III имеется два подклеивающихся фрагмента венчика сосуда, один из которых имеет яркую бордовую окраску внешнего слоя, другой — светлоромановую. Граница между цветовыми пятнами проходит ровно по слому черепков. Это говорит о том, что обесцвечивание поверхности второго образца произошло в процессе археологизации. Результаты элементного анализа внешнего слоя фрагментов показали, что в обесцвеченном покрытии поверхности процент содержания железа не ниже, чем в ярко-красном.

Принято считать, что окрашенная керамика связана с культовыми действиями и является ритуальной [Медведев, 2005; Филатова, 2008]. **Памятники малышевской и вознесенской археологических культур** Нижнего Амура с крашеной керамикой расположены в непосредственной близости от культовых центров у с. Сакачи-Алян, Вознесенское, Калиновка, на острове Сучу, Тахта. В некоторых случаях подчеркивается возможная смысловая связь декорирования посуды охрой с солярным культом, магией плодородия, культом мертвых. На это, по мнению исследователей, указывает характерный, например, для эпохи дзэмон обычай обсыпать мертвых красной охрой и разводить на могиле огонь, поскольку именно по материалам таких погребений известна и ранняя крашеная керамика Японских островов [Филатова, 2008].

¹ Определение элементного состава твердофазных образцов было произведено на приборе Nanohunter в центре коллективного пользования «Современные нанотехнологии» Уральского федерального университета (г. Екатеринбург).

Элементный состав охристого пигмента на фрагментах неолитической керамики севера Западной Сибири

Название памятника	пос. Барсова гора II/42			Усть-Вагильский холм			пос. Большая Умыгья 100			пос. Шоушма 10			пос. Барсова Гора IV/5		
	Внешняя поверхность фр-га	Внутренняя поверхность фр-га	Придонная прослойка в жилище 1	Внешняя поверхность фр-га	Внутренняя поверхность фр-га	Внешняя поверхность фр-га	Внешняя поверхность фр-га	Внутренняя поверхность фр-га	Внешняя поверхность фр-га						
Элементы	%mass	%mass	%mass	%mass	%mass	%mass	%mass	%mass	%mass	%mass	%mass	%mass	%mass	%mass	%mass
Fe	64,84	56,04	80,17	77,04	36,68	62,69	83,77	50,97							
Al	6,61	3,21	-	0,76	2,60	4,77	1,06	5,14							
Si	18,38	25,45	9,74	7,00	23,29	17,28	5,58	26,01							
P	2,14	0,70	-	2,37	5,61	2,41	0,82	0,75							
S	0,30	0,10	-	0,14	0,10	-	0,08	0,28							
Cl	0,04	-	-	0,06	0,05	0,05	-	0,06							
K	3,00	4,57	0,80	2,09	5,44	4,79	1,28	5,00							
Ca	1,36	1,96	0,62	6,65	7,80	0,74	0,23	2,53							
Ti	2,07	3,12	0,76	1,37	2,89	4,90	3,11	3,14							
V	0,13	0,13	0,08	-	0,10	0,15	0,12	0,09							
Cr	0,23	0,12	0,43	0,10	0,09	0,15	0,13	0,10							
Mn	0,23	0,22	0,77	1,17	0,55	0,32	0,43	0,59							
Ni	0,25	0,17	1,45	0,31	0,51	0,84	0,05	0,79							
Cu	0,02	0,05	-	0,06	0,03	0,06	0,01	0,09							
Zn	0,23	0,19	-	0,39	0,26	0,25	0,04	0,25							
Ga	-	0,01	-	0,01	0,02	0,01									
Ge	0,01	-	-	0,01	-	-	0,01	0,02							
As	-	-	-	-	0,02	-	-	0,06							
Se	0,01	-	-	-	-	0,03	-	0,02							
Br	0,07	0,04	0,38	0,17	0,08	0,08	0,02	0,03							
Rb	-	0,06	0,18	-	-	0,05	0,02	0,05							
Sr	0,06	0,12	0,25	0,31	0,35	0,07	0,02	0,07							
Y	0,02	-	-	-	-	-	-	0,13							
Pb	-	0,09	-	-	-	0,20	0,05	-							

Основная утилитарная функция окрашивания посуды **может заключаться в снижении** влагопроницаемости внешней поверхности стенок глиняных изделий за счет присутствия в составе красителя тонкодисперсных частиц, которые закупоривали открытые поры черепка. Как показали эксперименты, это особенно характерно для красок на органической или минеральной основе (жире, яйце, глиняной суспензии) [Дубовцева, 2015].

Кроме того, очевидна и декоративная, эстетическая функция подобной посуды.

Зауральские и западносибирские неолитические материалы не дают однозначного ответа на вопрос о функции и семантическом статусе окрашенной посуды. Первоначально подобные изделия появляются на поселенческих комплексах среднего неолита (сер. VI — сер. V тыс до н.э., кал.), связанных с южной традицией производства тонкостенной лощеной посуды, украшенной в прочерченной технике (Чэс-тый-яг, Большая Умытъя-57, 109). Почти сразу же эта традиция распространяется и появляется на памятниках, представляющих местные смешанные или гребенчатые гончарные традиции (пос. Нижнее озеро-III, Сумпанья-III, Леуши-VII, Барсова Гора-II/22). Однако доля окрашенных сосудов на поселениях не велика, что может свидетельствовать, в том числе, об их особом статусе. Концентрация крашеной посуды на некоторых культовых комплексах, например, на Усть-Вагильском холме, по всей видимости, выше, чем на поселениях. Что же касается погребений, то находки посуды в заполнении могильных ям на рассматриваемой территории довольно редки. В Барсовском-II могильнике были обнаружены обломки от 5 емкостей, при этом на поверхности многих черепков фиксировались остатки охристого пигмента. Однако проведенный анализ подтвердил для всех рассмотренных экземпляров факт окрашивания от контакта с вмещающим слоем [Дубовцева и др., 2015].

Таким образом, можно констатировать, что в эпоху неолита в таежной зоне Западной Сибири и Зауралья появляется традиция сплошного окрашивания глиняной посуды, первоначально связанная, очевидно, с южным влиянием. Затем эта традиция распространяется в среде местных культур. Наибольшая концентрация крашеной неолитической и энеолитической посуды наблюдается в бассейне р. Конды. Данных для интерпретации таких изделий в качестве ритуальной посуды пока недостаточно.

Использование охры как специальной примеси к формовочным массам долгое время ставилось под сомнение, т.к. оксиды железа могут находиться в естественном состоянии в исходном глинистом сырье. Аргументы в пользу существования такой традиции на территории Западной Сибири и признаки намеренного введения охры в формовочную массу уже обсуждались нами [Дубовцева, 2015]. Здесь остановимся лишь на функции подобной примеси. В современной промышленности охра используется как вспучивающая добавка при производстве керамзита. Оксиды железа играют важную роль в процессе размягчения глинистой массы. Совместно с органическими соединениями они способствуют более раннему переходу к жидкой фазе. В новом агрегатном состоянии керамические изделия легко деформируются. Результат такого процесса мы наблюдали при анализе керамики пос. Большая Умытъя-100. Три сосуда из керамического комплекса памятника деформированы под воздействием высоких температур, слой охристой обмазки на внешней поверхности вспучился. Вероятно, физические и химические процессы, произошедшие в глине при обжиге, сходны с процессами вспучивания керамзита, а температура калия была близка к 1000°C, хотя при определенных химических условиях, наличии в тесте щелочных окислов температура могла составлять около 800°C.

Для проверки гипотезы в районе памятника была отобрана ожелезненная глина, из которой были изготовлены сосуды. Часть из них имела в примесях охру или была ею окрашена. Обжиг производился с использованием березовых и сосновых дров и сосновых шишек. В результате обжига в течение суток большая часть сосудов была деформирована, черепки были полностью прокалены и имели пористую структуру. Таким образом, в экспериментальном костре удалось достичь температуры, при которой произошел переход керамической массы в жидкую фазу, что и привело к деформации изделий. Вероятно, **при костровом обжиге это оказалось возможным** благодаря окислам железа, входящим в состав исходного сырья, формовочной массы и краски. Они ускорили переход глины в жидкое состояние. Маловероятно, чтобы подобная функция охры была востребована в древности. Хотя, возможно, охра помогала снизить температуру обжига и способствовала лучшей прокаленности черепка при кратковременных выдержках.

Нельзя также отрицать возможность ритуальной функции охры как примеси. Во-первых, такая примесь не является массовой, ее доля в керамических комплексах поселений не превышает 25%. Во-вторых, она довольно часто коррелирует с примесью размолотой кальцинированной кости. Возможно, добавление охры и дробленых костей носило не столько технологическую, сколько ритуальную функцию, однако это предположение требует отдельного исследования. В большинстве случаев разделить утилитарно-прагматические и декоративные, а также ритуальные функции охры весьма затруднительно. Тем не менее, изучение утилитарных свойств пигмента заставляет предполагать, что в ряде случаев древние мастера руководствовались некими целями либо ценностями, выходящими за пределы очевидных практических соображений.

Список литературы

1. Археология СССР. Энеолит. М.: Наука, 1982. 359 с.
2. Археология. Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. 379 с.
3. Джанфезова Т., Дохърти К., Еленски Н. Откапываем ли мы раннеолитический пакет? // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 63-71.
4. Дубовцева Е.Н. Использование охры в керамическом производстве севера Западной Сибири // Самарский научный вестник. 2015. № 4 (13). С. 37-47.
5. Дубовцева Е.Н., Тонкушина М.О., Юдина Е.А., Косинская Л.Л., Остроушко А.А., Кулеш Н.А. Новые данные по первому погребению Барсовского-II могильника (опыт комплексного анализа) // Седьмые Берсовские чтения. Екатеринбург: Квадрат, 2015. В печати.
6. Медведев В.Е. Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 5 (24). С. 40-69.
7. Филатова И.В. Глиняные сосуды с окрашенной поверхностью в гончарной традиции неолита Нижнего Приамурья // Вестник ЧелГУ. 2008. № 13 (114). Вып. 8: Востоковедение. Евразийство. Геополитика. С. 75-81.

Ю.А. Емельянова, Д.Е. Кичигин

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия
tonag@inbox.ru, kichkok@rambler.ru

КЕРАМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ БАЙКАЛА¹

Yu.A. Emelyanova, D.E. Kichigin

Irkutsk National Research Technical University (INRTU),
Irkutsk, Russia

CERAMIC TRADITIONS OF BRONZE AGE OF THE NORTHWESTERN COAST OF LAKE BAIKAL

ABSTRACT: This article is devoted to the ceramic complexes of Bronze Age of the Northwestern coast of Lake Baikal, which are the main source of information for this area. In Bronze Age the vessels were made by band method, after vessel walls were pressed by grooved mallets (ribbed, waffle and corded). In early stage of Bronze Age

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01018 «Северное побережье Байкала в эпоху раннего металла».

there is the continuity of the ceramic traditions of the Neolithic Age, expressed in preference round bottom vessels and their ornamentation of frequent impressions lines. By the end of Bronze Age is fixed phasing out of these traditions, it is began to prevail little relief ornament (Senogdinsky type pottery).

Бронзовый век северо-западного побережья Байкала условно разделен на *ранний* (сер. III — трет. четв. II тыс. до н.э.) и *поздний* (XIII-VII вв. до н.э.) этапы. **Первый из них представлен уникальной для всего Прибайкалья северобайкальской археологической культурой** [Емельянова, 2010], второй — характеризуется пребыванием в этой части байкальского побережья не менее трех историко-культурных общностей [Харинский, Емельянова, Рыков, 2009; Кичигин, 2015].

Керамика северобайкальского типа в целом характеризует ранний бронзовый век северо-западного побережья Байкала (сер. III — трет. четв. II тыс. до н.э.) и представлена фрагментами от 206 емкостей, происходящих с пяти основных местонахождений района: святилище Лысая Сопка, городище-святилище Байкальское III и стоянки Байкальской VI, Богучанская XIII и Северобайкальск I. **Отсутствие подобной керамической посуды в неолите и бронзовом веке соседних с Прибайкальем территорий** выводит на первый план концепцию об ее автохтонном происхождении в эпоху ранней бронзы в этом районе байкальского побережья [Емельянова, 2010].

Ее типобразующими признаками являются следующие вычленяемые показатели (рис. 1, 1):

1. *Формовка сосудов.* Судя по имеющимся данным и отпечаткам пальцев рук на внутренних стенках сосудов в зоне орнаментации, формовка емкостей происходила в процессе ручной лепки без применения формы-основы.

2. *Форма сосуда и венчика.* Сосуды круглодонные, преимущественно закрытой сложной формы с выраженным устьем. Распространенной формой венчиков является прямая, реже грибовидная.

3. *Технический декор.* В подавляющем большинстве случаев внешняя поверхность сосудов гладкая, в виде исключения встречается штриховая (возможно, следствие выбивки рифленой колотушкой).

4. *Орнаментация.* В качестве основных приемов орнаментации следует отметить *накольчато-отступающую, вдавленно-отступающую* (с отрывом и переносом орнамента) и *прочерченную* техники нанесения декора. Базовая орнаментальная композиция состоит из 2-5 рядов треугольных в сечении налепных или выдавленных валиков, обрамляющих внешнюю поверхность венчика, рядов оттисков, выполненных в *накольчато-отступающей* технике, и штамповых вдавлений, завершающих композицию. В качестве орнаментиров последнего элемента, в ряде случаев, выступали сделанные из глины небольшие штампы, один из которых обнаружен в подъемных сборах Байкальского III.

По материалам стоянок в позднем бронзовом веке на северо-западном побережье Байкала (XIII — VII вв. до н.э.) **отмечено присутствие не менее трех культурных обществ, прослеживаемых в керамическом материале.**

Керамика глазковского типа (кон. II — сер. I тыс. до н.э.), получившая название по одноименной группе ангарских погребений, выделенных в составе бронзового века еще А.П. Окладниковым [1955], в настоящее время выступает в качестве рабочего понятия. Ее появление в этом районе байкальского побережья в основном объясняется распространением глазковской культурной общности по всей территории Прибайкалья [Харинский, Емельянова, Рыков, 2009].

Среди ее морфо-типологических характеристик, выступающих на данном этапе в качестве типобразующих признаков, требующих подкрепления статистическими данными, пока стоит отметить следующие (рис. 1, 2). 1. *Форма сосуда и венчика.* Сосуды круглодонные закрытой простой и сложной формы. Распространенной формой венчика является прямая, другие отмечены гораздо реже. 2. *Технический декор.* Внешняя поверхность сосудов в основном гладкая, в отдельных случаях штриховая. 3. *Орнаментация сосудов.* Основными приемами орнаментации являются *накольчато-отступающий, вдавленно-отступающий и выдавленный* (т.н. «жемчужины»), в качестве исключения отмечены также *прочерченный и налепной* орнаменты, последние следует рассматривать как заимствованные. Среди мотивов орнаментации отмечены горизонтальные ряды (1-4) оттисков прямоугольного или зубчатого орнамента, а также ряды (1-2) круглых вдавлений

или «жемчужин». Последние могут выступать в роли как самостоятельного мотива орнамента, так и дополнения к рядам оттисков.

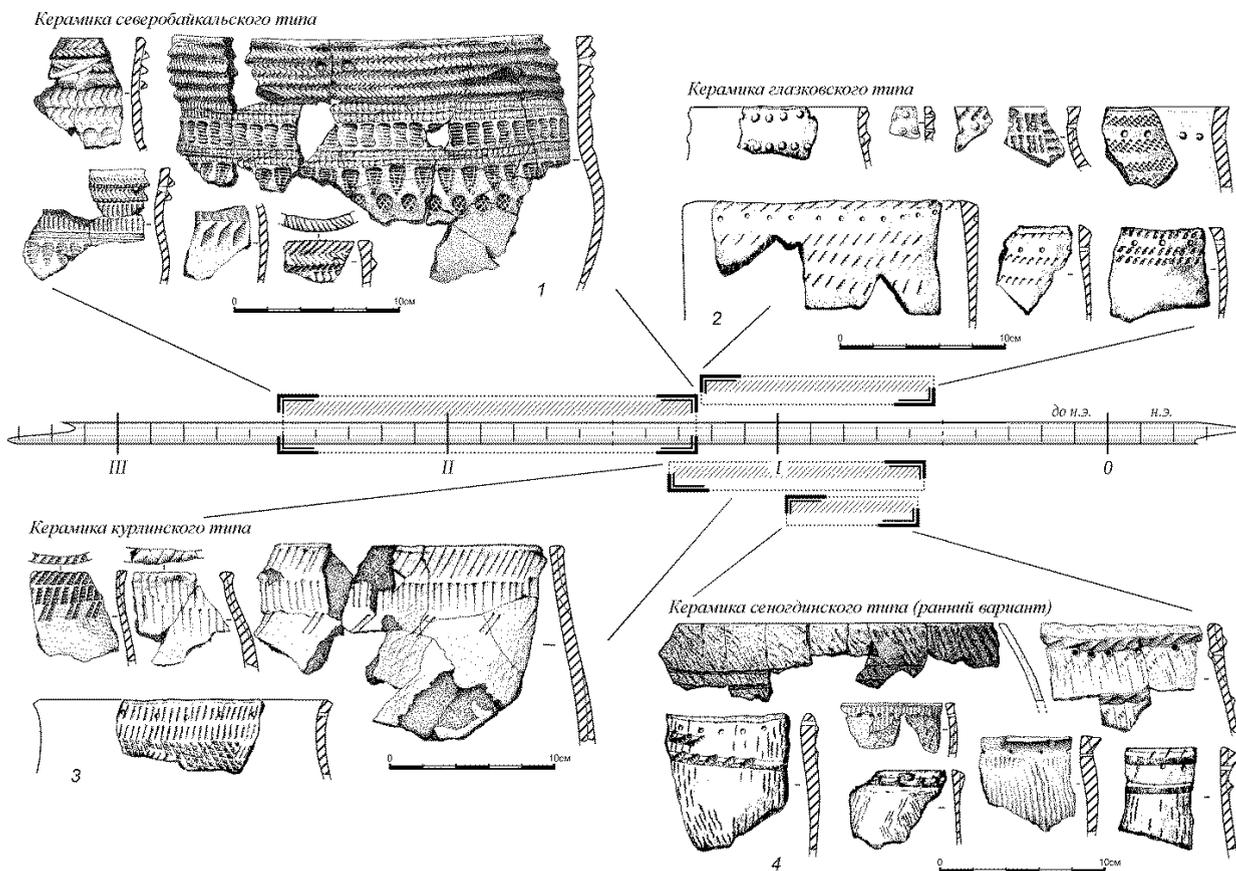

Рис. 1. Керамические комплексы бронзового века северо-западного побережья Байкала

Керамика курлинского типа (послед. трет. II — перв. пол. I тыс. до н.э.) получила название по стоянке Курла IV, в культурном слое которой впервые были отмечены фрагменты «вафельной» керамики, орнаментированные рядами оттисков зубчатого орнамента. На северо-западном побережье Байкала она представлена фрагментами от 21 емкости, происходящими с 11 местонахождений района. На данном этапе исследований ее появление на берегах Байкала следует увязать с северо-восточными территориями, одной из которых является Средний Витим [Абдулов, Тужик, 1995; Харинский, 2005; Кичигин, 2012]. Среди ее характерных особенностей следует назвать следующие показатели (рис. 1, 3). **Формовка сосудов** происходила ленточным способом. Емкость формировалась с дна внутренним подлепом горизонтальными глиняными лентами. Венчик, как правило, оформлялся налепом с внешней стороны. **Форма сосуда и венчика.** Круглодонные сосуды закрытой формы с выраженным устьем. Венчик, как правило, грибовидной формы (следствие орнамента) и немного отогнут наружу. **Технический декор.** Внешняя поверхность сосудов покрыта ромбическими (реже квадратными) оттисками рифленой лопатки, со стороной ромба (или квадрата) 0,3-0,5 см, что свидетельствует о технике выбивки. В зоне венчика, где отмечается орнаментация сплошными рядами зубчатых или гладких оттисков, «ромбы» не читаются. **Орнаментация сосудов.** Среди приемов орнамента отмечены *накольчато-отступающая* и *вдавленно-отступающая* техники нанесения декора. Все сосуды орнаментированы горизонтальными рядами вертикально (наклонно) поставленных оттисков гребенчатого или гладкого, но главное узкого (плоского) орнамента в сочетании с круглыми вдавлениями-отверстиями. Выделяются два устойчивых варианта композиций орнамента. **Первый из них** представляет собой 2-3 горизонтальных сплошных ряда оттисков, поставленных вертикально или наклонно. Под ними проходит 1-2 ряда таких же оттисков, но выстроенных в группы по два-четыре оттиска в группе

(фестоны). Во *втором варианте* композиции орнамента нижний ряд оттисков выполняет мотив «зигзаг».

Керамика сеногдинского типа (тышкинэйского — по О.И. Горюновой) получила название по стоянке Котики II (Сеногда), по материалам которой были проведены первые детальные описания сосудов [Свинин, 1966; Харинский, Карнышев, 2003]. На северо-западном побережье Байкала она представлена фрагментами от 91 емкости с 31 местонахождения. Ее появление на берегах Байкала в конце II тыс. до н.э. увязывается большинством исследователей с культурой плиточных могил Забайкалья [Хлобыстин, 1964; Свинин, 1966; Харинский, 2005; Кичигин, 2012].

По вычленимым морфо-типологическим признакам, выраженным в профилировке емкости и орнаментации, стало возможным разделить весь керамический комплекс в пределах байкальского побережья на *ранний* (XIII(X) — VI(V) вв. до н.э.) и *поздний* (VI(V) — III вв. до н.э.) варианты (Кичигин, 2012). Характерными чертами первого из них являются следующие вычленимые показатели (рис. 1, 4): 1. *Формовка сосудов* происходила в процессе ручной лепки ленточным способом. Емкость поднималась с днища, а устье формовалось с опорой на тальниковый «обруч» [Кичигин, 2014]. 2. *Форма сосуда и венчика*. Преимущественно выделяются сосуды простой закрытой формы без устья, профилированные емкости составляют исключение. Преобладающими формами венчиков являются прямая и овальная. 3. *Технический декор*. Внешняя поверхность сосудов полностью покрыта оттисками крученого шнура. Как правило, оттиски разнонаправленные и имеют определенную локацию, представляют собой небольшие отпечатки, наложенные друг на друга (результат выбивки). 4. *Орнаментация сосудов*. Основными приемами орнаментации следует считать *налепной* и *вдавленно-отступающий* орнаменты, реже *прочерченный*. Базовая композиция орнамента (т.н. *стандартная*) представлена 1-4 налепными широкими валиками, опоясывающими сосуд в верхней части тулова, и сопутствующими им 1-2 рядами круглых вдавлений. Сами валики и внешний край венчика часто деформированы, при этом среди вдавлений преобладают «личинки».

Подводя итог настоящему исследованию, следует остановиться на некоторых тенденциях керамического производства бронзового века, отмеченных не только для северо-западного побережья Байкала, но и для Прибайкалья в целом. *Во-первых*, преобладающим типом сосудов для большей части бронзового века остается круглодонная емкость, берущая начало еще с эпохи неолита. На позднем этапе отмечаются горшки, поставленные на низкий кольцевой поддон (керамика сеногдинского типа), впоследствии же — в железном веке и средневековье — произойдет окончательный отказ от круглодонной формы, основным типом горшка станет плоскодонная емкость. *Во-вторых*, в конструировании сосудов отмечается отход от применения формы-основы, характерной, скажем, для неолита. Горшки формуются преимущественно ленточным способом, спаи элементов уплотняются посредством ударно-прессующего орудия с различной рабочей поверхностью (рубчатой, вафельной и шнуровой) и наковаленки. И, *в-третьих*, в орнаментации сосудов прослеживается постепенный отказ от такой трудоемкой и характерной, прежде всего, для неолита, техники нанесения орнамента как *накольчато-отступающий* прием, который сначала заменяет *вдавленно-отступающий*, а впоследствии и сам является уже большой редкостью в железном веке и средневековье, что объясняется, на наш взгляд, рационализацией времени.

Список литературы

1. Абдулов Т.А., Тужик Л.Л. Керамические комплексы местонахождений Курлинской бухты // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск: Иркут. ун-т, 1995. С. 175-192.
2. Емельянова Ю.А. Население северо-западного побережья Байкала в раннем бронзовом веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 23 с.
3. Кичигин Д.Е. Поздний бронзовый — ранний железный века северо-западного побережья озера Байкал (по материалам стоянок): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2012. 18 с.
4. Кичигин Д.Е. Керамика с оттисками шнура западного побережья озера Байкал: некоторые вопросы формовки сосудов // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2014. № 4 (13). С. 27-44.

5. Кичигин Д.Е. Поздний бронзовый век северо-западного побережья Байкала // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири: материалы VI Междунар. науч. конф. (Хух-Хото, 12-16 окт. 2015 г.). Хух-Хото, 2015. Т. I. С. 346-355.
6. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Ч. 3: Глазковское время. 374 с. (МИА. № 43).
7. Свинин В.В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал в 1963-1965 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963-1965 гг. Иркутск: Изд-во ИОКМ, 1966. С. 50-69.
8. Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Вып. 3. С. 198-215.
9. Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Рыков Г.К. Северо-западное побережье озера Байкал в бронзовом веке: по материалам стоянок // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. Вып. 7. С. 86-112.
10. Харинский А.В., Карнышев И.С. Керамические традиции северо-западного побережья озера Байкал в I тыс. до н.э. (по материалам стоянки Балтаханова III) // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее: мат-лы регион. науч.-практ. конф. Иркутск, 2003. С. 137-141.
11. Хлобыстин Л.П. Древние культуры побережья озера Байкал (каменный и бронзовый века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛО ИА АН СССР, 1964. 18 с.

Н.Г. Енгибарян, Н.У. Манасерян

Институт археологии и этнографии НАН РА,
Институт зоологии научного центра зоологии
и гидроэкологии НАН РА, Ереван, Армения
norayengibaryan@gmail.com, ninna_man@yahoo.com

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖИВОТНЫХ НА УРАРТСКИХ ПЕЧАТЯХ

N.G. Engibaryan, N.U. Manaseryan

Institute of Archaeology and Ethnography NAS RA,
Zoology Institute of Scientific Center Zoology and
Hydroecology NAS RA, Yerevan, Armenia

IMAGES OF ANIMALS ON URARTIAN SEALS

ABSTRACT: The seals in Urartu were regarded as a proving sign of social and personal status like in other Ancient Near Eastern countries. The quantity of the discovered high art samples and also the imprints on cuneiform clay tablets and pottery, show their wide-spread occurrence. It was evidenced by Assyrian sources that the owners of such seals were kings, the higher orders, priests, artisans and even Gods. Types of the Urartian seal are conical, bell shaped, prismatic, discoid (other variation is flat rectangulars) and conical with truncated top that was transformed into handles. Geometrical and scenery type images were carved on the bases and the sides. The overprint was done by stamping. The most interesting are carvings on the sides of the truncated conical stamps, where religious and sacral scenes were depicted around the Tree of Life. On the imprints and on the scenery images animals are participants of rituals and they are depicted in realistic, winged and fantastic way. The most common images of Urartian seals are lion, goat, griffons, bull, horse, deer, eagle and fish.

В государстве Урарту глиптика развивалась на основе богатых древневосточных традиций. В Ванском царстве, как и в странах Древнего Востока печать символизировала социальное положение владельца и являлась средством идентификации личности. Свидетельства урартских и ас-

сирийских письменных источников, оттиски на глиняных табличках Тейшебаини (Кармир блур), Русахинили (Бастам), на керамике и других артефактах явствуют, что владельцами печатей могли быть цари, высшие слои общества, жрецы, ремесленники и даже боги [Дьяконов, 1951, с. 321, 49, /367/; он же, 1963, с. 1, 5-7]. А многочисленные факты обнаружения высокохудожественных печатей свидетельствуют об их широком применении.

Наиболее распространенным типом урартских печатей были: конические со сквозным отверстием в верхней части (рис. 2); гиревидные (рис. 4); дисковидные (Рис. 8), плоские четырехгранные (рис. 3); призмовидные (рис. 1) и усечено-конические (Рис. 5). Интересны изображения на усечено-конических печатях, оттиск которых получали путем наката. Эти изображения представляют ритуальные сцены и культовые обряды около древа жизни. Каждое изображение и знаки на печатях имели свой смысл и значение. На печатях животные изображены в виде реальных, крылатых и фантастических существ. За основу семантического анализа изображений животных, для изучаемой эпохи, использована трехмерная модель вселенной [Мифы народов мира, 1987, с. 445]. Урартийцы так же воспринимали вселенную в трех измерениях, согласно чему, окружающий мир в вертикальном строении представлен: небом (верхний мир), землей (средний мир), подземельем (нижний мир). Из зверей среднего мира на урартских печатях часто встречаются изображения льва, быка, лошади, козла, оленя.

Лев изображен на печатях в разных позициях. Лев считался олицетворением божественной силы, храбрости, благородства, гордости, бдительности [Мифы народов мира, 1988, с. 41]. У урартийцев лев являлся символом бога Халди. Б. Пиотровский [1959, с. 229] считал, что лев, будучи священным зверем, содержался в урартских храмах. На некоторых оттисках печати лев, вероятно, прирученный, изображен медленно идущим впереди царя. Это изображение соответствует хеттским ритуальным и историческим текстам, где цари сопоставляются со львами [Ардзинба, 1982, с. 105-106]. На одной из печатей лев вместе с полумесяцем и звездами сидит на треугольниках. На схожих треугольниках стоят изображенные на медальонах боги. Треугольники символизируют горы или горные хребты [Мартиросян, 1978, таб. XIX]. Согласно представлениям древних, боги жили на вершинах гор. Лев урартийцами воспринимался как небесный образ, что подтверждают их крылатые изображения на печатях.

Лев, как символ бога Халди, вероятно, должен был быть связан с сельским хозяйством. По мнению А. Ваймана [1993, с. 17], бог Халди представляет созвездие льва, где солнце бывает в летнее время. На двух урартских печатях четко видна связь льва и солнца. На первой печати под крылатым солнечным диском изображен лев, окруженный молящимися крылатыми жрецами и с деревом жизни. На нижней плоскости печати повторяется изображение льва под крылатым солнечным диском. На второй печати под крылатым солнечным диском изображен сидящий лев, древо жизни, перед которыми стоят, по-видимому, жрец бога солнца и молящийся человек. Рядом с ними изображены жертвенный козел и астральные знаки. На нижней плоскости выгравирован лев и полумесяц (рис. 35).

Бык, как правило, считался символом Тейшебы — бога войны и грозы. На призмовидной печати изображен стоящий на быке Тейшеба с пучком молний в одной руке. На ряде печатей высечен реальный образ быка. Будучи астральным животным, бык символизировал плодородие, небесные воды, гром и молнию, многочисленны древние и современные параллели подтверждающие эту мысль [Голан, 1994, с. 53]. Благодаря перечисленным выше признакам поклонение, относящееся к быку, нашло свое особое выражение в верованиях древних земледельцев и скотоводов. В основе этих верований лежит поклонение луне, поскольку цикл перемен луны взаимосвязан с календарем земледельческих работ [Кушнарева, 1978, с. 3]. На печатях бык изображен с крыльями. На обнаруженной в Армавире печати, в окружении светил, стоящий крылатый бык, согласно композиционной сцене, символизировал зодиакальное созвездие Тельца, и находящемся в его составе, созвездие Плеяды. Древние народы, в том числе и армяне, календарь своих земледельческих работ связывали с созвездием быка и Плеяды [Карапетыан, Енгибарян, 2002, с. 221-222].

Рис. 1. 1, 4, 7 — Аргиштихинили; 2, 5, 6, 10-12, 21, 27, 29, 30, 38, 39, 43, 46 — Тейшебаини (Кармир Блур); 3, 14 — Эребуни (Арин берд); 8 — Гавар (Нор Баязет); 9 — Акко; 13, 17-20, 22, 23, 25, 28, 31, 32, 37, 40-42, 45 — случайные находки (Западная Армения); 15, 36 — Армавир; 16, 24 — Топрах кале (Ван); 26, 34 — Норатус; 33, 35, 44, 47 — Бастам

Конь считался символом урартского бога солнца Шивини. На печатях он был изображен реальным и крылатым. На печати, обнаруженной в Норатусе, на спине лошади изображено древо жизни, а на штампе над спиной лошади фиксируется изображение солнца. С лошадью связаны некоторые мифологические и ритуальные представления (жертвоприношение коня, связь с мировым

древом), которые аналогичны у древних индоевропейцев и народов Центральной Азии (Мифы, 1987, с. 666). В мифологии роль коня двойная, он является символом бога солнца и потустороннего мира. Он беспрепятственно переходит из одного мира в другой.

Козел встречается на печатях в одиночных изображениях или в сценических композициях. В некоторых композициях козел выступает как предполагаемая жертва или участник ритуала у древа жизни. Связь козла с землей и растительным миром известна с древнейших времен. По мнению И. Лосевой [1962, с. 305], если в Древнем Востоке козел (горный козел) являлся символом плодородия и растительного мира, эти же представления должны быть и в Урарту. Согласно клинописным источникам у урартийцев козел [козленок] был связан с культом бога Халди [Арутюнян, 2001, с. 36, 270, 418, 421, 522]. На двух печатях козел изображен на фоне с растениями. Козлы изображаются на печатях крылатыми существами, тем самым олицетворяясь в качестве божественных существ.

Реальные, стилизованные и крылатые изображения оленей встречаются на урартских печатях и образцах прикладного искусства. На одной печати изображена ритуальная сцена, где лев терзает оленя в присутствии крылатого жреца и молящихся. Изображение на печати — пока единственное урартское свидетельство, связанное с культом оленя. Крылатые изображения оленя указывают на их обожевление со стороны урартийцев, однако наибольшую информацию об этом можно почерпнуть из хеттских письменных источников. У хеттов олень связан с богом солнца и выступал посредником бога грозы [Ардзимба, 1982, с. 16-17]. Связь культа оленя с растительностью может быть обусловлена сходной чертой: рога, как и растения, растут весной, а осенью сбрасываются [Голан, 1994, с. 40].

Список литературы

1. Ардзимба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.: Наука, 1982. 251 с.
2. Арутюнян Н. Корпус урартских клинообразных надписей. Ереван: Наука, 2001. 542 с.
3. Вайман А. Урартский календарь и урартский пантеон // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. Краткое содержание доклада. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1993. С. 14-18.
4. Голан А. Миф и символ. М.: РУССЛИТ, 1994. 375 с.
5. Дьяконов И. Урартские письма и документы. М.-Л.: АК СССР, 1963. 144 с.
6. Дьяконов И. Ассиро-вавилонские источники истории Урарту // Вестник древней истории. 1951. № 2. С. 257-356.
7. Кушнарева К. Символика алтарных стел из святилищ Древнего Двина. Международный симпозиум по армянскому искусству (оттиск). Ереван, 1978. 12 с.
8. Лосева И. Некоторые урартские ювелирные изделия с изображением ритуальных сцен (к вопросу об иконографии бога Халди и богини Арубани) // Древний мир. М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1962. С. 300-311.
9. Мифы народов мира, энциклопедия. Т. I. М.: Изд-во Советская Энциклопедия, 1987. 671 с.
10. Мифы народов мира, энциклопедия. Т. II. М.: Изд-во Советская Энциклопедия, 1988. 719 с.
11. Пиотровский Б. Ванское царство (Урарту). М.: Вост. лит-ра, 1959. 384 с.
12. Карапетян И., Енгибарян Н. Захоронение из Аргиштихинили с печатью жреца // Вестник Ереванского университета. 2002. № 2. С. 218-225 (на армян. яз.).
13. Мартиросян А. Наука начинается в первобытности. Ереван: Советский писатель, 1978. (на армян. яз.)

Б.Г. Ерицян

Институт археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Армения
akhudaverdyan@mail.ru

НОВООТКРЫТЫЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ОЛДУВАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТАВУШСКОЙ ОБЛАСТИ (СЕВЕРНАЯ АРМЕНИЯ)

B.G. Yeritsyan

Institute of Archaeology and Ethnography NAS RA,
Yerevan, Armenia

NEWLY FOUND CAMPS OF THE OLDOWAN CULTURE IN THE PROVINCE OF TAVUSH (NORTHERN ARMENIA)

ABSTRACT: A newly found, unique example of the Oldowan culture in the province of Tavush is presented in the light of the current state of research on stone age cultures on the territory of Armenia. Our findings allowed us to conclude, that the Oldowan culture by its nature is a syncretistic culture, which critically differs from other cultures of the Stone Age by its organizational categories. It refers to the last IV pseudolite period in the local periodization system of stone age cultures (i.e. paleolite, neolite, archeolite, pseudolite). Stone tools and chiseled artefacts acquired a new function, as well as forms and values, that were linked to an early expression of material thinking. The latter created essential prerequisites for the development of art images and linguistic signs in the further archaeological cultures. It becomes clear that the Oldowan culture in Armenia was set not by hominids in the beginning of anthropogenesis (i.e. 2-3.000.000 years ago, as it is thought to happen in Africa), but by intellectual individuum (Homo sapiens sapiens) in cognitive purposes during ethnogenesis.

Во время полевых разведочных работ по выявлению археологических памятников, проведенных в 2008 г. в Тавушской области, было открыто три местонахождения олдувайской культуры открытого типа: Севкар-1, Севкар-2, Севкар-3. Последние расположены в 2-х км к востоку от села Севкар на пологих террасовых склонах небольших холмов высотой до 820 м.

Разведочные работы в описанных местонахождениях были продолжены в 2009-2013 гг. В результате было собрано несколько тысяч каменных артефактов и около двух тысяч сырьевых ресурсов из различных пород камня. Исходные материалы и артефакты повсеместно залегают на поверхности почвы в рассеянном виде без заметных фациальных накоплений, занимая ареал от 80 до 120 м в поперечнике. В указанных сборах встречались единичные фрагменты керамики, не фосилизованные кости одомашненных животных с принадлежностью к весьма позднему времени. В 2010 г. в заложенных метровых шурфах на каждой стоянке не было выявлено каменных изделий или других археологических находок, не говоря уже о культурном слое, которые, как правило, отсутствуют в местонахождениях подобного типа, ибо они никогда не являлись местом обитания или временным стойбищем охотников. Метровая толща однородного суглинка светловатого цвета аллювиально-плювиального происхождения, судя по ступенчатому разрыву карьера, залегает непосредственно на мощной толще (местами до 150 м) бетонитовых глин зеленовато-голубого цвета. Далее этот пласт базируется уже на фундаменте вулcano-осадочных пород, являющихся источником цветных камней различного рода, включая агат, аметист и другие полудрагоценные камни промышленного значения.

Основной целью данной работы является выявления статуса изучаемой культуры и определение ее места и относительного времени в местной периодической системе культур каменного века Армении в чисто археологическом выражении [Ерицян, 1972, с. 24; Ерицян, Тадевосян, 2005, с. 15; Тадевосян, 2008, с. 13].

В процессе исследования материалов, собранных на трех указанных стоянках, выяснилось, что артефакты по сырью, структуре и составу практически не отличаются друг от друга. Следовательно, не было смысла рассматривать их как отдельные, не связанные между собой комплексы, а исследовать их как единый мегакомплекс олдувайской культуры, состоящий из 3457 артефактов.

Процентное отношение основных форм изделий таково: галечные изделия — 8,8%, бифасы — 0,4%, сколы без отделки — 2%, с отделкой — 0,1%, нуклевидные формы — 6,8%, фрагменты сколов геометрической формы — 17,3%, полированные изделия — 9,1%, шлифованные предметы — 0,6%, отходы производства — 54,8%.

Общая характеристика Севкарского мегакомплекса такова. *Сырье*, использованное для создания этого мегакомплекса, вмещает почти всю гамму самоцветов Армении, кроме обсидиана, а для создания особых изделий использовался агат, что само собой уникальное явление для палеолита вообще (табл. 3: 1-3). *Техника* как фундаментальная основа палеолитических культур в исследуемом материале отсутствует. Однако, исходя из наличия в нем крупных базальтовых сколов, мелких треугольных отщепов из агата, теяжских остроконечников и многочисленных сколов типа комбев, не трудно заключить, что эти формы клетонско-теяжского облика не олдувейского происхождения, а остатки и прижитки ашеля, из чего сложилось свежий олдувейский комплекс путем переделки старых сколов из базальта в новые геометрические формы. Такой синдром родоизменения из положительного (бугорковой части скола) в отрицательное (негативом оббивки) лишил основы технокомплекса в целом (табл. 2: 9-12). *Технология* изготовления орудий базировалась в целом на двух способах: на оббивке и рассечении. Грубая оббивка получила здесь статус первичной обработки, поскольку он был применен непосредственно на гальках, а рассечения галек гольшей, плиток и скол для фрагментации и оформления геометрических форм изделий. Последний заменил способ ретуши, который, почти не применялся для изготовления орудий.

В результате были получены особого рода «технологии», которые представляют механическую связь элементов мысли с природным материалом. Именно таковы почти все галечные формы вроде чопперов, сфероидов, пиков, кливеров и т.д. Эти гибридные реальности с одной стороны не технологические, с другой стороны — не технические, а нечто вроде «технологии» обработки сырья. Последняя неминуемо приводит к дискредитации и фальсификации основных понятий археологической науки. Этим и обусловлены, на первый взгляд, его чрезмерная «новость», «грубая архаичность» и «прогрессивность» в совокупности. На деле все это выглядит совершенно иначе. В типологическом отношении изучаемый мегакомплекс не менее парадоксальный, чем в предыдущих уровнях исследования. Лицо Олдувая выявляется именно в полном комплексе полированных изделий в фигуральном выражении. Эти последние являются неотъемлемой частью олдувайских комплексов, хотя научная литература, за редким исключением, о них молчит. И конечно, это обусловлено невыгодностью данной категории при рассмотрении олдувайской культуры, как изначальной основы. Примечательно, что полированные изделия доведены до идеально-абстрактной формы, почти неотличимой от естественной. Но все же эта механическая по стилю обработка не смогла стереть полностью следы на заготовках, т.к. конфигурация последних видна под полировкой, и еще ярче выражены свежими следами разовых снятий оббивки после полировки.

Фактически и здесь более древние прогрессивные произведения тоже механически увязаны с «архаичной» отметкой оббивки (табл. 1: 8, табл. 3: 7, 8, 9). Что касается нешлифованных изделий, то они особого ранга и в отличие от остальных, представляют реальные, вполне осязаемые бытовые предметы (молоток, тесло, ступнеобразные и лаптеобразные фигуры, ступки и фрагмент просверленной чаши) (табл. 4: 4-9), но на самом деле под этими предметами кроется символика их сущности. Еще шаг вперед в истории, и они могут превращаться из предметов в скульптуры. Подытоживая вышеприведенные данные, мы еще раз убедились [Ерицян, Тадевосян, 2005, с. 15-16], что подобного рода остатки не могут быть оценены в качестве изначальной палеолитической культуры [Ламберт, 1991, с. 114-115].

Периодизационная система Армении состоит из четырех периодов (палеолит, неолит, археолит, псевдолит) каменного века. Олдувайская культура по статусу занимает четвертое место после археолита и названа нами псевдолитом. Эта культура является экспериментальным производением, созданным современным человеком для создания твердой почвы духовно-интеллектуальной мысли в материальном выражении. Кроме этой периодизационной системы в литературе существуют альтернативные варианты эпохального, эволюционного развития культур каменного века Армении [Паничкина, 1950, с. 65; Сардарян, 1954, с. 38; Gasparyan, Arimura, 2014, p. 32].

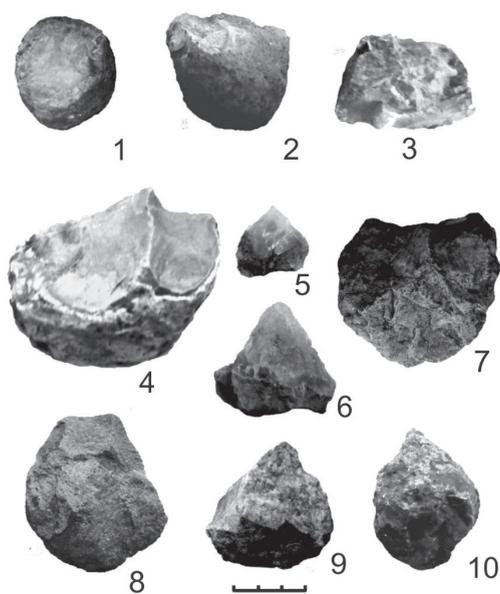

Таблица I

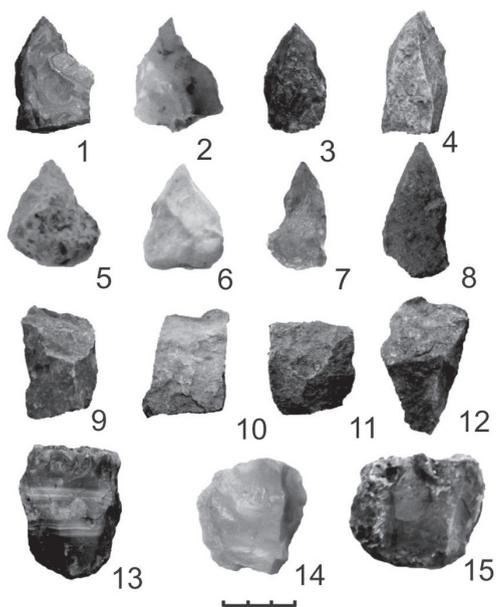

Таблица II

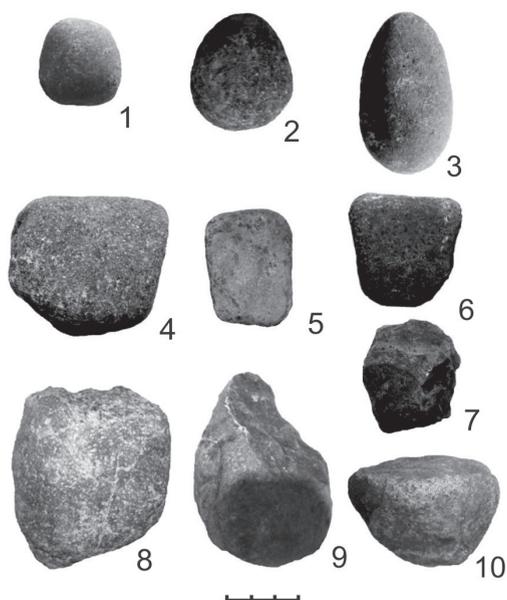

Таблица III

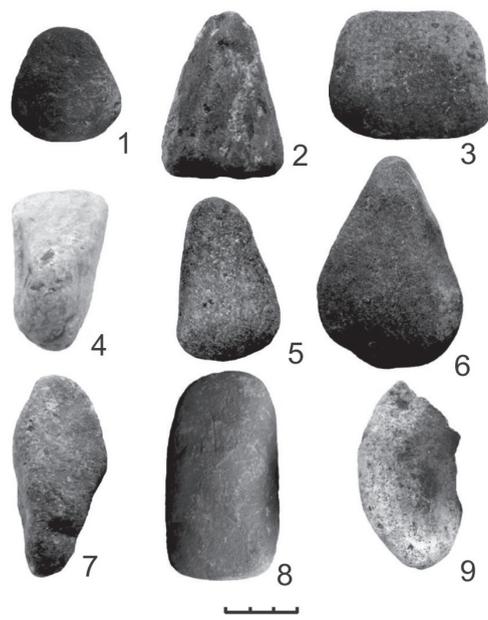

Таблица IV

Рис. 1. Табл. I. Категория галечных изделий. Шар с расколом — 1; чопперы — 2, 4, 7; двойной чоппинг — 3; бифасные формы типа *robbers pointus* — 5, 6, 9, 10; ручное рубило с отбитым острием (колун).

Табл. II. Категория расщепленных и рассеченных ядер и сколов. Треугольные сколы без отделки — 1, 2, 3; сколы с элементами обработки — 4, 7; теяские остря — 5, 6; остря с черешком — 8; кливеры (долота) на фрагментах сколов — 9-12; нуклеидные формы — 13-15.

Табл. III. Категория полированных фигур. Подквадратный 1; шаровидный — 2; овальный — 3; квадратно-плитчатый — 4; пирамидальный — 5; полиэдрический — 6; брусчатый — 7; конический — 8; сферический — 9. Из них 4, 7, 8 и 9 несут свежие следы раскола и оббивки.

Табл. IV. Категория шлифованных, стилизованных и просверленных предметов. Кон — 1; пирамида — 2; призма — 3; ступеневидные — 4, 7; топоровидный — 5, 8; грушевидный — 6; фрагмент каменной чаши с просверленной выемкой — 9.

Список литературы

1. Ерицян Б.Г. К вопросу о выделении нижнепалеолитических культур // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972. С. 24-28.
2. Ерицян Б.Г., Тадевосян С.В. Стоянка Мушакан-1 и ее Олдувайская культура // Культура Древней Армении, XIII. Материалы республиканской научной сессии. Ереван: Изд-во Мугни, 2005. С. 12-16 (на арм. яз.).
3. Ламберт Д. Доисторический человек. Кембриджский путеводитель. Л.: Недра, 1991. 255 с.
4. Паничкина М.З. Палеолит Армении. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. 100 с.
5. Сардарян С.А. Палеолит в Армении. Ереван, 1954. 182 с.
6. Тадевосян С.В. Технологические способы вторичной обработки верхепалеолитических орудий пещеры Ереван-1 // Культура древней Армении. Материалы республиканской научной сессии. Ереван, 2008. С. 11-16.
7. Gasparyan B., Arimura H. Stone Age of Armenia. Center for Cultural Resource Studies. Kanazawa University, 2014. 369 p.

Н.С. Ефремова

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
efremova@archaeology.nsc.ru

САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ¹

N.S. Efremova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

SACRAL SPACE AND ECOLOGICAL SITUATION IN A LIFE SUPPORT SYSTEM OF ANCIENT SOCIETIES

ABSTRACT: This article provides analyzes the role of religious sites in the life and activity of ancient ethnic groups, as well as the identification of the moral and ethical standards in relation to nature. Many things are sacred in the early stages of human existence. This is reflected in the monuments related to the spiritual life of society — cemeteries and shrines. Mythological stories of archaic societies reveal man's dependence on natural and climatic conditions. The harmonious coexistence of man and nature was possible only as a result of compliance with the collective set of rules. They regulate the animal production standards and restore the balance of nature by means of magic rites. The natural balance which was violated, then restored by the rituals of hunting magic. These included maintenance of industrial luck rituals and reconciliation with the slain beast, and rituals to ensure the reproduction of animals, the magic of fertility. Ritual actions were held at shrines dedicated to the forces of nature and sacred objects — spirits-owners, generic mountains, etc. The division of the world to «own» and «alien» is important and characteristic for ancient societies. The eternal problem of human — to make the surrounding space in «their» world. Sacredness of «their» territory guarantee the preservation of natural resources. Everywhere in archaic societies there is a pantheon of spirits of various host location. Sacred Grounds differentiated and received the «master», specialization of which must be successful in life support industry — hunting, fishing, gathering.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Реконструкция систем жизнеобеспечения древних обществ только по материалам поселений была бы неполной, поскольку, как правило, в данном случае наибольший процент артефактов здесь составляют объекты материальной культуры. Но жизнь человека на ранних стадиях его существования достаточно сильно сакрализована, что находит отражение на памятниках, связанных с духовной стороной жизни общества — некрополях и святилищах. Дошедшие до нас мифологические сюжеты и отдельные аспекты мировоззрения архаичных обществ выявляют достаточно сильную зависимость человека от природно-климатических условий, в которых он вынужден существовать. Эти же источники в той или иной мере определяют место социума в природе, отношение к миру вокруг него, освоение природных ресурсов и связанные с этим этические и нравственно-духовные ценности, в том числе обеспечивающие жизни общества экологическую стабильность.

Гармоничное сосуществование человека и природы было возможным только в результате соблюдения коллективом определенных правил. По мнению исследователей, охота на ранних этапах развития общества достаточно долго не оказывала значительного влияния на колебания численности и видового состава животных. Согласно данным по ряду «современных племен индейцев амазонской сельвы..., бродячих собирателей и охотников, для обеспечения пищей группы в 20-25 человек достаточно 1-2 часов (*охоты*) в сутки. ... Основные проблемы, связанные с истреблением животного мира, начались после эпохи географических открытий» [Каздым, 2007, с. 41].

Правилами, обязательными для исполнения всем участникам охотничьего промысла, устанавливалась регламентация норм добычи зверя и восстановление природного равновесия путем проведения магических обрядов, способствовавших, согласно верованиям родового коллектива, воспроизводству изъятой у природы охотничьей добычи. Так у многих этносов этнографы отмечают наличие обязательного ритуала возвращения костей убитого животного в среду обитания. Одним из подобных ритуалов является неоднократно описанный в литературе по северным народам медвежий праздник [Молодин, Ефремова, 2010, с. 215–217]. Нарушенное же природное равновесие восстанавливалось ритуалами охотничьей магии, различные виды которой могли бытовать одновременно у одного и того же коллектива и применяться в соответствии с потребностями рода. Как правило, сюда входили, с одной стороны, обряды обеспечения промысловой удачи и примирения с убитым зверем, с другой — ритуалы, гарантирующие воспроизводство животных, магия плодородия [Там же, с. 211]. Как правило, подобные обрядовые действия проходили на святилищах, посвященных силам природы и священным объектам — духам-хозяевам, родовым горам и т.п.

Немаловажным в связи с этим является характерное для древних обществ деление мира на «свой» и «чужой». По мнению Ю.Б. Серикова, «в чужом мире сконцентрированы неконтролируемые обычными средствами силы. Любое нарушение равновесия между мирами влечет опасные для людей последствия. Нарушенную гармонию можно восстановить с помощью соответствующего ритуала. Первобытный коллектив через ритуалы и обряды стремился установить символический контакт с иным миром» [Сериков, 2007, с. 129]. Задачей человека на протяжении веков становится «окультуривание» окружающего пространства и перевод его в «свой» мир. Так алтайцы до этнографического времени могли связывать происхождение своего рода с горой или деревом, родственная связь обуславливала не только определенные нормы поведения, но и вышеупомянутую градацию окружающего мира по принципу «свой-чужой» [Макарова, Зимин, 2003].

Сакральность «своей» территории гарантировала сохранность природных ресурсов. Не случайно у многих этносов этические нормы отношения к окружающему миру постулируются через мифо-ритуальные системы, в почитании окружающих ландшафтов воплощается «слияние социальной и мифологической территории» [Макарова, Зимин, 2003, с. 226]. По мере развития общества на смену аниматизму приходит антропоморфизация природы. Практически повсеместно у архаических обществ появляется пантеон всевозможных духов-хозяев местности, каждый из которых имеет свою сферу влияния и, соответственно, свою среду обитания — горную, лесную, водную и т.п. Сакральная территория дифференцируется и получает «хозяина», узкая специализация которого, по-видимому, с большей эффективностью должна обеспечить успех в той или иной отрасли жизнеобеспечения — охоте, рыбалке, собирательстве и др.

Наличие сакрализованного пространства — один из важных признаков культового памятника. Согласно данным этнографии, отдельные природные объекты и священные места могли являться для родового коллектива не только территорией для отправления ритуалов и общения с высшими силами, но и ориентирами и условными символами границ обитания данного рода — опять же — «своей» территории [Макарова, Зимин, 2003, с. 226]. Особый интерес, в связи с этим, вызывают представления о «хороших» и «плохих» местах [Данченко, 2007, с. 99]. Соглашаясь с исследователем в том, что выбор критериев для отнесения объекта к той или иной местности достаточно сложен, можно предположить, что «плохое» место является таковым в силу нарушенного природного равновесия и одним из вариантов решения проблемы мог бы быть запрет на посещение этой территории до восстановления экологического паритета.

Кроме того, анализ материалов святилищ позволяет определить нюансы вариантов жизнеобеспечения общества — будь то ассортимент промысловых орудий (наличие наконечников стрел — охота; крючков, гарпунов — рыболовство и т.д.) или анализ остатков содержимого сосудов (рыбьи, птичьи кости, зерна и т.д.) либо нагара с последних. При этом состав остеологической коллекции также поможет выявить наиболее значимые для коллектива промысловые или домашние виды животных. По-видимому, имеет немаловажное значение и обнаружение остеологического материала на памятнике культовой направленности, поскольку в жертву высшим силам, как правило, приносилось что-то ценное. Так, например, археологическими исследованиями установлено, что для древнего общества, оставившего святилище Усть-Полуй близ Салехарда, наиболее значимыми являлись северный олень и собака, определенное, возможно, ритуальное значение имели заяц и бобр [Бачура, 2011, с. 147]. Для алтайских народов с эпохи бронзы до этнографической современности большое значение имел мелкий рогатый скот, что прослеживается на материалах святилища Кучерла-1 в Горном Алтае [Молодин, Ефремова, 2010].

И наконец, мифо-ритуальные знания древних обществ включали в себя не только описания влияния сил природы на человека, но и сакрализованные действия человека, направленные на окружающий мир вне священной территории с целью устранить природные катаклизмы и бедствия (например, засуха, падеж скота и пр.), что хорошо прослеживается по материалам этнографии. Отдельные элементы обрядов позволяют предположить зарождение этих культов в глубокой древности. Так основы ритуала опахивания реки у русских крестьян, по мнению С.А. Токарева, могли оформиться еще в эпоху матриархата [Любимова, 1996, с. 166].

Таким образом, культовые объекты позволяют существенно дополнить и уточнить социальные реконструкции, поскольку здесь сохраняются чрезвычайно редкие материалы — следы иррациональных знаний архаичных обществ.

Список литературы

1. Бачура О.П. Костные остатки млекопитающих из археологического памятника Усть-Полуй (раскопки 2006 г.) // Экология древних и традиционных обществ. Доклады конференции. Вып. 4. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. С. 145–147.
2. Данченко Е.М. К изучению археологических микрорайонов // Экология древних и традиционных обществ. Доклады конференции. Вып. 3. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 96–99.
3. Каздым А.А. Экологические проблемы древности — историческая ретроспектива // Вестник международной академии наук (русская секция). 2007. № 1. С. 39–43.
4. Макарова Е.В., Зимин Н.Ю. Реальное и мифологическое пространство алтайских шаманистов (на материале алтайских названий гор) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Материалы международной науч.-практ. конф. Вып. 5. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2003. С. 225–226.
5. Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю — культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 264 с.
6. Любимова Г.В. «Пахание реки» и другие способы борьбы с засухой в обряде русских крестьян Западной Сибири // Этнография Алтая (Материалы II науч.-практ. конф.). Барнаул: Полиграфист, 1996. С. 164–167.

7. Сериков Ю.Б. Об использовании уральских пещер в древности (к вопросу о соотношении производственно-бытовых и культовых комплексов) // Экология древних и традиционных обществ. Доклады конференции. Вып. 3. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 128–132.
8. Скочина С.Н. Ассортимент костяных изделий как один из показателей механизма жизнеобеспечения населения Тоболо-Ишимья (неолит-энеолит) // Экология древних и традиционных обществ. Доклады конференции. Вып. 3. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 132–136.
9. Турлунова С.Н. Традиционная экологическая этика алтайских охотников // Этнография Алтая и сопредельных территорий (Материалы III научно-практической конференции). Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. С. 237.

Список сокращений

БГПУ — Барнаульский государственный педагогический университет
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

V.A. Zakh

Институт проблем освоения Севера СО РАН,
Тюмень, Россия
viczakh@mail.ru

**ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ В ПЕРЕХОДНОЕ ОТ БРОНЗЫ
К ЖЕЛЕЗУ ВРЕМЯ В ЛЕСОСТЕПИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

V.A. Zakh

Institute of the Problems of Northern Development SB RAS,
Tyumen, Russia

**THE SETTLEMENTS STRUCTURES OF THE TRANSITIONAL PERIOD
FROM THE BRONZE AGE TO THE IRON AGE
IN THE FOREST-STEPPE OF WESTERN SIBERIA**

ABSTRACT: In recent decades, in the Tobol basin, the Barabinskaya forest-steppe, the Ishim basin the settlement complexes of the transition period from Bronze to Iron Age were investigated. These complexes are presented in the form of areas with a circular system of fortifications belonging to Eastern variant of the Itkul culture, segments (sectors) bounded by ditches (Chicha I) and groups of multi-temporal settlements (Borky I, the settlements in natural boundary of Maray). The materials allow analyzing the settlements structures developing within a relatively short period of transition from the Bronze to the Early Iron Age on compact and liveable areas in the considered regions. Complex Chicha I in the Baraba is located on the high terrace area in the system of the river Kargath and lake Chicha. Judging by the magnetogram the original complex was the sanctuary of the Irmen culture bounded by the ditch (ditch A). Then in the period of the Late Irmen culture at this place was built the settlement (citadel), which was increased on the area in a North-East direction due to the emergence of new segments (sectors) bounded by ditches. According to researchers, residential sites IIIa and IIIb, which were built and inhabited by people of the Late Irmen culture and population of the Berlik culture (migrants from the steppe – it's the territory of Northern Kazakhstan now), were joined to the Late Irmen culture "citadel" with areas IIa and IIb. Other settlements of this time with the ground-based dwellings were investigated in the Lower and Middle Tobol basin. In this region settlements of the Eastern variant of the Itkul culture population had a circular layout. Settlements fortified by ditches and ramparts adjoined to each other or were located at a small distance from each other. In the Ishim and Irtysh rivers basin

population of the Krasnoozersk culture and subsequent population lived within one settlement. The appearance in the forest-steppe of Western Siberia settlement structures in the form of segments (Chicha 1) and the settlements of the annular shape of the adjacent grounds most likely were connected with the processes of interaction and the structure of marital relations between groups of different cultures representing the local forest-steppe population of the Late Bronze Age and migrants from the Northern territories decorating vessels with ornaments in the form of a cross. Differences between settlement structures of the mentioned regions probably were due to the different degree of proximity between interacting ethnic groups.

В последние десятилетия в лесостепи, от восточных склонов Урала до Оби, исследовано значительное количество поселенческих комплексов переходного от бронзы к железу времени, среди которых выделяется комплекс Чича-1, расположенный в Барабинской лесостепи и изучавшийся в начале 2000-х гг. [Молодин и др., 2004]. Примерно в этот же период в Нижнем Притоболье исследовались поселенческие площадки с круговой системой укреплений, относящиеся к восточному варианту иткульской культуры [Зими́на, 2006]. Позднее в Нижнем Приишимье проводились исследования на городище Борки-1 и группе разновременных поселений в урочище Марай [Зах и др., 2015]. Появившиеся материалы позволяют проанализировать поселенческие структуры, развивающиеся в пределах достаточно короткого периода переходного от бронзы к раннему железному веку времени на компактных и удобных для проживания территориях в рассматриваемых регионах Западной Сибири.

Наиболее исследованный комплекс переходного времени Чича-1 в Барабе располагается на высокой террасе-гриве, в системе р. Каргат и оз. Чича, представляет собой первоначально, возможно, святилище ирменской культуры, ооконтуренное рвом А, затем позднейирменский поселок-городище (цитадель), расширяющийся в северо-восточном за счет появления новых сегментов-секторов, ограниченных рвами¹ [Молодин и др., 2004, с. 6, 7, рис. 2, 3]. Судя по магнитограмме, в целом памятник выглядел как четыре сегмента, в каждом из которых находились жилые и хозяйственные сооружения, сектора отделялись друг от друга прерывающимися и сплошными рвами, общая площадь составляла 49 000 кв. м. По мнению исследователей, к позднейирменской «цитадели» с площадками Па и Пб **примкнули жилые площадки Ша и Шб, которые осваивались позднейирменцами и мигрантами «берликцами»** пришедшими, по мнению исследователей, из Северного Казахстана. Вначале осваивались «цитадель» и площадка Ша, где **встречено 86% позднейирменской**, 11% берликской и 2% красноозерской посуды, а затем и сектор Шб с 52% берликской и 17% красноозерской посуды [Молодин и др., 2009, с. 53]. В жилом комплексе на площадке IVa присутствует 84% красноозерской посуды и 3% берликской, хотя этот сектор поселения сформировался позднее предыдущих [там же, с. 53]. Различное соотношение посуды наблюдается и в жилищах, например, в котлованах 8 и 8а раскопа 5, где при равном количестве позднейирменской посуды, в камере 8 преобладала красноозерская, а в 8а — берликская керамика. В целом для жилища 8-8а соотношение рассматриваемых групп посуды очень близко и составляет около 1/3 каждой от всего комплекса [Там же, с. 48].

Несколько иные поселенческие структуры этого времени с наземными жилищами исследованы в Нижнем и Среднем Притоболье, где площадки представлены круговыми системами рвов и валов, иногда смыкающимися или расположенными невдалеке друг от друга. Скопления поселенческих площадок локализуются как в речных, так и в озерных системах, наиболее известные, относящиеся к восточному варианту иткульской культуры открыты у д. Юртобор на Тоболе и в системе Андреевских озер [Зими́на, 2006]. Классическим примером развития данных комплексов является ряд круговых площадок расположенных на мысу у слияния Тобола и Тапа, население которых, судя по материалам и радиоуглеродным датам, строило новые поселки, продвигаясь из глубины мыса к его оконечности, следуя, вероятно, за руслом Тобола. Формирование иткульских комплексов, принимая во внимание материалы городища Усть-Утяк-1 [Кайдалов, 2013], происходило в ходе ассимиляционных процессов местного бархатовского и пришлого с севера населения

¹ Большая часть памятника распахивалась.

с посудой орнаментированной крестовыми узорами, взаимодействие, вероятнее всего, продолжалась и в последующее время с постепенным ослаблением северных традиций. Эти процессы отразились в структуре поселений восточного варианта иткульской культуры, расположившихся в последовательности Карагай-Аул- 4 → Карагай Аул-1 → Вак Кур-2 → Юртобор-6. Первый и последний в этой последовательности круговой поселок, различаются размерами и расположением жилищ, в первом случае по кругу, во втором – хаотично. Комплексы Карагай Аул-1 и Вак Кур-2 это сдвоенные овальная и круглая площадки, различающиеся размерами, расположением жилищ внутри площадок и наличием у укрепленного поселка Вак Кур-2 за пределами огороженной площади наземных жилищ. В пределах восточного иткульского ареала культуры встречаются как смыкающиеся круговые системы, так и расположенные рядом друг от друга, редко встречаются и неукрепленные поселки. Судя по керамическим комплексам жилищ с овальной и круглой площадок поселка Карагай Аул-1, на них обитало население с разными керамическими традициями, на овальной с продолжающей доминировать лесной (гамаюнской), на округлой — местной (бархатовской) [Зах, Зими́на, 2005]. В целом отмеченная последовательность поселенческих комплексов отражает развитие восточных иткульских материалов сформировавшихся при ассимиляции местной и пришлой культур.

Аналогичный процесс отмечается и в Нижнем Приишимье и Прииртышье, где также происходило взаимодействие местного населения с северными носителями посуды с крестовой орнаментацией. Результатом ассимилятивных процессов стало формирование симбиозной красноозерской культуры с последующим развитием журавлевских комплексов. Наиболее отчетливо эти процессы фиксируются на городище Борки-1, на котором, скорее всего в неукрепленном поселке/поселках обитало сузгунское и красноозерское население, а сформировавшееся впоследствии журавлевское освоило пространство памятника в пределах внешней оборонительной системы. В урочище Марай несколько поселений периода поздней бронзы — переходного времени и раннего железа, позволяют проследить последовательность освоения территории. В позднебронзовое время заселялись пониженные участки останца террасы, затем поселок начального этапа переходного времени от бронзы к раннему железу был сооружен на краю террасы, а позднежуравлевское укрепленное поселение, поселок начала раннего железа и саргатский находились в глубине террасы в пределах самой высокой точки этой части урочища.

В Прииртышье представляет интерес Инберенский комплекс памятников, где на ограниченном участке, согласно исследователям, расположено три последовательно развивающихся поселка — Инберень-5 → Инберень-7 → Инберень-6, но нельзя исключить и иную взаимосвязь между этими памятниками. Например, как в Притоболье комплекс, состоящий из соприкасающихся овальной и круглой площадок поселка Карагай Аул-1, где на площадках обитало разнокультурное население, на овальной представители гамаюнской, на круглой — бархатовской керамических традиций.

Таким образом, в лесостепной части от Тобола до Барабы в переходное время можно выделить три поселенческих структуры, сходство которых заключается в освоении определенных ограниченных участков с благоприятными природными условиями для ведения хозяйства. Различия заключаются в самой структуре поселков: в первом случае это одно первоначальное поселение, развивающееся на протяжении достаточно длительного времени, примером может служить Чича-1. Во втором, ряд поселков одинарных, двойных смыкающихся площадок или находящихся на небольшом расстоянии друг от друга, например, комплекс у д. Юртобор, в Приобье это, возможно, поселения Завьялово-1 и 5 расположенные рядом в устье р. Каракан у с.Завьялово. В Приишимье и Прииртышье это комплекс хронологически сменяющих друг друга поселений, участки которых осваивались достаточно длительное время, например, с эпохи бронзы до формирования саргатской культуры (комплексы в урочище Марай), иногда нескольких веков (Борковское городище, Инберенский комплекс).

Структура поселений восточного варианта иткульской культуры в Притоболье является наиболее яркой и показательной и позволяет рассматривать их как комплексы, отражающие процесс ассимиляции, в том числе развития семейно-брачных и экономических отношений местного

и пришлого населения [Зах, Зими́на, 2005]. Несколько отличающаяся от иткульской пространственная структура поселка Чича-1, также отражает, на наш взгляд, процесс развития ирменского, позднеирменского населения и ассимиляцию последнего с носителями посуды с крестовыми традициями. В связи с этим, встает вопрос, насколько правомерна гипотеза о миграции с территории Северного Казахстана в Барабу берликовского населения. На наш взгляд, положение поселков переходного времени на достаточно высоких гипсометрических отметках и особенно территориях, прилегающих к озеру Чаны, свидетельствует о достаточно сильной обводненности региона, что не способствовало занятию скотоводством. Что же могло привлекать скотоводов Северного Казахстана в Барабе? На этот вопрос ответа нет. Мы склонны рассматривать «берликцев» поселка Чича-1 как население, сформировавшееся в результате ассимилятивных процессов позднеирменского и носителей пришлых северных традиций, близких в большей степени к позднебронзовым керамическим традициям.

Появление в Притоболье, в Барабе и, возможно, Приобье, поселенческих структур в виде сегментов (Чича-1) и поселений кольцевой формы соприкасающихся или находящихся рядом друг с другом, связано, скорее всего, с процессами взаимодействия и структурой брачных отношений, двух разнокультурных традиций — местных позднебронзовых комплексов и северных с крестовой орнаментацией посуды. В Приишимье и Прииртышье отмечается несколько иная поселенческая структура, при явном взаимодействии в переходное время от бронзы к железу местной сузгунской и пришлой таежной культур сближение и ассимилятивные процессы протекали в пределах одного поселка. Об этом свидетельствуют как красноозерские поселения, так и последующие за ними журавлевские комплексы [Матвеев, Горелов, 1993; Панфилов и др., 1991; Зах и др., 2015]. Не исключено, что различия обусловлены разной степенью близости между взаимодействующими этническими группами. Если между бархатовскими, позднеирменскими и комплексами с посудой украшенной крестовыми орнаментами отсутствуют какие-либо общие черты, то сузгунское и пришлое с севера атлымское и отчасти лозьвинское население имели в своих основах гребенчатоямочный компонент, что вероятно, упрощало ассимилятивные и брачные отношения. Вероятно, по этой причине на раннем этапе взаимодействия местных и пришлых комплексов не возможно определенно выделить, как это сделано в бархатовско-гамаюнских [Кайдалов, 2013], позднеирменских и струйчато-крестовых [Троицкая и др, 1989], симбиозных керамических материалов поэтому исследователи разделяют сузгунские и крестовые комплексы, правда в последующие этапы местные и пришлые керамические традиции уже слабо различимы.

Список литературы

1. Зах В.А., Зими́на О.Ю. О дуальной организации древних обществ Западной Сибири (по археологическим материалам) // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Т. 1. Новосибирск: НГПУ, 2005. С. 112–119.
2. Зах В.А., Илюшина В.В., Тигеева Е.В., Еньшин Д.Н., Костомаров В.М. Закрытый журавлевский комплекс городища Борки-1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 2 (29). С. 4–14.
3. Зими́на О.Ю. Иткульская культура в Нижнем Притоболье (восточный локальный вариант): автореф. канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. 23 с.
4. Кайдалов А.И. Городище Усть-Утяк-1 как источник по изучению культурно-исторических процессов на территории Среднего Притоболья в переходное от бронзы к железу и эпоху раннего средневековья: автореф. канд. ист. наук. Кемерово, 2013. 23 с.
5. Матвеев А.В., Горелов В.В. Городище Ефимово-1. Препринт. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. 75 с.
6. Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабин-

- ской лесостепи. Новосибирск; Берлин: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 2. 336 с. (Материалы по археологии Сибири; вып. 4).
7. Молодин В.И., Парцингер Г., Кривоногов С.К., Казанский А.Ю., Чемякина М.А., Матасова Г.Г., Васильевский А.Н., Овчаренко А.С., Гришин А.Е., Ермакова Н.В., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Некрасова О.А., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Зубова А.В., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., Пилипенко А.С., Ромашенко А.Г., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Новикова О.И., Васильев С.К., Шнеевайсс Й., Приват К., Болдырев В.В., Дребущак В.А., Дребущак Т.Н., Дервянко Е.И., Бородовский А.П., Боургарит Д., Рейхе И., Кузьминых С.В., Марченко Ж.В. Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 3. 248 с.
 8. Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А. Боровлянка 2 — памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1991. С. 25–50.
 9. Троицкая Т.Н., Зах В.А., Сидоров Е.А. Новое о завьяловской культуре // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: ТюмГУ, 1989. С. 103–116.

А.С. Зеленков

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия
qvimen@hotmail.com

ПРИСПОСОБИТЕЛЬНЫЕ НАВЫКИ ГОНЧАРОВ БАКАЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛОВСКОГО ГОРОДИЩА)

A.S. Zelenkov

Tyumen State University, Tyumen, Russia

ADAPTIVE LABOR SKILLS POTTERS OF BAKAL CULTURE (ON MATERIALS KOLOVSKOE SETTLEMENT)

ABSTRACT: In recent studies covered questions about the economy, dispensation, diet of Bakal culture forest-steppe of West Siberia. Nevertheless, today we have little knowledge about pottery skills of early medieval population. For this purpose involved a technical-technological analysis of 22 Bakal vessels from collection of Kolovskoe settlement. It was carried out in the framework of the historical-cultural scientific approach of A.A. Bobrinsky, based on structure of the pottery industry. We characterized adaptive labor skills Bakal potters (selection of raw plastic materials, preparation of molding compounds, surface treatment of vessels and firing products). It was found that in Bakal pottery used natural ferruginized, at least — silty clays. It added fireclay and organic solution in the form of squeeze manure ruminant animals and organic solutions. Surface treatment was carried out with a hard object, possibly a splint or wooden knife. Firing was performed in reduction and redox environments after brief exposure temperatures of incandescence.

В исследованиях по бакальской культуре IV-XIV вв. лесостепи Западной освещены вопросы о хозяйстве [Рафикова, Чикунова, 2012], домостроительстве [Берлина, Рафикова, 2014], рационе питания [Матвеева и др., 2011]. При этом о ремесленных навыках, в частности, гончарных на сегодня известно немного. Попытки систематизации представлений о бакальском гончарстве предпринимались в рамках описательного (вторая половина XX в.), формально-классификационного и историко-культурного подходов (начало XXI в.). В итоге сегодня выделены морфологические

группы бакальской керамики [Рафикова, 2012], их функциональное предназначение [Матвеева и др., 2008]. Вместе с этим детализирован компонентный состав бакальского культурогенеза, где в числе саргатской наблюдается влияние среднеазиатской традиции [Матвеева, Кобелева, 2013]. Однако при относительной изученности бакальского материала, остается не раскрытым вопрос о навыках гончарного производства раннесредневекового населения Западной Сибири.

С целью выявления традиций в керамическом производстве бакальской культуры проведен технико-технологический анализ 22 сосудов бакальской культуры из коллекции Коловского городища. Он осуществлялся в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским, и выделенной им структуры гончарного производства [Бобринский, 1978, 1999]. Для более строгого определения степени ожелезненности исходного пластичного сырья и характера искусственных и естественных примесей небольшие обломки от каждого экземпляра были подвергнуты дополнительному нагреву в муфельной печи до 850 °С. Следует отметить, что изученный материал в силу своей фрагментированности позволил выявить лишь приспособительные навыки труда гончаров бакальской культуры (отбор исходного пластичного сырья, составление формовочных масс, обработка поверхностей сосудов и обжиг изделий).

Отбор, добыча, подготовка исходного сырья (ступени 1-3). По изученному материалу выявлено два вида исходного пластичного сырья (далее — ИПС): природные ожелезненные глины (Г) (16 сосудов) и илистые глины (ИГ) (6 сосудов). В обоих видах ИПС наблюдаются следующие естественные примеси: 1) тонкозернистый и среднезернистый прозрачный, матовый полуокатанный и окатанный песок размером от менее 0,1 до 0,5 мм, встречаются включения до 0,8 мм; 2) рыхлые железистые включения коричневого и рыжего цветов размером 0,2-0,5 мм, редко — 1,0-3,0 мм; 3) бурый железняк оолитовой формы размером 0,8-4,0 мм; 4) встречаются листочки слюды размером до 0,3 мм. В изломах сосудов, изготовленных из илистых глин [Васильева, 2013, с. 74] кроме вышеперечисленных естественных компонентов зафиксированы отпечатки от обрывков водной и околородной растительности длиной от 2,5 до 8,0 мм, а также обломки костей (размером 1,0-2,0 мм) и чешуи (размером 5,0 мм) рыб.

Различная степень запесоченности ИПС, выявленная в ходе изучения состава формовочных масс бакальских сосудов, позволяет говорить о том, что при их изготовлении использовалось слабозапесоченное, среднезапесоченное и сильнозапесоченное сырье. Слабозапесоченное ИПС (8 сосудов) содержит незначительное количество пылевидного песка (менее 0,1 мм), а также мелкий песок размером 0,1-0,3 мм (10-20 включений на 1 см²), вместе с этим встречаются единичные песчинки размером от 0,4 до 0,7 мм. Среднезапесоченное ИПС (5 сосудов) содержит песок размером от менее 0,1 до 0,1-0,3 мм в концентрации 40-70 включений на 1 см². Сильнозапесоченное ИПС (9 сосудов) характеризуется наличием пылевидной фракции и песчинками размером 0,1-0,3 мм, редко — 0,5-1,5 мм, в концентрации более 80 включений на 1 см².

Исходя из наблюдений, представляется, традиционным для бакальского гончарства был отбор запесоченных ожелезненных глин, о чем говорит превалирование данного ИПС в выборке.

Отсутствие признаков предварительного высушивания и дробления ИПС (не растворившиеся комочки глины, линзы разной цветности, следы дробления естественных примесей и др.), позволяет говорить об использовании всех выделенных видов сырья в состоянии естественной увлажненности.

Составление формовочных масс (ступень 4). Искусственные примеси, вводимые в ИПС бакальскими гончарами, представлены шамотом, органическими растворами и навозом жвачных животных.

Шамот (Ш) присутствует во всех образцах. Данная примесь, скорее всего, не подвергалась калибровке, а допускалась лишь верхняя его крупность чаще всего не превышающая 3,0 мм, при этом зачастую фиксируются включения размером до 7,0 мм. Концентрация данной минеральной примеси в формовочной массе составляет 1:5 (9 сосудов) и 1:6 (11 сосудов), редко 1:4 (1 сосуд) и 1:7 (1 сосуд).

Органические компоненты формовочных масс сосудов представлены органическими растворами. На сегодняшний день мы можем предположить две его разновидности. Первый органический компонент формовочной массы фиксируется по присутствию в изломах удлиненных трещин

размером 1-3 мм, а также маслянистыми бесцветными, черными углистыми налетами на участках изломов. Данные признаки указывают на наличие органических растворов (ОР), изготовленных на основе веществ животного или растительного происхождения.

Другой органический раствор характеризуется присутствием в изломах незначительного количества отпечатков сильно измельченной растительности размером 0,3-2,0 мм, аморфных и конусовидных трещин с внешним диаметром до 2,0-2,5 мм, а также матовых или серых налетов на участках изломов. По особенностям следов, оставленных выгоревшей органикой, предполагается наличие органического раствора в виде выжимки из навоза жвачных животных.

Следы использования навоза жвачных животных (Н) зафиксированы по изломам лишь двух сосудов. Данная примесь характеризуется наличием отпечатков и обуглившихся остатков растительности со следами деформации (перекусывание, расщепление) размером до 2,0-2,5 мм в достаточно высокой концентрации.

Таким образом, на основании сочетания различных видов ИПС и выявленных искусственных примесей удалось выделить пять рецептов, характерных для бакальской керамики с Коловского городища: Г+Ш+Н (3 сосуда); Г+Ш+В (9 сосудов); Г+Ш+ОР (2 сосуда); Г+Ш (1 сосуд); ИГ+Ш+ОР (7 сосудов). Технично-технологическому анализу подвергался также и шамот как основной компонент формовочных масс, т.к. его состав может указывать на степень устойчивости навыков труда на некоторых ступенях гончарного производства [Цетлин, 1980, с. 11]. Наблюдения показали, что раздробленные и пошедшие на шамот сосуды изготавливались из сырья различной степени запесоченности. В семи сосудах в составе шамота отмечен шамот, в двух образцах — в сочетании с отпечатками растительности. В изломах одного сосуда обнаружен шамот с тальком. Анализ состава формовочных масс шамота свидетельствует о доминировании традиции применения его в качестве искусственной примеси. Наличие единичных включений шамота, в состав которого входит тальк может указывать на контакты бакальского населения с группами, владеющими данными навыками гончарного производства.

Способы механической обработки поверхности (ступень 8) удалось определить у половины сосудов. Практически во всех случаях внешняя и внутренняя поверхности изделий обрабатывались путем заглаживания твердым предметом, возможно деревянным ножом или щепой.

Придание прочности и устранение влагопроницаемости стенок сосудов (ступени 9–10) осуществлялось путем обжига высушенных изделий. Наблюдения показали, что часть сосудов имеет однородный темно-серый излом (13 сосудов). Другая часть сосудов имеет двухцветную окрашенность излома — темно-серую сердцевину и светло-коричневую прослойку мощностью от 1,0 до 2,5 мм, прилегающую к внешней или внутренней стенке сосудов (9 сосудов). Данные цветовые особенности указывают на то, что большая часть сосудов обжигалась в условиях восстановительной среды. Остальная посуда, имеющая двухцветную окрашенность излома, обжигалась в окислительно-восстановительной среде с непродолжительным воздействием температур каления глины (от 650°-700° и выше).

Таким образом, для керамического производства бакальского населения Коловского городища было характерным использование в качестве исходного сырья ожелезненных природных глин, реже — илестых глин. В исходное сырье добавлялись шамот и органика, представленная выжимкой из навоза жвачных животных и органическими растворами навозом жвачных животных, выжимкой из него и органическими растворами. Обработка поверхности осуществлялась твердыми предметами, возможно, щепой или деревянным ножом. Обжиг производился, в основном, в восстановительной и окислительно-восстановительной средах при непродолжительном воздействии температур каления. В отличие от экземпляров с ранних некрополей (Устюг-1 и Козловский) исчезает традиция добавления песка и дробленой кости в состав формовочной массы, что может говорить о смене историко-культурной обстановки в V-VIII вв. н.э. в ареале бакальской культуры [Матвеева, Кобелева, 2013, с. 71]. Можно предположить, что данные изменения связаны с активизацией в степи тюркских кочевников, обусловившей формирование тесной контактной зоны в лесостепи Урало-Сибирского региона между бахмутинскими, турбаслинскими, кушнаренковскими и бакальскими группами населения, что подтверждается распространением в их керамическом производстве рецепта глина+шамот+органика [Фазрахманова, 2011, с. 116-118; Васильева, 1993, с. 44-46], схожих форм и орнаментальных мотивов в посуде.

Список литературы

1. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
2. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5-110.
3. Васильева И.Н. О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4. С. 73-83.
4. Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X-XII вв. Екатеринбург, 1993.
5. Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Рафикова Т.Н. Изучение диеты средневековых насельников Зауралья // Экология древних и традиционных обществ: докл. конф. Тюмень, 2007. Вып. 3. С. 111-116.
6. Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. Новосибирск: Наука, 2008. 240 с.
7. Матвеева Н.П., Кобелева Л.С. К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культурогенеза лесостепного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3. (22). С. 68-78.
8. Рафикова Т.Н. Бакальская культура лесостепного и подтаежного тоболо-ишимья: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010.
9. Рафикова Т.Н., Берлина С.В. Жилище бакальской культуры Усть-Терсюкского-1 городища // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2. (46). С. 95-101.
10. Фазрахманова А.К. Приспособительные гончарные традиции населения, оставившего Бирский могильник // Материалы IV Башкирской археологической конференции. Сибай, 2011. С. 116-118.
11. Цетлин Ю.Б. Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита // СА. 1980. № 4. С. 9-15.

О.Ю. Зимина

Институт проблем освоения Севера СО РАН,
Тюмень, Россия
o_winter@mail.ru

ПОСЕЛЕНИЯ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА р. ТУРЕ¹

O.Yu. Zimina

Institute of the Problems of Northern Development SB RAS,
Tyumen, Russia

SETTLEMENTS OF THE TRANSITIONAL PERIOD FROM BRONZE AGE TO IRON AGE AND THE EARLY IRON AGE ON THE TURA RIVER

ABSTRACT: This report will be devoted to the new settlements which were found on the Tura River. Settlements are located on a small lake, which was before the riverbed Tura, and belong to the different archaeological cultures. Preliminary analysis allows supposing the sequence of their functioning and excavations will give the details.

При изучении археологических древностей зачастую фиксируются территории, которые регулярно заселялись человеком. Это обусловлено, с одной стороны, самой местностью и ее особыми

¹ Работа выполнена при поддержке Администрации г. Тюмени (муниципальный грант № 46-г).

характеристиками, обеспечивавшими потребности древнего населения, с другой, цикличностью климатических изменений, позволявшей древнему населению заселять одни и те же участки местности в разные хронологические периоды.

Три небольших разнокультурных поселения были обнаружены на правом берегу р. Туры на северном берегу старичного оз. Якушкино к северу от д. Мотуши Ярковского района. Два из них расположены на протяжении 200 м вдоль береговой линии, одно удалено от края террасы на 200 м вглубь. Точные датировки поселений еще не известны. Однако, имея только предварительные данные об их хронологической позиции и культурной принадлежности, учитывая основные принципы палеоэкономического анализа и палеоэкологического подхода, можно сделать некоторые выводы. Применение различных подходов, использующихся при проведении палеоэкономического анализа, позволяет еще до раскопок получить первичные сведения о некоторых принципах расселения обитателей вновь выявленных поселков.

Городище Якушкино-1 располагается в лесу в 200 м от края террасы. Округлую площадку диаметром 40 м оконтуривают остатки укреплений в виде слабовыраженных в рельефе вала и рва. Вал шириной около 3–4 м, высотой около 0,2–0,3 м, с внешней стороны к нему примыкает ров шириной 2–3 м, глубиной до 0,2 м. На площадке фиксируются остатки трех сооружений наземного типа в виде округлой и овальных приподнятых площадок. Их размеры составляют от 7,5x12 до 9x15 м, высота не более 0,2–0,25 м. Все три сооружения окружены ямками диаметром 2–3 м, глубиной 0,1–0,2 м. Городище относится к восточному варианту иткульской культуры переходного времени от бронзы к железу VIII — VI вв. до н.э. [Зими́на, Зах, 2009].

Поселение Якушкино-2 располагается в 200 м к югу от городища Якушкино 1 на краю террасы северного берега старицы. Поселение состоит из 7 сооружений наземного типа, расположенных в линию с ЮЗ на СВ вдоль края террасы. Остатки сооружений представляют собой большие приподнятые площадки размерами от 11x13,5 до 15x16 м, высотой 0,15–0,3 м. Южный край двух сооружений нарушен грунтовой дорогой, проходящей с ЮЗ на СВ вдоль края террасы. Предварительно поселение может быть отнесено к гороховской культуре (воробьевского (?) этапа) раннего железного века и датировано второй пол. I тыс. до н.э.

Поселение Якушкино-3 примыкает с запада к поселению Якушкино 2. Состоит из 20 западин, расположенных компактно, но без определенной системы на площади 70x85 м. Остатки сооружений представляют собой разного размера западины, в том числе парные и тройные. Размеры западин от 2x3,5 до 7,5x10 м, глубиной 0,2–0,6 м. По восточному краю поселения с севера на юг проходит противопожарная траншея, в разрушениях которой обнаружены неорнаментированные фрагменты керамики, предположительно раннего железного века. Характерные особенности остатков сооружений (наличие примыкающих друг к другу больших и малых западин) вызывают ассоциации с саргатскими поселениями Притоболья.

Наиболее ранним среди названных поселений является слабо укрепленное поселение восточного варианта иткульской культуры Якушкино-1. В целом для территории Притоболья не характерны такие небольшие поселки. Поселений, диаметр огороженной площадки которых составляет 40–50 м, насчитывается не более пяти: Бор-1, Рафайловский «городок», Андреевское 5 городище, Онуфриевский борок-4, Пламя Сибири-3/А. Размеры остальных 35 известных городищ варьируют от 70 м в диаметре до 260 x 315 м [Зими́на, Зах, 2009, с. 148]. Расположение поселка в глубине террасы, небольшая площадь, три постройки, позволяют предположить, что это мог быть сезонный поселок небольшой группы (родственников?). На противоположном правом берегу Туры — в пределах Туро-Пышминского междуречья на протяжении 10 км до слияния этих рек на старичных озерах расположены около десятка слабо укрепленных поселений — городищ восточного варианта иткульской культуры (комплекс Пламя Сибири-1-4, Антоновы старицы-1-4, Митюшино 4-5,8,9, Энергетик-1, Белый Яр-4) [Зах и др., 2014]. Анализируя особенности их пространственного размещения, мы предположили, что их расположение на старичных озерах Антоново и Митюшино, обусловлено в том числе и тем, что в древности эти озера являлись широкой излучиной р. Туры, где заметно снижались скорости течения и удобно было устраивать пристани [Сизов, Зими́на, 2012, с. 157]. Обнаружение небольшого поселения на левобережье Туры в сход-

ных условиях (на старице) делает перспективным для обследования старичные озера левого берега этой реки и позволяет прогнозировать выявление на этом участке новых городищ восточного варианта иткульской культуры до слияния р. Туры с р. Тобол. которое находится недалеко от устья правого притока р. Тобол — р. Тап, где отмечено еще одно место концентрации городищ и поселений восточного варианта иткульской культуры. Таким образом, не исключено существование сети слабо укрепленных поселений иткульской культуры вдоль берегов основных водных артерий в подтаежной зоне Притоболья.

Представление о последовательности бытования двух других поселений, относящихся к раннему железному веку, дает фиксируемое в рельефе наложение остатков углубленной постройки поселения Якушкино-3 на жилище наземного типа поселения Якушкино-2. Углубленные постройки на этом памятнике относятся к саргатской культуре, наземные сооружения предварительно отнесены к гороховской культуре, скорее всего раннего, воробьевского, этапа. Полагаем, что сначала существовало поселение гороховской культуры с постройками наземного типа в виде высоких, хорошо выраженных в рельефе, приподнятых площадок. Как указывают исследователи, часть памятников гороховской культуры не имеет следов углубленных построек, что, скорее всего, указывает на сезонный характер поселений [Матвеева, 2000, с. 98]. Наземные жилища бытовали у саргатского населения Барабы и Нижнего Притоболья, хотя и не были характерны [Матвеева, 2000, с. 39; Полосьмак, 1997, с. 7-8]. После того как поселение Якушкино 2 было оставлено, на участке рядом был возведен поселок саргатской культуры Якушкино-3. По внешними признакам это поселение может быть охарактеризовано как постоянное. Саргатские поселки длительного обитания характеризуются культурным слоем не менее 0,7 м; включают 15-20 построек и более; имеют следы перепланировки и перестроек жилищ; расположены на краях береговых террас; отличаются застройкой домами усадебного типа (двух- и трехкамерные жилища) [Матвеева, 2000, с. 25]. Поселение Якушкино-3 расположено на краю террасы, включает остатки 20 углубленных построек в виде западин, часть из которых двух- и трехкамерная.

Культурная принадлежность поселений позволяет установить их примерные хронологические рамки. Городище Якушкино-1, скорее всего, функционировало в пределах кон. VIII — нач. VII вв. до н.э. — раннего (иткульского) этапа восточного варианта иткульской культуры. Поселение Якушкино-2 — в VI — V вв. до н.э. Именно к этому времени относит поселения с воробьевской керамикой Л.Н. Корякова [1991, с. 25]. Н.П. Матвеева включает воробьевские памятники в ранний этап гороховской культуры V — II вв. до н.э., датируя их VI–V вв. до н.э. [Матвеева, 1996, с. 85; 2000, с. 95]. Рамки бытования саргатской культуры значительно шире — V в. до н. э. — V в. н. э. [Корякова, 1988, с. 165; 1991, с. 33; Матвеева, 1993, с. 155-156], поэтому датировка поселения Якушкино-3 может быть установлена только после исследований. Интересен тот факт, что на рассматриваемом озере располагается три саргатских поселения. Два укрепленных поселения — береговое двухплощадочное Матушинское городище и одноплощадочное городище Матуши-2 были обнаружены на его западном берегу В.А. Могильниковым [Могильников, 1979, с. 220].

В целом, уже на предварительном этапе исследования рассматриваемые поселения позволяют проследить изменение домостроительной традиции в раннем железном веке (наземные сооружения и углубленные постройки), принципов освоения пространства (в глубине террасы и у кромки берега) и планировки поселков (круговая, линейная и бессистемная). Кроме того, в совокупности с уже известными памятниками этих культур и системой расселения их носителей, схемами палеоэкономических зон, характеризующихся определенной иерархией поселений, их концентрацией в определенном микрорайоне и возможными экономическими связями [Матвеева, 2000, с. 29-37] можно выявить перспективные места для обнаружения новых поселений.

Список литературы

1. Зими́на О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
2. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 240 с.

3. Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Препринт. Екатеринбург: Изд-во УрО АН; Урал. ун-та, 1991. 53 с.
4. Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.
5. Матвеева Н.П. О гороховской культуре в Зауралье // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа: «Восточный университет», 1996. С. 83-96.
6. Могильников В.А. Исследования в Притоболье // АО-1979. М.: Наука, 1979. С. 220.

А.М. Илюшин, С.С. Онищенко

Кузбасский государственный технический университет,
 Кемеровский государственный университет,
 Кемерово, Россия
 ilushin1963@mail.ru, bios@kemsu.ru

СИСТЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ВОСТОЧНЫХ КЫПЧАКОВ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК НА ТОРОПОВО-7 В ДОЛИНЕ р. КАСЬМЫ

А.М. Ilyushin, S.S. Onischenko

Kuzbass State Technical University,
 Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

LIFE SUPPORT SYSTEM OF THE EASTERN KYPCHAKS ON MATERIALS OF EXCAVATION OF THE TOROPOVO-7 SETTLEMENT IN THE VALLEY OF THE KASMA RIVER

ABSTRACT: According to archaeological and osteological materials of the developed Middle Ages from the Toropovo-7 settlement near the Kasma River located in the valley in the Kuznetsk Depression the life support system of an ethnic group of the Eastern Dasht-i-Kipchak is investigated. The Turkic-speaking nomads migrating to this territory created the specific life support system in the conditions of limited space for maintaining traditional nomadic economy. Due to this system they had a new type of the dwellings — a semi-dugout with land frame or srubny constructions. The mobile structure of herd with prevalence of horses and small quantity of sheep and cattle was created. Probably, there was primitive river agriculture and they began to practice hunting and collective activities. All this led to development of the certain annual and daily economic cycle and specific nutrition system.

Комплекс археологических памятников Торопово-7 располагается в долине среднего течения р. Касьмы на территории Кузнецкой котловины в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области. На 10 заложённых раскопах преобладают материалы развитого средневековья, которые в широком и узком хронологическом диапазоне датируются XI–XIV и XII–XIII вв. и отождествляются с шандинской археологической культурой тюркоязычных кочевников Восточного Дашт-и-Кипчак [Илюшин, 2013, с. 137–139; 2014, с. 64–69; Илюшин, Борисов, Онищенко, 2015, с. 61–63; Илюшин, Онищенко, 2016, с. 55–62 и др.]. Среди объектов этого периода на Торопово-7 исследованы остатки 8 жилищ (полужемлянки подчетырёхугольной формы с наземными каркасными или срубными конструкциями с очагами в центре) и 3 семейных культовых площадки (насыпи подчетырёхугольной формы оконтуренные неглубокими рвами), где были найдены фрагменты керамической посуды, кремни для разжигания огня, каменные скребки, зернотерки, костяные проколки, игральные кости и др. и собрана зооархеологическая коллекция. В последней — 1691 образцов костей и зубов разных видов животных — лося (*Alces alces*), быка домашнего (*Bos taurus*), лошади (*Equus caballus*), барана домашнего (*Ovis aries*), лисицы (*Vulpes vulpes*), зайца-беляка (*Lepus timidus*), бо-

бра (*Castor fiber*) и обломки костей от птиц (*Aves*). Среди них доминируют кости лошадей (более 69%). Их анализ показал, что было забито как минимум 27 особей, равномерно распределяющихся по разным возрастным группам: пререпродуктивной (до 2 лет), раннерепродуктивной (2–4 года), репродуктивной (4–10 лет). Только 3 особи относились к более старым, вероятно, утратившим свое репродуктивное значение. Остатки от мелко- и крупнорогатого скота, а также охотничьих видов немногочисленны и распределены неравномерно по жилищам. Однако, несмотря на редкость остатков крупно- и мелкорогатого скота, их содержание возможно только при наличии у местного населения элементов оседлого образа жизни, заготовки сена и возведения различного рода укрытий для скота на зимний период. Варьирование видового состава остеологических находок в жилищах, а также возрастного состава забитых лошадей, скорее всего, является следствием специфики рациона питания семейных групп и может отражать социально-хозяйственную стратификацию населения. Это проявляется в потреблении наряду с кониной мяса диких животных (жилище 3 раскоп 5) или исключительно домашних животных (жилище 2 раскоп 8, жилище 2 раскоп 10), т.е. предполагает некоторые индивидуально-семейные различия в способах хозяйствования (скотоводы, скотоводы-охотники), наличия или отсутствия у семьи коров и/или овец.

В совокупности эти особенности отражают хозяйственную специализацию населения, направленную на содержание достаточно большого поголовья лошадей с оптимальной для мясомолочного использования возрастной структурой, тогда как разведение овец и крупнорогатого скота играло в целом вспомогательную роль. Судя по разрозненным находкам диких животных, охотились, вероятно, отдельные жители в случае обнаружения в окрестностях поселения одиночных зверей. Тем самым охота имела несистемный характер и была малозначима в обеспечении потребностей жителей в пище, кожах или мехах.

Результаты анализа зооархеологических материалов с учетом природно-ландшафтных особенностей месторасположения памятника позволяет охарактеризовать систему землепользования, как нацеленную на использование имеющихся там угодий различного назначения. Для этого района характерна неширокая, не более 1 км полоса пойменно-долинных ландшафтов р. Касьмы, включающая мозаику из приречных ивняков и высокотравных лугов, которая в период весеннего половодья полностью заливается. Борта долины это пологие склоны северной и южной экспозиции, постепенно переходящие в обширные плакоры со слабо всхолмленным рельефом, занятых обширными и разнообразными лугами разного типа, от разнотравных до злаковых, от мезофильных до суходольных.

Исходя из этого, пойменно-долинные заросшие кустарником и открытые участки являются местами, которые временно или постоянно заселяют типичными для этой местности видами (заяц-беляк, лось, лисица), тогда как пойменные и суходольные луга служат естественными пастбищами для домашнего скота, особенно для лошадей, где их можно содержать круглогодично на подножных кормах. Для содержания овец и, особенно, крупнорогатого скота требуется заготовка сенажа. Наиболее продуктивными и качественными по составу растительности сенокосами являются мезофильные разнотравные луга, находящиеся на дне логов и в понижениях на плакорах, или занимающие участки поймы и надпойменные террасы. Но они имеют ограниченное распространение. С учетом разного качества лугов и различий в их фенологии вероятны сезонные перегоны скота в окрестностях поселения в весенне-осенней период, а зимой — тебеневка лошадей на выдуваемых участках, стойловое содержание крупнорогатого скота, отгон мелкорогатого скота в естественные укрытия. Пойменно-долинные ландшафты по своим свойствам (небольшая площадь, отсутствие укрытий, затопление талыми водами) мало- или среднепродуктивны.

Совокупность этих данных позволяет предполагать, что в развитом средневековье на месте Торопово-7 функционировало в пределах жизни нескольких поколений небольшое стационарное поселение пришлых тюркоязычных кочевников, которые под воздействием объективных и субъективных факторов на новом месте проживания в условиях ограниченного пространства для ведения хозяйства создали свою специфическую систему жизнеобеспечения. Благодаря этому у них возник новый тип жилища — полуземлянка с наземной каркасной или срубной постройкой и грунтовым котлованом до уровня промерзания почвы, сформировался мобильный состав стада с преобладанием лошадей и малым количеством овец и крупнорогатого скота, видимо, появилось примитивное речное земледелие и стали практиковаться охотничья и собирательная деятельность.

Все это привело к выработке определенного годового и суточного хозяйственного цикла, соответствующего им календаря и специфической модели питания.

Список литературы

1. Илюшин А.М. Касьминский археологический микрорайон и результаты раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIX. Барнаул: АЗБУКА, 2013. С. 137–142.
2. Илюшин А.М. Исследование семейных культовых площадок восточных кыпчаков на Торопово-7 в Кузнецкой котловине // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2013 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 9. Павлодар: ПГПИ, 2014. С. 64–69.
3. Илюшин А.М., Борисов В.А., Онищенко С.С. Исследования средневековых жилищ на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10: матер. X междунар. науч.-практ. конф. Барнаул: АлтГПУ, 2015. С. 61–65.
4. Илюшин А.М., Онищенко С.С. О результатах исследования жилища кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2016. № 1. С. 55–65.

В.В. Илюшина

Институт проблем освоения Севера СО РАН,
Тюмень, Россия
vika_tika@mail.ru

**ДРЕВНЯЯ КЕРАМИКА КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ
И ПРИРОДНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ**

V.V. Ilyushina

Institute of the Problems of Northern Development SB RAS,
Tyumen, Russia

**ANCIENT CERAMICS AS A SOURCE OF HISTORIC-CULTURAL
AND NATURAL RECONSTRUCTIONS**

ABSTRACT: The article focuses on the ceramics as a source of clarifying the following issues: 1) reconstruction of the natural conditions of the specific group of the ancient population; 2) cultural traditions as a form of human adaptation to the environment. The remains and imprints of vegetation, the shells of river clams, scales and bones of fishes in molding compositions may be considered as a source of information about ancient flora and fauna. Microbiomorph analysis is a promising method that focuses on the study of silicic forms (phytoliths, shells of diatoms, spicules of sponge) in the cultural layers, and mudbricks. Spicules and gemmules of sponge were detected in molding composition of the Bronze Age vessel, firing procedures. It suggests new possibilities in phytoliths research in ancient ceramics in the future. Using technological analysis of ceramics, developed by A. A. Bobrinsky in the framework of the historic-cultural approach, we identify cultural traditions in pottery production of the populations from different archaeological cultures in the Bronze Age in the Tobol region. According to these data, it is most likely that groups of the populations of the Alakulskaya, Fedorovskaya and Cherkaskulskaya cultures migrated to this region in different times. As a result of adaptation to new environmental surrounding, some traditions of the pottery production gradually disappeared.

В силу своих информационных возможностей керамика может служить источником по выяснению следующих вопросов: 1) реконструкция природных условий, в которых жили конкретные группы древнего населения; 2) культурные традиции как форма адаптации человека к природной среде [Васильева, Салугина, 1997, с. 46]. В рамках первого вопроса керамика представляет собой источник для исследования древней флоры и фауны, и в целом природного окружения древних коллективов. В качестве объектов исследования могут выступать отпечатки и остатки растительности, раковин речных моллюсков, кость и чешуя рыб и т.д., фиксирующиеся при микроскопическом изучении керамики. Привлечение специалистов по ботанике и зоологии позволили идентифицировать виды растений и речных моллюсков, остатки которых обнаружены при анализе неолитической керамики Северного Прикаспия [Васильева, 1999, с. 72-96]. Подобные исследования начаты по керамическим комплексам эпохи неолита Западной Сибири. В изломе одного из сосудов боборыкинской культуры (пос. Мergenъ-6, Приишимье) обнаружено семя водного, погруженного растения *Caulinia minor* (All.) Coss. et Germ. (семейство *Najadaceae*)¹. На сегодняшний день *C. minor* в современных водоемах, расположенных вблизи поселения, не найдена [Красная книга, 2004, с. 243].

Перспективным, на наш взгляд, является метод фитолитного анализа, направленного на исследование кремниевых микробиоморф [Гольева, 2011, с. 22-25]. Он используется, например, в изучении состава сырцовых кирпичей [Doumani et al., 2015, 17-32]. Велика вероятность получения положительных результатов и в случае проведения данного анализа древней керамики, подвергавшейся термической обработке. Свидетельством того, что кремниевые микробиоморфы сохраняются в керамике, может выступать обнаружение геммул и спикул губки в составе формовочной массы сосуда бархатовской культуры (пос. Мостовое-1, Притоболье) [Зимица, Илюшина, 2013, с. 40-53]. Данная находка является уникальной. Остатки губки были идентифицированы с видом *Trochospongilla horrida*, которого в настоящее время в водоемах Западной Сибири не найдено, а данные, полученные, в том числе, и по керамике, позволили сделать вывод, что его исчезновение могло быть связано с похолоданием, начавшимся в XI-X вв. до н.э. [Шарапова и др., 2014, с. 722-723].

Вряд ли возможно переоценить значение керамики как источника информации для историко-культурных реконструкций. Морфологические особенности посуды, несомненно, отражают периоды стабильного развития археологических культур, процессы культурных изменений, миграции определенных групп населения и т.д. Однако более детальную информацию в этом отношении дают исследования технологии изготовления керамики. Историко-культурный подход, разработанный А.А. Бобринским, и методические и методологические положения изучения технологии керамического производства позволяют выявлять культурные традиции в гончарстве отдельных групп древнего населения [1978; 1999, с. 5-109]. Культурные традиции, в которых зафиксирован накопленный опыт, правила и нормы человеческого поведения и трудовой деятельности, осуществляли связь поколений и помогали новым поколениям осваивать окружающую среду на базе предшествующего опыта, представляя тем самым особую форму экологической адаптации [Васильева, Салугина, 1997, с. 46-47].

Исследование технологии изготовления керамики позволяет реконструировать процесс формирования, развития и изменения культурных традиций в гончарстве конкретных групп древнего населения, проследить миграции древних коллективов. Изменения в технологии изготовления посуды мигрировавшего населения позволяют зафиксировать механизмы его адаптации к новым природным условиям, а также оценить степень влияния (взаимовлияния) или его отсутствие на традиционные навыки труда в гончарстве местных и пришлых коллективов.

В данной работе проведено обобщение результатов исследований более 1000 сосудов, относящихся к алакульской, коптяковской, федоровской, черкаскульской, пахомовской, бархатовской и сузгунской археологическим культурам II тыс. до н.э. с территории Притоболья. Результаты исследования позволяют коснуться двух вопросов: 1) особенности культурных традиций в гончарстве различных групп населения; 2) изменение культурных традиций в гончарстве пришлого населения как форма адаптации к новым природным условиям. В силу фрагментированности ма-

¹ Выражаю искреннюю благодарность С.А. Николаенко и А.С. Афонину за выполненные определения.

териала изучались в основном приспособительные навыки труда древних гончаров (приемы отбора сырья, составление формовочных масс) [Бобринский, 1978, с. 244].

На основании проведенного анализа выяснилось, что на протяжении II тыс. до н.э. гончары применяли два вида исходного пластично сырья (ИПС): глины и илестые глины (табл. 1). Естественными составляющими илестых глин, в отличие от природных глин, выступают включения раковин речных моллюсков, чешуя и кости рыб, растительность водного и околородного характера. При сравнении качественного состава илестых глин по сосудам разных культурных групп выявлено, что в изломах сосудов коптяковской, пахомовской, бархатовской и сузгунской культур раковина речных моллюсков представлена в основном лишь единичными включениями. Напротив, для керамики алакульской, федоровской и черкакульской культур характерна высокая концентрация раковины в сырье, что, вероятно, для гончаров этих культур было принципиально важным.

Таблица 1

Виды исходного пластичного сырья сосудов эпохи бронзы лесостепного и подтаежного Притоболья

Виды ИПС	Культуры эпохи бронзы территории Притоболья						
	Алакульская	Коптяковская	Федоровская	Черкакульская	Пахомовская	Бархатовская	Сузгунская
Глины	32/ 19,2	90/ 55,2	215/ 46,7	70/ 39,1	32/ 82	86/ 80,4	10/ 47,6
Илестые глины	135/ 80,8	73/ 44,8	245/ 53,3	109/ 60,9	7/ 18	21/ 19,6	11/ 52,4
Примесь раковины в составе ИПС	124/ 74,2	26/ 15,9	232/ 50,4	109/ 60,9	7/ 18	9/ 8,4	2/ 9,5
Всего сосудов:	167/ 100	163/ 100	460/ 100	179/ 100	39/ 100	107/ 100	21/ 100

*Здесь и далее в числителе — количество сосудов, в знаменателе — % от общего количества сосудов

При составлении формовочных масс гончары различных культурных групп массово использовали шамот и органические компоненты (табл. 2). В то же время отмечаются и случаи применения других искусственных примесей — дресвы (талък, серпентин-асбест, хризотил-асбест, гнейс и др.¹); песка; гематита; кальцинированной кости; дробленой раковины. Данные компоненты в основном фиксируются в керамике алакульской, федоровской и черкакульской культур. Дресва зафиксирована также в сосудах коптяковской и пахомовской культур.

Таблица 2

Традиции составления формовочных масс (%)

Рецепты формовочных масс	Культуры эпохи бронзы территории Притоболья						
	Алакульская	Коптяковская	Федоровская	Черкакульская	Пахомовская	Бархатовская	Сузгунская
Ш*	3,6	5	0,2	3,3	2,5	0,9	—
О	0,5	—	0,4	—	—	—	—
Ш + О	75,4	93,8	81,1	69,8	84,6	98,1	100
Ш + К + О	6	—	6,1	9	—	0,9	—
Д + О	4,8	—	0,4	4,5	—	—	—
Ш + Д + О	2,4	0,6	6,9	11,7	10,3	—	—
Ш + Д + К + О	—	—	0,4	1,1	—	—	—
Ш + ДР + О	7,2(?)	—	1,5	0,6	—	—	—
Ш + П (?) + О	—	0,6	2,6	—	2,5	—	—
Ш + Гем. + О	—	—	0,2	—	—	—	—

*Ш — шамот; О — органика; К — кальцинированная кость; ДР — дробленая раковина; Д — дресва; Гем. — гематит; П — песок.

¹ Анализ проведен к. г-м. н. М.А. Кульковой, за что автор выражает искреннюю благодарность.

В данном контексте необходимо обратить внимание также и на состав шамота (табл. 3). Раздробленные и пошедшие на шамот изделия, изготовленные, в частности, с примесями дресвы и кости, использовались при составлении формовочных масс гончарами алакульской, федоровской и черкаскульской культур. Реже шамот, в состав которого входит дресва, отмечается в формовочных массах коптыковской и пахомовской керамики, и не выявлен в изделиях бархатовской и сузгунской культур.

Таблица 3

Состав шамота в формовочных массах керамики сосудов эпохи бронзы (%)

Рецепты формовочных масс	Культуры эпохи бронзы территории Притоболья:						
	Алакульская	Коптыковская	Федоровская	Черкаскульская	Пахомовская	Бархатовская	Сузгунская
Шамот	41,9	85,3	61,3	29,6	84,6	100	100
Дресва	7,2	–	10,6	18,4	2,6	–	–
Шамот, дресва	38,3	14,7	23	45,2	12,8	–	–
Шамот, кость	7,2	–	3	1,1	–	–	–
Шамот, дресва, кость	2,4	–	1,1	–	–	–	–

Таким образом, группы населения алакульской, федоровской и черкаскульской культур, вероятнее всего, в разное время мигрировали на рассматриваемую территорию. Они обладали собственными традициями отбора ИПС и составления формовочных масс с примесями, не характерными для Тоболо-Ишимья. В результате адаптации к новым природным условиям, а также в некоторых случаях, вероятно, контактов с местным населением у мигрантов были постепенно утрачены некоторые традиции гончарного производства (например, произошел переход от применения дресвы к составлению формовочных масс с шамотом). К финалу эпохи бронзы на территории Притоболья сформировалось некоторое культурное единство, что отражается в традициях керамического производства населения бархатовской и сузгунской культуры.

Список литературы

1. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
2. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
3. Васильева И.Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999. С. 72–96.
4. Васильева И.Н., Салугина Н.П. Проблемы и задачи изучения древнего гончарства Поволжья // Проблемы взаимодействия природы и человека в Среднем Поволжье (Методы, задачи, перспективы). Самара, 1997. С. 46–50.
5. Гольева А.А. Микробиоморфный метод как часть комплексного междисциплинарного подхода к реконструкции природно-антропогенных связей древних обществ // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 4. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. С. 22–25.
6. Зими́на О.Ю., Илюшина В.В. Керамика бархатовской культуры подтаежного Притоболья // ВИАЭ. № 3 (22). Тюмень, 2013. С. 40–53.
7. Красная книга Тюменской области: Животные, растения, грибы. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 496 с.
8. Шарапова Т.А., Трылис В.В., Иванов С.Н., Илюшина В.В. Состав и распределение губок (Porifera) континентальных водоемов Западной Сибири // Сибирский экологический журнал. 2014. № 5. С. 719–727.
9. Doumani P.N., Frchetti M.D., Beardmore R., Schmaus T.M., Spengler R.N., Mar'yashev A.N. Burial ritual, agriculture, and craft production among Bronze Age pastoralists at Tasbas (Kazakhstan). *Archaeological Research in Asia*. Vol. 1-2. P. 17-32.

Э.Н. Киргинеков

Хакасский национальный краеведческий музей
им. Л.Р. Кызласова, Абакан, Россия
kirginekov8@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ И НЕКОТОРЫЕ УСЛОВИЯ РАСПОЛОЖЕНИЯ АФАНАСЬЕВСКИХ ПАМЯТНИКОВ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

E.N. Kirginekov

L.R. Kyzlasov Khakass National Muzeum of Local Lore,
Abakan, Russia

FEATURES AND SOME CONDITIONS OF AFANASYEVSKA MONUMENTS' LOCATION IN THE KHAKASSIA-MINUSINSK HOLLOW

ABSTRACT: This article focuses on the impact of natural conditions and resources of the Khakass-Minusinsk hollow on the development and accommodation of the ancient population of the Afanasiev culture (the Eneolithic-Early Bronze Age). The concept of natural potential that can be realized only with human assistance. Natural potential of the Khakass-Minusinsk hollow is enhanced by the presence of relatively small areas with the most favorable living conditions and development of the region. These natural areas are known as cultural and domestic areas. Athanasian burial structures are fixed within the Khakass-Minusinsk depression and located in two major resorts, in the east - coast of the Yenisei river valley and in the west — along the foothills of the Kuznetsk Alatau. Presumably, for the inhabitants of the western area of the foothills of the Kuznetsk Alatau and inhabitants of the eastern area of the Yenisei River valley economic conditions varied. In the eastern area (sredneeniseyskom) at least four groups of tombs were observed - cultural and social areas. In the western habitat (Kuznetsk Alatau) at the foothills of the Kuznetsk Alatau location of burial grounds were somewhat different. Perhaps, the topography and an abundance of small rivers formed a large number of valleys with favorable living conditions. Cemeteries did not form a group. Every cemetery was located in their own cultural and community area. Population of the Afanasiev culture of the western area was less numerous and lived somewhat less time compared to the east (sredneeniseyskogo) range population. Probably, it is connected with the exploration and development of copper deposits and other native metals that were at the foothills of the Kuznetsk Alatau.

Изучение Хакасско-Минусинской котловины имеет длительную историю. Многие исследователи обращали внимание на особенности ее природных условий. Сложилось устойчивое мнение о территории как об одном из историко-культурных центров Алтае-Саянской горной страны в частности и Сибири в целом, немаловажную роль в его становлении сыграло наличие особых природных условий. В характеристиках природного ресурса, кроме особенностей рельефа, климата, растительности, животного мира и минерально-сырьевой базы, существует понятие природного потенциала, который подразумевает природные возможности, имеющиеся в каждом ландшафте, которые могут быть реализованы только при содействии человека. Очевидно, что степень использования природного потенциала зависит от культурно-технических возможностей общества и человека [Рюмин, 1988, с. 11]. К наиболее известным формам использования природного потенциала Хакасско-Минусинской котловины, в частности, можно отнести процесс появления и развития скотоводства и становление металлообработки. Наличие низкогорных и среднегорных сухих степных участков и присутствие доступных месторождений медного сырья уже на ранних стадиях исторического развития привели к распространению в III тыс. до н.э., афанасьевской культуры — первой археологической культуры на территории Сибири, знавшей скотоводство и одной из первых имеющей навыки первичной обработки металлов (меди, серебра, золота, метеоритного железа) [Грязнов, 1999, с. 66].

Природный потенциал Хакасско-Минусинской котловины отличается относительно небольшими участками с максимально благоприятными условиями проживания и освоения данного региона, на которых фиксируются погребальные сооружения от эпохи бронзы до позднего средневековья. Для подобных участков С.А. Теплоухов использовал термин — культурно-бытовые зоны, вероятно, учитывая опыт работы у с. Батени [Теплоухов, 1929, с. 41]. Очевидно, что уровень использования природных ресурсов подобной культурно-бытовой зоны для каждой исторической эпохи будет различаться, и территории их для разных археологических культур могут не совпадать. Но предполагается, что для одной культуры культурно-бытовые зоны будут иметь совершенно определенные ландшафтные характеристики и свойства, наиболее благоприятные для этой археологической культуры.

В настоящее время афанасьевские погребальные сооружения фиксируются в пределах собственно Хакасско-Минусинской котловины. Южная граница фиксируется на месте выхода Енисея в степную часть котловины, восточная граница проходит по побережьям долины Енисея, западная — по предгорьям Кузнецкого Алатау. В северной части погребальные сооружения фиксировались до современного залива Черная речка — левого берега Красноярского водохранилища. В восточной части Минусинской котловины от левого берега Енисея подобные памятники известны только по правому притоку р. Енисей, р. Туба — могильник у с. Тесь [Киселев, 1949, с. 14]. При картографии афанасьевских памятников заметно, что они преимущественно располагаются в двух крупных ареалах, условно восточном — побережье долины реки Енисея и западном — вдоль предгорий Кузнецкого Алатау. Оба ареала погребальных сооружений располагаются в границах степных ландшафтов, в горно-таежной зоне афанасьевские следы фиксируются лишь в виде кратковременных стоянок и местонахождений. В восточном ареале правого берега Енисея фиксируется афанасьевский погребальный памятник только до современного Сыдинского залива, т.е. до границ степной зоны правобережья, далее к северу распространяется таежная зона.

Предположительно, что для западного ареала обитателей предгорий Кузнецкого Алатау и для восточного ареала обитателей долины реки Енисей условия хозяйствования будут различаться. Различия хозяйствования могут отражаться в доступных медносодержащих рудах Кузнецкого Алатау для живущих рядом афанасьевцев, которые вероятнее всего и занимались добычей и обработкой металла. Группы афанасьевского населения восточного ареала, проживавших вдоль крупной речной артерии (р. Енисей) с множеством протоков, островов, будут вести хозяйственную деятельность с учетом данного природного фактора. Внутри каждого ареала существует несколько групп могильников, которые располагаются относительно компактно, т.е. тяготеют к определенному месту обитания.

В восточном ареале (среднеенисейском) отмечаются не менее четырех групп могильников. Данные группы располагаются на надпойменных степных террасах побережий Енисея и в приустьевых зонах больших и малых его притоков. Обязательным условием расположения могильников также является наличие расположенных вблизи небольших горных массивов, куэстовых гор, как правило, залесенных. Первая группа афанасьевских погребальных сооружений была раскопана в южной части котловины у выхода реки Енисей на левом берегу степного участка, близ современного г. Саяногорска. Вторая группа концентрируется на побережьях Енисея в приустьевых зонах речки Биджа и реки Туба (современный Тубинский залив). Третья группа известных могильников локализуется близ устья рек Ерба (левый берег) и устья правого притока Енисея р. Сыда. Четвертую группу можно выделить в районе северных подножий Батеневского кряжа — левого берега Енисея в приустьевых зонах малых речек Карасук, Таштык, Черная речка. С учетом высокой степени изученности среднеенисейских побережий (Красноярского водохранилища), можно предположить, что число изученных погребальных сооружений близко к реально существовавшим в древности. Самыми многочисленными группами являются вторая — в ее составе 9 могильников, в которых в совокупности 45 оград, и четвертая — 5 могильников и 56 оград. В остальных группах число могильников значительно меньше, в первой группе 2 могильника и 17 оград, третья группа состоит также из 2 могильников, в составе которых 17 оград.

Кроме четвертой группы, могильники располагаются по обоим берегам Енисея, фактически друг против друга. Могильники четвертой группы находились только на левом степном берегу, очевидно это связано с тем, что правый берег полностью находится в горно-таежной зоне, где возведение погребальных памятников не характерно для афанасьевской культуры. Наибольшее территориальное распространение имеет вторая группа, могильники которой фиксировались по долинам рек Туба и Биджа вглубь степных участков. Именно в этой группе были изучены статусные погребальные сооружения, т.е. самые большие, которые отражают высокое социальное положение умерших [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, с. 140].

Можно предположить, что на территориях последних двух групп афанасьевское население существовало более длительное время, чем на территориях обитания первой и третьей групп могильников. Данные природные территории, вероятно, являлись наиболее благоприятными для проживания афанасьевцев. Выделенным четырем среднеенисейским группам могильников вполне соответствует термин — культурно-бытовые зоны.

В западном ареале (кузнецко-алатауском) у предгорий Кузнецкого Алатау расположение могильников несколько отличается. Вероятно, здесь сказываются особенности рельефа и обилие малых рек, которые формируют значительное количество долин с благоприятными условиями проживания. Могильники уже не образуют группы. Фактически каждый могильник располагался в собственной культурно-бытовой зоне, в которой фиксировалось от одной до пяти оград. Исключение составляет лишь группа могильников, исследованная близ долины р. Камышта — 4 могильника, в составе которых более 23 оград. Здесь расположено самое крупное по размерам афанасьевское погребальное сооружение [Киргиников, 2010, с. 87]. Это предполагает наличие в данной культурно-бытовой зоне захоронений людей с высоким социальным статусом. С учетом степени изученности можно предполагать, что население афанасьевской культуры западного ареала было менее многочисленным и проживало несколько меньшее время относительно восточного (среднеенисейского) ареала. Вероятно, что заселение кузнецко-алатауского ареала афанасьевцами проходило в более позднее время относительно среднеенисейского ареала, и связано это с поиском и освоением месторождений меди и других самородных металлов, которые имелись в предгорьях Кузнецкого Алатау.

Список литературы

1. Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.
2. Грязнов М. П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: Изд-во «Дмитрий Булаин», 1999. 136 с.
3. Киргиников Э.Н. Итоги исследования кургана Большое кольцо в долине р. Камышта // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 79–91.
4. Киселев С.В. Южная Сибирь в древности. Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с.
5. Рюмин В.В. Динамика и эволюция южносибирских геосистем. Новосибирск: Наука, 1988. 137 с.
6. Теплоухов А.С. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 2. Л., 1929. С. 41–62.

А.М. Клементьев, Б.А. Базаров, Д.А. Миягашев

Институт земной коры СО РАН, Иркутск,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Улан-Удэ, Россия
klem-al@bk.ru, bazar-b@ngs.ru, silker10@yandex.ru

МЛЕКОПИТАЮЩИЕ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ХУННУ ЗАБАЙКАЛЬЯ (НОВЫЙ ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЙ)

A.M. Klementiev, B.A. Bazarov, D.A. Miyagashev

Institute of the Earth's Crust SB RAS, Irkutsk,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS,
Ulan-Ude, Russia

MAMMALS IN THE LIFE SUPPORT SYSTEM OF THE XIONGNU OF THE TRANSBAIKALIA (NEW PHASE OF RESEARCH)

ABSTRACT: The article focuses on research of the archeozoological remains in the sites of Xiongnu based on the results of excavations in 2015. In 2015 the excavations of Xiongnu sites in the Western Transbaikalia were carried out. The remains of mammals were unearthed in three sites — the Nizhniy Mangitruy settlement and two cemeteries — Il'movaya Pad' and Gudzhir-Myge. The cattle was the main source of meat diet for the Xiongnu population, its importance in economy is proved by the findings in burial complexes. Important occupation was dog breeding. The proportion of dog breeding and pig breeding needs to be researched. It appears that in some seasons the hunting of roe, the most widely spread wild hoofed animal in the Transbaikalia, was practiced.

В 2015 г. были проведены археологические полевые работы на территориях пяти объектов археологического наследия хуннской культуры, что знаменует собой возобновление хуннологических исследований в Западном Забайкалье. Стационарные работы были проведены на поселении Нижний Мангиртуй (Бичурский район Республики Бурятия), где было исследовано одно жилище полуземляночного типа. Рекогносцировочные работы осуществлены на поселенческом комплексе в пади Липовка. По одному погребению было раскопано на широко известном объекте Ильмовая падь (Кяхтинский район РБ) и менее известном памятнике — могильник Баргай (Острая Сопка) (Тарбагатайский район). Могильник Гуджир-Мыгэ в Джидинском районе Бурятии был обследован в связи с разрушением памятника в результате размыва берега [Коновалов и др., 2016].

Археозоологические материалы были получены на трех объектах (табл. 1). Ниже представлены результаты анализа археозоологических источников и возможные интерпретации.

Могильник Ильмовая падь. Хуннский некрополь в Ильмовой пади является хорошо известным памятником археологии, имеющим достаточно длительную историю изучения. Могильник находится на юго-западе Забайкалья вблизи г. Кяхты, у российско-монгольской границы. Могилы расположены на южном пологом склоне пади, изрезанном кое-где поперечными балками. Первые раскопки на площади памятника произвел Ю.Д. Талько-Грынцевич в 1896-1897 годах (Талько-Грынцевич, 1999, с. 17-62). Археологические работы в 2015 г. были сосредоточены на западной окраине могильника, где имеется обособленная группа могил (№№ 22-31 по сквозной нумерации Б.Б. Дашибалова). Большинство могил этой группы раскопаны: из 11 могил раскопкам подверглись 7 объектов (№№ 22-26, 28-29). Раскопанное нами погребение № 21 в 2015 году находится в 30 м восточнее основной группы, и было представлено едва видимой кольцевидной каменной выкладкой с западиной посередине. Каменная надмогильная конструкция в плане овальной формы, длина — 3,5 м, ширина — 3,3 м. Интересной ее особенностью является наличие ряда вертикально установленных плит камня с северной

стороны, похожей на сохранившуюся часть дугообразного ограждения верхнего уровня могильной ямы. Следует отметить, что надмогильная кладка сохранилась лишь частично из-за грабительских действий; также нами была зафиксирована грабительская яма, в заполнении которой обнаруживались фрагменты кости и дерева, камни, древесный (?) уголь. Общая длина обнаруженного сруба — 280 см. В срубе в анатомическом порядке сохранились тазовые кости и кости ног человека, остальные кости перемешаны. Череп довольно плохой сохранности, и, по всей видимости, принадлежит европеоидному антропологическому типу (определение антрополога, к.и.н. Бураева А.И.).

Таблица 1

Сводная таблица археозоологического материала по хунским объектам Бурятии, исследованным в 2015 г.

	Ильмова Падь	Нижний Мангиртуй	Гуджир-Мыгэ
	Погребение 21	Жилище 1	Сектор могилы
Таксон			
<i>Capreolus pygargus</i> (косуля)		10	
<i>Cervus elaphus</i> (благородный олень)		1	
<i>Canis familiaris</i> (домашняя собака)		5	7
<i>Equus caballus</i> (домашняя лошадь)	22	4	
<i>Sus scrofa domestica</i> (свинья домашняя)		4	
<i>Bos taurus</i> (домашний КРС)	64	8	23
<i>Ovis aries</i> (домашний баран)		6	13
<i>Capra hircus</i> (домашняя коза)		2	
<i>Ovis/Capra</i> (домашний МРС)		12	
Неопределимые	13	291	28
В т.ч. обожженные		7	
В т.ч. обработанные		3	
Всего:	99	343	71
Aves (Птица)		5	1

В могильном заполнении были обнаружены кости домашних животных трех видов: лошади *Equus caballus*, крупного *Bos taurus* и мелкого рогатого скота *Ovis/Capra*. Кости лошадей представлены фалангами копыт трех особей — двух взрослых и жеребенка. Судя по присутствию сезамовидных и таранной костей, первоначально (до ограбления) эти остатки могли представлять собой суставные сочленения. От КРС были обнаружены кости двух особей. Одна из них представлена черепом, костями копыт передних и задних ног, хвостовыми позвонками, найденными в северо-западном углу северного отсека могилы. Эти остатки принадлежали корове (что определено по форме рогов и не облитерированным швам черепа) возрастом ближе к старой, поскольку на фалангах имеются разрастания костной ткани. Предположительно все кости были связаны между собой снятой шкурой. Специфично разделаны копыта ног — были оставлены только сочлененные фаланги и сезамовидные, а передние и задние метаподии удалены. Каких либо фрагментов последних при раскопках не обнаружено, потому нельзя подсчитать ростовые параметры животного. Кости от второй особи — разрозненны и найдены в грунтовом заполнении. Среди костей мелкого рогатого скота сохранилась лишь одна фаланга, вероятно в силу своих мелких размеров кости МРС быстро разрушались. Общей характеристикой для всех видов является присутствие дистальных элементов конечностей, малоценных в пищевом отношении.

Могильник Гуджир Мыгэ. Данный памятник находится на правом берегу р. Джида, напротив Дэрэстуйского Култука, на песках, которые тянутся на протяжении 10-12 км. Объект был открыт Ю.Д. Талько-Грынцевичем в 1900 году, могилы здесь грунтовые, разрушенные. Им было раскопано до 30 могил [Талько-Грынцевич, 1999, с. 112-115]. В 2014 г. были проведены опытно-

методические работы, направленные на оценку возможностей геофизических методов в целях выделения неоднородностей, связанных с археологическими объектами. По итогам геофизических работ удалось выделить визуально наблюдаемое (принятое за эталон) захоронение, отмечающееся комплексной аномалией пониженных значений магнитного градиента и зоны разуплотнения, регистрируемой георадаром и сканером, а также выделено 9 перспективных объектов, по параметрам сходных с эталонным. В 2015 г. было зафиксировано полное разрушение эталонного захоронения в результате обрушения береговой кромки р. Джиды. В песчаной осыпи удалось обнаружить только бедренную кость человека, каменный оселок, остатки деревянной внутримогильной конструкции (поперечная доска гроба с пазом и квадратным отверстием), небольшой глиняный целый сосуд со следами вертикального лощения, остатки хозяйственного отсека с костями животных. В остатках хозяйственного отсека зафиксированы кости домашних животных трех видов и фрагмент птичьей кости. Остатки КРС *Bos taurus* представлены фрагментами черепа и фалангами копыт минимум двух особей: у одной особи 8 третьих фаланг передних и задних ног, а было найдено 11 штук. Остатки костей баранов принадлежали взрослой и старой особям. Кости домашней собаки различны по местоположению в скелете и вероятно относятся к одной особи не крупного размера. Состав археозоологического материала не позволяет однозначно интерпретировать комплекс. Присутствие фрагментарных определимых костей и неопределимых фрагментов можно рассматривать как заполнение хозяйственной ямы. С другой стороны малое количество неопределимых фрагментов, избирательность диагностических (фаланги и черепные КРС, набор костей собаки) остатков могут быть интерпретированы как заполнение отдельного сектора могилы. В пользу второй точки зрения говорят контекст и находки полных керамических сосудов.

Поселение Нижний Мангиртуй. Было исследовано жилище полуземляночного типа с отопительной системой (каном), аналогичной подобным в жилищах Иволгинского городища и поселения Дурены [Давыдова, 1995; Давыдова, Миняев, 2003]. Котлован жилища был впущен в материк, он имел подпрямоугольную форму, ориентирован по сторонам света, вытянут по линии СЗ–ЮВ. Западная, часть северной и южной стен жилища разрушены оврагом. Приблизительные размеры жилища — 4,5x3,1 м, глубина от современной дневной поверхности колеблется от 76 до 80 см. В котловане раскопанного жилища (№ 1) на поселении Нижний Мангиртуй была найдена значительная фаунистическая коллекция остатков млекопитающих, кости птиц единичны в сборах. Среди млекопитающих определены дикие промысловые и домашние виды. Явным промысловым животным являлась косуля, ее остатки наиболее многочисленны и принадлежат разновозрастным особям. Обработанный фрагмент рога благородного оленя мог принадлежать как добытой особи, так и случайно подобранному сброшенному рогу. Домашние млекопитающие по количеству остатков равноценны друг другу, какого-либо доминирования не наблюдается. Относительное обилие костей свиньи и собаки позволяет предположить их заметную роль в хозяйстве нижнемангиртуйского поселения. Распределение костных остатков в жилище неравномерно, основная масса находится в северном секторе (линии квадратов 1-4) и тяготеет к открытой части, вне печного сектора.

Итак, два типа археологических объектов с палеофаунистическими материалами. Необходимо отметить, что остеологический спектр остатков млекопитающих, найденный в них, имеет как общие черты, так и различия. Общими чертами являются доминирование костей домашних видов животных, присутствие собаки, лошади, крупного и мелкого рогатого скота в разных объектах. В то же время в могильных объектах доминируют кости, часто в анатомическом порядке, крупного рогатого скота, присутствие лошади, барана и собаки меняется. В поселенческом комплексе, судя по данным из нижнемангиртуйского жилища, типично доминирование неопределимых обломков (84,8 %), домашние виды представлены равноценно, за исключением мелкого рогатого скота (возможен частный случай). Здесь имеются и такие типичные категории находок для поселений, как обожженные кости и изделия. Также только на поселении обнаружены остатки промысловых животных — косули и благородного оленя. Последний вид представлен обработанным фрагментом

рога. Косуля является промысловым видом по сей день, часто образуя многочисленные группировки [Смирнов, 1978]. Добывались особи разного возрастного диапазона. Предварительно, по одному остатку верхней челюсти можно сказать о зимней добыче косуль, т.к. особь была добыта в возрасте 8-9 месяцев [Соколов, 1956]. Остатки птиц требуют дополнительной обработки и могут дать интересные сведения.

Таким образом, основным источником мясного рациона хуннского населения Бурятии являлись домашние копытные, их большая роль в хозяйстве подтверждается находками в сакрально-погребальных комплексах. Важной отраслью являлось собаководство, его соотношение со свиноводством еще предстоит выяснить. По-видимому, в определенный сезон года практиковался промысел косуль, самого массового вида диких копытных Забайкалья. Приведенные данные свидетельствуют о высокой значимости археозоологических материалов для изучения хуннских памятников. На сегодняшний день данные по этому направлению ограничиваются общими определениями остеологических коллекций — по Иволгинскому комплексу небольшой заметкой В.Е. Гарутта и К.Б. Юрьева [1959] и сводными сведениями в работах А.В. Давыдовой [1995, 1996]. В работах Ю.Д. Талько-Грынцевича [1999] упоминаются находки костей, черепов и скелетов глухаря, кулана, каменного барана (?), благородного оленя, собаки, домашних лошади, быка, козы, барана на Дырестуйском, Суджинском и других могильниках; позднее определения из раскопок Дырестуйского могильника [Миняев, 2007] выполнялись Н.М. Ермоловой и А.К. Каспаровым; были обнаружены остатки домашних животных (собаки, лошади, коровы, овцы, козы), зайца, косули и оленя. Анализом материалов, полученных при раскопках 1970-х гг. занималась Б.С. Кожамкулова, ее определения и аналитические выкладки П.Б. Коновалова представлены в монографии [Коновалов, 1976, с. 162-165]. Важным моментом является указание на присутствие газели и куланов. Первоочередной задачей является систематизация материалов из раскопок второй половины XX века.

Список литературы

1. Гарутт В.Е., Юрьев К.Б. Палеофауна Иволгинского городища по данным археологических раскопок 1949-1956 гг. // Археологический сборник. № 1. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1959. С. 80-82.
2. Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. СПб., 1995. 287 с.
3. Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. Иволгинский могильник. СПб., 1996. 176 с.
4. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 248 с.
5. Коновалов П.Б., Базаров Б.А., Миягашев Д.А., Клементьев А.М., Именохоев Н.В. Хуннская археология в Бурятии: история и новый этап исследований // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2016. № 1 (21). С. 9-26.
6. Миняев С.С. Дырестуйский могильник. Археологические памятники сюнну. Вып. 3. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. 233 с.
7. Смирнов М.Н. Косуля в Западном Забайкалье. Новосибирск: Наука, 1978. 189 с.
8. Соколов И.И. К методике определения возраста косули (*Capreolus capreolus* L.) // Зоологический журнал. Т. 35. Вып. 8. 1956. С. 1238-1249.
9. Талько-Грынцевич Ю.Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Археологические памятники сюнну. Вып. 4. СПб.: Фонд «Азиатика», 1999. 123 с.

С.А. Ковалевский

Кузбасский государственный технический университет,
Кемерово, Россия
koval71@mail.ru

О РОЛИ СКОТОВОДСТВА В ХОЗЯЙСТВЕ ИРМЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

S.A. Kovalevskiy

Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

ON THE ROLE OF CATTLE BREEDING IN THE ECONOMY OF THE IRMENSK POPULATION (HISTORIOGRAPHIC ASPECT)

ABSTRACT: This article is devoted to the study of irmensk cattle history. Livestock farming was the basis for the irmensk population living in the south of Western Siberia in the late Bronze Age. The work of experts was studied, and it was found that the population led pastoral economy, which was dominated by cattle breeding. The main trend in the development of the economy was the formation of transhumance. As a result of observation, it was found that the irmensk population practiced stabling of cattle in winter. Along with winter settlements, summer settlements also functioned. Grazings were in the flood plains of major rivers and remote pastures. In addition, the article describes how animals could be used in the late Bronze Age.

За десятилетия изучения ирменских поселенческих комплексов в среде специалистов сложилось представление о многоотраслевом оседлом скотоводческо-земледельческом характере ирменского хозяйства. Некоторые критические замечания вызывает только наличие у «ирменцев» земледелия [Шнеевайс, 2008, с. 144-160]. При этом, признается вспомогательная роль присваивающих видов хозяйства (охота, рыболовство). Говоря о составе стада, специалисты занимавшиеся изучением ирменских памятников различных регионов, отмечали преобладание крупного рогатого скота, при меньшей доле мелкого рогатого скота и лошади [Сидоров, 1989, с. 141-153; Кирюшин, Гальченко, Удодов, Шамшин, 1988, с. 138-142; Косарев, 1981, с. 226; Зах, 1990, с. 15-16; 1997, с. 105 и др.].

Тенденция постепенного сокращения доли крупного рогатого скота и увеличения доли лошади и мелкого рогатого скота в ирменском животноводстве отмечалась специалистами, занимавшимися изучением остеологических материалов из поселений Барнаульско-Бийского и Новосибирского Приобья, Кузнецкой котловины [Гальченко, Кирюшин, 1986, с. 98-99; Сидоров, 1989, с. 141-153; Бобров, 1992, с. 32]. Был сделан вывод о становлении в ирменскую эпоху и переходное время от бронзы к железу отгонного скотоводства [Матвеев, 1988, с. 98-101; 1993, с. 132-133; Молодин и др., 1996, с. 130-132; Шамшин, Гальченко, 1997, с. 101-104; Борзунов и др., 1995, с. 160-176 и др.].

М.Ф. Косарев высказал идею, что на территории Верхнего Приобья время от времени проявлялась тенденция к развитию кочевого скотоводства (например, у населения ирменской культуры), тем не менее, она так и не была реализована. Наиболее экологически оправданным здесь всегда оставалось пастушеско-земледельческое и многоотраслевое хозяйство. Исследователь, говоря о прослеживаемой археологически тенденции возрастания роли лошадей и МРС в ирменском стаде, заметил, что пастушество с характерным для него сенокосением и преобладанием крупного рогатого скота над лошадью могло иметь место лишь при сравнительно небольшой численности домашнего стада. Переход же от пастушеско-земледельческих занятий к кочевничеству был оправдан при сильном возрастании количества скота. В последнем случае сенокосение уже не могло выполнять свою роль, и ставка делалась на увеличении в стаде доли лошади и овцы, т. е. тех видов скота, которые были способны круглогодично питаться подножным кормом [Косарев, 1991, с. 42-43].

Высказанный тезис об отгонном характере ирменского скотоводства нашел определенное подтверждение в исследованиях барнаульских специалистов. А.Б. Шамшин и А.В. Гальченко,

сравнивая скотоводство «ирменцев» Барнаульско-Бийского и Новосибирского Приобья, отмечают некоторое преобладание костей лошади в первом регионе. Говоря о ведущей роли скотоводства в хозяйстве «ирменцев», исследователи замечают, что различия прослеживаются в его особенностях на зимних и летних поселениях. Так, на зимних поселениях наиболее высок процент костей домашних животных, а в стаде преобладал крупный рогатый скот.

На летних поселениях костей домашних животных меньше и отмечается преобладание в стаде лошади. Существование у «ирменцев» Барнаульско-Бийского Приобья отгонной системы скотоводства, по мнению А.В. Гальченко, связано с существованием земледелия и, следовательно, боязнью потрав. А.Б. Шамшин пришел к выводу, что зимние поселения «ирменцев» располагались, преимущественно, на территории Новосибирского Приобья, а летние — в Барнаульско-Бийском Приобье и предгорьях Алтая. Последние территории, богатые влагой и кормами, являлись ценной кормовой базой для ирменских скотоводов [Шамшин, 1988, с. 8-9; Шамшин, Гальченко, 1997, с. 101-104].

М.Ф. Косарев считает, что идея циклической смены «зимников» и «летников», отмеченная алтайскими специалистами, оформилась в недрах пастушеско-земледельческого хозяйства эпохи бронзы: эпизодические возрастания численности скота не раз вынуждали степных пастухов-земледельцев отгонять стада летом в открытые степи, а традиционные местообиталища — речные поймы — использовать в основном как сенокосные луга и зимние пастбища. Это постепенно подвело степняков к кочевничеству [Косарев, 1991, с. 46].

По наблюдениям А.В. Матвеева, подавляющее большинство ирменских поселений располагалось рядом с обширными пойменными лугами, пригодными для скотоводства и земледелия [Матвеев, 1988, с. 98-101; 1993, с. 79-80]. М.Ф. Косарев также считает, что скотоводство и земледелие эпохи бронзы (включая ирменскую эпоху), были ориентированы на использование ресурсов пойменных угодий. Непосредственные причины перехода степняков к пастушеско-земледельческому хозяйству М.Ф. Косарев видит не только в аридизации климата на юге Западно-Сибирской равнины, но и как результат развития производительных сил, выразившийся в развитии медной, а затем бронзовой металлургии; складывание подходящих экологических условий степной и лесостепной зон для разведения копытных и выращивания злаковых; назревание кризисной ситуации, вызванной прогрессирующим иссушением климата, катастрофическим сокращением охотничье-рыболовческих угодий и предельным обострением проблемы перенаселенности [Косарев, 1981, с. 18; 1991, с. 36-37].

Стойловое зимнее содержание скота на поселениях отмечал М.П. Грязнов [Грязнов, 1956, с. 39-40]. А.В. Матвеев к общим особенностям ирменских поселений отнес их достаточно мощный гумусированный культурный слой, обладающий темной окраской, что свидетельствует, по его мнению, о высоком удельном весе скотоводства в хозяйстве ирменских племен, а также содержании скота на поселениях [Матвеев, 1988, с. 98-101; 1993, с. 83-84]. Основной особенностью больших ирменских полуземлянок А.В. Матвеев, вслед за М.П. Грязновым, считал совмещение в рамках единого сооружения жилых и хозяйственных помещений, последние из которых предназначались также для зимнего содержания скота. Эта особенность, по наблюдению исследователя, восходит к андроновской культуре [Матвеев, 1995, с. 25-41]. По подсчетам Е.А. Сидорова, в ирменских жилищах могли содержаться 30-35 голов скота [Сидоров, 1989, с. 141-153].

Кроме традиционного использования животных для обеспечения населения мясом и молоком, специалистами были высказаны и другие соображения. Так, В.И. Матющенко, на основании находок псапсов предполагал, что еловско-ирменское население использовало лошадь как верховое животное [Матющенко, 1974, с. 93]. М.Ф. Косаревым был сделан вывод об использовании лошади не столько как мясного, сколько как тяглового животного, о чем свидетельствует количественное преобладание КРС в стаде и сравнительно небольшой удельный вес лошади. Также различный состав костей животных на поселениях и в могильниках, по мнению исследователя, свидетельствует о ритуальной роли отдельных животных [Косарев, 1979, с. 37-42; 1981, с. 226-228]. Это предположение М.Ф. Косарева нашло впоследствии подтверждение в работах специалистов, занимавшихся изучением погребально-поминального обряда [Бобров, 1991, с. 70; Бобров, Горяев, 1998, с. 182-186; Михайлов, 2001, с. 200-201, 257; Ковалевский, 2007, с. 85-89].

Список литературы

1. Бобров В.В. Особенности погребального обряда ирменской культуры в Кузнецкой котловине // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: ОмГУ, 1991. С. 60-72.
2. Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1992. 41 с.
3. Бобров В.В., Горяев В.С. Лошадь в погребальном обряде ирменской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998. Т. IV. С. 182-186.
4. Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матющенко В.И. Поселения и постройки заключительного периода бронзового века. Поселение и постройки межовско-ирменского культурно-хронологического пласта // Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. С. 160-176.
5. Гальченко А.В., Кирюшин Ю.Ф. К вопросу о типах хозяйства в эпоху поздней бронзы в лесостепном Верхнем Приобье // Скифская эпоха Алтая. Барнаул: Изд-во АГУ, 1986. С. 97-100.
6. Грязнов М.П. К вопросу о культурах поздней бронзы в Сибири // КСИИМК. М., 1956. № 64. С. 27-42.
7. Зах В.А. Неолит и бронзовый век Присалаирья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 19 с.
8. Зах В. А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск: Наука, 1997. 132 с.
9. Кирюшин Ю.Ф., Гальченко А.В., Удодов В.С., Шамшин А.Б. Хозяйственно-культурные типы поздней бронзы лесостепного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1988. С. 138-142.
10. Матвеев А.В. К вопросу об историко-культурной систематике и хронологии памятников эпохи поздней бронзы Западно-Сибирской лесостепи // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1988. С. 98-101.
11. Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 182 с.
12. Матвеев А.В. Семья в ирменском обществе: некоторые аспекты палеодемографического изучения (по материалам поселений) // Археология вчера, сегодня, завтра: Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск: НГПУ, 1995. С. 25-41.
13. Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 363 с.
14. Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Колыванского района новосибирской области // Свод памятников истории и культуры народов России. Вып. 2. Новосибирск: Наука, 1996. 192 с.
15. Ковалевский С.А. Конские черепа и камни-обелиски в системе погребально-поминальной обрядности ирменской культуры // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. С. 85-89.
16. Косарев М.Ф. К проблеме палеоклиматологии и палеогеографии юга Западно-Сибирской равнины в бронзовом и железном веках // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1979. С. 37-42.
17. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 279 с.
18. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.
19. Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири. Общая историко-культурная концепция // Российский этнограф. М., 1993. Вып. 4. 283 с.
20. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Томск: ТГУ, 1974. Вып. 12. 196 с.

21. Сидоров Е.А. Скотоводство лесостепного Приобья в I тыс. до н.э. // СА. 1989. № 3. С. 141-153.
22. Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII-VI вв. до н.э.): автореф. дис... канд. ист. наук. Кемерово, 1988. 16 с.
23. Шамшин А.Б., Гальченко А.В. Хозяйство населения Барнаульско-Бийского Приобья в эпоху поздней бронзы и в переходное время от бронзы к железу // Источники по истории республики Алтай. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. С. 90-117.
24. Шнеевайс Й. Культурная обстановка на рубеже II-I тыс. до н.э. в Западносибирской лесостепи на основе анализа керамического комплекса памятника Чича-1 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул: Концепт, 2008. С. 144-160.

Л.Н. Корякова¹, Р. Краузе²

¹Институт истории археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия,

²Университет им. Гете, Франкфурт-на-Майне, Германия
lunikkor@mail.ru, r.krause@em.uni-frankfurt.de

**ЛАНДШАФТ, АРХИТЕКТУРА И ХОЗЯЙСТВО ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ
В ЭПОХУ БРОНЗЫ: ПО МАТЕРИАЛАМ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДОЛИНЫ р. КАРАГАЙЛЫ-АЯТ¹**

L.N. Koryakova¹, R. Krause²

¹Institute of History and Archaeology UB RAS,
Yekaterinburg, Russia,

²Goethe University Frankfurt, Frankfurt-am-Main, Germany

**LANDSCAPE, ARCHITECTURE AND ECONOMY
OF THE SOUTHERN TRANS-URALS IN THE BRONZE AGE: THE FORTIFIED
SETTLEMENTS OF THE KARAGAILY-AYAT RIVER VALLEY**

ABSTRACT: The article briefly presents some aspects of the Russian-German project on the study of the fortified settlements in the valley of the Karagaily-Ayat river with particular emphasis on the Kamennyy Ambar site. The results of the palaeobiological research showed that in the valley, between 2400 and 1600 BC there was the warm and relatively humid climate. The palaeobotanists reconstruct the landscape as feather-grass steppes, alternating with some forests. Their high biomass productivity and plant diversity could contribute to the Sintashta settlement appearance and economic system that corresponded to settled mode of life. Farming was not practiced. The detailed multidisciplinary studies of the settlements illuminated various aspects of economy and lifestyle of their inhabitants. Analysis of planographic, stratigraphic and chronological data revealed that in the north-western sector of the Kamennyy Ambar settlement there were at least three building phases, which can be conditionally correlated with different types of ceramics: Sintashta, Sintashta-Petrovka and Srubno-Alakul. The houses were constructed according to some standards but each settlement had some specific features. The degree of the deviation from the standard increased over time. The pastoral stock breeding with emphasis on the cattle constituted the economic basis of the local societies. It can be assumed that the proximal operating area may have been about 5-7 km in radius and included pasture, some forests, close mineral deposits, as well as water sources. The needs in metal could be a factor of the extension of inhabited space, the development of which would expand interaction with other groups.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 16-18-10332.

Не подлежит сомнению положение о важной роли географической среды в процессах культурных и экономических изменений в евразийской степи. Для изучения состояния окружающей среды в эпоху бронзы российско-германским проектом была реализована широкая программа биологических исследований. В результате ее выполнения было доказано, что в микрорайоне вдоль р. Карагайлы-Аят между 2400 и 1600 до н. э. преобладал теплый и относительно влажный климат. Палинологические и почвенные спектры показали, что в начале второго тыс. до н.э. были распространены ковыль, полынь, подмаренник, маревые, клевер и дикие злаки, а вдоль реки Карагайлы-Аят существовали луговые степи. Отложения начала второго тыс. до н. э. свидетельствуют о большом разнообразии видов растений и наличии широколиственных пород деревьев. Признаков деградации степной растительности в результате выпаса скота не обнаружено ни палинологией, ни карпология. Полученные данные свидетельствуют о высокой продуктивности степей в эпоху бронзы. Из этого следует вывод, что формы поселений синташтинско-петровского круга и экономические системы, соответствующие оседлому образу жизни, не были ответом на засушливость, а были, скорее, результатом благоприятных условий и высокой производительности биомассы в степной экосистеме эпохи бронзы [Stobbe, 2013; Stobbe et al., 2015]. Материалы из микрорайона р. Карагайлы-Аят свидетельствуют о возрастании засушливости начиная с 1600 г. до н.э. [Stobbe et al., 2014], но продолжительность этого процесса пока не установлена.

В настоящее время в литературе бытует мнение о синташтинских/ синташтинско-петровских поселениях как укрепленных населенных пунктах с кластерным типом планировки, со значительной металлургической составляющей экономики их обитателей [Зданович, Батанина, 2007; Виноградов, 2011]. Основным типом синташтинского жилища считается прямоугольное или подтрапециевидное строение размерами около 100-200 кв. м, примыкающее торцевой стеной к стене поселения, и имеющее смежные стены с соседними жилищами.

Использование геофизических методов и массовое радиоуглеродное датирование не подтверждают ранее высказанное предположение о хронологической последовательности: «овальные — круглые — прямоугольные поселения» (Зданович, Батанина, 2007). Остается лишь на уровне констатации факт наличия и различного числа колодцев в синташтинско-петровских жилищах. Утверждение о металлургическом производстве в каждом жилище противоречит логике этого производства в закрытом помещении.

Анализ планографических, стратиграфических и хронологических данных показал наличие на северо-западном участке поселения Каменный Амбар как минимум трех строительных фаз, которые могут быть соотнесены условно с различными типами керамики: синташтинская, синташтинско-петровская и срубно-алакульская. На первой фазе существовало три постройки стандартного прямоугольного плана площадью 120-170 кв.м. В результате перестройки на участке было возведено строение, состоящее из двух сообщающихся построек 5a и 5b с общей стеной площадью около 300 кв. м. В каждой постройке было по два помещения разной функциональной нагрузки. В пределах этих сооружений обнаружено 15 колодцев, которые соотносились с различными строительными фазами. Некоторые из отслуживших свой срок колодцев использовались для сооружения в них печей.

Проведено видовое определение древесины из колодцев, изучены следы обработки и применены методы консервации. Судя по находкам угля, размерам столбовых ямок и остаткам дерева из колодцев, в строительстве использовались в основном стволы березы и сосны, диаметром 5-20 см [Ruhl et al., 2015]. **Большие по величине деревья представлены в меньшей степени, они использовались для опорных столбов в несущих конструкциях.**

Третья фаза представлена небольшой постройкой № 6 хозяйственного плана, фрагментами культурного слоя, большим количеством керамики, остатками печей, устроенных в углублениях некоторых колодцев. В то же время анализ материала свидетельствует в пользу непрерывности обитания на поселении, при этом жилая архитектурная традиция при сохранении ее основных принципов менялась в течение времени в сторону упрощения. Трансформировалась также традиция организации самих поселений. Они со временем также упрощались, их площадь сокращалась, что привело, в конечном счете, к утрате схемы замкнутой кластерной планировки.

Все еще циркулирует гипотеза о комплексном хозяйстве эпохи бронзы, в котором определенную роль играло земледелие (Гайдученко, 2002; Зданович, 2003). Однако последние археоботанические исследования показывают, что обитатели синташтинских поселений не занимались земледелием, несмотря на благоприятный климат, но жили за счет продуктов животного происхождения, рыбы и дикорастущих растений [Ruhl et al., 2015]. Подобный сценарий характерен для последующей срубной-алакульской культуры.

Основой экономики населений долины р. Карагайлы-Аят было животноводство. Судя по результатам анализа микро- и макрофауны, на всех поселениях преобладают кости крупного рогатого скота, затем по количеству с большим отрывом идут кости мелкого рогатого скота, лошадь представлена небольшим числом костей. Дикая фауна значительно уступает по степени присутствия костей в слое поселений домашним видам. Анализ сезона забоя домашних копытных показал, что выпас происходил не слишком далеко от поселка. Возрастная структура скота на Каменном Амбаре свидетельствует о мясной (лошадь), мясо-молочной эксплуатации коров и мясо-шерстной ориентации разведения овец и коз во все фазы функционирования поселения [Rassadnikov et al., 2013]. По мнению биологов, наиболее возможной формой скотоводства была придомно-отгонная. Мобильность стад и пастухов реализовывалась в рамках модели умеренно-подвижного типа скотоводства.

Анализ видового состава растительности и фауны млекопитающих, птиц и рыб показывает отсутствие антропогенного воздействия на их модификации в регионе в среднем голоцене. Влияние человека проявляется только на местном уровне: в окрестностях поселений растительность и почва имеют некоторые признаки антропогенной трансформации. Видимо, жители поселений использовали все имеющиеся ресурсы, которые были в пределах досягаемости. Гипотетически можно предположить, что ближняя эксплуатируемая зона, возможно, была около 5-7 км в радиусе и включала в себя пастбища, некоторые леса, какие-то месторождения полезных ископаемых, а также водные источники. В непосредственной близости от поселения Каменный Амбар находились месторождения строительного камня, который широко использовался его обитателями.

Скотоводство дополнялось различными домашними производствами, Практиковались обработка камня, дерева, кожи, кости и т.п. Наши материалы противоречат идее о том, что синташтинско-петровские поселения были центрами производства и обработки металлов. Металлургия занимала важное место в экономике этого периода, но на поселениях производились, скорее всего, операции по переработке шлаков, а места выплавки металла могли находиться в окрестностях рудников. На поселении Каменный Амбар практически нет следов тяжелых металлов, которые сопровождают металлопроизводство широкого масштаба. Потребности в металле могли быть фактором расширения обитаемого пространства, освоение которого могло осуществляться за счет взаимодействия с другими группами населения.

Список литературы

1. Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. Челябинск: Абрис, 2011. 178 с.
2. Зданович Г.Б. Ландшафтная археология «Страны городов» // Аркаим и Страна городов. Археологические очерки. Челябинск: Крокус, 2003. С. 21-32.
3. Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим — Страна городов. Пространство и образы. Челябинск: Крокус, Южно-Уральское кн. изд-во, 2007. 260 с.
4. Gaiduchenko L.L. The Biological Remains from the Fortified Settlements of the Country of Towns of the Trans-Urals // D. Zdanovich (ed.) Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC: Regional Specifics in Light of Global Models. Washington D.C.: Institute for Study of Man, 2002. P. 400-416.
5. Stobbe A. Long-term perspective on Holocene environmental changes in the steppe of the Trans-Urals (Russia): Implications for understanding the human activities in the Bronze Age indicated by palaeoecological studies // Krause R. and Koryakova L. N. eds. Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. P. 305-326.

6. Stobbe A., Gunnior M., Röpke A., Schneider H. Palynological and sedimentological evidence from the Trans-Ural steppe (Russia) and its paleoecological implications for the sudden emergence of Bronze Age sedentarism, *Vegetation History and Archaeobotany* [online]. 24 (3). 2015. P. 393-412. DOI: 10.1007/s00334-014-0500-0.
7. Rassadnikov, A., Kosintsev P. and L.Koryakova. The osteological collection from the Kamennyi Ambar settlement // Krause, R. and Koryakova, L. N. eds. *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. 2013. P. 239-284.
8. Rühl, L., Herbig, C., Stobbe, A. Archaeobotanical analysis of plant use at Kamennyi Ambar, a Bronze Age fortified settlement of the Sintashta culture in the southern Trans-Urals steppe, Russia. // *Vegetation History and Archaeobotany* [online]. 24 (3). 2015. P. 413-426. DOI: 10.1007/s00334-014-0506-7

А.М. Кузнецов, Е.О. Роговской

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
 golos_siberia@list.ru, eor127@yandex.ru

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
 СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ В ФИНАЛЬНОМ МЕЗОЛИТЕ
 (НА ПРИМЕРЕ СТОЯНКИ ОСТРОВ ЛИСТВЕНИЧНЫЙ)**

A.M. Kuznetsov, E.O. Rogovskoy

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

**SOME ASPECTS OF HUMAN ECOSYSTEM
 IN THE NORTHERN ANGARA REGION IN THE FINAL MESOLITHIC
 (ON MATERIALS OF THE OSTROV LISTVENICHNY SITE)**

ABSTRACT: In recent years, the extensive field research in the Northern Angara region led to a huge number of found and excavated sites. The Ostrov Listvenichny should be mentioned among the most prominent Early Holocene sites. Topography, representative stratigraphy put this site in the list of main objects of Baikal Siberia in 9000-8000 BC. This article presents materials of final Mesolithic layer of the Ostrov Listvenichny site. This layer was deposited during the Holocene Atlantic optimum and didn't contain any ceramic fragments. There were deer, elk, hare, fox, sable, siberian weasel, bear, dog, fish, bird remains in the fauna collection and more than 90% of them belonged to deer species. Tool collection includes scrapers, tips, abrasives, adzes, horn and stone pressers, bone fish-baits, harpoons. After using microstratigraphical method, it's clear that ancient landscape was similar to modern one. Planigraphic structure demonstrates some aspects of human ecosystem, including three boarded sectors for making tools, cutting hunted animals and residing. «Economic» and «industrial» sectors have several fireplaces with accumulations of bone and stone remains. «Residing» sector demonstrates rare concentration of artifacts, but has more fireplaces, individual occupational places and two hoards. Uncovered planigraphic «cavities» were near the fireplaces. These contents can indicate dwelling constructions.

Стоянка Остров Лиственичный была расположена на одноименном острове, вписанном в Катодарминское расширение среднего течения р. Ангара (на сегодняшний день остров полностью затоплен водами Богучанского водохранилища). Объект дислоцировался в верхней части острова в двух пунктах: на приверхе и в полукилометре выше по течению, по правому берегу¹. В районе раскопов

¹ В данной статье даются результаты исследований по материалам раскопа 2.

высота поверхности острова составляла 190–191 м. Относительные отметки — 4–4,5 м. За период 2008–2012 гг на памятнике было вскрыто около 1600 кв. м. В результате раскопочных работ выявлено 7 уровней залегания археологического материала, вмещенного в четко стратифицируемые литологические слои. Третий и пятый уровни залегания являются основными, характеризующими местонахождение Остров Лиственичный. Третий уровень зафиксирован в низах почвенных образований голоценового оптимума (7125 ± 100 (СОАН-8909), 7270 ± 90 (СОАН-8910)); пятый залегает в менее гумусированных подстилающих отложениях (8575 ± 120 (СОАН-8646), 8480 ± 135 (СОАН-8647), 8510 ± 135 (СОАН-8911)). На основании полученных дат и отсутствия керамики, пятый уровень залегания материала отнесен к финальному мезолитическому периоду.

Финальномезолитический культурный слой стоянки Остров Лиственичный вмещен в четко выделяемый литологический горизонт — отложения, подстилающие почвенные образования голоценового оптимума. Он имеет разноплановую пространственную структуру, раскопанную площадь около 1,5 тыс. кв. м., не нарушен катастрофическими природными или неолитическими процессами. Под культурным слоем мы понимаем целостное природно-историческое тело, имеющее свою пространственную организационную структуру, представленное вещественными остатками искусственного происхождения (культурные остатки) и органо-минеральным субстратом (вмещающей породы), имеющим природные и антропогенные составляющие [Естественно-научные методы..., 2004].

Культурный слой вмещен в отложения пойменного аллювия и имеет смешанный субаэриально-аллювиальный-антропогенный генезис. Это подтверждается стратиграфическими наблюдениями, относительно низкими отметками местонахождения. Правильность интерпретации постантропогенного тафономического цикла подтверждает также относительно большая литологическая пачка голоценовых отложений, означающая высокую скорость осадконакопления, а также наличие стерильных прослоек в литологическом разрезе. Таким образом, древняя поверхность обитания стоянки находилась на высокой пойме р. Ангара, и после антропогенной стадии, культурные остатки были достаточно быстро тафономизированы. Этот процесс протекал без каких-либо экстремальных транспортировок артефактов по площади стоянки, что доказывается четкой пространственной организацией культурных остатков и присутствием закрытых комплексов (кострищ, депозитов).

Для выяснения вопросов реконструкции древнего ландшафта стоянки и ее хронологической однородности авторами был проведен микростратиграфический анализ культурного слоя. Он предполагал построение системы микростратиграфических профилей в соответствии с пикетной сеткой [Исследование памятников ..., 2012]. На основной площади стоянки в профиле артефакты распределялись пунктирной линией, в местах скоплений камня и кости прослеживались линзовидные формы. Никаких дополнительных уровней обитания, выраженных в наличии стерильной прослойки между ними, выявлено не было. Древняя поверхность обитания, исходя из отсутствия видимых перепадов литологического слоя и микростратиграфического анализа, представляла собой довольно равномерную плоскую поверхность островной террасы с резким обрывом в сторону реки, то есть повторяла современную поверхность местонахождения.

Фаунистическая коллекция стоянки включает в себя остатки таких видов как косуля, лось, благородный олень, заяц, лисица, соболь, колонок, медведь, собака, птица. Более 90% определимого костного материала принадлежит копытным (лось, косуля, олень). По срокам их добычи установлена сезонность стоянки — осенне-зимний период [Клементьев, 2014]. Довольно много остатков медведя. Также на объекте представлена ихтиофауна, включая такие виды как сибирский осетр, сибирская стерлядь, нельма, сиг, таймень, налим, щука, плотва, сибирский елец. Из них более 90% приходится на осетра, стерлядь, налима и щуку [Мамонтов, Роговской, 2013]. Эти данные убедительно говорят о промысловых предпочтениях древних обитателей стоянки.

Орудийная коллекция памятника состоит из скребков, острий, наконечников, абразивов, тесел, проколов, вкладышевых орудий, костяных зубчатых наконечников, каменных и роговых отбойников и отжимников, костяных рыбок-приманок, костяных острий.

Пространственное распределение фаунистических остатков по площади памятника позволяет выделить относительно четко выраженную производственную зону площадью около 100 кв.м. со следами небольшого кострища в центре, располагающуюся в восточной прибрежной части сто-

янки. Судя по концентрации определимых остатков косули и лося, в этой «хозяйственной» зоне предположительно происходила разделка приносимых частей туш этих животных. Также в юго-восточной части этой зоны зафиксировано небольшое по площади скопление сколов. Однако большинство из них имеет линейные размеры менее 1,5 см и, предположительно, является результатом подправки разделочных орудий.

Кости рыбы образуют локальные скопления по всей территории стоянки. Остатки остальных видов бессистемно рассеяны.

На площади стоянки четко определяются зоны раскроя каменного сырья. Восточнее «хозяйственной» зоны, фиксируется производственный центр стоянки, площадью около 90 кв. м, с несколькими аморфными производственными комплексами. Среди них по концентрации материала выделяются два овалообразных в абрисе скопления, которые приурочены к двум небольшим кострищам. На этой площади зафиксировано наибольшее количество сколов с галечной коркой, технических сколов, большое количество нуклеусов. Также в центре этой площади располагается депозит, т.е. компактное структурированно-организованное скопление [Роговской, Кузнецов, 2014]. Он состоит из 32 преимущественно крупных сколов (более 7 см).

«Жилая» зона площадью около 250 кв. м расположена еще восточнее и дальше от берега. Она характеризуется наличием шести крупных кострищ, индивидуальными рабочими местами раскроя каменного сырья, площадь которых не превышает одного кв.м., низкая плотность концентрации находок и бессистемность в их расположении. На северо-западной и юго-восточной границах этой зоны зафиксированы два депозита с производственными наборами, включающими в себя абразивы, резцы, костяные отжимники, костяные и каменные орудия. Во время раскопок никаких следов жилищных конструкций обнаружено не было. Однако в ходе планиграфического анализа были выявлены три практически пустых округлых по форме площади, приуроченных к кострищам, причем последние располагались на периферии этих пятен. Эти планиграфические «пустоты» можно интерпретировать как следы жилищных конструкций, аналогичных мадленским жилищам стоянки Пинсеван (Франция). В пользу данного предположения говорит расположение кострищ, т.е. места входа, относительно геометрического центра пустых пространств — все они расположены к югу от них. Также одно из кострищ имеет форму, характерную для экранного костра — четко выраженную прямую южную границу. Именно экранные костры, по результатам экспериментов, можно эффективно использовать для обогрева подобных жилищных конструкций [Волков, 2013].

Площадь стоянки в результате проведенного анализа можно условно разделить на три достаточно четко дифференцированные зоны: «хозяйственную», «производственную» и «жилую». Открытым остается вопрос синхронности функционирования этих зон, так как проведенных аппликационных связей пока недостаточно. Однако сама логика построения системы жизнедеятельности охотника-собирателя в континентальном климате в бореальной зоне, особенно учитывая сезон функционирования стоянки, позволяет делать подобные допущения.

Список литературы

1. Волков П.В. Опыт эксперимента в археологии. СПб.: Нестор-История, 2013. 416 с.
2. Естественно-научные методы исследования культурных слоев древних поселений. М.: НИИ-Природа, 2004. 161 с.
3. Исследование памятников эпохи палеолита. Сер. «Методика полевых археологических исследований». Вып. 7. М.: ИА РАН, 2012. 80 с.
4. Клементьев А.М. Раннеголоценовая фауна северной Ангары (материалы археологических объектов) // Известия ИГУ. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2014. Т. 8. С. 31–44.
5. Мамонтов А. М. Состав рыб в уловах на реке Ангаре в раннем голоцене по материалам местонахождения «Остров Лиственичный» (зона затопления Богучанской ГЭС) / А.М. Мамонтов, Е.О. Роговской // Вестн. ИргСХА. 2013. Вып. 57. Ч. 2. С. 24-29.
6. Роговской Е.О. Депозиты многослойного местонахождения Остров Лиственичный (Северное Приангарье) / Е.О. Роговской, А.М. Кузнецов // Известия ИГУ. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2014. Т. 9. С. 77–102.

Н.С. Ларина, А.В. Загоруйко, Н.П. Матвеева

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия
nslarina@yandex.ru, ar.v.zagoruiko@gmail.com

РАЗРАБОТКА СПОСОБОВ ОТБОРА И ХИМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОЧВ ИЗ ПОГРЕБЕННЫХ СОСУДОВ

N.S. Larina, A.V. Zagoruiko, N.P. Matveeva

Tyumen State University, Tyumen, Russia

DEVELOPMENT OF SAMPLING METHODS AND CHEMICAL ANALYSIS OF SOILS FROM BURIED VESSELS

ABSTRACT: The purpose of this article is to research the surface of the pots and soil from them for subsequent reconstruction of ancient man's diet. The research represents the effectiveness of various methods of chemical analysis and finding regularities in the results. The authors do not set themselves the task to confirm or deny one of the methods, however; minimal analysis is necessary to obtain reliable data. Relying on the experience of previous researchers, there were several main indicators: fatty acids on the surface of the pots, presumably conserved with compound; phosphorus (or phosphates), a sensitive and persistent indicator of human activity, moreover phosphate is stable and generally immobile in soils; elemental analysis of soil and background contents (representing the characteristics of the soil), performed in layers of soil from the pot. An additional problem is the analysis in order to obtain more specific results than just the assignment to a particular food category. The use of relatively simple phosphate method does not allow us to obtain comprehensive information about funeral food from burial places. Comparing the data obtained by different methods, and using analysis of soil layers, it can be concluded that the complex and multilateral approach to chemical analysis will greatly increase reliability of results obtained in the reconstruction of ancient vessels' contents.

Использование методов естественных наук в археологических исследованиях играет важную роль в реконструкции условий жизни людей, живших в разные исторические периоды. Одним из направлений в изучении взаимодействия человеческих коллективов с окружающей средой является исследование диеты, т.к. рацион питания в значительной степени отражает социокультурные особенности, быт древних коллективов, умение общества адаптироваться к окружающей среде, выстраивать систему жизнеобеспечения. Археологические исследования захоронений раннего железного века и раннего средневековья в Зауралье [Матвеева и др., 2005; Матвеева и др., 2007] позволяют предположить, что при совершении курганного погребения в сосуды помещается заупокойная пища различного происхождения (растительная и животная) или вода. Однако археологические данные лишь косвенно свидетельствуют о характере употреблявшейся пищи, для подтверждения высказываемых гипотез необходимо экспериментальное подтверждение. Наибольшее распространение в такого рода исследованиях получил фосфатный метод В.А. Демкина, основанный на определении количества подвижных фосфатов в нижней и верхней части почв из сосудов древних захоронений. Большое количество определений позволило автору методики составить классификацию содержимого по возможным видам пищи [Демкин, Демкина, 2000], но в ряде случаев получаемые этим методом результаты бывают неоднозначны. Ранее нами проводилось более детальное изучение макро- и микроэлементного состава этих слоев почв, что позволило выделить дополнительные различия в видах заупокойной пищи [Матвеева и др., 2007; Матвеев и др., 2010, Ларина и др., 2011]. Однако проведение более детального послойного распределения элементов вызвало сомнение в достоверности получаемых результатов, во всяком случае, неоднозначность их интерпретации. В последние годы для такого рода реконструкций получил распространение метод анализа жирных кислот [Gregg, 2009] в сосудах захоронений.

Данная работа посвящена модернизации методического подхода к исследованию почв из сосудов захоронений для реконструкции вида продуктов, находившихся в них.

В качестве объектов исследования были использованы почвы из трех сосудов, извлеченных при раскопках курганного могильника Ревда-5, расположенного близ с. Ревда в Ялutorовском районе Тюменской области. Было произведено послойное изъятие почв из сосудов, в каждом слое определено содержание подвижных фосфатов, ряда макро- и микроэлементов в золе почв. Определение фосфора проводилось фотометрическим методом, содержание металлов — методом атомно-абсорбционной спектроскопии. Содержание органических веществ определялось методом газовой хроматографии/масс — спектрометрии (ГХ — МС).

Известно, что при разложении органического вещества животного или растительного происхождения в минеральном субстрате, последний обогащается соединениями фосфора [Демкин, Демкина, 2000]. На этом основан фосфатный метод В.А. Демкина, в котором за показатель содержания остаточных фосфатов принимается их разница в придонном и поверхностном слое горшка ($\Delta P_2O_5 = \Delta P_2O_{5\text{дно}} - \Delta P_2O_{5\text{фон}}$). Однако при послойном анализе почв, обнаруживаются значительные отклонения: для ряда горшков наблюдается повышенное содержание фосфатов в средних слоях (рис. 1). Это может быть связано как с возможностью миграции фосфатов между слоями почвы за счет физических явлений (осмотических и капиллярных эффектов), так и с концентрированием органического продукта именно в этом слое, а не в придонном. Определение вида содержимого сосудов по стандартной методике приведено на рис. 1. Для уточнения полученных данных был проведен послойный анализ почв на содержание макро- и микроэлементов, концентрация которых может служить маркером нахождения тех или иных продуктов в сосуде [Матвеев и др., 2010; Матвеева и др., 2005, с. 117]. По результатам элементного анализа можно выделить характерные слои и элементы, накапливающиеся в этих слоях в каждом из горшков (рис. 2). Для третьего сосуда не наблюдается концентрирования элементов в одном слое. Сопоставление полученных данных с результатами фосфатного метода свидетельствует о наличии существенных различий в распределении по слоям подвижного фосфора и металлов. Поэтому для второго сосуда был использован независимый метод, позволяющий определять остатки органических веществ. Метод заключается в исследовании остатков жирных кислот, содержащихся в материале горшка. Основными маркерами считаются: насыщенные кислоты пальмитиновая (16:0) и стеариновая (18:0), мононенасыщенные олеиновая (18:1) и пальмитолеиновая (16:1) кислоты, а также полиненасыщенные линолевая (18:2) и линоленовая (18:3) кислоты [Malainey, 2010]. В частности предлагается использовать соотношения 16:0/18:0 и 18:1/16:0 [Skibo, 2013], так как эти кислоты остаются неизменными в процессе приготовления. По величине этих соотношений можно определить конкретный тип мясной или растительной пищи. Присутствие в образце пальмитиновой (16:0), пальмитолеиновой (16:1) и олеиновой (18:1) кислот авторы связывают с наличием рыбы или рыбных продуктов. Линолевая (18:2) и линоленовая (18:3) кислоты являются маркером растительных масел [Malainey, 2010].

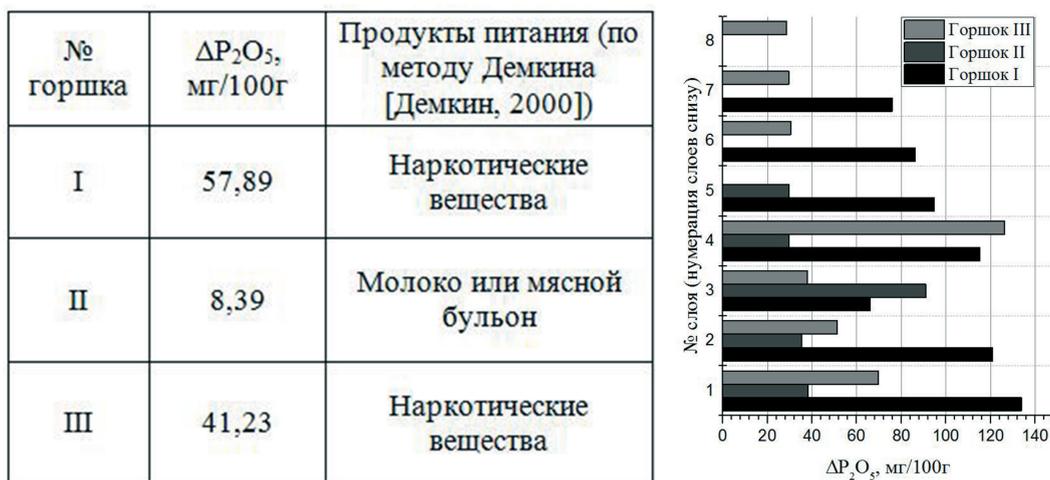

Рис. 1. Результаты послойного определения подвижного фосфора в исследуемых сосудах и определение вида пищи в соответствии с литературными рекомендациями [Демкин, Демкина, 2000]

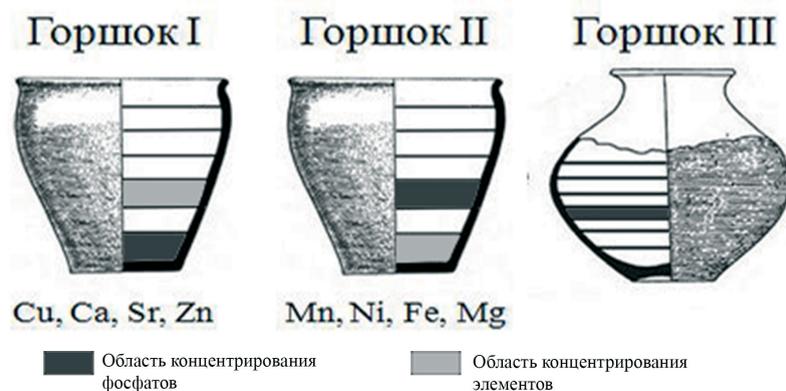

Рис. 2. Характерные слои и элементы в исследованных сосудах

Используя ГХ — МС анализ, был исследован осколок горшка II по методике, описанной в [Gregg, 2009]. Фрагмент хроматограммы приведен на рисунке 3. В осколке были обнаружены кислоты пальмитиновая (16:0), стеариновая (18:0), линолевая (18:2) и эйкозодиеновая (20:2) в приблизительном процентном соотношении 10:9:80:1, соответственно. Это позволяет сделать вывод о вероятном присутствии растительных масел в горшке II, основываясь на преобладающем содержании полиненасыщенной линолевой кислоты (18:2).

Сопоставляя данные, полученные различными методами, и, используя послойный анализ слоев почвы (табл. 1), можно заключить, что применение довольно простого в исполнении фосфатного метода не позволяет получить исчерпывающей информации о заупокойной пище, оставляемой в захоронениях.

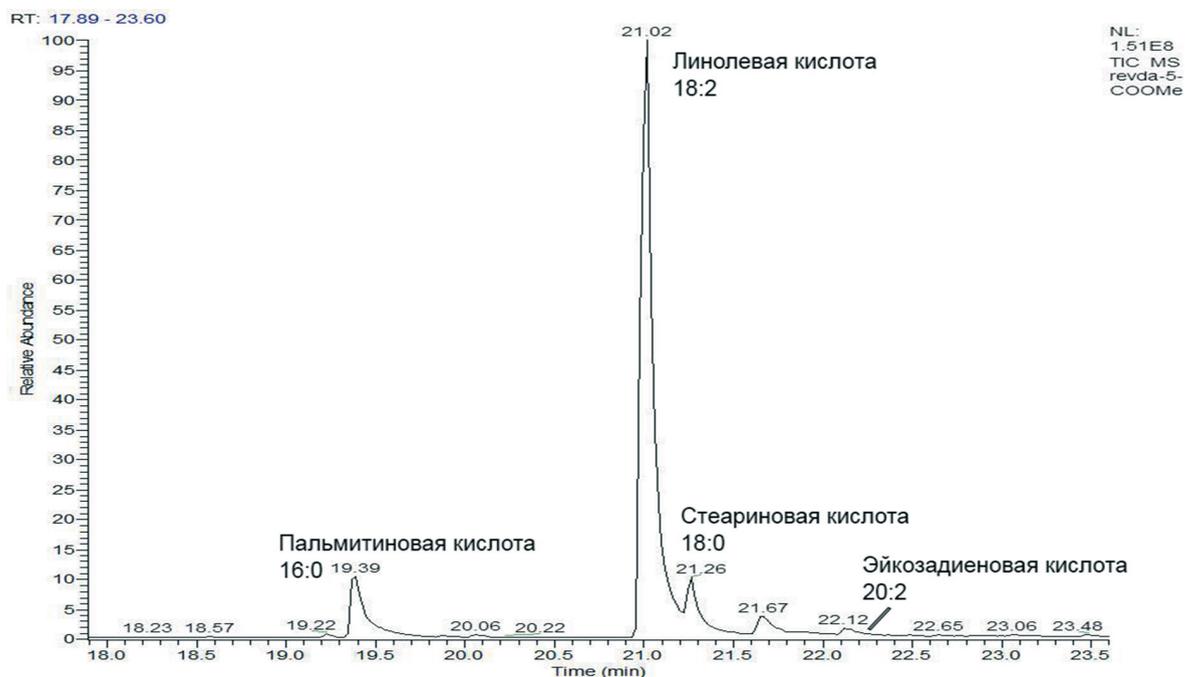

Рис. 3. Хроматограмма содержания остатков органических веществ в горшке II

Это связано как с недостатком и неоднозначностью получаемых результатов, так и с нарушением предполагаемого концентрирования органических веществ, а значит и фосфатов, в нижнем слое. Использование комплексного и многостороннего подхода к химическому анализу, вероятно, позволит значительно увеличить достоверность получаемых результатов в реконструкции содержимого древних сосудов.

**Сопоставление результатов определения вида заупокойной пищи в сосудах,
полученных разными методами**

№ горшка	Данные по результатам элементного анализа		Данные по методу Демкина
	Присутствующие элементы	Продукты питания	Продукты питания
I	Zn, Cu, Mg, Fe, Sr, Ca	Растительная пища, злаки	Наркотические вещества
II	Mn, Zn, Cd, Ca, Fe, Mg	Растительная пища, молоко (каша)	Молоко или мясной бульон
III	Cu, Mn, Ni, Cd, Sr, Zn	Растительная пища	Наркотические вещества

Список литературы

1. Демкин В.А., Демкина Т.С. О возможности определения погребальной пищи в керамических сосудах из курганов бронзового и раннежелезного веков // ЭО. 2000. № 4. С. 73–81.
2. Ларина Н.С., Матвеева Н.П., Швецова И.П. Определение характера пищи в сосудах из захоронений могильника Устюг-1 (Зауралье) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. Вып. 4. С. 183-188.
3. Матвеев А.В., Ларина Н.С., Костомарова Ю.В., Киктенко Е.В. Результаты изучения пригаров и почв из сосудов алакульской культуры хрипуновского могильника // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2010. № 1. С. 12-20.
4. Матвеева Н.П. и др. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири (проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке) / Н.П. Матвеева, Н.С. Ларина, С.В. Берлина, И.Ю. Чикунова. Новосибирск: СО РАН, 2005. 227 с.
5. Матвеева Н.П. Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. 207 с.
6. Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Рафикова Т.Н. Изучение диеты средневековых насельников Зауралья // Экология древних и традиционных обществ: сб. 2007. С. 111-116.
7. Gregg M.W. Organic residue analysis and the earliest uses of pottery in the ancient middle east. PhD dissertation. Department of Anthropology, University of Toronto, 2009.
8. Malainey, Mary E.A Consumer's Guide to Archaeological Science / Springer — Verlag. New York., 2010. 603 p.
9. Skibo, James M. Understanding Pottery Function / Springer — Verlag. New York., 2013. 192 p.

Е.Ю. Лебедева, Л.В. Яворская, Е.Е. Антипина

Институт археологии РАН, Москва, Россия

ПРИРОДНЫЕ ФАКТОРЫ И СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОРОДОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

E.Yu. Lebedeva, L.V. Yavorskaya, E.E. Antipina

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

NATURAL FACTORS AND THE LIFE-SUPPORT SYSTEMS OF THE GOLDEN HORDE TOWNS

ABSTRACT: This article summarizes the results of the study of archaeobiological materials — plant macro-remains and animal bones from the excavations of the Golden Horde towns and settlement on the territory of the Middle and South Volga region, Dons' delta and Stavropol. Obtained information indicates that the food components in life-support system of urban people in the Golden Horde were based on agricultural products from two sectors — agriculture and stock-breeding. Analysis of the meat diet has shown that its basis in all studied Golden Horde towns consisted of beef and sheep meat was only in second place. The structure of agricultural production differed in the towns to a greater extent. Although the main crops were wheat and millet with a clear predominance of the latter. In addition to grain products the remains of exotic plants which grew in regions that were located over many hundreds, if not thousands, km from the towns on the Volga river and Don-delta were discovered. The research of agricultural products' spectra against the background of natural conditions towns' neighborhood was conducted. As a result, it appears that the structure of food providing the Golden Horde urban community was influenced strongly by the economic, ethnic and social factors. While natural conditions determined only the optimal direction in the development of the agricultural branches. But sometimes the ethnic preferences even in the villages contravened natural conditions.

Исследования археобиологических материалов (растительных макроостатков и костей животных) из раскопок поселений Золотой Орды — городов и селищ, проводятся сотрудниками ИА РАН в рамках научного проекта РФФИ № 14-06-00427, направленного на комплексное изучение системы жизнеобеспечения этого государства. За последние 10 лет собраны представительные остеологические коллекции из раскопок девяти городских памятников. Их локализация по берегам Волги в ее среднем и нижнем течениях охватывает три природные зоны: лесостепную (Болгар), степную (Укек, Водянское, Царевское, Селитренное, Азак и Маджар), и полупустынную (Мошаик, Самосдельское). Исследование проведено по методической схеме разработанной в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН [Антипина, 2009]. Основными параметрами для сравнительного анализа были выбраны остеологические спектры домашних копытных и вычисленные на их основе относительные объемы потребляемых мясных продуктов [Яворская, 2013, 2014]. Подчеркнем, что последний показатель не зависит от величины коллекции, а значит и от численности населения города [Антипина, 2005].

Систематические археоботанические исследования золотоордынских городов по сути только начинаются, отчего представленная здесь информация носит во многом предварительный характер. Мы располагаем материалами из трех крупных городских центров — Болгара, Укека и Азака, а также ряда селищ округа Укека. Большинство археоботанических макроостатков получено из флотационных, фиксированных по почвенному объему образцов; на их основе построены археоботанические спектры [Лебедева, 2008]. Привлекались также материалы зерновых скоплений и случайные находки плодов и семян.

Собранные данные свидетельствуют, что система обеспечения городского золотоордынского населения продовольствием базировалась на продукции двух аграрных отраслей — земледелия и скотоводства. Эффективность сельского хозяйства в Поволжье во все времена зависела

главным образом от таких природных факторов, как температурный режим и количество осадков, действие которых видоизменяется, прежде всего, по меридиональному вектору с севера на юг. Влияние этих факторов казалось бы должно явно отразиться на характеристиках археобиологических материалов из поволжских золотоордынских поселений, расположенных в разных природных зонах.

Проведенный по остеологическим коллекциям анализ мясной диеты показал, что ее основой во всех исследованных нами золотоордынских городах была говядина, доля которой не опускается ниже 50%. В наибольших объемах (свыше 70%) она присутствовала на кухнях в Азаке в дельте Дона и в Маджаре на востоке Ставрополя, в округе которых условия для разведения крупного рогатого скота были достаточно благоприятны. Равно как и в Болгаре, где природные ресурсы лесостепи способствовали успешному разведению коров, ее потребление также оказывается достаточно высоким (около 60%). А наименьшие объемы говядины (около 51%) были подсчитаны по материалам Мошаика в дельте Волги, где природная кормовая база не была стабильной. Вторым мясным продуктом по значению в структуре питания золотоордынского городского населения была баранина. Однако если вклад говядины в диету жителей все же можно соотнести с благоприятными для разведения коров аональными условиями ближайших окрестностей золотоордынских городов, то объемы потребления баранины не удастся связать с природными факторами. Так, в максимальном количестве баранина зафиксирована для двух городов наиболее северных регионов (Болгар и Укек), а в минимальном — для центров южного Поволжья, дельты Волги и Дона, к которым как раз вплотную подходят обширные степные ландшафты, где традиционно разводятся овец.

Более того, для Болгара установлено значимое увеличение потребления баранины на протяжении нескольких десятков лет от раннеордынского (вторая половина XIII в. — начало XIV в.) периода к позднеордынскому (XIV в.), хотя природные условия в это время если и меняются, то в сторону похолодания и увеличения влажности (первая фаза т.н. «малого ледникового периода»). Тогда же в центральной части Болгара разрастаются кварталы ремесленников, занимающихся производством керамики, металлических изделий и обработкой кож, возникает торговый квартал. Таким образом, возросшие к середине XIV века объемы потребления баранины жителями этого города можно считать «побочным» эффектом торговой активности населения и рыночного увеличения спроса на овечьи шкуры и кожу [Яворская, 2015]. Поставки же баранины, и отчасти конины, происходили, несомненно, из хозяйств кочевых скотоводов обширных степных регионов, что подтверждается результатами изотопного состава костей этих животных [Яворская и др., 2015].

При анализе структуры обеспечения горожан мясными продуктами следует учитывать установленную для средневекового населения Восточной Европы тесную сопряженность разведения крупного рогатого скота с земледельческой практикой. Это позволяет соотнести основные поставки говядины в золотоордынские города с эффективным функционированием близлежащей аграрной округи.

Археоботанические спектры трех исследованных городских центров, характеризующие структуру потребления в них земледельческой продукции, заметно отличаются друг от друга, несмотря на то, что основными зерновыми культурами везде были мягкая пшеница и просо при явном доминировании последнего. Суммарно оба злака занимали в Болгаре 63% спектра, в Азаке — 84%, а в Укеке — почти 90%. Если в Укеке и Болгаре различия в соотношении между ними составляли 8-11% в пользу проса, то в Азаке его доля почти в семь раз превышала пшеницу, достигая 73%.

Условия для возделывания обоих злаков в округе ордынских городов не только в лесостепи, но и в степи были достаточно пригодными. Особенно благоприятными степные пространства были для проса — типичного ксерофита, хорошо переносящего засуху, зной и суховеи. Впрочем, обе эти культуры обнаруживаются во многих городах Монгольской империи, включая Каракорум [Rösch et al., 2010], и в этом смысле их с полным правом можно назвать общеимперскими.

В числе других культурных растений, которые могли поставляться в города из ближайшей сельскохозяйственной округи, следует упомянуть рожь, овес, пшеницу двузернянку (полбу), горох, чечевицу, коноплю и лен (только в Болгаре). Однако их представительность в спектрах невысока. Наиболее сбалансированным в этом отношении является АБС Болгарского городища, расположенного в наиболее благоприятствующей земледелию зоне, где представлены не только хлебные и крупяные злаки, но и фуражные культуры. В первую очередь, это конечно же овес — основной фуражный злак средневековья. Его доля составляет здесь более 17%, ячменя существенно меньше — около 3%. В то же время в Азаке ячмень достигает 7,5%, а овес, как и в Укеке — менее 1%. Кажущееся несколько странным почти полное отсутствие фуражных культур в степных городах — Укеке и Азаке может объясняться отсутствием потребности в создании здесь больших запасов на зимний период, как это было необходимо делать в древнерусских городах лесной зоны и даже в Болгаре. Нельзя исключать также какие-то принципиальные различия в обустройстве самих городов или в организации в них торговли. Впрочем, причины могут лежать и в другой плоскости — малочисленность исследованных археоботанических выборок (для Азака) и ограниченность сборов по территории города (Укек).

Обращает на себя внимание присутствие ржи в спектрах исследованных золотоордынских городов. При достаточно низких ее значениях (максимально около 6% в Укеке), можно было бы предполагать, что она засоряла посевы пшеницы. Однако находки зерен ржи в Укеке и Азаке в виде скоплений, маркирующих ее хранение, а также высокие показатели в спектрах сельских поселений (15-20%) округи Укека, заставляют говорить о самостоятельных посевах этой культуры. Скорее всего, ее появление в регионе объясняется притоком в Орду русского населения, для которого на родине это был основной хлебный злак. Именно поэтому, несмотря на неблагоприятные условия для возделывания ржи, к примеру, в засушливом Саратовском Поволжье, мы фиксируем ее максимальные значения в спектрах местных сельских поселений, тогда как в городах большим спросом она не пользовалась.

Помимо зерновой продукции, поступавшей в города из ближайшей к ним аграрной округи, мы обнаруживаем здесь растения, которые могли быть привезены из регионов, расположенных за многие сотни, если не тысячи километров от Поволжья и дельты Дона. Самым распространенным из таких «экзотических» растений был инжир, обнаруженный во всех городах; кроме того, встречаются нут, миндаль, грецкий орех, виноград, барбарис, кориандр и др. Самой уникальной находкой, свидетельствующей о дистанционной торговле, был большой фрагмент сгоревшей каши из риса, обнаруженный в Укеке [Лебедева, Кубанкин, 2014]. Следует упомянуть также и плоды садовых растений — яблони, груши, сливы, а также бахчевых культур — дыни и арбуза, присутствующие в исследованных археоботанических коллекциях.

Таким образом, мы убеждаемся, что на структуру обеспечения жителей золотоордынских городов продовольствием существенное влияние оказывали экономические, этнические и социальные факторы, тогда как природные условия определяли лишь наиболее оптимальные направления в развитии сельскохозяйственной округи. Но даже на селищах этнические предпочтения действовали иногда вопреки природным условиям.

Список литературы

1. Антипина Е.Е. Мясные продукты в средневековом городе — производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы / науч. ред. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 181–190.
2. Антипина Е.Е. Ростиславльское городище дьяковского времени: археозоологические материалы из раскопок 2002-2006 годов // Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов. Вып. 1 / отв. ред. Е.Н. Черных. М.: Ин-т археологии РАН. С. 146-171.
3. Лебедева Е.Ю. Археоботаническая реконструкция древнего земледелия (методические критерии) // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Ред. А.П. Бужилова. Вып. 6. М.: Параллели, 2008. С. 86-109.

4. Лебедева Е.Ю., Кубанкин Д.А. Уникальные находки редких растений в золотоордынском городе Укеке // КСИА. 236. 2014. С. 339-344.
5. Яворская Л.В. Особенности заполнения культурных напластований золотоордынского города Укек по археозоологическим материалам из раскопок 2008-2012 годов // Археология Восточно-Европейской степи: межвузовский сб. науч. трудов. Вып. 10. Саратов: Саратовский государственный университет, 2013. С. 569-579.
6. Яворская Л.В. Процессы урбанизации и динамика потребления в средневековых городах Поволжья (по археозоологическим материалам // Генуэзская Газария и золотая Орда. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 197-207.
7. Яворская Л.В., Антипина Е.Е., Энговатова А.В., Зайцева Г.И. Стабильные изотопы углерода и азота в костях домашних животных из трех городов Европейской части России: первые результаты и интерпретации // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Изд-во Волгоградского государственного университета. Вып. 1. 2015. С. 54-64.
8. Rösch M., Fischer E., Märkle T., Oyuntuya B. Medieval plant remains from Karakorum, Mongolia // Mongolian-German Karakorum expedition. Vol. 1: Excavations in the Craftsmen Quarter at the Main Road (= Bonn Contributions to Asian Archaeology, Vol. 2). Wiesbaden: Reichert Verlag, 2010. P. 219-249.

Д.С. Леонтьева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
NBA-IF@mail.ru

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНДРОНОВСКОЙ КЕРАМИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ПОСЕЛЕНИЯ ФИРСОВО-XV¹

D.S. Leontieva

Altai State University, Barnaul, Russia

TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF ANDRONOVO CERAMIC COLLECTION OF THE FIRSOVO-XV SETTLEMENT

ABSTRACT: Firsovo-XV is a monument of different times which was situated in Pervomay district of the Altai region. Andronovo ceramic complex of Firsovo-XV ornamental scheme is characterized by the predominance of stamping technique. Among the ornaments there were often used horizontal and vertical "herringbones", grooves, pit indentations and zigzags. The pots were often decorated in geometric style by triangles, festoons and meanders. The purpose of work is reconstruction of the preparatory stage of technological process of the potter tradition in the Andronovo Firsovo-XV settlement. The research was conducted in the frameworks of historic-cultural approach by method, developed by A.A. Bobrinsky. Selected samples were analyzed in two steps: selection of an initial material and preparation of molding compounds (determinations were made by D.S. Leontieva and N.F. Stepanova). For the technical-technological analysis there were selected fragments from 39 vessels. The feedstock selection study shows

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ договор № 14. Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», и в рамках государственного задания Алтайского государственного университета, код проекта: 1006, тема «Использование естественно-научных методов в реконструкции историко-культурных процессов на Алтае в древности».

that two kinds of initial materials were used: ferruginous clay (94.9%) and silty clay (5.1%), although preference was given to ferruginous clay. Feedstock differs by its ductility. Combinations of different kinds of additives and initial material (IM) allowed to identify the following recipes of molding compounds: IM + fireclay + organic solution (69.2%), IM + fireclay (28.2%), IM + fireclay + manure (2.6%). Fixed recipes demonstrate a stable tradition of the fireclay introduction into the molding mass. It exists in the fireclay molding mass which generally indicated the dominant fireclay tradition at the considered monument.

Фирсово-ХV представляет собой разновременный памятник, который расположен в Первомайском районе Алтайского края. Поселением занят северный пониженный участок мыса, переходящий в заболоченную пойму [Кунгуров, 2006, с. 350]. Часть поверхности памятника распахана и разрушается, его общая площадь составляет 39000 кв. м. Он был открыт в 1985 г. А.Л. Кунгуровым, раскопки проводились в 1986 г., 1990-1992 г., 2013 г. [Лузин, 1990 с. 46; Грушин и др., 2014]. Сформировавшаяся в процессе исследования памятника керамическая коллекция представляет значительный интерес для изучения этнокультурной ситуации региона, что продемонстрировано на материалах раннего железного века [Степанова, Фролов 2015, с. 167]. Керамический материал бронзового века изучен в меньшей степени. Орнамент андроновской серии подробно рассмотрен [Грушин, Леонтьева, 2014, с. 79], следующим этапом изучения коллекции стало проведение технико-технологического анализа.

Данная работа имеет целью реконструировать гончарные традиции на подготовительной стадии технологического процесса, андроновского населения поселка Фирсово-ХV. Исследование проводилось в рамках историко-культурного подхода по методике, разработанной А.А. Бобринским [Бобринский, 1978; 1999]. Выбранные образцы анализировались по ступеням гончарной технологии, относящимся к подготовительной стадии производства: отбор исходного сырья и составление формовочных масс (определения выполнены Д.С. Леонтьевой и Н.Ф. Степановой). Для технико-технологического анализа керамической серии отобраны фрагменты от 39 сосудов. Образцы взяты от разных частей сосуда: 23 экз. — венчики, 16 экз. — стенки. Из них 18 экз. принадлежат сосудам горшечных форм, 21 экз. — баночных.

Основная часть рассмотренных сосудов была изготовлена из ожелезненной глины (94,9% — 37 экз.), а два сосуда — из илистых глин (5,1% — 2 экз.). Для определения степени пластичности исходного сырья (ИС) в данной работе использованы критерии глин разной пластичности, предложенные Е.В. Волковой [Волкова, 1996]. Каждая группа была выделена по особенностям состава и количества естественных примесей в сырье.

Гончарами поселка использовались *ожелезненные глины*: пластичные (51,3% — 20 экз.), среднепластичные (38,5% — 15 экз.) и низкопластичные (5,1% — 2 экз.). В качестве естественных примесей глины содержат разное количество: пылевидного песка, кварцевого окатанного песка крупностью менее 0,5 мм; включения бурого железняка оолитовой формы, мелкого (0,5-0,9 мм), среднего (1,0-1,9 мм) и крупного (2-5 мм) размера. В некоторых экземплярах присутствует известняк аморфной формы серой и бело-серой окраски размером от 0,5 до 1,0 мм и отдельные включения раковин речных моллюсков. В двух образцах выявлены включения обломков кости (рыба?) до 4 мм, серого цвета, и одно включение чешуи рыбы.

Илистая глина — 5,1% (2 экз.), характеризуются средней пластичностью и наличием следующих естественных компонентов: большого количества раковины — мелкой (0,5-0,9 мм) и средней (1,0-1,9 мм), некалиброванной; песка — пылевидного и размером меньше 0,5 мм, в небольшой концентрации; единичными включениями бурого железняка мелкого (0,5-0,9 мм) и крупного (2-2,9 мм) размера в концентрации 1:5, отпечатками фрагментов растительности. Выявленные особенности глин по составу естественных примесей, позволяют предположить, что местные гончары использовали не менее 17 условных «мест» добычи сырья.

Формовочные массы. Сочетание различных видов добавок и ИС позволило выделить следующие рецепты формовочных масс: ИС + шамот + органический раствор (69,2%), ИС + шамот (28,2%), ИС + шамот + навоз (2,6%). При анализе состава и концентрации искусственных минеральных примесей установлено следующее: во всех образцах зафиксирован шамот. Он добавлялся, в основном, в пропорциях 1:4-1:5 (84,6%), в пяти образцах — концентрация 1:5 и менее

(12,8%), в одном образце — 1:3 (2,6%). В 78,6% образцах зафиксирована искусственно введенная органика. Чаще в формовочную массу вводился органический раствор 69,2%, реже навоз — 2,6%, в остальных случаях (28,2%) характер органики (естественный или искусственный) определить не удалось из-за малого содержания ее в формовочной массе.

Шамот отбирался гончарами преимущественно размерностью 0,6-3 мм, однако нередко фиксируются частицы как менее 0,6 мм, так и крупнее до 5-6 мм. *Органические растворы* прослеживаются в пустотах, в которых фиксируются остатки вещества разной плотности и цвета. *Навоз* жвачных животных в составе формовочной массы определен по наличию достаточно большого количества расщепленных травянистых растений до 1,2-1,5 мм, небольшого количества пустот от жидкой составляющей органической добавки.

С целью выявления технологических традиций изготовления керамики исследован шамот, входящий в состав формовочных масс. По цвету фракций и зафиксированным естественным примесям шамот зачастую сходен с основным черепком. В качестве искусственных примесей в шамоте отмечены: шамот (5 экз. — 12,8%) и дресва кварцевая (8 экз. — 20,5%).

Изучение навыков отбора ИС показывает, что использовалось сырье двух видов, хотя предпочтение отдавалось ожелезненной глине. ИС различается пластичностью: основная часть сосудов была сделана из пластичных (51,2%) и среднепластичных (38,5%) глин. Изучение образцов позволило выявить искусственные добавки — шамот, а так же органические растворы и навоз. Зафиксированные рецепты демонстрируют устойчивую традицию введения в формовочную массу шамота (100%). Его концентрация в образцах в основном 1:4-1:5, он присутствует в формовочных массах шамота, что свидетельствует о доминирующей шамотной традиции на рассматриваемом памятнике. Следует также отметить, что исследованные сосуды в составе формовочной массы не имеют дресвы. Вместе с тем, достаточно велико количество фрагментов с примесью дресвы в шамоте, что указывает на угасшую дресвяную традицию.

Одним из вариантов смены ведущей традиции составления формовочных масс, может быть переселение групп населения андроновской культуры в Верхнее Приобье. Возможно, с территорий, где в формовочные массы в основном вводилась дресва.

В целом, шамотная традиция является преобладающей на андроновских памятниках юга Западной Сибири. К данной традиции относится и рассматриваемый памятник Фирсово-XV.

Список литературы

1. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.
2. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара, 1999. С. 5-109.
3. Волкова Е.В. Гончарство фатьяновских племен. М., 1996. 116 с.
4. Грушин С.П., Фролов Я.В., Миляев Г.А., Леонтьева Д.С. Результаты раскопок 2013 г. на поселении Фирсово-XV // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 87-94.
5. Грушин С.П., Леонтьева Д.С. Андроновский керамический комплекс поселения Фирсово-XV в Верхнем Приобье // *Известия Алт. ун-та*. 2014. № 4/1 (84). С. 74-81.
6. Кунгуров А.Л. Памятники археологии Первомайского района Алтайского края // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. Барнаул, 2006. Вып. XV. С. 327-385.
7. Лузин С.Ю. Разведочные работы на поселении Фирсово-15 // *Охрана и использование археологических памятников Алтая*. Барнаул, 1990. С. 46-49.
8. Степанова Н.Ф., Фролов Я.В. Керамические традиции в эпоху раннего железного века Барнаульско-Бийского Приобья и северных предгорий Алтая (по материалам поселений) // *Известия Алт. ун-та*. № 4/2(88). 2015. С. 166-171.

Т.В. Лобанова, Т.Н. Собољникова

Институт экологии растений и животных УрО РАН,
БУ ХМАО–Югры Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок,
Екатеринбург, Ханты-Мансийск, Россия
lota_64@mail.ru, sobtn@mail.ru

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСТЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА ЧЕБАЧЬЯ ПРИСТАНЬ-2¹

T.V. Lobanova, T.N. Sobolnikova

Institute of Plant and Animal Ecology UB RAS,
BU HMAO–Ugra Ob-Ugric
Institute of Applied Research and Development,
Yekaterinburg, Khanty-Mansiysk, Russia

ARCHAEOZOOLOGICAL STUDY OF THE OSTEOLOGICAL COLLECTIONS OF THE MEDIEVAL SETTLEMENT CHEBACHYA PRISTAN-2

ABSTRACT: This article presents the results of archeozoological research of collections of the ancient Chebachya Pristan 2 settlement (Khanty-Mansi district of Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra) from excavations of 2014-15. The monument is dated to the 10-12th centuries. Excavations of the ancient Chebachya Pristan 2 settlement allowed us to receive very representative collection of artifacts and osteological materials. This category of sources is the most significant for reconstruction of a natural environment of the ancient population and its life support system. Within archeozoological research 456 copies of bone residues have been defined, 90% of their total number are bones of mammals. Bones of 11 species of modern domestic and wild mammals are defined. The population of the ancient settlement used animals - horses and dogs, and was engaged in trade of wild species of mammals. Among them bone residues of the reindeer predominate, but there are also bones of brown bears, elks and single bones of a fox, otter, polar fox, beaver, hare white hare, squirrel. Besides, inhabitants were engaged in fishery. The most part of bones of animals was found as the kitchen remains. Bones of the head of a reindeer, horse, dog, and brown bear were probably used for ritual purposes. The location of skulls within constructions, according to archaeological and ethnographic data, had a certain sacral meaning.

В 2014-15 гг. были начаты раскопки средневекового городища Чебачья Пристань-2, расположенного на северном берегу оз. Домашний Сор (Ханты-Мансийский район ХМАО–Югры). За два полевых сезона на памятнике были исследованы участок фортификационной системы (вала-рва), восточная часть площадки городища, с расположенными на ней постройками [Собољникова, Кузина, 2015; Собољникова и др., 2015]. По керамике и инвентарю памятник датирован X–XII вв.

Раскопки городища Чебачья Пристань-2 позволили получить весьма представительный комплекс остеологических материалов. На сегодняшний день он является наиболее представительным источником для реконструкции природного окружения древнего населения и системы его жизнеобеспечения низовий Иртыша-Конды. Целью данной работы было археозоологическое исследование остеологических коллекций собранных при раскопках городища Чебачья Пристань 2 в 2014-15 гг.

Археозоологическая коллекция состоит из 456 экз. костных остатков. Были определены 388 костей принадлежащих 11 видам современных домашних и диких млекопитающих. Помимо костей млекопитающих в раскопе 2015 г. найдены 7 костей птиц и 35 костей рыб. Встречаются кости разной степени сохранности, большая часть костей подверглась сильной коррозии, часть костей обожжена.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и администрации ХМАО–Югры в рамках научного проекта № 15-11-86601.

Домашние животные. Определены пять костей лошади (*Equus caballus*), среди которых — фрагмент черепа, а также кости нижних отделов ног. Остатки этого вида наиболее многочисленны среди костей домашних животных на средневековых памятниках таежной зоны Западной Сибири [Косинцев и др., 1988, с. 55-57]. Остатки собак (*Canis familiaris*) представлены исключительно костями головы. Зубной ряд нижней челюсти взрослой собаки найден в юго-восточной части раскопа за границами постройки № 1, а фрагменты черепной коробки другой особи под полом юго-восточного угла постройки № 2.

Дикие животные. Чаще всего встречаются на памятнике кости северного оленя (*Rangifer tarandus*). Они составляют 290 экз. Представлены элементы всех частей тела, но единичны кости осевого скелета — позвонки и ребра (3%). Наиболее часто встречаются фрагменты проксимальных и дистальных отделов ног (56% и 29% соответственно). Довольно много найдено фрагментов костей головы (11%), но почти половина из них приходится на остатки рогов. Все кости сильно раздроблены. Большая часть фаланг и все нижние челюсти разрублены для извлечения костного мозга. Почти все фрагменты рогов, часть метаподий и диафизов трубчатых костей имеют следы обработки. Все фрагменты костей тела северного оленя, несомненно, представляют собой кухонные отходы. Вряд ли такое можно сказать о черепахах, которые по этнографическим и археологическим данным, как правило, используются в качестве прикладов при проведении различных обрядов [Карьялайнен, 1995, с. 98; Дунин-Горкавич, 1996, с. 47].

Один череп молодого животного с рогами лежал у юго-западного угла постройки № 1. В северо-западном углу постройки под полом найдена целая черепная коробка взрослой особи комолой самки. Задняя часть черепа оленя была обнаружена в юго-восточном углу раскопа, за пределами постройки. Так как рога были сброшены, вероятно, животное было забито в зимний период. На этой же площадке найдены две нижние челюсти от животных в возрасте 1,5-2 лет. Еще один фрагмент затылочной части черепа молодого оленя с основанием рогов лежал в наружной части рва, к югу от объекта 2. На данном этапе исследований сложно сказать имело ли население домашних северных оленей или использовало добытых диких особей. Помимо костей северного оленя было обнаружено шесть костей принадлежавших лосю (*Alces alces*). За исключением одного фрагмента обработанного рога, это части трубчатых костей ног и мелкие кости запястья.

Наибольшее количество костей хищных животных принадлежит бурому медведю (*Ursus arctos*). На площадке городища примыкающей к валу найдены два фрагмента плечевых костей, фрагмент метаподии и нижний конец первой фаланги медведя. Там же найдены фрагменты ребра и трубчатой кости. В южной части постройки № 1 обнаружены обрубленный нижний конец плечевой кости взрослого животного, а также десять ребер от одной особи бурого медведя. В юго-восточном углу постройки лежала первая фаланга медведя.

Кости пушных зверей единичны. Чаще других встречаются кости бобра (*Castor fiber*). Это нижняя челюсть от молодого животного, а также нижняя челюсть, резец и плечевая кость от взрослой особи. Другие пушные виды представлены таранной и плечевой костями лисицы (*Vulpes vulpes*), лопаткой песца (*Alopex lagopus*), плечевой и парными локтевыми костями выдры (*Lutra lutra*), плечевыми костями зайца-беляка (*Lepus timidus*) и белки (*Sciurus vulgaris*).

Помимо костей млекопитающих, были определены кости рыб¹: 22 экз. костей обыкновенного окуня (*Perca fluviatilis*), 9 экз. костей обыкновенной щуки (*Esox lucius*) и 1 кость рыбы из рода сиговых (*Coregonus* sp.). Все эти кости происходят из постройки № 1.

Анализ расположения костных остатков в границах раскопа позволил выделить следующие закономерности в их локализации. Большая часть костей всех видов млекопитающих находятся в границах сооружений (на площадке городища и на валу). В застройке № 1 костные остатки локализуются главным образом вдоль стен и в ее углах, в центральной части, их почти нет. Наиболее плотная концентрация костей наблюдалась с левой стороны от входа в постройку, на участках, прилегающих к очагу с северной стороны и в юго-восточном углу постройки. Орудия и заготовки из костей животных, располагались также преимущественно в границах сооружений. В пределах

¹ Кости рыб были определены к.б.н. Д.О. Гимрановым (ИЭРЖ УрО РАН, Екатеринбург).

постройки № 1, наибольшее количество изделий и заготовок, были зафиксированы в районе очага и входа.

Череп животных и их отдельные фрагменты (челюсти, зубы и т.д.), обнаружены преимущественно в слое сооружений на уровнях -30-60 см от современной поверхности. Единичные фрагменты черепов лошади, северного оленя найдены в поддерновом слое.

Кости рыбы концентрировались в районе очага постройки № 1 и на дне ямы, расположенной в сооружении на валу городища. Там был обнаружен мощный слой костей и чешуи рыб (определения еще не проводились).

Предварительные выводы и заключения:

1) Основой питания населения, оставившего этот памятник, было мясо северного оленя. В качестве дополнительных источников, вероятно, использовали мясо лося, медведя, бобра, зайца, а также птицу и рыбу. Почти полное отсутствие костей осевой части скелета северного оленя, говорит о том, что туши животных разделявали в другой части поселения, а здесь в пищу использовали только наиболее мясные части.

2) Кости млекопитающих активно использовались для изготовления различного рода орудий и приспособлений для охоты и рыболовства, выделки шкур, обработки сосудов. Чаще всего для изготовления орудий использовались рога, метаподии, грифельные кости и диафизы большеберцовых костей копытных. Особо отметим, что в коллекции не так много наконечников стрел, более широко представлены орудия, связанные с обработкой кожи.

3) Наличие относительно большого количества костей головы северного оленя и собаки, а также костей бурого медведя указывает на вероятное использование этой территории для проведения ритуальных действий. На такую мысль наталкивают и места нахождения черепов в пределах сооружений, а именно — в углах, которые, как известно по археологическим и этнографическим данным обладали определенной сакральной нагрузкой [Морозов, 1993, с. 222].

Традиция использования лошади в качестве жертвенного животного коренным населением Нижней Оби и Нижнего Прииртышья хорошо известна по данным этнографии и находит подтверждения в археологии [Гондатти, 1888, с. 11; Карьялайнен, 1995, с. 100; Археология СССР, 1987, с. 213].

4) Находка фрагментов черепов лошади и северного оленя в поддерновом слое, позволяет нам предположить, что площадка городища могла использоваться в качестве культового места уже после того, как оно прекратило функционировать как поселенческий комплекс. Данная практика, по данным археологии и этнографии, была распространена в таежной зоне Западной Сибири [Морозов, 1992, с. 37-38, 40]. Предположения о неординарном характере памятника высказывались нами ранее [Собольникова, Кузина, 2015, с. 20]. Археозоологические исследования представили дополнительные аргументы для этой гипотезы.

Список литературы

1. Археология СССР Финно-угры и балты в эпоху средневековья: М.: Наука, 1987. С. 510.
2. Гондатти Н.Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М., 1888. С. 59.
3. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. В 3 т. Т. 3. Этнографический очерк местных инородцев. М.: Либерея, 1996. 208 с.
4. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Т. 2. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. 284 с.
5. Косинцев П.А., Морозов В.М., Терехова Л.М. Млекопитающие в системе природопользования средневекового населения Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности. Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1988. С. 52–64.
6. Морозов В.М. Памятники археологии у пос. Перегребное на Оби // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири: сб. науч. трудов. Екатеринбург: УИФ Наука, 1993. С. 207-222.

7. Морозов В.И. О соотношении археологического и этнографического комплексов городища Ермаково 1 // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 37-50.
8. Собољникова Т.Н., Кузина А.В. Археологические исследования средневекового городища Чебачья Пристань 2 в низовьях Иртыша // Вестник угроведения: научно-теоретический и методический журнал. Вып. 2 (21), 2015. С. 112-128.
9. Собољникова Т.Н., Кузина А.В., Кениг А.В., Сенюрина Ю.А. Археологические исследования городища Чебачья Пристань-2 в Нижнем Прииртышье // Вестник угроведения: научно-теоретический и методический журнал. Вып. 4 (23), 2015. С. 162-166.

Л.С. Марсадолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия
marsadolov@hermitage.ru

ПРОБЛЕМЫ ОБЪЯСНЕНИЯ РЯДА «ИСКАЖАЮЩИХ ЭФФЕКТОВ» ПРИ РАДИОУГЛЕРОДНОМ ДАТИРОВАНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

L.S. Marsadolov

State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia

PROBLEMS OF «DEFORMING EFFECTS» EXPLANATION USING RADIOCARBON DATING OF ARCHEOLOGICAL OBJECTS

ABSTRACT: This article focuses on the complex approach based on radiocarbon and tree-rings datings of archeological monuments of the Altai- Sayan region. The tree-rings were fixed clearly in wood samples and were valuable material for radiocarbon dating and tree-ring chronology. Radiocarbon dates of samples of the Altai-Sayan region were compared to their direct position on Stuiver calibration curve. The elite barrows of the Altai-Sayan region are the key monuments of scythian's time and the determination of their chronology is important for any historical and archaeological reconstructions. The results of calibration of radiocarbon age were connected to the data of the floating tree-ring scale in order to determine its zero position. The zero position of the floating tree-ring scale was dated to $400 \pm 20-40$ BC. The initial point for the chronological reconstructions of the Pazyryk-5 barrow was in the V-IV century BC. Chronological methods are especially important in case of their incorporated use. The study of the chronology of the elite barrows of the Sayan-Altai region is important for the determination of the origin, forming and development of the culture of the Scythian period.

В последние годы некоторые археологи приводят в своих работах иногда только радиоуглеродные (*далее р/у*) датировки отдельных образцов из органики, в большинстве случаев не связанных между собой на дендрошкале. Археологи почти не учитывают, что у р/у определений есть много своих «подводных камней» [Клейн, 2014, с. 276-308].

Радиоуглеродные даты часто не совпадают с археологическими, даже многократно проверенными разными методами.

Календарная дата теоретически должна совпадать с «идеальной» радиоуглеродной датой; например: 1550 г. до н.э. + 1950 г. н.э. = 3500 лет = р/у возраст (табл. 1: колонки 1 и 4). В разные годы в р/у лабораториях мира для создания многовековой калибровочной р/у шкалы были проведены определения р/у возраста участков непрерывной серии годовичных колец по 20 лет [Stuiver, Kra, 1986; Stuiver, Long, Kra, 1993], по остистой сосне и ирландскому дубу, общей длиной около 10 тысяч лет. Реальные измерения показали довольно большие расхождения между полученными

ми р/у и календарными датами (табл. 1: колонки 2-3 и 4). Разница между «идеальной» датой (4) и реальными р/у определениями (2-3), на разных участках калибровочной р/у шкалы с 1550 г. до н.э. — 350 г. н.э., может колебаться в интервале от 5 до 250 лет, как в сторону удревнения, так и омоложения дат (табл. 1), что необходимо учитывать при общей археологической датировке отдельных объектов.

Таблица 1

Расхождения между радиоуглеродными и «идеальными» (календарными) датировками

1986 г.		1993 г.	«Идеальная» дата по C-14 (4)	Разница лет между		Особенности интервала дат по C-14	
Годы до н.э. (1)	C-14 дата (2)*	C-14 дата (3)*		(2-3)	и (4)		
-1550	3305	3326	3500	-195	-174	<i>Резкое снижение калибровочной кривой</i> Омоложение датировок по C-14	
-1530	3289	3313	3480	-191	-167		
-1510	3203	3226	3460	-234	-257		
-1490	3189	3206	3440	-251	-234		
-1470	3204	3227	3420	-216	-193		
-1450	3189	3210	3400	-211	-190		
-1430	3155	3182	3380	-225	-198		
-1410	3107	3141	3360	-253	-219		
-1390	3073	3096	3340	-267	-244		
-1370	3041	3061	3320	-279	-259		
-1350	3041	3066	3300	-259	-234		
-1330	3083	3103	3280	-197	-177		
-1310	3030	3054	3260	-230	-206		
-1290	3011	3036	3240	-229	-204		
-1270	3024	3049	3220	-196	-171		
-1250	2951	2977	3200	-249	-223		
-1230	2989	3014	3180	-191	-166		
-1210	2948	2986	3160	-212	-174		
-1190	2942	2963	3140	-198	-177		
-1170	2958	2978	3120	-162	-142		
-1150	2924	2947	3100	-176	-153		
-1140	2943	2972	3090	-147	-118		
-1120	2914	2930	3070	-156	-140		
-1110	2923	2905	3060	-137	-155		
-1090	2897	2916	3040	-143	-124		
-1070	2898	2912	3020	-122	-108		
-1050	2886	2905	3000	-114	-95		
-1030	2865	2886	2980	-115	-94		
-1010	2854	2871	2960	-106	-89		
-990	2815	2833	2940	-125	-107		
-970	2794	2815	2920	-126	-105		
-950	2816	2837	2900	-84	-63		«Аржанский дендро максимум» 950-830 гг. до н.э. (C-14: 2900-2750) <i>Близкое соответствие «идеальной» дате по C-14</i>
-930	2797	2815	2880	-83	-65		
-910	2761	2779	2860	-99	-81		
-890	2715	2733	2840	-125	-107		
-870	2728	2750	2820	-92	-70		
-850	2725	2743	2800	-75	-57		
-830	2683	2707	2780	-97	-73		
-810	2644	2662	2760	-116	-98	800-710 гг. до н.э. — резкое «омоложение» дат по C-14	
-790	2545	2568	2740	-195	-172		
-770	2521	2538	2720	-199	-182		

1986 г.		1993 г.	«Идеальная» дата по С-14 (4)	Разница лет между		Особенности интервала дат по С-14
Годы до н.э. (1)	С-14 дата (2)*	С-14 дата (3)*		(2-3)	и (4)	
-750	2442	2459	2700	-258	-241	750-400 гг. до н.э. (С-14: 2450-2410; даты близки по цифровому значению) «Гальштатское плато» — ок. 350 лет
-730	2442	2464	2680	-238	-216	
-710	2449	2464	2660	-211	-196	
-690	2468	2475	2640	-172	-165	
-670	2505	2503	2620	-115	-117	
-650	2468	2490	2600	-132	-110	
-630	2488	2501	2580	-92	-79	
-610	2502	2519	2560	-58	-41	
-590	2478	2498	2540	-62	-42	
-570	2489	2505	2520	-31	-15	
-550	2480	2495	2500	-20	-5	
-530	2450	2466	2480	-30	-14	
-510	2422	2438	2460	-38	-22	
-490	2422	2437	2440	-18	-3	
-470	2415	2424	2420	-5	-4	
-450	2413	2430	2400	-13	-30	
-430	2424	2443	2380	-63	-44	
-410	2411	2416	2360	-51	-56	
-390	2286	2313	2340	-54	-27	
-370	2240	2264	2320	-80	-56	
-350	2192	2213	2300	-108	-87	
-330	2169	2193	2280	-111	-87	
-310	2198	2217	2260	-62	-43	
-290	2208	2227	2240	-32	-13	
-270	2239	2258	2220	+38	+19	290-90 гг. до н.э. (С-14: 2240-2040; омоложение дат по С-14)
-250	2207	2230	2200	+30	+7	
-230	2197	2225	2180	+45	+17	
-210	2198	2228	2160	+68	+38	
-190	2144	2161	2140	+21	+4	
-170	2122	2136	2120	+16	+2	
-150	2099	2112	2100	+12	-1	
-130	2118	2124	2080	+56	+38	
-110	2091	2107	2060	+47	+31	
-90	2046	2090	2040	+50	+6	
-70	2043	2093	2020	+73	+23	
-50	2040	2071	2000	+71	+40	
-30	2012	2027	1980	+47	+32	
-10	2010	2032	1960	+72	+50	
Годы н.э.						
10	1988	2003	1940	+63	+48	<i>Близкое соответствие «идеальной» дате по С-14</i> 10-170 гг. н.э. (С-14: 1980-1820)
30	1957	1974	1920	+54	+37	
50	1961	1984	1900	+84	+61	
70	1934	1954	1880	+74	+54	
90	1895	1904	1860	+44	+35	
110	1896	1919	1840	+56	+79	
130	1857	1879	1820	+37	+59	
150	1823	1843	1800	+23	+43	
170	1833	1849	1780	+53	+69	

1986 г.		1993 г. С-14 дата дата (3)*	«Идеальная» дата по С-14 (4)	Разница лет между		Особенности интервала дат по С-14
Годы до н.э. (1)	С-14 дата (2)*			(2-3)	и (4)	
190	1830	1850	1760	+70	+90	<p><i>Близкое соответствие «идеальной» дате по С-14</i></p> <p>300-350 гг. н.э. <i>Резкое колебание калибровочной кривой</i></p>
210	1826	1846	1740	+86	+106	
230	1796	1820	1720	+76	+100	
250	1759	1777	1700	+59	+77	
270	1706	1724	1680	+26	+44	
290	1732	1752	1660	+72	+92	
310	1757	1778	1640	+117	+138	
330	1726	1737	1620	+106	+117	
350	1685	1705	1600	+85	+105	

По данным табл. 1 можно отметить, что р/у определения образцов с календарными датами от 1550 по 300 гг. до н.э., имеют тенденцию к «омоложению» абсолютных дат от 250 до 100 лет, при этом чем старше календарная дата, тем она больше «омоложена» (со знаком минус). Для календарного интервала от 280 г. до н.э. по 350 г. н.э. р/у датировки в большинстве случаев «удревнены» (со знаком плюс).

До сих пор не уточнен период полураспада ^{14}C . Если основатель р/у метода У.Ф. Либби использовал значение равное 5568 ± 30 лет, то после уточнения используется значение 5730 ± 40 лет, но ряд ученых считает, что период полураспада должен быть еще старше, что приведет к удревнению р/у датировок [Клейн, 2014].

Общей калибровочной кривой, основанной на р/у датировках определенных участков годичных колец, как и многим природным явлениям, присуща своя ритмичность [Марсадолов, 1988, 1997, 2012; Ловелиус и др., 1996; Евразия..., 2005 и др.]. В природе нет «идеальных» периодов и ритмов, так как существует многократное наложение друг на друга разных по своему значению, мощности и происхождению биологических, солнечных, космических, региональных и иных ритмов.

Как известно, р/у определения отражают не только дату сооружения кургана, но также возрастные периоды дерева и сложную физико-математическую обработку р/у дат. Более 20 лет назад были разработаны калибровочные программы «CAL-20» и другие для пересчета р/у дат в календарное время, а также метод «wiggle-matching», позволяющий корректировать положение р/у дат на калибровочной кривой

Если ранее р/у даты (с 1-й или 2-я сигмами) имели один более или менее «широкий» временной интервал, то ныне археологам предоставляют р/у определения с 4-8 и более «доверительными» интервалами по 100-300 лет, основанными на математических методах и в целом охватывающими период в 300-500 лет. Например, радиоуглеродная дата 2460 ± 10 лет (рис. 1- «Д») в «идеале» должна бы соответствовать абсолютной дате — ок. **510 г. до н.э.** (табл. 1). Р/у дата 2463 ± 16 (номер образца GrN-22504) для кургана Туэкта-1 была получена в университете г. Гронинген, Нидерланды [Зайцева и др., 1997, с. 43]. Автор особо не сомневается в правильности р/у определения даты образца дерева, но желательно обратить внимание, что интервалы калиброванного календарного возраста, основанные на сложной математической обработке результатов, составляют для 1δ (вероятность 68 %) периоды 757-686, 540-516, 427-425 лет до н.э., а для 2δ (вероятность 95 %) дата может находиться в интервалах 761-676, 660-633, 589-586, 552-478, 453-414 лет до н.э. Такие отдельно взятые калиброванные р/у определения (ок. $2460 \pm 20-40$ лет), например, для малых курганов, которые часто имеют всего 1-2 р/у даты, могут соответствовать по времени образцам из больших саяно-алтайских курганов в Салбыке (1-я пол. VII в. до н.э.), Аржане-2 (2-я пол. VII в.), Туэкте-1, Башадаре-2 (1-я пол. VI в.), Кутургунтасе, Береле-11 (1-я пол. V в.) и курганам 1-5 в Пазырыке (2-я пол. V в. до н.э.), связанных между собой единой дендрошкалой с точностью до 1 года (рис. 1) [Марсадолов, 1988, 1997, 2015; Marsadolov, 1996 и др.]. Из этих «широких» р/у интервалов археологи и другие специалисты выбирают даты, наиболее подходящие их научным взглядам, хотя ныне археологическими методами можно датировать объекты значительно точнее [Марсадолов, 2015].

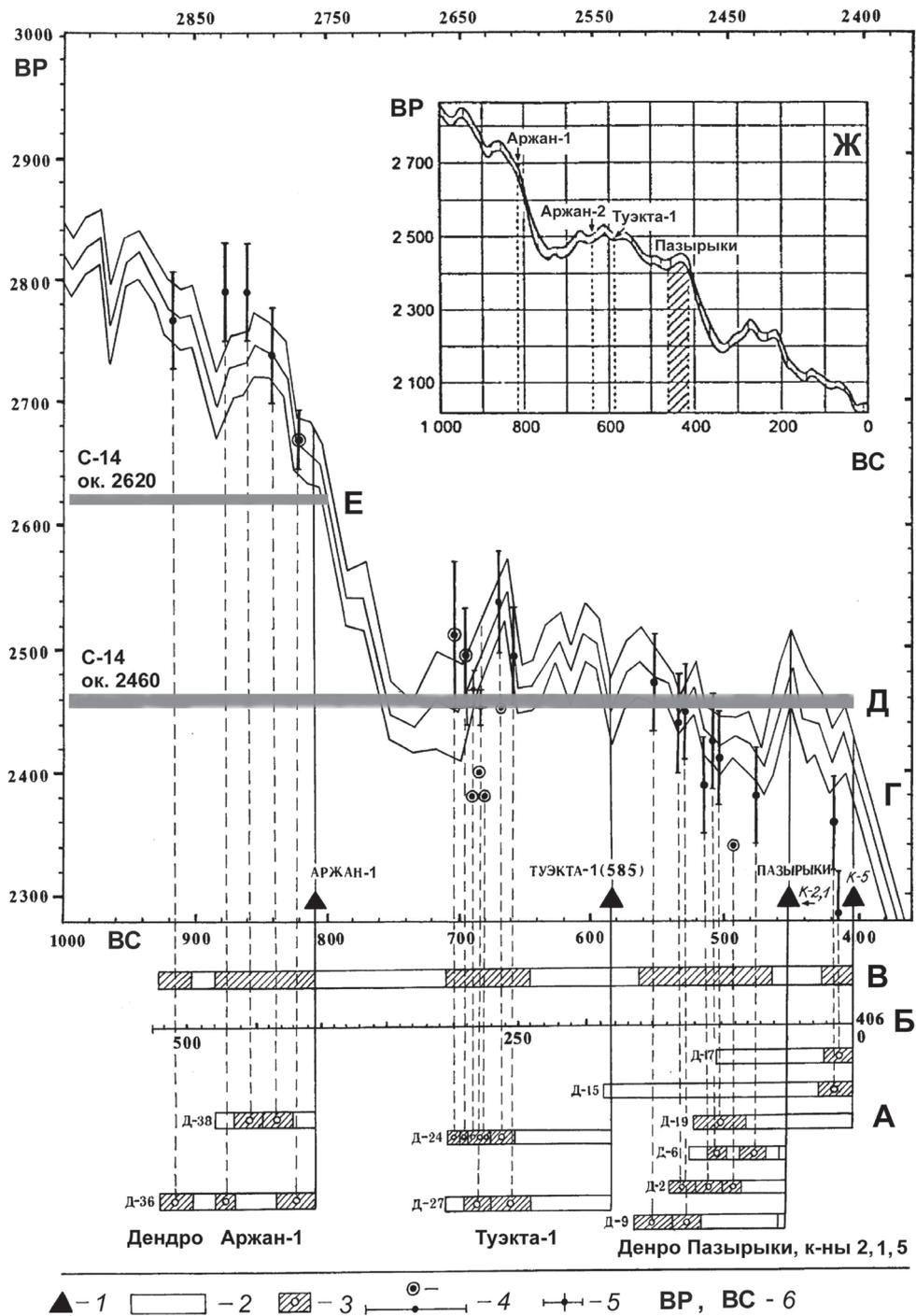

Рис. 1. Корреляция радиоуглеродных и дендрохронологических датировок

Условные обозначения: А — дендробразцы, имеющие радиоуглеродные даты; Б — «плавающая» дендрошкала Саяно-Алтая (длиной более 500 лет), привязанная к 406 г. до н.э.; В — схематичная «мастер-шкала» с заштрихованными участками взятыми на р/у датирование; Г — участок калибровочной кривой М. Стювера и Г. Пирсона; Д и Е — радиоуглеродные даты и пересечения их интервалов с участками калибровочной кривой; Ж — схематичная калибровочная кривая с наложенными датами сооружения элитных курганов Саяно-Алтая.

Дополнительные обозначения: 1 — дата сооружения большого кургана; 2 — общее число годичных колец в дендробразце; 3 — количество годичных колец, взятых для р/у датирования; 4 — радиоуглеродные даты, полученные в лаборатории ИИМК РАН; 5 — радиоуглеродные даты, полученные в Гронингенской лаборатории; 6 — ВР — радиоуглеродный возраст; ВС — календарные даты (годы до н.э.)

Многим специалистам знакомо введенное западно-европейскими учеными определение для периода VIII-V вв. до н.э. — «галыштатское плато» (табл. 1), когда ρ/μ даты в течение длительного временного интервала близки между собой по цифровому значению. На самом деле этим ρ/μ определениям (С-14: 2450-2410), по дендро- и ρ/μ данным соответствует участок ρ/μ кривой, на котором выделяются не менее 4-5 крупных пиков максимумов/минимумов или 9-10 более мелких пиков, входящих в состав этих более крупных ритмов [Марсадалов, 1997, с. 48], что и объясняет такое многообразие вероятностных интервалов для вышерассмотренной ρ/μ даты 2463 ± 16 (рис. 1). Поэтому дендрошкалы вначале необходимо синхронизировать по большим 120-летним ритмам максимального и минимального прироста древесины, а затем по 60-летним и более мелким пикам на графиках [Марсадалов, 1988, 1997; Ловелиус и др., 1996] или по «опорным» археологическим памятникам, типа курганов Аржан-1, Чиликта-5, Аржан-2 и др. [Марсадалов, 2015].

В период с 830 по 750 гг. до н.э. наблюдается резкое «омоложение» ρ/μ дат, что, вероятно, связано с общим ухудшением в это время природных условий на территории Евразии, что не всегда правильно интерпретируется археологами. Например, Н.Л. Членова на основании археологических аналогий и с опорой на некалиброванные ρ/μ определения (в пределах 2622600 ± 40 лет), считала, что эти ρ/μ даты примерно соответствует 710-630 гг. до н.э., поэтому курган Аржан-1 она датировала VII-VI вв. до н.э. [Членова, 1997, с. 37]. Использование Н.Л. Членовой некалиброванных радиоуглеродных дат сразу же вызвало возражение у Санкт-Петербургской группы археологов и радиоуглеродчиков (у Л.С. Марсадалова, А.Ю. Алексеева, Н.А. Боковенко, Г.И. Зайцевой, А.А. Семенцова, В.А. Дергачева), которые отметили, что соответствующие им значения календарного возраста лежат на рубеже IX-VIII вв. до н.э. (см. табл. 1 и рис. 1, в пределах 810-790 гг. до н.э.) и не противоречат ранее полученным в Санкт-Петербурге ρ/μ датам для кургана Аржан-1 [Марсадалов, 1997, с. 40, 47, а также с. 79, 86].

Почти все археологи в экспедиционных условиях сталкивались с проблемой сохранности последних годовичных колец деревянных объектов (срубов, построек и т.п.), которые обычно не представлены, даже в Южной Сибири, кроме сохранившихся в условиях вечной мерзлоты. Во многих случаях очень тонкие по размерам последние 20-50 годовичных колец (иногда толщиной всего 1-2 см) на археологических объектах не сохраняются или рассыпаются при перевозке. Если эти образцы были пропитаны в поле консервирующим составом, то они почти не пригодны для ρ/μ датирования. Отсутствие части последних годовичных колец, также как использование в древности для сруба бревен из более старых сооружений или сухостойных поваленных деревьев из леса, может привести к искажению радиоуглеродной даты образца и общей датировки археологического объекта [Марсадалов, 1988; Клейн, 2014]. Например, бревно диаметром 15-20 см может включать в себя 150-200 и более годовичных колец. Разброс ρ/μ определений с 950 по 750 гг. до н.э. (всего за 200 лет) охватывает ρ/μ интервал с 2840 по 2440, т.е. почти 400 лет (табл. 1 и рис. 1). Не исключено, что именно из-за таких не простых природных явлений или не достаточно точно зафиксированного положения годовичных колец при отборе образцов на ρ/μ определение ранее были излишне «удревнены» археологические датировки для ряда археологических памятников Евразии. Результаты ρ/μ определений с 830 по 730 гг. до н.э. («пограничье между аржанскими максимумом и минимумом») нуждаются в особом пристальном рассмотрении при ρ/μ датировании и должны проверяться по близким по времени археологическим аналогиями, типа предметов из кургана Аржан-1 и др. [Марсадалов, 2015].

На современном этапе научных исследований, как и полвека назад, пока возможны три основных пути абсолютного датирования памятников прошедших эпох: 1) археологический; 2) дендрохронологический и 3) радиоуглеродный, что не исключает и другие методы. Только абсолютная дендрохронологическая шкала, откорректированная историко-археологическими и естественно-научными методами, позволит в дальнейшем создать надежную хронологическую систему для памятников Евразии.

Список литературы

1. Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / под ред. Г.И. Зайцевой, Н.А. Боковенко, А.Ю. Алексеева, К.В. Чугунова, Е.М. Скотт. СПб.: Теза, 2005. 290 с.

2. Зайцева Г.И., Васильев С.С., Марсадолов Л.С., ван дер Плихт Й., Семенов А.А., Дергачев В.А., Лебедева Л.М. Радиоуглерод и дендрохронология ключевых памятников Саяно-Алтая: статистический анализ // Радиоуглерод и археология. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1997. Вып. 2. С. 36-44.
3. Клейн Л.С. Время в археологии. СПб.: Евразия, 2014. 384 с.
4. Ловелиус Н.В., Васильев С.С., Дергачев В.А., Захариева Е.И., Марсадолов Л.С. Археология ритмов — основа перекрестного датирования археологических памятников // Радиоуглерод и археология. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1996. Вып. 1. С. 39-48.
5. Марсадолов Л.С. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тысячелетия до н.э. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.: Искусство, 1988. Вып. 29. С. 65-81.
6. Марсадолов Л.С. Проблемы уточнения абсолютной хронологии больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Радиоуглерод и археология. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1997. Вып. 2. С. 45-51.
7. Марсадолов Л.С. 12-, 60-, 120-, 300-, 1200-, 3000-, 6000- и 12000-летние периоды в природе и обществе // Научное наследие Л.Н. Гумилева: истоки, проблемы восприятия. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2012. С. 72-82.
8. Марсадолов Л.С. Салбыкский культурно-хронологический этап в истории древней Хакасии // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2015. № 1. С. 9-33.
9. Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М., б/и, 1997. 98 с.
10. Marsadolov L.S. Problems and prospects of absolute tree-ring dating the Sayan-Altay archaeological monuments (First millennium BC) // Tree Rings, Environment and Humanity. Radiocarbon. 1996. P. 557-566.
11. Stuiver M., Kra R. S. Calibration Issue // Radiocarbon. 1986. Vol. 28 (2B). P. 805-1030.
12. Stuiver M., Long A., Kra R. S. Calibration 1993 // Radiocarbon. 1993. Vol. 35 (1). P. 1-244.

Н.П. Матвеева

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
nataliamatveeva1703@yandex.ru

**ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
НАРОДОВ В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ФОРМИРОВАНИЕ
КУЛЬТУР РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

N.P. Matveeva

Tyumen State University, Tyumen, Russia

**THE NATURAL CONDITIONS OF THE GREAT MIGRATION EPOCH
IN THE WESTERN PART OF WESTERN SIBERIA AND FORMATION
OF THE EARLY MEDIEVAL CULTURES**

ABSTRACT: The author analyzes climatic influence on cultural genesis in the western part of Western Siberia in The Great migration epoch. Several phases of climatic aridity and steppe landscape formation have been determined by pollen and soil methods in some main sites of the end of the Early iron age. At the beginning of the Middle age epoch tendency towards aridity continued according to the graved soils of the kurgans and the fortified lines

from excavations in the Tobol-Ishim basins. It led to transition of the landscape zones to 80-100 km to the north, then tendency towards cooling and damping happened. Undoubtedly, displacement of the landscape zones to the north was favorable for including of western Siberian forest-steppe in economical areal of nomads. The main reasons of this process were: their regular meridian migrations in process of roaming from place to place, superfluous population outflow and seizure of forest-steppe pastures and migrations of newcomers. These processes took place between the Early Iron age and Middle age and later. We see the improvements of these events in complex component character of hand-made ceramic, funerary sites, heterogeneous anthropological composition of population, sharp change in the appearance of people with spreading of circular deformation of skulls, numerous facts of inter-group aggression, which reflected in skeleton pale-pathologies. Analysis of material culture shows the existence of poly-ethnic communities with synchronistical presence in the forest-steppe with autochthonic traditions (the Sargatka culture, Kashino culture), migrant (the Karim culture, Hunnu, Protho-Bulgars, early Turks), cyncretic (the Bakalskaya culture and Kushnarenkovo culture).

Для эпохи голоцена Западной Сибири первые работы палеоэкологического направления были представлены в 1970-80-е гг. М.Ф. Косаревым. Позднее он предложил модели экономики западносибирского населения, в которых своеобразие было обусловлено экологическими факторами древнего производства и торговли, миграций, кризисов, вплоть до природной обусловленности верований и культов и т.д. [Косарев, 1991]. Исследование кризисов представляется наиболее успешным на материалах переходных археологических эпох, которые дают возможность проследить содержание и обусловленность «скачков» в культуре, определить причины сходства и различия синхронных культур при сравнении отдельных территорий, крупных регионов и природных зон между собой [там же, с. 6-7].

Решить вопрос о балансе экологических и социально-политических факторов в культурогенезе переходного времени от раннего железного века к раннему средневековью можно только при опоре на данные естественных наук. Установив, насколько существенными были изменения природной среды, мы сможем оценить действия других условий, тем более, что за последнее десятилетие сделан большой шаг вперед в обеспечении данной проблемы источниками.

Ситуацию накануне событий Великого переселения народов характеризуют палинозоны из могильника Старо-Лыбаевский-4 первых веков н.э., природного разреза Л1 /95, расположенного неподалеку, Коловского-2 селища, в которых проявилось увеличение площадей ксерофитных лугов при общем сохранении лесостепного ландшафта с покрытыми лесом речными долинами [Матвеева, Рябогина, Волков, 2003, с. 135, 141-142]. Позднее эти данные были уверенно определены Н.Е. Рябогиной как характеризующие более южную по составу флоры лесостепь, нежели существующая сегодня, и более аридные условия [Зах и др., 2008, с. 46]. Почвоведом В.В. Валдайских и Г.И. Махониной на комплексе памятников Коловское городище на Исети установлено, что его черноземные почвы отражают лесостепные условия раннего железного века, а конец эпохи раннего железа характеризуется большей сухостью по сравнению с современностью, и большей остепенностью [2008]. В дальнейшем в III-V вв. н.э. в данном районе произошло новое изменение климата, продолжающее тенденцию к усыханию [Матвеева, Берлина, Рафикова, 2008, с. 11]. Косвенно подтверждают информацию о теплом и относительно аридном климате лесостепи на рубеже раннего железного и позднего веков данные о сохранении в раннебакальский период такой же доли мелкого рогатого скота, как не приспособленного к высокому снежному покрову животного, как у саргатского населения [там же, с. 144, 176].

Время максимального проявления сухостепных травянистых видов в природной среде Зауралья субатлантического периода в настоящее время датируется I - началом II вв. н.э. Однако на материалах болотных разрезов в лесостепи Западной Сибири зафиксированы местные отличия, например, подъемы кривой пыльцы полыни около 112 и 341 kal AD [Рябогина, Иванов, Афонин, 2015], аналогичное увеличение доли степных биомов зафиксировано и восточнее в Кулундинской степи около 145 kal AD [Rudaya et al., 2012].

Таким образом, в конце раннего железного века было несколько кратковременных засушливых эпизодов. В конце периода обитания в Западной Сибири саргатского населения здесь преобладали полукрытые ландшафты с обширными разнотравными лугами и массивами березовых лесов. Подводя итог нынешней изученности природных условий данного периода в Тоболо-Ишимье,

Н.Е. Рябогина пишет, что около 1900-1700 л.н. было еще достаточно сухо, а результаты увлажнения и похолодания проявляются в интервале 1700-1400 л.н. Синхронно с довольно теплыми и сухими условиями в лесостепи в Северном Казахстане отмечается уменьшение континентальности и снижение температур [Зах и др., 2008, с. 56-57]. Из этих данных можно вывести гипотезу о благоприятных условиях для кочевничества в степях и вероятном росте численности кочевников на севере степной зоны, разрешившемся выплеском излишнего населения в западносибирскую лесостепь.

Рассмотрим данные по началу средневековой эпохи. Из раскопок на городище Ласточкино Гнездо близ г. Ишима получены материалы, в совокупности относящиеся к II-III вв. н.э. Из отложений был выделен палинокомплекс, в котором пропорции древесных и травянистых формаций указывают на доминирование в долине Ишима березовых колков и сухих луговых пространств [Зах и др., 2008, с. 15]. Городище Усть-Утяк-1 на Тоболе близ г. Кургана дало бакальский слой, датированный IV-VI вв. н.э. В этих хронологических пределах имели место две перестройки фортификации. В совместной с археологами работе почвовед и палинолог предприняли попытку охарактеризовать природные условия разных периодов обитания. Как определил А.С. Якимов, в подшве средневекового вала лежит выщелоченный чернозем, что указывает на теплые влажные условия, предшествовавшие строительству. По мнению Н.Е. Рябогиной, этот гумидный период был относительно кратковременным (100-150 лет), и затем сменился четко выраженной тенденцией к увлажнению и похолоданию [Кайдалов и др., 2011, С. 45].

Новые данные, полученные из Притоболья, позволяют детализировать картину климатических и ландшафтных изменений. Природное окружение могильника Устюг-1 охарактеризовано по погребенной почве кургана 2. Этот палинокомплекс показал преобладание травянистых (до 78%) с большой долей бобовых и мезофитного разнотравья, что исключает для IV в. н.э., которым были датированы погребения, процессы усыхания [Рябогина, Иванов, 2013, с. 136]. Эти данные показывают, что изменение климатических условий на рубеже раннего железного и позднего железного веков происходило медленно, плавно меняя облик растительности. Так, в ландшафтах Среднего Притоболья в это время сначала сократилась роль остепненных лугов, затем постепенно увеличивалась доля березовых лесов. Интересно, что южнее, в Курганском Притоболье, как отмечено выше, удалось констатировать смягчение климатических условий, проявившееся только как сокращение роли ксерофитов в структуре травяных сообществ, не отразившееся на площади лесов. В бакальское время здесь по-прежнему доминировали остепненные луга с редкими березовыми колками.

Из отложений могильника Ревда-5 и городища Ревда-2-1, расположенных на южной границе современной подтаежной зоны, извлечены разновременные комплексы. Сформировавшийся в IV в. н.э. погребенный горизонт кургана 9 содержал в основном пыльцу древесных пород, преимущественно березы (83%), сосны (8%), доля пыльцы трав не превышает 5%. На городище Ревда-2-1 первоначально проживало полукочевое бакальское население, обитание которого, предположительно, относится к IV в. н. э. Пришедшее позже юдинское население переоборудовало оборонительную линию, расширив ее границы, построило свои жилища [Матвеева, Зеленков, 2015]. В заполнении канавки от частокла раннего периода откладывались осадки, отражающие лесостепные условия с обилием березовых лесов на правобережной террасе Тобола и обширных участков луговых сообществ в пойме. Спектр из рва 1, который являлся элементом поздней фортификации, характеризуется ярко выраженным доминированием древесной пыльцы (89-93%). В нижней части отложений преобладает береза (77-81%), а в верхних образцах она и сосна имеют равные доли в палиноспектре, а также встречены пыльца ольхи и липы, вересковые и околводные, сфагновые мхи, плауны и папоротники [Рябогина, Иванов, Афонин, 2015].

Выводы по памятникам хорошо коррелируют между собой. Устюжская почва еще сохранила следы кратковременных эпизодов остепнения, возможно, ставших причиной постепенной деградации экономики и распада централизованной общности саргатского населения под влиянием гуннских вторжений в лесостепь [Matveeva, Ryabogina 2014]. В раннем средневековье можно констатировать более сомкнутый древостой, вместо чистых березняков появляются сосново-березовые формации. Начиная с VIII в. н.э. смешанные леса уже определяли облик ландшафтов. Ландшафты, сходные с подтаежными, возникают на фоне уменьшения континентальности климата, вследствие

изменения баланса температур и осадков [Рябогина, Иванов, Афонин, 2015] на рубеже раннего и развитого средневековья.

В целом ландшафтный облик региона в раннем средневековье отличался тем, что границы природных зон располагались севернее, чем современные примерно на 80-100 км. Таким образом, в эпоху Великого переселения народов установлено менее значительное, чем в суббореальный период, но все-таки отчетливое смещение природных зон на север. Если обратиться к территории Казахстана, то там установлено, что на гунно-усуньский период приходится очень существенное похолодание, особенно в интервале 1900–1800 лет назад, которое сказалось неблагоприятным образом на условиях зимовок скота [Аубекеров, Нигматова, 2014, с. 41]. В дальнейшем наметилась тенденция к увлажнению, при сохранении холодных зим, что не создавало достаточных пастбищных условий для кочевников и, видимо, превращало урало-аральский регион в коридор для миграций народов. Как отмечают Б.Ж. Аубекеров и С.А. Нигматова, максимум влажности и холода для большей части Казахстана приходится на древнетюркский период [там же].

Несомненно, сдвиг ландшафтных зон на север благоприятствовал вхождению западносибирской лесостепи в хозяйственный ареал номадов и способствовал их регулярным меридианальным миграциям в ходе кочевания, а также захвату лесостепных пастбищ и переселениям пришельцев на новые земли не только на рубеже раннего железного века и раннего средневековья, но и позднее. Доказательства этому видим в многокомпонентном характере гончарства, погребальных памятников, разнородном антропологическом составе населения, резком изменении его внешнего облика в связи с распространением циркулярной деформации голов, многочисленных фактах межгрупповой агрессии, нашедших выражение в патологиях скелета. Анализ материальной культуры показывает существование полиэтничных общностей с одновременным присутствием в лесостепи носителей автохтонных традиций — саргатской, кашинской, пришлых — карымской, гунно-протоболгарской, раннетюркской, синкретичных — бакальской и кушнаренковской [Матвеева, 2015].

Список литературы

1. Аубекеров Б.Ж., Нигматова С.А. Изменение климата и ландшафтов четвертичного времени и основные этапы эволюции человеческого общества на территории Казахстана // Древний Тургай и великая степь: часть и целое. Кустанай-Алматы, 2015. С. 34-42.
2. Зах В.А., Зими́на О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.
3. Кайдалов А.И., Сечко Е.А., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Якимов А.С. Природные условия лесостепного Притоболья в переходное время и средневековье (по материалам изучения городища Усть-Утяк 1) // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 4. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. С. 43-46.
4. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991.
5. Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск: Наука, 2003. 174 с.
6. Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. Археолого-палеоэкологическое исследование. Новосибирск: Наука, 2008. 228 с.
7. Матвеева Н.П., Зеленков А.С. Ревда-2 — новый памятник средневекового населения Западной Сибири // АВ ORIGENE. Вып. 7. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2015. С. 17-25.
8. Матвеева Н.П. Субстратные и суперстратные компоненты в культуре раннесредневекового населения западной части Западной Сибири // Человек и Север: антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. С. 155-158.
9. Махонина Г.И., Валдайских В.В. Заключение по почвенным исследованиям археологических памятников Коловское городище и Коловское-4 селище // Коловское городище. Археолого-палеоэкологическое исследование. Приложение 1. Новосибирск: Наука, 2008. С. 201-206.

10. Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Реконструкция облика ландшафтов в Притоболье в раннем средневековье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып.1 (20). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2013. С. 134-138.
11. Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Афонин С.И. Новые данные о среде обитания населения Зауралья в начале средневековья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 4 (20). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2015.
12. Matveeva N., Ryabogina N. The Impact of Climatic Fluctuation on Culture in the Finish of Early Iron Age and the Beginning of the Middle Ages in Trans-Urals // 20th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists. İstanbul: Archaeology & Art Publications, 2014. P. 313-314.
13. Rudaya N., Nazarova L., Nourgaliev D., Papin D., Frolova L. Mid-Late Holocene environmental history of Kulunda, southern Western Siberia: vegetation, climate and humans // Quaternary Science Reviews 48. 2012. P. 32-42.

**Е.Н. Митрошин, Е.Л. Лычагина, Д.А. Демаков,
Н.С. Батуева**

Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет, Пермь, Россия
mitroshindjon@yandex.ru, lychaginae@mail.ru,
demakov-denis@mail.ru, nadiabat@yandex.ru

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕГОЛОЦЕНОВЫХ ПАМЯТНИКОВ, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ВОСТОЧНОМ БЕРЕГУ ЧАШКИНСКОГО ОЗЕРА¹

**Е.Н. Mitroshin, Е.Л. Lychagina, D.A. Demakov,
N.S. Batueva**

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
Perm, Russia

PRELIMINARY RESULTS OF THE STUDY OF THE EARLY HOLOCENE SITES LOCATED ON THE EASTERN SHORE OF CHASHKINSKOE LAKE

ABSTRACT: Chashkinskoye Lake is a system of the Kama former oxbow lakes, which is now connected with main riverbed by arm-channels because of Kamskoye reservoir over flooding. On the eastern side of the lake, 5 archaeological sites belonging to the Mesolithic period are located. These sites are the Lake Chashkinskoe V, Lake Chashkinskoe X, Lake Chashkinskoe XI, the Zaposele and settlement Zaposele. The Lake Chashkinskoe V, Zaposele and settlement Zaposele refer to the middle stage of the Kama Mesolithic culture. The Chashkinskoe Lake X and Chashkinskoe Lake XI were founded in 2014. Archaeological excavations of these sites were carried out in 2015. It gave interesting results. On the site of the Chashkinskoe Lake X a stone collection was made. It consists of 153 items. Among them, there was no product on the secondary processing. Trasological analysis did not show any traces of the work. All items have been attributed to the production of waste. As a result, archaeological excavations on the site Chashkinskoe Lake XI, 38 stone artifacts were found. The subjects with traces of secondary processing include: blades with retouch (2 carver) and 1 miniature arrowhead. Trasological analysis helped identify 40 tools. Based on this work, the site Chashkinskoe Lake XI can be characterized as the Mesolithic short-term site. In general, the characteristic features of the Lake Chashkino sites can include mikrolithic tools, high level of lamellar stone tools, low level of secondary processing, and a limited set of dedicated tools typology.

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ, проект № 15-11-59001a/У, 16-11-59601e/У.

Чашкинское озеро является старичным образованием левобережья р. Кама. В административном отношении оно находится в пределах пригорода г. Березники и Соликамского района Пермского края.

Первоначальное освоение Чашкинского микрорегиона происходило в эпоху мезолита, когда сформировались голоценовые ландшафты. Проведение палеорусловых исследований в районе современного Чашкинского озера — изучение рисунка первичного рельефа поймы и 1-й надпойменной террасы, а также их строения — позволило отнести время появления мезолитических памятников ко времени существования 7-ой пойменной генерации [Лычагина и др., 2015, с. 83].

На сегодняшний день, на левом берегу Чашкинского озера известно 5 памятников эпохи мезолита. Это стоянки Чашкинское Озеро V, Чашкинское Озеро X, Чашкинское Озеро XI, Запоселье, мезолитический комплекс поселения Запоселье (рис. 1).

Первым изученным мезолитическим памятником в данном микрорегионе является стоянка Чашкинское Озеро V (рис. 1-4). Памятник был открыт в 1975 г. В.П. Денисовым. Стоянка приурочена к краю невысокой (4-5 м) песчаной бортовой террасы. Раскопки проводились А.Ф. Мельничуком в 1978, 1984, 1991 гг. [Крыласова и др., 2014, с. 143-144].

К характерным чертам мезолитического комплекса стоянки Чашкинское Озеро V можно отнести: использование серого кремня в качестве основного сырья; преобладание орудий на узких правильных пластинах; распространение нуклеусов конической и карандашевидной формы. Орудия представлены пластинами с частичной краевой ретушью, концевыми скребками на пластинах и пластинчатых отщепах, угловыми резцами, резчиками на пластинах. (огурдинского) этапа камской мезолитической культуры [Бадер, 1966; Лычагина, 2009, с. 148].

Стоянка Запоселье была открыта А.М. Белавиным в 1983 г. Памятник расположен на невысокой, до 2 м береговой террасе восточного берега Чашкинского озера в 0,9 км к юго-западу от п. Чашкино (рис. 1-1). Разведочные раскопки на стоянке были проведены в 1984 г. А.Ф. Мельничуком.

Рис. 1. Схема расположения мезолитических памятников на восточном берегу Чашкинского озера (1 — стоянка Запоселье, 2 — поселение Запоселье, 3 — стоянка Чашкинское Озеро X, 4 — стоянка Чашкинское Озеро V, 5 — стоянка Чашкинское Озеро XI)

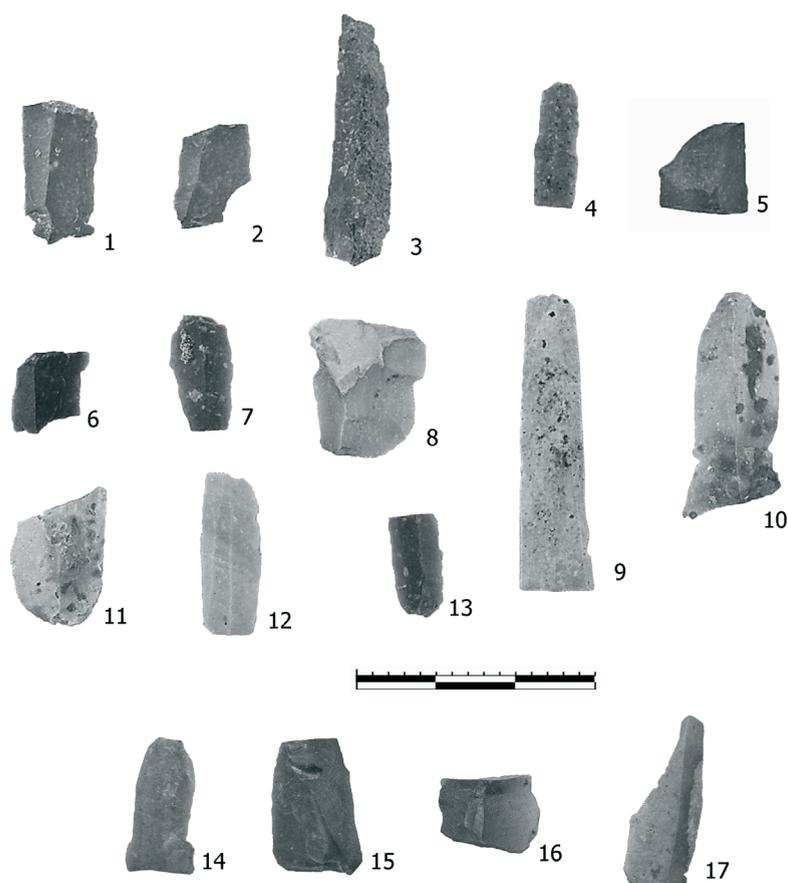

Рис. 2. Каменный инвентарь стоянки Чашкинское Озеро XI
(1-13 — ножи для мяса/рыбы; 14-17 — резчики по кости)

Характерными чертами кремневого комплекса стоянки Запоселье можно считать следующие: использование для изготовления орудий серого и светло-коричневого кремня; пластинчатая индустрия; преобладание нуклеусов карандашевидной формы; использование в качестве орудий узких правильных пластин; ограниченный набор орудий — пластины с ретушью, концевые скребки, угловые резцы [Крыласова и др., 2014, с. 214]. Подобные черты также характерны для развитого (огурдинского) этапа камской мезолитической культуры [Лычагина, 2009, с. 145-153; Лычагина, 2013, с. 41-46]. Мезолитический комплекс был выделен Н.Б. Крыласовой в ходе раскопок Запосельского селища в 2004-2007 гг. [Крыласова и др., 2014, с. 217, рис. 143]. Для него характерны те же черты, что и для Запосельской стоянки. Еще 2 мезолитических памятника были открыты в ходе разведочных работ 2014 г. [Митрошин, 2014]. Результаты шурфовки, проведенной в 2015 г., и данные радиоуглеродного анализа, подтвердили мезолитический возраст обоих памятников [Митрошин, 2015].

Стоянка Чашкинское Озеро X расположена в 12,5 км к северо-западу от центра г. Березники Пермского края, на мысу, образовавшемся в результате впадения в озеро безымянного ручья (рис. 1-3). Шурф размером 2х2 м был разбит в центральной части памятника. Коллекция каменного инвентаря, найденного в шурфе, состоит из 153 предметов. Большинство изделий было изготовлено из кремня разных оттенков. В половине случаев использовался бежевый кремь (78 экз. / 51%). Остальные каменные артефакты были изготовлены из окремнелого известняка (21 экз. / 14%), сургучного (17 экз. / 11%), серого (14 экз. / 9%) и коричневого кремня (13 экз. / 8,5%). Каменные изделия имели микролитический характер: мелкие отщепы — 80 экз., отщепы средних размеров — 3 экз., мелкие пластинчатые отщепы — 14 экз., средние пластины — 1 экз., мелкие пластины — 4 экз., микропластинки — 2 экз., нуклеидные осколки — 8 экз., чешуйки — 14 экз., краевые сколы, случайные осколки — 26 экз., гальки и их фрагменты — 2 экз. Предметов со следами вторичной обработки не обнаружено.

Помимо типологического анализа, проводился и трасологический, который показал, отсутствие следов работы на найденных изделиях.

При разборе шурфа был собран уголь для радиоуглеродного анализа. Полученная дата 8000 ± 200 л.н. (Je-10792), подтверждает мезолитический возраст памятника.

Мы полагаем, что в результате шурфовки была задета часть производственной площадки, на которой происходило первичное расщепление сырья. В пользу этого может говорить найденный материал, который можно отнести к отходам производства.

На основе первоначального анализа каменного инвентаря, его сырьевой однородности, небольших размеров самих изделий, полученной радиоуглеродной даты, можно предположить, что памятник относится к эпохе мезолита. Более точная культурная атрибуция возможна только после проведения новых исследований памятника.

Еще одним памятником, открытым в 2014 г., является стоянка Чашкинское Озеро XI (рис. 1-5). Памятник расположен на надпойменной террасе, высотой 11 м в лесном массиве в 0,06 км от берега озера [Митрошин, 2014]. В ходе работ было разбито 3 шурфа размерами 2x2 м, но только один дал материал [Митрошин, 2015]. Коллекция каменного инвентаря шурфа № 3, состоит из 38 предметов. Большинство изделий было изготовлено из кремня разных оттенков. Основную категорию предметов составили пластины, шириной до 15 мм (81,5%). Остальные изделия представлены чешуйками и мелкими отщепами. Из них к предметам со следами вторичной обработки отнесено 3 экз.: пластины с ретушью (2 резчика) и 1 миниатюрный наконечник стрелы с листовидным пером и чуть намеченным черешком, оформленным с бруска. В ходе трасологического анализа коллекции было выделено 40 рабочих поверхностей (лезвий) т.к. часть изделий имело несколько рабочих краев. Ведущую группу орудий составили ножи для разделки мяса (рыбы) (19 экз. / 47,5%), во вторую по численности группу орудий вошли резчики по кости (7 экз. / 17,5%) (рис. 2), в третью, проколки по шкуре (6 экз. / 15%). Единичными экземплярами представлены резчики по дереву, резчик-скобель по кости, строгальные ножи по дереву и кости, и пила по кости. В ходе работ из шурфа № 3 был собран уголь для радиоуглеродного и отобраны образцы для спорово-пыльцевого анализа. Опираясь на итоги типологического и трасологического анализов, предварительно памятник можно охарактеризовать, как кратковременную стоянку эпохи мезолита.

В целом, к характерным чертам мезолитических памятников Чашкинского микрорегиона мы можем отнести: микролитический характер каменного инвентаря, высокий уровень пластинчатости, низкий уровень вторичной обработки, ограниченный набор типологически выделенных орудий. О каких-то функциональных особенностях отдельных памятников говорить пока рано. Для этого и для решения вопросов происхождения, времени существования и типов памятников необходимо продолжить археологические исследования в комплексном направлении с привлечением палеоэкологов и специалистов по радиоуглеродному датированию.

Список литературы

1. Бадер О.Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые вопросы изучения мезолита // МИА. 1966. № 126.
2. Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера. Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2014. 566 с.
3. Лычагина Е.Л. Вопросы периодизации камской мезолитической культуры // VII Тверской археологический сборник. Тверь, 2009. С. 145-153.
4. Лычагина Е.Л. Каменный и бронзовый век Предуралья. Пермь: ПГГПУ, 2013. 120 с.
5. Лычагина Е.Л., Чернов А.В., Зарецкая Н.Е., Лаптева Е.Г., Трофимова С.С. Чашкинское озеро и древний человек в голоцене // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции: матер. междунар. науч. конф. СПб., 2015. С. 83-89.
6. Митрошин Е.Н. Отчет об археологической разведке по восточному берегу оз. Чашкинское в пригородной зоне г. Березники Пермского края в 2014 году // Архив ЛАЭИ ПГГПУ.
7. Митрошин Е.Н. Отчет об археологической разведке по восточному берегу оз. Чашкинское в пригородной зоне г. Березники Пермского края в 2015 году // Архив ЛАЭИ ПГГПУ.

В.И. Молодин

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия
molodin@archaeology.nsc.ru

ПРИРОДНЫЕ ОАЗИСЫ В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ КАК ОСНОВА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА

V.I. Molodin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

NATURAL OASES IN THE BARABA FOREST STEPPE AS A BASIS OF THE LIFE SUPPORT SYSTEM

ABSTRACT: The Baraba forest-steppe occupies a large territory between the rivers Ob and Irtysh, stretches over 200 km from the taiga zone in the north to the steppes in the south. The northern part of the Baraba region is swampy and forested, in the south, to the contrary, it transforms into the steppe. In different parts of the forest-steppe living conditions of the indigenous people were different. These differences used to determine the specificity of human activities on such area. On the Baraba territory some kinds of oases were formed — the zones, which had the most comfortable conditions for human being. It is now possible to talk about four of these oases. Its territories are characterized by the large water bodies with developed floodplains, which is periodically flooded and turned into the meadows. Like the desert oases, these territories used to be extremely important for the indigenous people. They helped the populations to survive in drought years.

Барабинская лесостепь занимает значительные пространства Западной Сибири в междуречье великих рек Оби и Иртыша. Эта огромная плоская равнина, с крайне слабым перепадом высот, узкой полосой (шириной чуть более 200 км с севера на юг) простирается на расстоянии около 800 км с запада на восток.

На севере Бараба граничит с Великим Васюганским болотом и таежной зоной, на юге она плавно переходит в Кулундинскую степь [Панадиади, 1953]. Северная территория Барабы облесена больше. Здесь в изобилии встречаются березовые колки и даже хвойные реликты, к тому же, в этом районе нередки заболоченные участки. Ее центральная зона облесена значительно меньше, а на юге все те же березовые колки встречаются еще реже. В периоды климатических колебаний (потепления — похолодания; увлажнения — усыхания) границы ландшафтных зон были подвижны, в то время как центральная часть лесостепи не подвергалась в голоцене особым изменениям. Увлажнения и усыхания меняли лишь водный режим, когда озерные и речные поймы затоплялись, покрывая водой весьма существенные пространства либо, напротив, освобождая от нее пойменные массивы. Особенно показательным в этом отношении является озеро Чаны, одно из крупнейших озер Сибири, которое не зря называют пульсирующим [Пульсирующее..., 1982]. В периоды трансгрессивных процессов оно резко увеличивало свое зеркало и имело даже два прорыва в р. Иртыш [Молодин, Дураков, 2008]. В широтном направлении по Барабе протекают три достаточно крупных реки, имеющих западный сток — Омь, Тартас и Тара, впадающие в р. Иртыш. Еще две реки — Каргат и Чулым — впадают в оз. Чаны. Кроме того, Барабинская лесостепь изобилует озерами, доминирующая часть которых пресноводны.

Континентальный климат (достаточно мягкий и относительно комфортный для человека в сравнении с северной и восточной частями Сибири), среднегодовые температуры способствовали стабильному проживанию популяций на данной территории в период голоцена. Вместе с тем далеко не все территории Барабы были одинаково благоприятны для обитания человека и его жизнедеятельности, что играло порой решающую роль и для экономического уклада, и для специфики

надстроечных явлений и миграционных процессов. Так северная часть региона сильно заболочена и во все времена (включая и настоящее) была мало пригодна для существования человека. Данные условия предопределяли занятия людей преимущественно охотой и собирательством, в меньшей степени — рыболовством и скотоводством, полностью исключая земледелие.

Более благоприятные условия для обитания человека были в центральной и южной частях Барабинской лесостепи. Именно здесь сформировался неповторимый травостой, сочетающий уникальный букет трав, являющийся в свою очередь кормовой базой для получения мясомолочных продуктов и особенно лучшего в мире по своим качествам барабинского масла. Впервые эти свойства местного разнотравья были отмечены в 1871 г. академиком А.Ф.Миддендорфом, проводившим в Барабинской лесостепи специальную экспедицию [Миддендорф, 1871]. К тому же, эти районы отмечены грядным рельефом, широкими речными поймами с обильным и стабильным травостоем, что создавало уникальные условия для развития скотоводства, причем разной направленности. На грядных участках в зимних условиях снежный покров был незначительным по толщине, что позволяло не заготавливать сено на зиму, а обходиться тебеневкой. Именно данные обстоятельства были наиболее благоприятны для культивирования человеком скотоводства как основной хозяйственной отрасли.

Кроме того, огромное количество озер с колоссальными запасами рыбы давало человеку возможность активно заниматься промысловым рыболовством. По археологическим и этнографическим данным, рыбу заготавливали впрок — квасили, сушили, солили [см., например, Молодин, Ненахов, Нестерова и др., 2015; Томилов, 1981], обеспечивая значительную часть пищевого рациона человека.

Специфика благоприятных, хотя и неустойчивых климатических условий способствовала формированию ранних форм земледелия. Охота и собирательство играли, несомненно, подсобную роль в экономике.

Особое место — как в северных, предтаежных районах Барабы, так и на юге — занимали речные системы. Три крупных реки — Омь, Тартас и Тара (с притоками) — способствовали развитию рыболовства. Кроме того, и это пожалуй особенно важно, реки во все времена являлись теми магистралями, по которым происходило передвижение населения внутри региона, а также осуществлялись масштабные миграции в широтном направлении.

Вместе с тем, мне уже приходилось отмечать [Молодин, 2014], что даже привлекательные для жизнедеятельности пространства центральной и южной Барабы не могли быть однозначно комфортными для обитания человека. Благодаря естественно-географическим условиям, на данной территории сформировались своего рода оазисы, зоны, как правило, во все времена наиболее благоприятные для жизнедеятельности человека. Даже в периоды природных катаклизмов — будь то засуха или наводнения — эти районы позволяли человеку выжить, обеспечив себе необходимые продукты питания. Таких оазисов не могло быть много. С учетом наших сегодняшних знаний (которые, разумеется, далеко не исчерпывающи), можно уверенно говорить о четырех оазисах на территории Барабинской лесостепи.

Первый такой оазис, о котором пойдет речь, находится в месте слияния рек Оми и Тартаса. Благодаря геологическим процессам формирования рельефа данной территории в период плейстоцена, здесь оказалась отчетливо выражена вторая надпойменная терраса, которая оконтуривала многокилометровую пойму, именуемую местным населением как урочище Таи. Это своего рода сибирская саванна, частично или полностью затоплявшаяся в период весеннего половодья. Огромное озеро становилось зоной нерестилища и концентрации колоссальных запасов рыбы и гнездовой водоплавающей дичи. После спада воды в середине лета Таи превращались в великолепные пойменные луга, чрезвычайно богатые обильным травостоем, сохраняющим свою стабильность даже в период сильной засухи. Кроме того, в периоды наиболее сильных трансгрессий вокруг Таев «оживали» многочисленные мелкие озера, также богатые биомассой. Слияние двух достаточно крупных рек, по сути, и породившее данный оазис, приводило к тому, что здесь образовывался как бы транзитный перекресток при передвижении популяций как в широтном, так и в меридианном направлениях. Все вышесказанное особо притягивало сюда человека. Впервые, вероятно, это случилось еще в эпоху верхнего палеолита, свидетельства чему мы находим на памятнике Венгерovo-5 [Деревянко, Молодин, 1974]. Своеобразие рельефа оазиса приводило к тому, что, помимо поселений, человек устраивал здесь грандиозные некрополи и святилища, существовавшие

практически непрерывно, начиная с эпохи неолита до периода позднего средневековья [Молодин, Новиков, 1998]. Речь идет о таких выдающихся археологических комплексах, как Сопка-2 [Молодин, 2015а] и Тартас-1 [Молодин, 2015б] или Усть-Тартасский могильник.

К сказанному можно добавить, что благодаря такому редкому сочетанию природно-климатических факторов, человек мог впрок заготавливать сено и рыбу, что способствовало его комфортному проживанию здесь на протяжении всего голоцена.

Кроме оазиса в месте слияния рек Оми и Тартаса, по-видимому, сходными зонами можно считать место впадения реки Оми в реку Иртыш и место впадения в Иртыш реки Тара. Здесь так же, как и в предыдущем случае, сформировались весьма благоприятные условия для жизнедеятельности человека. Это опять широкие поймы с обильным и стабильным травостоем, богатыми рыбными запасами. Вместе с тем, близость такой могучей реки, как Иртыш, могла иметь для этих оазисов как свои положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, это огромные рыбные запасы Иртыша, наличие выходов руслового галечника, пригодного для изготовления каменных орудий; с другой — связь по Иртышу северных таежных районов Западной Сибири с южными территориями Центральной Азии. Это способствовало активным контактам и обмену продуктами, однако такие контакты могли являться своего рода факторами риска для коренных обитателей этих оазисов.

К этим оазисам на Оми и Таре приурочены крупные археологические микрорайоны сосредоточения разновременных и разнокультурных археологических памятников, таких, как Нижнетарский археологический район [Нижнетарский..., 2001], городище Большой Лог и Омская стоянка в устье Оми [Генинг, Гусенцова, Кондратьев и др., 1970; Омская..., 2013].

Еще одним уникальным оазисом (или серией оазисов?) была акватория оз. Чаны — одного из крупнейших озер Западной Сибири с подвижным зеркалом [Пульсирующее..., 1982] и огромными поймами. Чанам сопутствуют десятки мелких озер. В озеро впадают две крупных реки. Вся эта система, в зависимости от трансгрессивных явлений, была весьма подвижной. Она обладает огромными биоресурсами, является сосредоточением запасов рыбы и водоплавающей птицы, а также многокилометровыми поймами, представляющими собой заливные луга с богатейшим травостоем. Именно с этой системой связан замечательный археологический комплекс, именуемый общим названием Чича-1, с уникальным экономическим и социальным устройством проживающего здесь сообщества [Молодин, Парцингер, 2006].

Итак, все выделяемые в настоящей работе территории во все времена были наиболее привлекательными и комфортными для жизнедеятельности человека в условиях Барабинской лесостепи, о чем наглядно свидетельствует наиболее масштабное сосредоточение здесь археологических памятников. Как видно, для этих территорий характерно присутствие целого ряда общих черт (наличие крупных водоемов с разработанной поймой, периодически подтопляемой и в течение одного весенне-летнего периода превращающейся в заливные луга). Равно как пустынные оазисы, эти территории были чрезвычайно значимы для человека, и, порой (в наиболее засушливые годы) позволяли популяциям выжить. Последнее делает вполне корректным использование данного термина и для менее экстремальной, чем пустыня, территории.

Список литературы

1. Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. С. 12–51.
2. Деревянко А.П., Молодин В.И. Исследование памятников Барабинской лесостепи // Археологические открытия 1973 года. М.: Наука, 1974. С. 196–197.
3. Миддендорф А.Ф. Бараба. СПб., 1871. 123 с.
4. Молодин В.И. Этнокультурная мозаика в Западной Барабе (эпоха поздней бронзы — переходное время от эпохи бронзы к железному веку. XIV–VIII века до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4 (60). С. 55–63.
5. Молодин В.И. Очерки истории сибирской археологии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015а. С. 311.

6. Молодин В.И. Тартас-1 — уникальный археологический комплекс на юге Западно-сибирской равнины (краткий обзор исследований последних лет) // Вестник РГНФ. 2015б. № 4. С. 172–184.
7. Молодин В.И., Дураков И.А. О возможных артериях — озеро Чаны-река Иртыш и их роль в культурно-историческом процессе (Западная Сибирь. Эпоха бронзы) // История и практика археологических исследований: материалы международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора Александра Андреевича Спицына. С.-Петербург. 26-30 ноября 2008 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 331–337.
8. Молодин В.И., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Дураков И.А., Васильев С.К. Оригинальный производственный комплекс на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. С. 326–331.
9. Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области: материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Вып. 3. Новосибирск: Изд-во НПЦ, 1998. С. 139.
10. Молодин В.И., Парцингер Г. Исследование памятника Чича в Барабинской лесостепи (итоги, перспективы, проблемы) // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 51–77.
11. Нижнетарский археологический микрорайон / Большаник П.В., Жук А.В., Матющенко В.И., Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихонов С.Е., Томако И.В. Новосибирск: Наука, 2001. 256 с.
12. Омская стоянка. Альбом. Омск, 2013.
13. Панадиади А.Д. Барабинская низменность. М., 1953.
14. Пульсирующее озеро Чаны. Л.: Наука, 1982. 263 с.
15. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. 276 с.

С.А. Перевозчикова, Е.М. Черных

Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия
homasvet@mail.ru, emch59@mail.ru

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ УДМУРТОВ НОВОГО ВРЕМЕНИ

S.A. Perevozchikova, E.M. Chernykh

Udmurt State University, Izhevsk, Russia

NEW ASPECTS OF NONFERROUS METAL PROCESSING OF THE UDMURTS IN THE MODERN PERIOD

ABSTRACT: This article presents results of archaeological research in 2014-2015 in Sharkan District of the Udmurt Republic, Nature Park "Sharkan". Acquaintance with local community of amateur researchers allowed us to get access to the series of interesting exponents that were obtained by so-called "diggers". One of that "diggers" donated part of his collection to the local history museum. The most outstanding part of that collection is finger-rings. A lot of nonferrous-metal jewelries, presented in collection, are dated to the 16-19 cc. Besides, that collection includes a few finger-ring billets. Circumstances and technique of their fabrication are interesting. This collection contains 166 objects in total. The collection also contains ring billets made from copper coins. Flap-containing

finger-rings are divided by the form of flap into six types: with circle, square, rectangular, oval, eight-cornered and rhombic flaps. Flap containing finger-rings were made by two different ways. Ornamentation on the flap, as well as on the side areas of finger-ring was applied by carving or stamping. One more type of finger-rings is flap-containing finger-rings with stone incrustation. The technique of making flap-containing finger-rings with stones was divided in two types: full-cast and composed by ring and flap. Insertions were ornamented by curls, cow-looking stylization, sand ornament. Insertions were held on to the frame by glue. In collection of rings flap-containing finger-rings made by solid plate predominated. Existing of billets in collection suggests local producing of this jewelries. Demand in such things was rather high. Ornamentations were purchased in the markets and by withdrawal of copper and silver coins from regular circulation. Such practice is well-known by traditional costume researchers in cases of breast ornamentation — “monisto” that often included coins.

В 2014-2015 гг. археологами Удмуртского госуниверситета проводились научно-исследовательские работы на территории Шарканского района УР. Такая работа была предпринята в данном районе впервые. Инициатором исследований археологов выступила администрация природного парка «Шаркан». При организации исследовательских работ ставились задачи изучения объектов археологического наследия в границах территории парка и комплексная оценка их использования. Одним из «открытий» для нас стало установление факта полного отсутствия на территории выявленных объектов археологии, а также масштабность грабительских раскопок на местах исчезнувших деревень¹. История удмуртских селений Шарканского района, официально начинающаяся в XVII в. (первые документальные свидетельства), к сожалению, до сих пор не стала предметом отдельных исследований историков, как, впрочем, и этнографов, и фольклористов. Хотя, безусловно, она могла бы стать ключевой в понимании особенностей «темных веков» (XIII–XV вв.) удмуртской истории.

Знакомство с местным краеведческим сообществом позволило установить доверительные отношения с некоторыми его представителями и получить доступ к серии интересных находок, полученных «копателями» в ходе несанкционированных работ. Вместе с тем нам удалось убедить одного из них — В.Ф. Бородулина — передать безвозмездно в местный краеведческий музей часть своей коллекции. Именно в ней, среди разнообразных медных украшений, особо выделялись перстни. Большое количество представленных в данной коллекции украшений из цветных металлов, датируемых XVI–XIX вв., уже само по себе требует внимания исследователей. Хорошо известен факт неоднократных запретов на занятия металлообработкой среди инородцев Волго-Камского региона после подавления многочисленных антиправительственных выступлений в XVI–XVIII вв. В то же время исследователи-этнографы всегда обращали внимание на многочисленность металлического декора в национальном костюме удмуртов, бесермян, марийцев, чувашей. В традиционном удмуртском обществе украшения выполняли важные эстетические, экономические и магические функции [Волкова, 1988, с. 163-172].

Перстни были собраны в урочищах: Корчумвай, Лонлесь-Докья, Шаркан, Большой Билиб, Бадяровский Лог, Нырошур, Бакино, Верхнее Корякино, Нижняя Кивара, Едыгрон, Малый Едыгрон, Сосновка, Богдановская, Бектемир-Пурга. В коллекции оказалось несколько заготовок, представляющих существенный интерес с точки зрения условий и техники производства этих предметов. Общее количество их в коллекции — 166 экз. [Перстни удмуртов..., 2015], что многократно превышает количество аналогичных украшений, полученных в ходе научных раскопок поздних удмуртских кладбищ XVI–XIX вв. **Сохранность вещей отмечена как достаточно хорошая, но большинство изделий уже подверглось коррозии.** Все украшения изготовлены из медно-оловянистых сплавов; часть их имела следы посеребрения (установлены в результате предпринятой очистки украшений химическими реактивами в лаборатории биолого-химического факультета Удмуртского госуниверситета под руководством к.х.н. Д.А. Меркулова).

Кольцами мы называем предметы из металла в форме обода, круга. Перстни имеют выступающую часть в виде щитка. Большая часть колец (всего 53 экз.) представлена в виде гладких

¹ Необходимо пояснить, что целенаправленных археологических исследований на указанной территории не проводилось более 100 лет.

неорнаментированных обручей (40 экз.). В одном случае кольцо было переделано под подвеску: к нему сбоку была припаяна небольшая петелька. У 13 колец был нанесен орнамент в виде коротких насечек, сеточки или плетеной косы.

Рис. 1. Процесс изготовления колец из медных монет

Достаточно интересен способ изготовления пластинчатых бесщитковых колец. В коллекции имеются заготовки для колец, выполненные из медных монет (рис. 1). Они представляют собой разные этапы одного процесса. Удалось распознать год чеканки лишь у одной монеты — 1872 г., достоинством 2 копейки. Технология изготовления колец из монет достаточно проста. Для этого необходимы два приспособления: металлическая опора, которой может служить любой плоский предмет, например, молоток, а также небольшой тупой предмет, например, металлическая ложка. Процесс изготовления кольца из монеты занимает не более двух часов. Мастер клал монету ребром на опору, и, постоянно подкручивая, ударял по ней сверху ложкой. Главным условием такого набивания по монете являлось постоянное накручивание монеты и небольшая сила удара, иначе могли появиться вмятины. После часа такой работы монета расширяла свои грани до необходимого размера и, соответственно, уменьшалась в диаметре (рис. 1-а, б). Далее мастер переходил к работе над внутренней частью монеты. Монету вначале необходимо было проколоть острым инструментом, например, шилом (рис. 1-в), а после оставшуюся часть монеты убрать напильником или наждачной бумагой (рис. 1-г, д). Конечным этапом процесса было шлифование полученного кольца до металлического блеска.

Щитковые перстни (94 экз.) по форме щитка делятся на шесть типов: круглый, прямоугольный (квадратный), овальный, восьмиугольный, ромбический. Основные виды орнамента: геометрический, растительный, зооморфный и изображение короны. В единичных экземплярах представлены перстни с орнаментом в виде ремня, с заглавной буквой П, с узором в виде ресничек. Как свадебный следует рассматривать перстень, на щитке которого изображена заглавная буква М, а внешняя поверхность обруча оформлена надписью «Кого люблю, тому дарю». В конце XIX в. считалось, что девушка, согласившаяся быть украденной, отдавала парню свой перстень [Шутова, 2001, с. 169]. В фольклорных текстах серебряное кольцо на пальце — свидетельство счастливой жизни, достатка.

Изготовление щитковых перстней, скорее всего, выполняли двумя способами. Первый способ включал в себя вырезание щитка и шинки (развернутого обруча) из металлической пластины. После доведения заготовки до отполированного состояния, а также после нанесения орнамента, концы загибали и запаивали. В этом случае щиток и обруч имели одинаковую толщину и четкий переход от щитка к обручу [Руденко, 2010, с. 7]. Второй способ фиксируется по разной толщине щитка и обруча. Скорее всего, узкую пластину, длина которой была равна обхвату пальца, в центре расплющивали и шлифовкой доводили до необходимого состояния. После нанесения орнамента концы заготовки также сгибали и запаивали. В этом случае толщина щитка становилась меньше толщины обруча. В некоторых случаях применяли тиснение для дополнительного выделения щитка. Возможно, это было сделано для придания перстню нужного размера. Орнамент на щитке, а также на боковых площадках перстня наносили резьбой или чеканкой. Практически на всех экземплярах узор заключен в фигуру, повторяющую контур щитка (круг, прямоугольник, овал и т.д.).

Еще одну группу шарканских перстней составляют щитковые перстни, украшенные каменными вставками (19 экз.). Вставки выполнены из коралла красного цвета, льдистого кварца белого цвета с перламутром, халцедона красного цвета, опала (определения выполнены к.г.н. А.В. Сергеевым, сотрудником Удмуртского госуниверситета).

По технике изготовления щитковые перстни с вставками делятся на две категории: цельнолитые и составные из обруча и щитка. Во втором случае к щитку припаявали шатон для крепления вставки. В анализируемой коллекции в качестве вставок использовался только камень, ис-

ключение — перстень с эмалью. Орнамент на каменные вставки наносился с помощью резьбы. На кварцевой вставке имелся орнамент в виде завитков и стилизованного изображения короны. На халцедоновых вставках нанесен растительный орнамент. Вставки крепились к оправе с помощью клея. Его остатки зафиксированы в нескольких случаях. В некоторых экземплярах внутри шатона, кроме клеевой массы, обнаружена еще и ткань красного цвета, скорее всего, использовавшаяся в качестве подкладки. Дополнительную устойчивость вставки обеспечивали мелкие треугольные зубчики, загнутые поверх поделочного камня.

Таким образом, в характеризуемой коллекции перстней и колец явно доминируют щитковые перстни (94 экз.), изготовленные из цельной пластины. В то же время присутствие в ней заготовок колец однозначно убеждает в местном производстве этих украшений. Очевидно, что потребность в них была достаточно высока и, помимо, украшений, приобретаемых на рынках, она решалась на месте путем выведения из денежного оборота медных (а, возможно, и серебряных) монет. Такая практика специалистам по традиционному костюму известна по нагрудным украшениям — монисто, широко использовавшим монеты.

Список литературы

1. Волкова Л.А. Удмуртские женские украшения XIX — начала XX вв. (Этнографический обзор коллекции Удмуртского республиканского музея) // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 153-172.
2. Перстни удмуртов XVI-XIX вв. (каталог коллекции в собрании Шарканского историко-краеведческого музея) / сост. С.А. Перевозчикова, А.А. Русаева. Ижевск: Монпоражен, 2015. 36 с.
3. Руденко К.А. Булгарское черное искусство: перстни: методическое пособие. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. 44 с.
4. Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: опыт комплексного исследования. Ижевск: Удмурт. Ин- истории, языка и литературы УрО РАН, 2001. 304 с.

Л.А. Петросян

Институт археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Армения
galstyan-1966@mail.ru

ПАМЯТНИК ЛЧАШЕН В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА АРМЕНИИ

L.A. Petrosyan

Institute of Archaeology and Ethnography NAS RA,
Yerevan, Armenia

LCHASHEN MONUMENT IN THE CONTEXT OF THE BRONZE AGE CULTURE OF ARMENIA

ABSTRACT: This article is devoted to the comprehensive study of Lchashen, one of the Eastern monumental sites of the Bronze Age, which was carried out on the basis of archaeological materials of excavations in the Lchashen necropolis. The excavations were carried out starting in the 50's of the previous century by A. Mnatsakanian, by the author of this research. Due to these materials the source basis of the study of the Bronze Age culture of the whole region is increasing. The artifacts that were found there during excavations belong to the complex named "Lchashen culture", which includes more than two thousand years of historical period (the second half of the IV —

the first half of the II mill. BC). The study of materials from Lchashen and other synchronous sites as well as application of the methods of environmental sciences allowed us to characterize the phases of development of the Bronze Age culture in Armenia. Based on the results of mentioned studies, the source study basis, modern methodological criteria, a concept of chronology and periodization of Lchashen culture were created.

Начало изучению бронзового века в Армении было положено в 30-40-х гг. XX в. раскопками талантливого археолога Евгения Байбуртяна. Вслед за ним дальнейшие исследования проводили А. Мартиросян [1964], А. Мнацаканян [1965], Э. Ханзадян [1967], Т. Хачатрян [1975], С. Есян [1980], С. Деведжян [1981], Л. Петросян [1989; Petrosyan, 1996, 2007] и др. С середины 50-х годов прошлого века на территории Севанского бассейна у с. Лчашен стали проводиться периодические раскопки. Лчашенский памятник богат разнообразными археологическими материалами и представляет исключительный интерес для науки. Выявленный здесь в ходе раскопок комплекс артефактов вошел в научный обиход под названием “лчашенской культуры”, которая охватывает более чем двухтысячелетний исторический период (втор. пол. IV — перв. пол. II тыс. до н.э.). Антропологические и палеопатологические исследования лчашенской серия (раскопки А. Мнацаканяна) проводились разными специалистами, в том числе Р. Бубушяном [1973], В. Алексеевым [1974; Алексеев, Гохман, 1984], М. Абдушелишвили [1982, 2004], А. Khudaverdyan [2010, 2011].

Изучение материалов раскопок Лчашена с применением методов естественных наук позволило по-новому охарактеризовать этапы развития культуры бронзового века Армении. Здесь особенно важны представленные в большом количестве материалы, являющиеся связующим звеном между различными этапами средней и поздней бронзы. Этими материалами из раскопок подтверждается несомненная научная ценность лчашенского памятника, расширяются горизонты научного исследования эпохи бронзы Южного Кавказа. На основе стратиграфических данных памятников региона (различных этапов раннего, среднего и позднего бронзового века) показан синхронный характер лчашенских материалов, их место в системе относительной хронологии и их взаимосвязи. В этом контексте особое значение уделяется изучению развития форм и особенностей орнамента керамики инвентаря. В работе исследуются материалы из раскопок проводившихся, как А. Мнацаканяном, так и автором. К числу этих материалов относятся следующие захоронения: нижнее погребение кургана N 120 периода ранней бронзы и погребение N 146. Исследованы погребение N 55 этапа ранних курганов, а также погребения трехк-ванадзорского этапа средней бронзы (N 14, 42, 44, верхнее захоронение погребения N 120, погребение N 123), материалы погребений, раскопанных в г. Севан [Petrosyan, 1996]. Основой для изучения последующих — кармирбердского и севан-арцахского этапов средней бронзы, являются материалы из курганов N 35-46, 50 (раскопки А. Мнацаканяна), N 220-223, 105-129, 44, 58 (раскопки Л. Петросяна).

На основе изучения и сравнительного анализа материалов, датирующихся отрезком перехода от средней к поздней бронзе, впервые стало возможным четко выделить два этапа переходного периода. В первый переходный этап от среднебронзового века к периоду поздней бронзы преобладают материалы эпохи средней бронзы. К указанному этапу можно отнести раскопанные нами лчашенские курганы N 221, 222 и погребения N 203, 209, 212, 213, 90, 60, 72, 75, 76, 135, 136, а также погребения 13, 208, 254 и др. из раскопок А. Мнацаканяна. Большое количество материалов второго этапа перехода от средней к поздней бронзе имеют ряд интересных особенностей. Это материалы из погребений N 88, 66, 68, 43, 121, 85, 140, 141, 218, 5, 29, 38, 31, 42, 47, 63, 65, 70, 67, 93, 98, 115, 116, 123, 132, 142-144, 146, 151, 154, 164, 167, 168, 170, 175, 177 (раскопки Л. Петросяна). Многочисленные однотипные материалы известны из раскопок А. Мнацаканяна, из коих в настоящей работе рассматриваются материалы из одиночного погребения, а также курганов N 5, 104, 193. На основе сопоставления данных материалов со стратиграфическими данными переходного периода других памятников, в частности Ширикавана, возможно двухэтапный процесс перехода от средней к поздней бронзе четко датировать концом XVII в. — конец XVI в. до н.э.

Судя по материалам раскопок Лчашена конца XVI и XV в. до н.э., Армения вступила в новый период развития культуры. Металлообрабатывающая отрасль в этом смысле имеет особое значение, которое хорошо прослеживается в изготовлении бронзовых предметов: оружия, орудий труда, украшений и скульптуры. В области оружейного дела, на смену кинжалам с плоским лезвием и плоским ко-

ротким черенком приходят кинжалы переднеазиатского типа и кинжалы с трубчатой рукоятью, а также составные луки. В употребление входят и удила переднеазиатского типов. Большой подъем переживает декоративно-прикладное искусство, зооморфные и птицевидные статуэтки. Особенное значение имеют украшения — различные бубенчики, подвески, зеркала, булавки, ювелирные изделия и др.

Начиная с XV в. до н.э. керамическая продукция выступает в новом качестве: изделия изготовлены из мелкозернистой глины с примесью песка, имеют лучший обжиг, благодаря чему керамика приобретает новые, более устойчивые свойства. Заметные изменения намечаются также во внешней отделке керамики: великолепные черные сосуды украшены лощением, вертикальными косыми линиями, лощеными полосами и другими орнаментальными мотивами. В этот период, по сравнению с предыдущим, возрастает количество сосудов, украшенных резными полосами, выполненными по сырой глине.

Отличительной чертой лчашенских курганов периода поздней бронзы является наличие больших склепов и обнаружение в них двух- и четырехколесных колесниц, а также бронзовых моделей боевых повозок. В результате изучения этих моделей, выявляются истоки их малоазиатского происхождения и общность с хеттской культурой. С их помощью можно иметь представление о типах боевых повозок, колесниц и способах их управления. Доказано, что модели являлись символом власти и использовались в качестве штандарта.

Изделия из бронзы свидетельствуют о высоком уровне развития металлообработки в период поздней бронзы в Армении, который был обусловлен наличием высококвалифицированных ремесленников. Кроме того, наличие статуэток птиц животных, оленей, козлов, быков, волов в Лчашене, указывает на их широкое применение в культовой и ритуальной жизни общества.

Нововыявленные лчашенские материалы наиболее важны для изучения среднего и позднего бронзового века, а проведенные нами новейшие исследования лчашенских материалов позволяют уточнить некоторые спорные проблемы периодизации и хронологизации культуры бронзового века Армении и Южного Кавказа.

Список литературы

1. Абдушелишвили М.Г. Антропология населения Кавказа в бронзовом периоде. Тбилиси: Мецниереба, 1982. 134 с. (на груз. яз.).
2. Абдушелишвили М.Г. Антропология населения Кавказа. Тбилиси: Мецниереба,, 2004. 217 с. (на груз. яз.).
3. Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 1974. 317 с.
4. Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.
5. Бубушян Р.А. Материальная культура и физический тип населения Армении в эпоху бронзы: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ереван, 1973. 21 с.
6. Есаян С.А. Культура Древней Армении. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1980. 75 с.
7. Мартиросян А.А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1964. 346 с.
8. Мнацаканян А.О. Основные этапы развития материальной культуры Лчашена // Историко-филологический журнал НАН РА. 1965. № 2. С. 95-114.
9. Ханзадян Э.В. Культура армянского нагорья в III тысячелетии до н. э. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1967. 118 с.
10. Хачатрян Т.С. Древняя культура Ширака. Ереван: Изд-во Ереванского университета, 1975. 276 с.
11. Деведжян С.Г. Лори-Берд. I. Ереван: АН АрмССР. 85 с.
12. Петросян Л.А. Раскопки памятников Кети и Воскеаска (III- I тыс. до н.э.). Ереван: АН АрмССР, 1989. 129 с.
13. Khudaverdyan A. Pattern of disease in II millennium BC - I millennium BC burial from Lchashen, Armenia // Anthropologie. 2010. Vol. XLVIII (3). P. 239-254.
14. Khudaverdyan A. The anthropology of infectious diseases of Bronze Age and Early Iron Age from Armenia // Dental Anthropology (U.S.A.). 2011. № 2 (2). P. 42-54.

15. Petrosyan L.A. Metallurgistec, agricultueurs, princes et cgmmercants au Bronze final et auter ancier (XVI sieche-debut du VIII scicle avant J-C), Armenie // Tnesors de l' Armenie ancienne (Dobree) Nantes. 1996. P. 71-75, 88-90.
16. Petrosyan L.A. Le complexe archeologue de Ketі, un temoignage unique sur plusieurs millenaires d'histoire, Armenie // Saint Raphael Antiquites-Rouen. 2007. P. 67-72.

V.O. Сайберт

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
vita77792@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА ОДИНЦОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ¹

V.O. Saybert

Altai State University, Barnaul, Russia

HOUSEBUILDING FEATURES OF THE ODINTSOVO CULTURE OF THE MIDDLE AGES IN THE UPPER OB

ABSTRACT: The article is devoted to the housebuilding features of the early middle age Odintsovo culture in the Upper Ob. A large number of settlements in that area is the subject of comprehensive study, interpretation and synthesis of existing data. The location and number of buildings in that area are determined by their size and shape. The main characteristics of house description are: the system of house placement, the presence of the pit and its shape, its depth, area of buildings, availability of inputs, shape, fireplace and other structures. The territory of the Upper Ob was divided into two local areas (the Novosibirsk and Barnaul-Biysk Ob). Marked features of local buildings such as the presence of the floor holes at the entrances and in the corners of the buildings and in the walls are found in all the studied buildings of the Barnaul-Biysk Ob. The continental ridges — “tables” (that may serve as a basis for the bunks were also traced, but they were not homogeneous. It may indicate that the rest of the floor was covered (such elements were fixed on the monuments of the Novosibirsk Ob). Comprehensive study of the housebuilding traditions show their relations with the environment, chronological stages of cultural development, and enable their reconstruction.

Некоторые традиции домостроительства бытуют тысячелетиями. Этому способствуют не только практическая целесообразность, но и исторические традиции, а также длительный строительный опыт населения [Деревянко, 1991, с. 4]. Наличие на территории Верхнего Приобья большого количества городищ и поселений одинцовской культуры (IV–X вв. н.э.) [Казаков, 2014, с. 130; Троицкая, Новиков, 1998, с. 4], ставит необходимой проблему их всестороннего изучения, интерпретации и обобщения уже имеющихся данных, а также выделения особенностей всех локальных вариантов одинцовской культуры. Работа посвящена изучению и описанию жилищных построек, а также выделению особенностей домостроительных традиций одинцовской культуры в Верхнем Приобье.

На обозначенной территории известно 44 городища и 33 поселения. Все поселенческие памятники одинцовской культуры тяготеют к краю обской террасы, расположены над малыми реками, старицами и протоками, находящимися в пойме или у устья небольшой реки близ впадения

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ, проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

в Обь. Форма городищ зачастую зависела от рельефа местности, поэтому все объекты такого типа находились на возвышенности (холм, грива, мыс). Такое расположение давало возможность окружить городище рвом и валом трех (одна сторона — край террасы), а иногда и с четырех сторон. Размеры таких городищ колеблются от 860 до 17200 кв. м. [Казаков, 2014, с. 78–86; Троицкая, Новиков, 1998, с. 15–16]. Размеры и форма укрепленных площадок городищ диктуют расположение и количество построек на их территории. Так на городищах овальной формы конструкции располагались по овалу иногда в два ряда (к краю — жилища большей площади, второй ряд — более мелкие постройки), в других случаях в одну или две линии. На поселениях расположение жилищ диктовалось рельефом местности и количеством сооружений. Так в некоторых случаях постройки вытягивались в линии (на небольших поселениях), а иногда располагались в хаотичном порядке.

В Верхнем Приобье в общей сложности изучено около 40 жилых построек. Десять из них исследованы на территории Барнаульско-Бийского Приобья [Казаков, 2014; Абдулганеев, Казаков, 1990; Казаков, 1998], остальные в Новосибирском Приобье [Троицкая, 1981; 1988; Троицкая, Новиков, 1998]. Котлованы всех зафиксированных построек имеют подпрямоугольную форму и углублены в материк на 20–50 см. Площадь жилищ колеблется от 10 до 80 кв. м. Наличие и глубина котлована, остатки древесного тлена вдоль стенок, говорят о полуземляночном срубном типе жилища. В некоторых жилищах фиксировались остатки перекрытия в виде утолщенного затопления в центре котлована, оно также прослеживается в виде холмика на поверхности западины. Исследователи высказывают предположение о том, что перекрытие было плоским.

Относительно территориального расположения памятников можно выделить отличительные особенности. Например, наличие столбовых ямок у входов и в углах стен сооружений, эти элементы прослежены во всех изученных постройках Барнаульско-Бийского Приобья. В ряде жилищ найдены материковые выступы — «столики» (возможно служившими основой для нар), а также прослеживалась утоптанность пола, но она не однородна, это может говорить о том, что остальная часть пола застилалась. Такие элементы конструкций характерны для некоторых построек, изученных на территории Новосибирского Приобья.

Вход в жилища имел разную конфигурацию. В некоторых постройках зафиксированы входы коридорного типа (8 жилищ), в других не зафиксированы части стенок, что свидетельствует о наличии здесь входа (10 жилищ). В 16 постройках вход не фиксировался, что может свидетельствовать о том, что дверь в жилище открывалась не в бок, а вверх, исследователи связывают это с домостроительными традициями хантов [Троицкая, Новиков, 1998, с. 16]. Центром жизни обитателей жилища являлся очаг. Как правило очаги в одинцовских жилищах однотипны и располагались ближе к стене. Надочажных конструкций не зафиксировано, это дает возможность предполагать, что они были открытого типа и располагались на уровне пола или углублялись в него на 8–15 см.

Анализируя полученные данные можно отметить, что выделенные отличительные черты конструкций, а именно наличие столбовых конструкций, входов и др. взаимосвязаны с территориальным расположением памятника. Так, наличие столбовых конструкций и входов коридорного типа характерны для всех построек, изученных на территории Барнаульско-Бийского Приобья, а материковые выступы и неравномерная утоптанность пола прослежены на памятниках в Новосибирском Приобье. В связи с этим дальнейшее всестороннее изучение традиций домостроительства одинцовской культуры эпохи раннего средневековья позволит проследить их взаимосвязь с окружающей средой, хронологическими этапами развития культуры, а также позволит выйти на реконструкционный уровень в различных его аспектах (социальные, мировоззренческие и др.).

Список литературы

1. Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Верхнеобские памятники Иткульских озер // Охрана и использование археологических памятников Алтая (тезисы докладов и материалов к конференции). Барнаул, 1990. С. 104–108.
2. Деревянко Е.И. Древние жилища Приамурья. Новосибирск: Наука, 1991. 160 с.
3. Казаков А.А. Городище Сошниково-I // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 192–205.

4. Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул: БЮИ МВД РФ, 2014. 152 с.
5. Троицкая Т.Н. Верхнеобская культура лесостепного Приобья // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. Новосибирск: Наука, 1988. С. 45–101.
6. Троицкая Т.Н. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западно-сибирской археологии эпохи железа. Новосибирск: Наука, 1981. С. 101–120.
7. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

Р.М. Сатаев

Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Москва, Россия
rob-sataev@mail.ru

ЖИВОТНОВОДСТВО И ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ ДРЕВНЕЙ МАРГИАНЫ (БРОНЗОВЫЙ ВЕК, ТУРКМЕНИСТАН)

R.M. Sataev

N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology
and Anthropology RAS, Moscow, Russia

ANIMAL HUSBANDRY AND DOMESTIC ANIMALS OF ANCIENT MARGIANA (THE BRONZE AGE, TURKMENISTAN)

ABSTRACT: The article is devoted to the study of features of economic use of the livestock by the people of Ancient Margiana on the basis of the materials from excavations of Gonur-Depe. Ancient Margiana unites sites located in the dry delta of the Murgab, the largest one is Gonur-Depe. The site was studied since the early 1970s by the Margiana archaeological expedition under the leadership of V. I. Sarianidi (until his death in 2013). Despite the fact that research of monuments of ancient delta of Murgab continued for more than 40 years, there was little information about the features of economic use of animals by inhabitants of the ancient country. The main reason of the lack of data on this issue is poverty of cultural layer of animal bones originating from kitchen waste. A few bulk samples were managed to get within 10 years of excavation at Gonur Depe. They come from northern, eastern and southern sectors of the site. The majority of bones in all three areas derived from cattle and small ruminants (sheep and goats), which were the main sources of meat products. The share of other domestic species is considerably less, but pigs and, possibly, camels were used for meat. The data showed that the inhabitants of the surrounding of Palace-temple complex were not directly engaged in livestock breeding (they received meat products from the outside), farming played only a supporting role for them. This conclusion mostly confirms the opinion of V. I. Sarianidi on the special status of the Gonur settlement, as the administrative and religious center.

Древняя Маргиана объединяет памятники, расположенные в сухой дельте р. Мургаб, наиболее крупным из которых является Гонур-депе, исследуемый с начала 1970-х гг. Маргианской археологической экспедицией под руководством (до его кончины в 2013 г.) В.И. Сарияниди. Несмотря на продолжающееся более 40 лет изучение памятников древней дельты р. Мургаб, сведения об особенностях хозяйственного использования домашних животных жителями древней страны были крайне ограничены [Ермолова, 1986; Hiebert, 1993; Hiebert, Moore, 1993; Moore, 1993; Moore and all, 1994; Мур, 1994; Сатаев, 2008].

Главная из причин сложившейся ситуации хорошо объясняется на примере Гонура. Одной из особенностей памятника является слабая насыщенность его культурного слоя костями, которая, при этом, сильно изменяется по площади. По сравнению с многочисленными остатками живот-

ных, приуроченных к объектам ритуального назначения (погребениям, кенотафам, жертвенникам и т.д.), находки костей, имеющих кухонно-бытовой генезис, здесь сравнительно редки. При этом всегда существует риск, что часть из них также может происходить из разрушенных (или нераспознанных) ритуальных объектов. Поэтому, выборки, относимые к категории кухонных отходов, формировались за счет костей, происходящих из хорошо выраженных, выдержанных по площади и глубине мусорных наслоений (даже если они частично перекрывают фундаменты строительных конструкций), мусорных ям недолговременного использования, а также с пола помещений и пространства между ними («дворов», «площадей»). Поэтому процесс сбора материала с каждого вскрываемого участка растягивался на несколько сезонов (лет), что совсем не гарантировало получение по завершению раскопок репрезентативной выборки, пригодной хотя бы для выяснения соотношений между отдельными видами. Так, на раскопе 16 из 26 помещений и внешнего пространства за несколько сезонов в совокупности удалось собрать 78 определимых костей, а на раскопе 13 из 21 помещения и «дворов» — всего 33 фрагмента.

В итоге, только почти за 10 лет раскопок удалось получить сравнительно объемные выборки остатков кухонно-бытового происхождения для трех локальных участков памятника, расположенных в его северной (раскоп 19), южной (раскоп 23) и восточной (раскоп 18) частях (табл. 1). В свою очередь, это позволило сделать заключения о характере использования домашних животных древним населением Гонура.

Таблица 1

**Соотношение остатков домашних животных
в репрезентативных остеологических выборках из раскопок Гонур-депе**

Виды	Раскопы					
	18		19		23	
	Кол-во костей	%	Кол-во костей	%	Кол-во костей	%
КРС*	175	29,4	124	16,2	108	13,1
МРС**	242	61,5	330	63,2	562	81,7
Овца	97		81		89	
Коза	27		72		23	
Свинья	11	1,8	23	3,0	16	1,9
Верблюд	17	2,9	6	0,8	16	1,9
Осел	16	2,7	84	10,9	8	0,9
Собака	10	1,7	44	5,8	3	0,4
Всего	595		764		825	

* КРС — крупный рогатый скот **МРС — мелкий рогатый скот, здесь остатки животных, не определимые до рода (*Ovis et Capra*)

Основное количество костей на всех трех участках происходит от крупного (КРС) и мелкого рогатого скота (МРС), являвшихся главными источниками мясной продукции. Доля других домашних видов заметно меньше, хотя кроме КРС и МРС к животным, которые использовались на мясо, относятся свинья и, возможно, верблюд. Так как, никаких свидетельств об использовании в пищу осла (а тем более собаки) мы не имеем, скорее всего, его кости попали в обсуждаемые выборки либо из скоплений мусора, либо из разрушенных ритуальных объектов (отбор материала происходил исходя из археологического контекста их нахождения, а не по видовому признаку).

Далее мы рассматриваем особенности мясной эксплуатации самых многочисленных видов — КРС и МРС. Сразу отметим, что, поскольку анализируемые выборки в целом небольшие (соответственно, количество возрастных и половых определений по каждой из рассматриваемых групп животных немного), следует относиться к приведенным ниже построениям, как к ориентировочным.

Мелкий рогатый скот. В «кварталах» на 18 (восточный сектор) и 23 (южный сектор) раскопах Гонура отмечается сходный характер использования МРС. Определение возраста животных показывает, что здесь наиболее интенсивно забивались особи в возрасте от 10 месяцев до 2 лет (более 60%).

Хотя затем темпы забоя снижаются, к 3,5 годам в совокупности элиминируется уже более 80% особей и забой животных продолжается. Дальнейшее снижение темпов забоя животных, скорее всего, связано с ухудшением кулинарных качеств мяса взрослых и старых особей. Среди забитых животных несколько преобладают самцы (53,3-60%), но доля самок, которые составляют основу маточного поголовья, тоже значительна (40-46,7%). Т.е. у обитателей этих «кварталов» практически отсутствовала избирательность по возрасту и полу в выборе животных для забоя. В свою очередь, состав элементов скелета демонстрирует, что в изученном материале в основном присутствуют кости, происходящие от наиболее ценных в пищевом отношении частей туш. Таким образом, представляется, что забой МРС и первичная разделка их туш происходили за границами этих архитектурно-строительных комплексов. Поэтому можно предположить, что обитатели этих «кварталов» (или контингент, выполнявший функции обслуживания административно-культового центра) не разводили МРС, а получали его со стороны, возможно уже в виде разделанных мясных кусков — приношений.

Другая ситуация отмечается для 19 раскопа (северный сектор). Здесь резко преобладают остатки животных в возрасте от 10 мес. до 1,5 лет, а кости животных старше 2 лет сравнительно немногочисленны. При этом распределение в материале костей разных отделов скелета более равномерное, чем в выборках из выше указанных раскопов. Таким образом, по-видимому, жители, населявшие строительный комплекс, вскрытый на площади 19 раскопа, непосредственно занимались разведением МРС как ради мяса, так, возможно, и для получения прижизненной продукции.

Крупный рогатый скот. Материал с 18 раскопа показывает, что здесь наиболее интенсивно забивались животные в возрасте от 1,5 до 2,5 лет (по-видимому, использовать телят на мясо было неэффективно, поэтому их выкармливали до достижения определенной убойной массы), после чего темпы забоя заметно снижались и снова увеличивались уже в отношении особей старше 5 лет. Последнее, видимо, связано с потерей ими рабочих и продуктивных качеств. Таким образом, животных содержали не только на развод, но и для других целей (молоко, тягловая сила). Заметим, что разные отделы скелета КРС представлены в материале достаточно равномерно и в количественном отношении заметное место занимают кости дистального отдела конечностей (18,8%), что, в целом, свидетельствует о разделке туш в пределах «квартала» и глубокой утилизации мясной продукции. Таким образом, можно говорить, что обитатели этого участка Гонура разводили КРС, возможно, не только ради мяса.

На 19 раскопе пик элиминации животных, как и в предыдущем случае, приходится на возрастную класс от 1,5 до 2,5 лет, далее возраст забоя снижается незначительно. Поскольку в остеологической выборке хорошо представлены все отделы скелета КРС, можно говорить о разделке туш самими обитателями строительного комплекса. Поэтому, в данном случае, видимо имело место разведение КРС, в основном, на мясо.

Анализ остатков КРС из 23 раскопа показывает, что, во-первых, забой животных не зависел от их возраста, а, во-вторых, в пищу использовались лишь наиболее ценные в гастрономическом плане части мясных туш. В целом, как и в случае с МРС, это может свидетельствовать, что обитатели данного комплекса не разводили КРС, а получали мясо со стороны.

Таким образом, можно констатировать, что население Гонура (возможно, это был контингент, занимавшийся обслуживанием административной и духовной элиты) «кварталов», окружающих дворцово-храмовый комплекс либо непосредственно не занимались разведением скота (получали мясную продукцию со стороны), либо животноводство для них играло лишь вспомогательную роль. Этот вывод во многом подтверждает мнение В.И. Сарияниди об особом статусе Гонура, как административно-религиозного центра.

Список литературы

1. Ермолова Н.М. Материалы к изучению скотоводства и охоты в Центральной Азии в эпоху неолита и бронзы // Древние цивилизации востока. Ташкент: Фан, 1986. С. 110–117.
2. Мур К. Животные в хозяйстве Гонур-депе эпохи бронзы // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1994. Вып. 19. С. 200–216.

3. Сатаев Р.М. Животные в хозяйстве и духовной жизни древнего населения Гонур-депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. М.: Старый сад, 2008. Т. 2. С. 143–160.
4. Hiebert F.T. Excavations of domestic quarters from Gonur depe (north) // Information Bulletin. 1993. № 19. P. 78–95.
5. Hiebert F.T., Moore K.M. New stratigraphic excavations at Gonur depe (north) // Information Bulletin. 1993. № 19. P. 96–108.
6. Moore K.M. Animals use et Bronze Age Gonur depe // Information Bulletin. 1993. № 19. P. 164–176.
7. Moore K.M., Miller N.F., Hiebert F.T., Meadow R.H. Agriculture and herding in the early oasis settlements of Oxus Sivilization // Antiquity. Vol. 68. № 259. 1994. P. 418–427.

Л.В. Сатаева

Башкирский государственный аграрный университет,
Уфа, Россия
lvsataeva@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДРЕВЕСИНЫ В ХОЗЯЙСТВЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ГОНУР-ДЕПЕ (БРОНЗОВЫЙ ВЕК, ТУРКМЕНИСТАН)

L.V. Sataeva

Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia

USE OF WOOD IN THE ECONOMY OF THE ANCIENT POPULATION OF GONUR DEPE (THE BRONZE AGE, TURKMENISTAN)

*ABSTRACT: The article is devoted to the study of the remnants of wood from the excavations of the Bronze Age site Gonur-Depe (Turkmenistan). Gonur-Depe is the capital settlement of Ancient Margiana, located in the desert Kara Kum (South-Eastern Turkmenistan), refers to the Bactrian-Margiana archaeological complex (BMAC). According to radiocarbon datings, the settlement functioned for the time period 2500 -1500 BC. The remains of woody plants (timber, fruits, charcoal), as well as structures and products from wood found in archaeological excavations and surveys aimed at archaeobotanical layer of cultural monuments are a valuable source of historical and paleoecological information. In the materials of archaeological excavations of Gonur-Depe, there are three forms of preservation of wood residues: charcoal, wood conserved by copper salts and decayed wood. The results of our research show that the population of Gonur-Depe widely used wood and wood products. The study of coals showed that the fuel was used, mainly the saxaul (*Haloxydon sp.*), and shrub forms of glasswort (*Salsola sp.*), willow (*Salix sp.*) and tamarisk (*Tamarix sp.*). The coal collected in the territory of the Palace-temple complex belongs to the tamarisk, saxaul, *Calligonum aphyllum* (*Calligonum sp.*), poplar (*Populus sp.*), maple (most likely the Turkmen maple — *Acer turcomanicum*), spirea (*Spiraea schrenkianus*). Poplar (*Populus sp.*), Willow (*Salix sp.*) were used for construction purposes. Products for different purposes (wheel carts, tools, ornaments) made of maple (*Acer turcomanicum*), elm (*Ulmus sp.*), Ash (*Fraxinus sp.*), Willow (*Salix sp.*), smoke tree (*Cotinus coggygria*), exochorda (*Exochorda sp.*), the chaste tree (*Vitex sp.*). Part of the wood and products were received from the outside, which confirms the existence of well-established trade relations of the inhabitants of Gonur with the neighbors with varying degrees of remoteness.*

Остатки древесных растений (древесины, плодов, древесного угля), а также конструкций и изделий из дерева, обнаруживаемые в процессе археологических раскопок и целенаправленного археоботанического обследования культурного слоя памятников, являются ценными источниками исторической и палеоэкологической информации.

Сами по себе растительные остатки несут сведения о характере древесной растительности территории (дикорастущие виды), наличии садоводства (плодовые деревья и кустарники), а форма (угли,

конструкции, изделия и т. д.) и археологический контекст их нахождения — об особенностях использования этих растений древним населением (топливо, строительный материал, сырье для изделий). Заметим, что для Южного Турменистана важным палеоэкологическим (а в отношении реконструкции растительности, часто единственным) являются древесные угли. Как отмечает Г.Н. Лисицына: «Слабая палинологическая изученность Южной Туркмении и неэффективность полученных результатов . . . послужили причиной того, что для восстановления растительности возникла необходимость максимально использовать другие палеоботанические методы, прежде всего микроскопическое исследование углей, найденных при археологических раскопках», поскольку, «не отражая всей специфики растительного покрова, угли. . . характеризуют состав древесной флоры, непосредственно произраставшей близ поселений использовавшейся человеком для своих хозяйственных нужд» [Лисицына, 1978, с. 90].

Гонур-депе — столичное поселение Древней Маргианы, один из крупнейших и хорошо известных памятников эпохи бронзы Средней Азии. Древний город располагается в песках Юго-Восточных Каракумов и относится к Бактрийско-Маргианскому археологическому комплексу (БМАК), который объединяет материальные культуры Бактрии и Маргианы второй половины II тыс. до н.э. [Сарианиди, 1977, с. 106]. Раскопанная площадь поселения составляет более 70 га и содержит остатки монументальной архитектуры (кремль с центральным дворцово-храмовым комплексом, окруженный мощными оборонительными стенами с башнями) и прилегающий укрепленный «пригород» [Сарианиди, 1983]. Хронологически гонурское поселение функционировало во временном промежутке 2500-1500 лет до н.э., при наиболее интенсивном его использовании на рубеже 2000 г. до н.э. [Зайцева и др., 2008].

Целенаправленные археоботанические исследования на Гонур-депе проводятся автором регулярно с 2009 г., хотя к этому времени уже имелись отдельные сведения о видовом составе культурных и дикорастущих растений (в том числе древесных) использовавшихся жителями поселения [Миллер, 1994; Moore & all, 1994; Miller, 1999; Афонин, 2008; Тинберг, 2008].

В материалах археологических раскопок Гонур-депе присутствуют три формы сохранения древесных остатков: древесные угли, законсервированная солями меди древесина и истлевшая древесина. К другим категориям можно отнести плоды (семена) и отпечатки веток на глиняных и гипсовых обломках, которые мы здесь не обсуждаем.

Древесные угли происходят от топлива, использованного в бытовых, гончарных и металлургических печах, и от сгоревших деревянных конструкций. Древесина представлена в основном различными изделиями и их фрагментами (детали повозок, рукояти орудий, украшения).

Изучение анатомических особенностей, позволяющих проводить видовую идентификацию древесины, производилось на различных препаратах (тонких сколах, шлифах, срезах) в отраженном и проходящем свете при разных увеличениях по общепринятой методике [Бенькова, Швейнгрубер, 2004; Вихров, 1959; Гаммерман и др. 1946, Нащокин, 1968]. Ископаемые образцы сравнивались с эталонными образцами древесины из коллекции, включающей все основные рода деревьев и кустарников, произрастающих в настоящее время на территории Средней Азии и Кавказа, что снижало риск ошибок определения.

Изучение углей показало, что на топливо использовался, в основном, саксаул (*Haloxylon sp.*), и кустарниковые формы солянок (*Salsola sp.*), ива (*Salix sp.*) и тамариск (*Tamarix sp.*). Кроме собственно древесных растений, в печах бытового назначения сжигали одревесневшие стебли верблюжьей колючки (*Alhago pseudoalhago*) после их плодоношения и высыхания на корню (возможно сухие растения скашивали поздней осенью или зимой), а также стебли тростника (*Phragmites australis*) и высушенный помет животных (кизьяк). В ритуальных и гончарных печах использовалось только древесное топливо. Угли, собранные на территории дворцово-храмового комплекса, принадлежат тамариску, саксаулу, джугуну (*Calligonum sp.*), тополю (*Populus sp.*), клену (вероятнее всего клену туркменскому — *Acer turcomanicum*), спиреантусу Шренка (*Spiraeanthus schrenkianus*). Клен туркменский произрастает в горах Копетдага, а спиреантус является эндемиком другой среднеазиатской пустыни Кызылкумы, где этот кустарник используется как топливо и в настоящее время на территории Каракумов не встречается, но в прошлом его ареал мог быть значительно шире. Скорее всего, тополь и клен не использовались на топливо, а их угли происходят от сгоревших деревянных конструкций или изделий, поскольку в других местах они обнаружены не были.

Отдельного внимания заслуживают результаты изучения скоплений обугленных древесных остатков, выявленных под внутренними пилястрами, укрепляющими наружную стену кремля, которые представляют собой остатки кровли проходов между внутренней и наружной стеной кремля, обрушившейся при большом пожаре. Роль несущих балок в конструкции выполняли стволы тополя (диаметр балок составлял около 15 см, длина около 10 м). Поперек них укладывались жерди (вероятнее всего толстые ветки) из тополя диаметром 5 см. Поверх балок и жердей были уложены ивовые ветки (возможно, плетень), выше маты из стеблей тростника, сверху конструкция была покрыта глиняной обмазкой, армированной ивовыми прутиками.

Особый интерес представляют находки деревянных изделий. В погребении 3900 была найдена деревянная повозка с 4 деревянными колесами, имевшими бронзовые ободья, а в погребении 3915 остатки колес (всего на памятнике были раскопаны пять «царских гробниц», где были обнаружены повозки: погребения 3200, 3225, 3240, 3900, 3915). Практически вся древесина истлела, для анализа удалось отобрать небольшие фрагменты, контактировавшие с бронзовыми накладками, микроскопическое изучение которых показало, что древесина принадлежит вязу (*Ulmus sp.*).

В погребении 3900 была обнаружена бронзовая лопата, черенок которой изготовлен из скумпии кожевенной (*Cotinus coggygria*). В настоящее время в Средней Азии скумпия выращивается как декоративное растение и в дикорастущем состоянии здесь не встречается. Естественный ареал ее составляет Средиземноморье, Кавказ, Крым, Малая Азия, Китай и Гималаи.

В погребении 4014 были обнаружены бронзовое навершие жезла с фрагментом деревянной рукояти, деревянная рукоятка, покрытая бронзовой пластиной, и нагрудное украшение треугольной формы с каменными мозаичными вкладки на деревянной основе, отороченная бронзовой каймой [Дубова, 2012; Сатаева, 2012]. Древесина из навершия принадлежит иве (*Salix sp.*), рукоятка изделия изготовлена из экзохорды (*Exochorda sp.*). Последняя произрастает на Памиро-Алае, Тяньшане вплоть до Китая и на территории Туркменистана в настоящее время не встречается. Деревянная основа украшения представлена древесиной прутняка обыкновенного (Витекс священный, *Vitex sp.*). Прутник растет в сравнительно влажных местах — в горах, предгорьях, оазисах (Копетдаг, Прикопетдагские и Амударьинские оазисы) [Никитин, Гельдиханов, 1988. с. 495].

Таким образом, результаты наших исследований показывают, что население Гонур-депе широко использовало древесину и изделия из дерева. В качестве топлива сжигались саксаул (*Haloxylon sp.*), кустарниковые формы солянок (*Salsola sp.*), ива (*Salix sp.*), тамариск (*Tamarix sp.*), джугун (*Calligonum sp.*), спиреантус Шренка (*Spiraeanthus schrenkianus*). На строительные цели шел тополь (*Populus sp.*), ива (*Salix sp.*). Изделия разного назначения изготавливались из клена (*Acer turcomanicum*), вяза (*Ulmus sp.*), ясеня (*Fraxinus sp.*), ивы (*Salix sp.*), скумпии кожевенной (*Cotinus coggygria*), экзохорды (*Exochorda sp.*), прутняка (*Vitex sp.*). Часть древесины и/или изделий из дерева поступало со стороны, что еще раз подтверждает наличие налаженных торговых контактов жителей Гонура с соседними, в разной степени отдаленными регионами.

Список литературы

1. Афонин С.А. Анализ некоторых растительных остатков с памятника эпохи бронзы Гонур-депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 161–162.
2. Бенькова В.Е., Швейнгрубер Ф.Х. Анатомия древесины растений России. Берн; Штуттгарт; Вена: Хаупт, 2004. 456 с.
3. Вихров В.Е. Диагностические признаки древесины. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 132 с.
4. Гаммерман А.Ф., Никитин А.А., Николаева Т.Л. Определитель древесин по микроскопическим признакам с альбомом микрофотографий. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 145 с.
5. Дубова Н.А. Мужское нагрудное украшение из погребения 4014 Северного Гонура: тумор бронзового века // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. М.: Старый сад, 2012. С. 267–269.
6. Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенцов А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур-депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. М.: Старый сад, 2008. Т. 2. С. 166–179.

7. Лисицына Г.Н. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М.: Наука, 1978. 240 с.
8. Миллер Н.Ф. Предварительные археоботанические результаты раскопок 1989 года в центральноазиатском селении Гонур Деде // Российский этнограф. Вып. 2. Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 19. 1994. С. 192-199.
9. Нащокин В.Д. Ископаемая древесина из меловых, третичных и четвертичных отложений Западной Сибири. М.: Наука, 1968. 175 с.
10. Никитин В.В., Гильдиханов А.М. Определитель растений Туркменистана. Л.: Наука, 1988. 680 с.
11. Сарияниди В.И. Работы в Тоголокском оазисе Мургаба // Археологические открытия 1977 г. М.: Наука, 1978. С. 549-550.
12. Сарияниди В.И. Монументальная архитектура Гонур-деде // Археологические открытия 1981 г. М.: Наука, 1983. С. 478-479.
13. Сатаева Р.М. Предварительное заключение на образцы дерева, полученные из погр. 4014 (раскоп 18) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. М.: Старый сад, 2012. С. 269-270.
14. Тенгберг М. Анализ образцов дерева с Гонура (Маргуш), Туркменистан // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 163-164.
15. Miller N.F. Agricultural development in western Central Asia in Chalcolithic and Bronze Ages // Vegetation History and Archaeobotany. Proceedings of the 11th IWGP Symposium, Toulouse, 1998. Springer-Verlag, 1999. P. 13-19.
16. Moore K.L., Miller N.F., Hiebert F.T., Meadow R.H. Agriculturaland herding in the early oasis Settlements of the Oxus Civilization // Antiquity. Vol. 68. № 259. 1994. P. 418-427.

Е.А. Сергушева

Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН,
Владивосток, Россия
lenasergu@gmail.com

**КУЛЬТУРНЫЕ РАСТЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ
МОХЭСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ, ЮГ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ)¹**

Е.А. Sergusheva

Institute of History, Archaeology and Ethnography FEB RAS,
Vladivostok, Russia

**REMAINS OF CULTIGENS OF THE MOHE ARCHAEOLOGICAL CULTURE
(THE EARLY MEDIEVAL AGES, THE SOUTH OF THE RUSSIAN FAR EAST)**

ABSTRACT: This article presents archaeobotanical data on cultural plants of the Mohe populations that lived in the southern part of the Russian Far East in the VI-XII centuries. Charred seeds that were obtained with the water flotation technique from archaeological sites are the one and the most reliable source for the study of the Mohe's agriculture because specialized tools for tilling and harvesting are unknown in the early Mohe culture sites of Primorye and Priamurye. Cultural plant seeds are found in seven sites – Borisovka-3, Barabash-5, Chernyatino-5 and 2, Novoselishche-3 settlements and fortified Sinel'nikovo-1 settlement in the Primorye region and Osinovoie Ozero

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

settlement in Western Priamurye. The archaeobotanical data shows that the Mohe people of Primorye cultivated at least three species of cultigens — foxtail and broomcorn millets, naked barley. Single seeds were obtained from the Osinovoe Ozero and they confirm this. Apparently after the emergence of the Bohai state (698 AD) and the inclusion of southern and southwestern Primorye in its borders the Mohe populations began to cultivate more species of cultigens (12 species) and almost stopped to grow broomcorn millet. Obviously it was a result of the integration of the Mohe population of Primorye in the economic system of the new state.

Мохэ — крупные племенные общности тунгусо-маньчжурского населения, проживавшего на территории северо-восточного Китая и юга Дальнего Востока России в раннем средневековье. Именно с ними, точнее с одним из наиболее сильных племенных союзов — сумо мохэ, связано создание в 698 г. **первого мохэского государства Чжэнь (впоследствии государство Бохай)** [Ивлиев, 2005, с. 449-453]. В первой половине VIII в., во время правления второго вана Да Уи в результате расширения границ Бохая в его состав были включены юго-западные районы современного Приморья, заселенные на тот момент мохэскими племенами [Болдин, 2002, с. 184; Ивлиев, 2005, с. 454-457]. С мохэским населением связывают одноименную археологическую культуру (АК) раннего средневековья. Она имеет значительную протяженность во времени (VI-XI/XII вв.) и пространстве (северо-восточный Китай, Приморье и Приамурье). В Приморье среди памятников с мохэским археологическим материалом выделяются мохэские памятники добохайского (т.е. до образования государства Бохай (698-926 гг.)) (VI-VII вв.), **бохайского (VIII-IX вв.) и постбохайского** времени (X-XI вв.) [Пискарева, 2005, с. 419].

Считается, что основой экономики мохэского населения было земледелие. Такой вывод основан на анализе косвенных данных: сведений из китайских летописей и материалах других культур региона [Деревянко, 1981, с. 34-44]. Письменные источники свидетельствуют не только о широком ареале расселения мохэских племен (от южной Маньчжурии до р. Амур, а на востоке до моря), но и о разнообразной хозяйственной деятельности. Так в «Повествовании об уцзи» (глава 94 Бэй ши) указывается на существование у уцзи, проживавших в южном ареале расселения (Южная Маньчжурия) пашенного земледелия, при котором «...землю пахут парюю лошадей. Земля более произрастает просо и пшеницу...». Одновременно с этим упоминается о другом племени, проживавшем восточнее, для охоты они использовали каменные наконечники стрел [Бичурин, 1950, с. 70]. Очевидно, что проецировать напрямую подобные летописные сведения без подтверждения археологическими источниками на *все* мохэское население некорректно. Собственно об этом же свидетельствуют и археологические находки, точнее, отсутствие некоторых из них. Так, на ранних мохэских памятниках (до образования государства Бохай) Приморья не известны артефакты, которые можно было бы однозначно¹ связать с земледелием.

Наше исследование земледелия у носителей мохэской АК юга российского Дальнего Востока осуществляется с целью верификации имеющихся выводов и строится на анализе прямых данных — остатков культурных растений (семян), полученных на мохэских памятниках с использованием методики водной флотации. Эти данные на современном этапе изучения являются единственным источником для надежной реконструкции объектов земледелия и его уровня у носителей мохэской АК. К настоящему времени находки семян культурных растений известны на шести памятниках Приморья и одном в Западном Приамурье. Общему анализу этих источников, сравнению видового и количественного состава семян культурных растений посвящена данная статья.

К раннему мохэскому (добохайскому) времени (VI-VII вв.) принадлежат археоботанические материалы с памятников Борисовка-3, Барабаш-5, Чернятино-5 (жилище № 2). К археоботаническим материалам из заполнения мохэской ямы многослойного памятника Чернятино-2 стоит относиться с осторожностью, т.к. не исключена их ошибочная атрибуция, и они могут иметь от-

¹ Артефакты двойного назначения (например, мотыги и т.п.), нами в категории земледельческих орудий не рассматриваются, т.к. могли использоваться для иных целей.

ношение к последующему бохайскому времени¹. Для памятника Новоселище-3 отсутствуют ¹⁴C датировки, его археологический материал близок к материалам ранних мохэских памятников Приморья. Данные о количестве ботанического материала и методе его получения для этого памятника отсутствуют. Судя по публикации, единичные зерновки голозерного ячменя получены с использованием флотационной методики [Янушевич и др., 1990, с. 13], хотя полной уверенности в этом нет. Отсутствие подробной информации о месте, способе получения данного материала, его количестве не позволяет использовать эти данные самостоятельно, а лишь в качестве дополнения к подобным материалам, полученным на других памятниках. Время формирования отложений раннесредневекового времени на многослойном городище Синельниково-1, из которых получены археоботанические материалы, предварительно отнесено к первой половине VIII в. [Болдин, 2001, с. 189]. Мохэское поселение на Осиновом Озере может датироваться концом VIII-IX вв. по аналогии с соседним поселением [Деревянко и др., 2010, с. 148].

Имеющиеся археоботанические материалы не являются равнозначными ни по количеству, ни по качеству отбора (табл. 1). На поселениях Борисовка-3, Барабаш-5², городище Синельниково-1, могильнике Чернятино-5 (мохэское жилище) был профлотирован значительный объем грунта и получено достаточное число флотационных проб. Но при этом количество обнаруженных в пробах семян сильно разнится. Так на поселениях Борисовка-3 и Барабаш-5 зафиксированы единичные семена [Сергушева, 2011]. На памятнике Чернятино-5 найдено более 150 семян культурных растений [Сергушева, Пискарева, 2007]. Коллекция с городища Синельниково-1 обработана частично: в 14 пробах из почти 2000 идентифицированных семян, 1798 принадлежат культурной флоре [Сергушева, 2016]. На поселении Чернятино-2 получено три флотационных образца и их культурная принадлежность не однозначна. С памятника на Осиновом Озере имеется семь семян культурных растений из двух флотационных проб, полученных из вертикальной зачистки стенки раскопа 1965 г. [Сергушева и др., 2016, с. 102]³.

Сравнение видового и количественного состава семян культурных растений, обнаруженных на мохэских памятниках, не демонстрирует полного сходства между ними. Но позволяют выделить отдельные схожие черты (табл. 1). Самыми частотными находками среди семян культурных растений являются остатки двух видов проса (обыкновенного, итальянского) и голозерного ячменя. Они зафиксированы на большинстве памятников, хотя и не на всех. Так находки проса обыкновенного отсутствуют на поселениях Борисовка-3 и Новоселище-3; просо итальянское пока не зафиксировано на поселениях Барабаш-5 и отсутствует на Новоселище-3; голозерный ячмень не найден на единственном поселении (Барабаш-5). Семена других культурных растений обнаружены пока в единичных количествах на отдельных памятниках. Только на памятнике Чернятино-2 зафиксированы семена японского проса, пшеницы и угловатой фасоли, а на городище Синельниково-1 — соя культурная.

Эти данные позволяют предполагать, что земледелие у носителей мохэской АК в Приморье на ее начальном этапе, могло основываться на выращивании двух видов проса и голозерного ячменя. Аналогичный, хотя и предварительный (из-за малочисленности данных) вывод сделан для обитателей поселения на Осиновом Озере, относимого к троичной группе мохэ Западного Приамурья [Сергушева и др., 2016].

¹ На это косвенно указывает относительно разнообразный состав семян культурных растений (пять видов) из этого отложения. Ни на одном мохэском памятнике такой набор остатков культурных растений не зафиксирован (см. табл. 1).

² Археоботанические материалы данного памятника пока проанализированы частично. Полученные результаты демонстрируют очень слабую наполненность отложений жилищ семенами растений.

³ В 2015 г. на памятнике был исследован котлован жилища мохэской культуры, из заполнения которого с использованием водной флотации получена значительная по объему коллекция, которая пока не проанализирована.

**Находки семян культурных растений на мохэских памятниках Приморья и Приамурья
(по: Янушевич и др., 1990; Сергушева, Пискарева, 2006;
Сергушева и др., 2016; Сергушева, 2010; 2016)**

	Барабаш-5, жилище	Борисовка-3, жилище	Черятино-5, жилище	Черятино-2, яма	Синельниково-1, несколько жилищ и ям	Новоселище-3, жилище	Осиновое Озеро, яма	Итого
Местонахождение памятника	Ю ПрМ	Ю-3 ПрМ	Ю-3 ПрМ	Ю-3 ПрМ	Ю-3 ПрМ	3 ПрМ	3 ПрА	
Применение флотации	да	да	да	да	да	нет данных	да	7
Количество проб / объем профлотированного грунта, в литрах	67 проб / 1485 л	24 пробы / 600 л	12 проб / нет данных	3 пробы / нет данных	60 проб / более 400 л	нет данных	2 пробы / 20 л	
Просо обыкновенное (<i>Panicum miliaceum</i>)	+	-	++	-	+++	-	+	4
Просо итальянское (<i>Setaria italica</i>)	-	+	++	++	+++	-	+	5
Просо японское (<i>Echinochloa utilis</i>)	-	-	-	+	?	-	-	1
Ячмень голозерный (<i>Hordeum vulgare var. nudum</i>)	-	+	++	++	++	++	+	6
Пшеница мягкая (<i>Triticum aestivum</i>)	-	-	-	+	-	-	?	1
Фасоль угловатая (<i>Vigna angularis</i>)	-	-	-	+	-	-	-	1
Соя культурная (<i>Glycine max</i>)	-	-	-	-	++	-	-	1
Итого видов культурных растений	1	2	3	5	4	1	3	

+ — единичные находки семян; ++ — значительные по количеству находки, +++ — многочисленные находки; ? — видовое определение неокончательное; Ю-3 ПрМ — юго-западное Приморье, Ю ПрМ — южное Приморье, 3 ПрМ — западное Приморье, 3 ПрА — западное Приамурье

Среди анализируемых данных необычным выглядит малочисленность остатков культурных растений на памятниках Борисовка-3 и Барабаш-5, где профлотирован очень большой объем грунта из отложений мохэской АК (600 и 1485 литров соответственно), но выявлено мало семян. Приходится констатировать низкое содержание ботанических остатков в культурных отложениях этих памятников. Едва ли причиной этого могут быть названы иные условия археологизации материала: как и на других мохэских памятниках, на этих исследовались котлованы сгоревших жилищ-полуземлянок. И если для поселения Барабаш-5 малочисленность ботанического материала можно попытаться объяснить, вероятно, сезонным характером его заселения, то находка всего двух зерновок проса и ячменя в 600 литрах профлотированного грунта из заполнения котлована долговременного мохэского жилища поселения Борисовка-3, требует приемлемых объяснения, которых у нас пока нет.

Археоботанические данные с памятников последующего бохайского времени в Приморье¹ демонстрируют не только расширение списочного состава культурных растений (до 12 видов), но

¹ Подобные данные для памятников мохэской АК в Западном Приамурье пока отсутствуют.

свидетельствуют об увеличении количества, а также частотности находок остатков культурных растений. Это свидетельствует об увеличении роли земледелия у населения Приморья после его вхождения в состав государства Бохай [Сергушева, 2014]. При этом происходит смена акцентов в выращивании просовых культур в Приморье, по сравнению с ранним мохэским временем. До включения в состав государства Бохай мохэское население, по-видимому, выращивало просо итальянское и обыкновенное. Японское просо отсутствовало на мохэских памятниках. В археоботанических спектрах бохайских памятников просо обыкновенное занимает уже менее 5% от всех остатков культурных растений. Одновременно с этим на бохайских памятниках появляется просо японское, и его семена на некоторых памятниках составляют почти 40% от археоботанических остатков [Сергушева, 2014, с. 114-115].

Анализ археоботанического материала с мохэских памятников юга Дальнего Востока России показывает, что раннее мохэское население этой территории выращивало не менее трех видов культурных растений. Однако этих данных пока недостаточно для убедительных выводов о роли земледелия у этого населения. Что же касается памятников, существовавших во время государства Бохай, имеющиеся для них археоботанические данные демонстрируют значительное увеличение числа выращивавшихся в это время культурных растений и количества получаемой земледельческой продукции. Эти данные позволяют говорить о земледелии как основе экономики населения Приморья в то время [Сергушева, 2014] и свидетельствуют, по всей видимости, об интеграции мохэского населения в экономическую систему государства Бохай. Что же касается данных с памятников мохэ Западного Приамурья, то их пока недостаточно для каких-либо выводов о характере земледелия носителей мохэской АК в этом регионе.

Список литературы

1. Бичурин Н.Я. [Иакинф] Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 2. 333 с.
2. Болдин В.И. Городище Синельниково-1 и периодизация средневековых археологических культур Юго-Западного Приморья // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 181-190.
3. Деревянко А.П., Ким Ен Вон, Нестеров С.П. и др. Материалы и исследования российско-корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. Тэджон: Изд-во госуд. исследовательского Института культурного наследия, 2010. Вып. III. XXX.
4. Деревянко Е.И. Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры. (Очерки этнической истории и культуры). Новосибирск: Наука, 1981. 334 с.
5. Ивлиев А.Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 449-475.
6. Пискарева Я.Е. Локальные группы мохэских памятников в Приморье // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 419-438.
7. Сергушева Е.А. Культурные растения средневекового населения Приморья // Россия и АТР. 2010. № 4. С. 151-158.
8. Сергушева Е.А. Сельскохозяйственные растения бохайского населения Приморья по археоботаническим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. 2 (58). 2014. С. 111-118.
9. Сергушева Е.А. Предварительные результаты изучения коллекции семян растений с раннесредневекового городища Синельниково-1 (Юго-Западное Приморье) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII междунар. науч. конф., Красноярск, октябрь 2016. (В печати).
10. Сергушева Е.А., Пискарева Я.Е. Семена и плоды растений из жилища № 2 могильника Чернятино-5 // Археологические исследования на могильнике Чернятино 5 в Приморье в 2006 г. / Ю.Г. Никитин, Чжун Сук-Бэ, Я.Е. Пискарева. 2007. Т. 1. С. 375-391. Т. 2. С. 344-259. (на рус., кор. яз.)

11. Сергушева Е.А., Рябогина Н.Е., Лящевская М.С., Гольева А.А. Аргументация земледелия на археологических памятниках Приамурья и Приморья: результаты применения палеоботанических методик // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 402. С. 99-108.
12. Янушевич З.В., Вострецов Ю.Е., Макарова С.А. Палеоэтноботанические находки в Приморье. Владивосток: ДВО АН СССР, 1990. 25 с.

Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
nikolay-seregin@mail.ru

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

N.N. Seregin

Altai State University, Barnaul, Russia

RESULTS AND PROSPECTS OF STUDYING OF A LIFE SUPPORT SYSTEM OF EARLY MEDIEVAL TURKS IN THE ALTAI-SAYAN REGION AND CENTRAL ASIA

ABSTRACT: The article focuses on a life support system of early medieval Turks in the Altai-Sayan region and Central Asia. Despite the importance of such research, there are no works on this subject. It is caused by several reasons. The first of them is the existence of written sources that allow us to submit the characteristic of a Turkic life support system without archaeological materials. At the same time it is important to note that data from written sources show very general picture of nomadic economy and don't give the opportunity to detail components of this aspect of nomad's history. Existence of these available data creates illusion of lack of need for further research. Lack of well studied settlement complexes doesn't allow us to reconstruct the Turkic life support system. The majority of the sites known in Altai are multilayered. At the same time, there are no doubt that purposeful studying of settlements will give the opportunity for obtaining considerable volume of new information. So far only some findings showing possibilities of realization of this research are known. Despite these circumstances, the certain experience in studying of some aspects of nomad's life support system is so far saved up. The processes of interaction between Turks and Chinese are considered, results of metal products' research are summarized, features of production of things from a bone are characterized, data on value of hunting are systematized in articles and monographs of researchers. The analysis of material culture with application of natural-science methods, search and purposeful studying of settlement complexes, and also the analysis of anthropological materials are the most perspective directions of further research in the field of reconstruction of Turks' life support system.

Реконструкция системы жизнеобеспечения представляет собой важный аспект исследования истории раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Изучение особенностей соотношения различных отраслей в хозяйстве кочевников, определение специфики их адаптации к окружающей среде в конкретные периоды, характеристика традиций обработки различных материалов и мн. др. — реализация всех этих направлений имеет огромное значение для формирования объективной картины развития общества кочевников. Несмотря на очевидность данного утверждения, на сегодняшний день отсутствуют комплексные исследования, в которых

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и с определенных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция».

представлена развернутая характеристика системы жизнеобеспечения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, что обусловлено рядом обстоятельств. Как ни странно, одним из основных факторов, определивших фрагментарность работ в указанном направлении, является наличие корпуса письменных источников. Использование сведений китайских хроник, а также тюркских рунических текстов долгое время позволяло исследователям представлять характеристику системы жизнеобеспечения тюрок без использования каких-либо дополнительных материалов. Опыт описания хозяйства раннесредневековых кочевников по письменным источникам представлен в работах целого ряда отечественных и зарубежных специалистов [Гумилев, 1967, Кызласов, 1969, Hayashi, 1990; и мн. др.]. **Обобщение сведений о некоторых элементах системы жизнеобеспечения тюрок на основании данных китайских хроник и рунических текстов** осуществлено в недавней монографии Ю.И. Дробышева [2014, с. 336–357]. Несмотря на заявленный весьма перспективный подход, предполагавший изучение особенностей адаптации кочевников к природно-климатическим условиям, а также специфики их взаимодействия с окружающей средой, в разделе о тюрках указанный автор представил традиционную картину хозяйства кочевников по сведениям письменных источников, практически не отличающуюся от транслируемых ранее характеристик.

Важно отметить, что данные письменных источников демонстрируют весьма общую картину кочевого хозяйства и не дают возможности детализировать конкретные составляющие этого аспекта истории кочевников. Вместе с тем, наличие таких доступных сведений создает иллюзию отсутствия необходимости дальнейших исследований.

Другим фактором, ограничивающим возможности реконструкции системы жизнеобеспечения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, является отсутствие хорошо изученных поселенческих комплексов. Большая часть подобных памятников, известных, главным образом, на Алтае, являются многослойными, и средневековый пласт демонстрирует лишь один из этапов функционирования объекта. Вместе с тем, нет сомнений, что целенаправленное изучение поселений будет способствовать получению значительного объема новой информации. Пока же известны только отдельные находки, демонстрирующие возможности реализации данного направления исследований [Шульга, 1998; Степанова, Горбунов, 1994; Матренин, 2007; и др.].

Несмотря на обозначенные обстоятельства, к настоящему времени накоплен определенный опыт изучения отдельных элементов системы жизнеобеспечения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Имеет смысл в общем виде представить итоги работ в указанном направлении, что позволит оценить полученные сведения, а также будет способствовать определению перспектив дальнейших исследований.

Известно, что важным аспектом внешней политики тюрок были разного рода контакты с Китаем, позволявшие получать значительный объем товаров из ремесленных центров Поднебесной империи. Представляется возможным утверждать, что использование предметов импорта стало одной из составляющих системы жизнеобеспечения кочевников. Результаты исследования отдельных категорий привозных изделий из памятников тюрок представлены в работах целого ряда специалистов [Бентович, Гаврилова, 1972; Лубо-Лесниченко, Трифонов, 1989; Тишкин, Серегин, 2011; и др.]. Системный анализ подобных находок, зафиксированных в погребальных комплексах второй половины I тыс. н.э., позволил не только обозначить количественные характеристики таких изделий, но также способствовал выявлению основных тенденций распространения привозных вещей на отдельных территориях и в конкретные хронологические периоды [Тишкин, Серегин, 2013].

Одним из важных направлений в исследовании материальной культуры раннесредневековых тюрок, в том числе предметов импорта, является детализация представлений о технологических аспектах изготовления вещей, определение центров производства изделий и местонахождений исходного сырья и др. Значительное количество работ посвящено изучению металлических находок из памятников кочевников [Богданова-Березовская, 1975, Зиняков, 1988; Рослякова, Щербаков, 2005; Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009; Бородовский, 2014; и др.]. Осуществлялся также технологический анализ других категорий предметного комплекса тюрок. Так, материалы из археологических комплексов Алтая и сопредельных территорий второй половины I тыс. н.э. использовались А.П. Бо-

родовским [1997, табл. 49.-5, 52.-6–10 и др.] при характеристике косторезного дела древнего и средневекового населения юга Западной Сибири. Позитивным примером обобщения разноплановых сведений об отдельной отрасли хозяйства тюрок является работа горно-алтайских исследователей, посвященная реконструкции охотничьего промысла номадов Алтая [Соенов, Константинов, 2014].

Перспективы дальнейших работ по реконструкции системы жизнеобеспечения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии связаны как с реализацией уже намеченных направлений исследований, так и с развитием новых. В любом случае, основным источником для проведения исследований остаются материалы раскопок погребальных памятников. В ближайшее время сложно ожидать серьезного расширения источниковой базы, хотя перспективы выявления и целенаправленного изучения поселенческих комплексов несомненны.

Большое значение для уточнения имеющихся данных об особенностях системы жизнеобеспечения кочевников имеет анализ антропологических материалов и интерпретация полученных данных. Это позволит получить качественно новые сведения о демографической ситуации в обществе раннесредневековых тюрок, особенностях рациона питания, условиях жизни и др. Не меньшее значение имеет системное и разноплановое изучение остеологических материалов, в значительном количестве обнаруженных к ходе раскопок погребальных комплексов. Реализация данного направления исследований будет способствовать детализации представлений о составе стада, породных характеристиках животных и т.д. Важным является также продолжение анализа различных элементов материальной культуры номадов с использованием методов естественных наук. Определенное значение в ходе дальнейших исследований будет иметь привлечение дополнительных источников, в том числе сведений из китайских хроник и тюркских текстов, результатов изучения наскальных изображений, а также данных этнографии о традиционной культуре народов Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Таким образом, перспективы дальнейших работ по реконструкции системы жизнеобеспечения раннесредневековых тюрок связаны с реализацией комплексного подхода, а также с расширением используемой источниковой базы.

Список литературы

1. Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины / Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. С. 131–149.
2. Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. — первая половина II тыс. н.э. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. 224 с.
3. Бородовский А.П. К вопросу о составе серебра основных категорий престижного предметного комплекса древнетюркского времени Южной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 3(59). С. 97–99.
4. Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технология изготовления, состав сплавов. Барнаул: Азбука, 2009. 144 с.
5. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 504 с.
6. Дробышев Ю.И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. — XVI в. н.э.). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2014. 608 с.
7. Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 216 с.
8. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 211 с.
9. Матренин С.С. Находки предметов эпохи средневековья с памятника Тыткескень-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. унта, 2007. Вып. XVI. С. 143–148.
10. Рослякова Н.В., Щербakov Ю.Г. Предварительные результаты анализа элементного состава бронзовых и серебряных изделий / Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая: по материалам погребальных памятников. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 348–390.

11. Соенов В.И., Константинов Н.А. Охотничья деятельность населения Алтая в I тыс. н.э. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. 310 с.
12. Степанова Н.Ф., Горбунов В.В. Находки эпохи средневековья с поселений Малый Дуган и Узнезя-I // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск: Б.и., 1994. С. 82–85.
13. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011. 144 с.
14. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2013. Вып. 1(7). С. 49–72.
15. Шульга П.И. Поселение Партизанская Катюшка на Катунь // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 146–164.
16. Бентович И.Б., Гаврилова А.А. Мугская и катандинская камчатые ткани // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 31–37.
17. Лубо-Лесниченко Е.И. Трифонов Ю.И. Китайская камчатая ткань из древнетюркского кургана в Туве // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 406–416.
18. Hayashi T. The Development of a Nomadic Empire: The Case of Ancient Turks (Tuque) // Bulletin of the Ancient Orient Museum. 1990. V. 2. P. 135–184.

Ю.Б. Сериков

Российский государственный профессионально-педагогический институт (филиал в Нижнем Тагиле), Нижний Тагил, Россия
u.b.serikov@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ НЕСТАНДАРТНЫЕ ПРИЕМЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЯХ

Yu.B. Serikov

Russian State Professional-Pedagogical University
(Nizhniy Tagil branch), Nizhniy Tagil, Russia

SOME NONSTANDARD METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RECONSTRUCTIONS

ABSTRACT: This article focuses on the description of some details which were obtained during excavations. Due to these details it is possible to concretize some aspects and spheres of life and activity of ancient people. Next steps can help us reach the following goal: individual fixation of all artefacts without any exceptions, maximally full uncovered area of settlement and total extraction of cultural remains (washing). Life of ancient people was much more diverse than we usually imagine according to remains of material culture. Modern scientists want to know how settlements functioned (the season of building, priority of building, repairs and so on); what the hunting territory of family and of tribe was; what the economic cycles (trade calendar) of ancient people were; with what tools humans came to the settlement. And we can raise such questions. Finally, all of them are connected with concretization of life of ancient people. If we want to find the answer for these questions, first of all we should raise these questions during the process of archaeological research.

В наше время археологу уже мало обобщенных знаний о жизни древних людей. Она была гораздо более разнообразной, чем мы ее представляем по остаткам материальной культуры. Хочется знать, как функционировало поселение (сезон строительства, очередность постройки, ремонт и т.д.); какова охотничья территория рода, племени; как выглядели хозяйственные циклы (про-

мысловый календарь) древнего человека; с какими орудиями человек приходил на стоянку, а какие делал уже на ней. И таких вопросов можно поставить немало. В конечном счете, все они связаны с конкретизацией жизни древнего населения. Чтобы ответить на них, их, прежде всего, нужно ставить в процессе археологического исследования. Для их решения нужна индивидуальная фиксация всех без исключения находок, максимально полная вскрытая площадь памятника и полное извлечение культурных остатков.

Мезолитическое сезонное поселение Выйка-II располагается на склоне террасы на высоте 14–16 м. Топография для мезолитических памятников Среднего Зауралья абсолютно нетипичная, поэтому и обнаружено поселение было совершенно случайно. Подобная топография выявлена еще в двух случаях. Мезолитическое поселение Кондинское-III находится на самой высокой точке песчаного берега р. Конды (Западная Сибирь) — на высоте 14 м. Немного ниже (на высоте 12–13 м) располагается мезолитическое поселение Уральские Зори-III (р. Тура). Все три памятника однослойные, что для территории Среднего Зауралья является большой редкостью. На всех памятниках выявлены наземные жилища. Во всех случаях ниже по склону находятся многослойные памятники, на которых присутствуют и мезолитические комплексы. Анализ данной «конкретной ситуации» в сочетании с другими фактами показал, что все памятники являются весенними. А их необычная топография могла быть связана с катастрофическим наводнением, при котором вода поднялась минимум на 12 м [Сериков, 1999, с. 43–44]. Можно предположить, что на этих трех памятниках проживали группы населения (охотников), переживавшие чрезвычайно высокий весенний паводок. Их появление в столь неудобном для проживания месте (на склоне горы) можно объяснить важным значением того хозяйственного цикла, пропуск которого мог поставить под угрозу само существование конкретной социальной группы мезолитического населения. Таким хозяйственным циклом могла быть весенняя поковка [Сериков, 2003, с. 72–74].

При раскопках мезолитических памятников неоднократно встречались скопления мелких (3–6 мм) галечек диаметром 9–13 см. Их природа оставалась непонятной до тех пор, пока на Кокшаровско-Юрьинской торфяниковой стоянке подобные скопления не были зафиксированы среди костей птиц. Известно, что осенью боровая птица переходит на грубую пищу (хвою) и для облегчения ее перетирания заглатывает мелкие камешки (гастролиты). Таким образом, данная «конкретная ситуация» свидетельствует не только об охоте на птицу (на береговых памятниках Среднего Зауралья кости не сохраняются), но и характеризует сезон (осень), когда эта охота происходила. Расшифровка «конкретной ситуации» дает выход на реконструкцию промыслового циклического календаря [Сериков, 2003, с. 72–74].

Еще одна «конкретная ситуация» зафиксирована все на том же поселении Уральские Зори-III. На нем оказался необычайно высок процент изделий из бурой яшмы — 45,6%. На других мезолитических памятниках Среднего Зауралья изделия из яшмы не превышают 1,5%. На первый взгляд этот факт может свидетельствовать о перемещении населения с Южного Урала на Средний. Однако проведенный ремонт изделий из бурой яшмы показал, что большая часть их является сколотой с желвака галечной коркой. Детальное исследование яшмового комплекса позволило установить, что на поселении расщеплено и обработано 3–4 яшмовых желвака средних размеров (15–20 см в диаметре). Скалывание галечной корки с целью добраться до нетронутой эрозией сердцевины желвака и членение этой сердцевины на заготовки нуклеусов с последующей их обработкой и привело к появлению на поселении такого значительного яшмового комплекса. Этим же объясняется и большое количество в комплексе отходов обработки нуклеусов: поперечных, технических, ребристых сколов и ребристых пластин. Сейчас уже установлено, что описанная «конкретная ситуация» — обилие на памятнике цветного сырья (прежде всего яшмы и халцедона) — является свидетельством его весеннего функционирования. Весной паводковые воды размывают берега и вскрывают прибрежные галечники, откуда местное население и выбирало в первую очередь бросающееся в глаза цветное сырье — яшмы (бурые, красно-зеленые) и халцедоны (красные, желтые, оранжевые). В пользу весеннего характера памятника свидетельствуют и другие факты: затертая верхняя поверхность камней и высокое расположение памятника над уровнем воды [Сериков, 1999а, с. 38–40].

Данная «конкретная ситуация» повторилась еще на одном памятнике — Гаринской палеолитической стоянке на р. Сосьве. Здесь в ходе исследований выяснилось, что 54% всех каменных изделий

выполнено из разных видов яшм (сургучной, зеленой, красно-зеленой, серой). Однако решена данная ситуация была по-другому. Присутствие на 56,5% изделий галечной корки свидетельствует о местном происхождении сырья. О весеннем характере памятника дополнительных сведений не имеется. Поэтому предпочтение яшмового сырья могло быть традицией, которая сформировалась на территории первоначального обитания, т.е. на Южном Урале. Некоторые детали (например, снятие карнизика на нуклеусе при помощи абразивной обработки) подтверждают это предположение — пока такая подработка выявлена только на южноуральских палеолитических памятниках [Сериков, 2007, с. 56].

Еще одна локальная ситуация на Гаринской стоянке помогла уточнить характер памятника. Всего на стоянке было собрано около 600 находок, среди них 20 нуклеусов. Казалось бы, памятник можно охарактеризовать как кратковременную стоянку. Однако разнообразие и индивидуальность минерального сырья показало, что на памятнике обрабатывалось не менее 162 нуклеусов [Сериков, 2007, с. 44]. А этот факт нельзя не учитывать при оценке характера памятника. Если исходить из функциональной дифференциации сибирских палеолитических памятников, то его можно классифицировать как жилую стоянку [Васильев и др., 2005, с. 90].

Так называемые «связи» (аппликации) тоже являются описаниями, расшифровка которых приводит к интереснейшим реконструктивным построениям. На мезолитическом поселении Выйка-П было изучено три наземных жилища. Соответственно встал вопрос об их одновременности. Или на это место в разное время приходили три небольших группы охотников, или же здесь один раз проживал значительный коллектив охотников. Решение этого вопроса открывало широкие возможности для определения хозяйственной направленности памятника и т.п. Решающую роль в данной ситуации сыграл, на первый взгляд, бросовый материал — расколотая галька (289 экз.). Всего было склеено 32 гальки из 173 фрагментов. Три гальки собраны практически полностью — из 18, 26 и 42 фрагментов. Именно их фрагменты оказались во всех трех жилищах, что и доказало их одновременность [Сериков, 1983, с. 121–130].

«Конкретные ситуации» могут проявляться и в минеральном сырье. Так, анализ минерального сырья на мезолитической Голокаменной мастерской и поиск его на окружающей территории позволил прийти к реконструкции социального плана. Было установлено, что голокаменные алевротуфы использовались только в мезолитическую эпоху. В последующие эпохи из-за своих неважных изотропных свойств это сырье уже не использовалось. Следовательно, на территории своего распространения голокаменный алевротуф являлся индикатором мезолита. Вокруг Голого Камня на расстоянии 8–21 км находятся 3 древних озера (Черное, Горбуновский и Полуденский торфяники). На каждом из них есть долговременное мезолитическое поселение, в комплексах находок которого определенную часть (от 17 до 24%) составляют изделия из голокаменного алевротуфа. Петрографические анализы показали их полную идентичность на всех четырех памятниках. Других долговременных поселений в этом районе нет, на кратковременных стоянках голокаменное сырье встречается в небольших количествах. Отсюда можно сделать предположение, что Голокаменная мастерская «обслуживала» три родственные группы населения, объединенные между собой в рамках более крупного социального подразделения. Находки же голокаменного сырья на кратковременных стоянках позволяют очертить границы территориальных владений данного подразделения. Они представляют овал, вытянутый вдоль Уральского хребта на 50–55 км и имеющий ширину до 20 км. Возможно, эти данные отражают существовавшую в эпоху мезолита социально-племенную (?) организацию местного населения [Сериков, 1988, с. 203–209].

Можно привести множество подобных примеров, когда расшифровка «конкретных ситуаций» приводит к интересным выводам. При их помощи реконструируются выход из наземного жилища, время (сезон) выкапывания ям, определяются наложенные друг на друга наземные жилища, восстанавливается даже направление господствующих ветров в древности.

Список литературы

1. Васильев С.А., Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Лисицын С.Н., Сеницына Г.В. Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб., 2005.
2. Сериков Ю.Б. Использование метода «связей» на мезолитической стоянке Выйка-П (Среднее Зауралье) // СА. 1983. № 1. С. 121–130.

3. Сериков Ю.Б. О «потопе» — катастрофическом наводнении в эпоху мезолита // Экология древних и современных обществ. Тезисы докладов конференции, посвященной 275-летию РАН. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. С. 43–44.
4. Сериков Ю.Б. Мезолитическое весеннее поселение Уральские Зори-III // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999а. Вып. 3. С. 29–40.
5. Сериков Ю.Б. Хозяйственный циклический календарь и его отражение в археологическом материале // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Наука, 2003. С. 72–74.
6. Сериков Ю.Б. Голокаменная мастерская и ее место в мезолите Среднего Зауралья // СА. 1988. № 4. С. 203–209.
7. Сериков Ю.Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. Нижний Тагил: НТГСПА, 2007. 138 с.

С.Ф. Татауров

Институт археологии и этнографии СО РАН, Омск, Россия
TatSF2008@rambler.ru

**ЩУКА В РЫБОЛОВСТВЕ ЖИТЕЛЕЙ ТАРЫ В XVII-XIX ВВ.
«ПОЗДНО ЩУКЕ НА СКОВОРОДЕ ВСПОМИНАТЬ О ВОДЕ»¹**

S.F. Tataurov

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS,
Omsk, Russia

**PIKE IN FISHERY OF INHABITANTS OF TARA IN THE XVII-XIX CENTURIES.
“IT’S LATE FOR A PIKE ON A FRYING PAN TO REMEMBER WATER”**

ABSTRACT: The article is devoted to one of the most dangerous predatory fishes in Western Siberia — a pike and ways of its production by inhabitants of Tara and Tarsky Priirtyshje in the XVII-XIX centuries. There were shown special tools of fishing of this predator on the basis of archaeological materials from excavations of the historic center of Tara. First of all, spinners were made from lead. Secondly, there was the treatment of pike or mining it at night time using spears or harpoons. The most effective way of production demanded participation of several people and could be carried out only in the second half of summer, so it complicated storage of a catch. On the basis of historical and ethnographic sources the analysis of seasonality of this type of fishery and value of this fish in a diet of Tara’s citizens were analyzed. The main periods of fishing of this fish were from May to September-October. According to trade sheets we learned the cost of a pike in the tarsky market and noted high cost of pike caviar. Fish from Tara’s market in the winter was sent to the cities of European Russia, and in Moscow and St. Petersburg. Russian national sayings characterize the attitude towards fish and emphasize the respect for it.

Для жителей Западной Сибири, пожалуй, нет интереснее и увлекательнее занятия на водоеме, чем рыбалка на щуку. И этому есть достаточно много причин. Этот водный хищник имеет один из самых больших ареалов распространения в Российской Федерации (за исключением заполярных территорий) и самый продолжительный сезон лова. Рыбалка по открытой воде на эту рыбу начинается весной, когда появляется первая свободная вода, а заканчивается, в период когда «уже щука хвостом лед разбивает». Как писал Л.П. Сабанеев: «По своей хищности, повсеместному

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии».

распространению и величине, щука составляет одну из наиболее известных пресноводных пород рыб» [Сабанеев, 2012, с. 919].

По своим размерам она уступает только осетровым и сомам, а там где указанные рыбы не водятся, успешно борется за свое превосходство с другими представителями речной и озерной фауны. Известны случаи поимки двух и трех пудовых рыбин. Конечно, не последнюю роль играют и вкусовые качества этой рыбы, а ее икра ценится гурманами. Не удивительно, что именно эта рыба является самым распространенным персонажем в фольклоре народов, проживающих на берегах «щучьева царства», именно щука помогает сделать невозможное: «*По щучьему велению, по моему хотению*» — залог решения любого дела.

Значение этой рыбы подтверждают и материалы раскопок археологических памятников. В Западной Сибири человек стал ловить эту рыбу практически сразу после прихода на эти земли, это одна из самых легких в лове рыб. Кости щуки мы находим во всех периодах древней и средневековой истории региона, благодаря ее характерным челюстям, она легко узнаваема на фоне других ихтиологических материалов. В отличие от осетровых или других хищников она не прячется в глубине, часто недолго замирает у самого берега и бросается на любую движущуюся приманку. Но при этой легкости это одна из самых опасных рыб большой экземпляр щуки даже в заснувшем состоянии может нанести серьезную травму своими страшными челюстями: «*уснула щука, да зубы живы*». Среди рыбацкого инвентаря самое большое количество орудий лова — для щуки. Ее ловят при помощи стационарных ловушек — вершей, мордешек, фитилей и т.д.: «*Не беда бы щуке в вершу влезть, беда, что вон не вылезет*». Стационарными ловушками являются жерлицы (летние и зимние) — своего рода самострелы с живой приманкой. Используют и активные орудия лова — коллективные и индивидуальные — начиная от неводов и бредней и заканчивая рыбалкой на блесну и добычей ее при помощи остроги.

По историческим сведениям на сибирском рыбном рынке щука по стоимости уступала только осетровым и нельме, но превосходила их по количеству продаж. Из «Ведомости о справочных ценах, существующих в г. Таре на жизненные припасы с 1.01.1861 по 28.12.1861» видно, что при средней цене за стерлядь в 9 рублей, щука стоила 1,4 рубля за пуд. Но при этом фунт икры щуки стоил 0,25 против 0,55 рубля икры стерляди - всего в два раза дешевле [Тара в XVI-XVII вв. ..., с. 154]. Для сибирского рынка можно сказать, что место щуки на нем сложилось исторически, она за счет своей массовости, вкусовых качеств, ценности икры превалировала над другими породами.

Культурный слой исторического центра Тары содержит большое количество костей этой рыбы. Археологический материал далеко не всегда позволяет определить значимость того или иного вида рыбы для жизни населения определенного населенного пункта и уж тем более сложно выделить специальный инвентарь для ее ловли. Но в Таре нам повезло, было найдено скопление форм из сосновой коры для отливки свинцовых рыболовных грузил. Среди этих форм две были предназначены для литья блесен (Рис. 1), причем одна из них двусторонняя (Рис. 1-1-2). Обе формы имели примерно одинаковую форму: в виде небольшой рыбки с оформленным хвостом, к которому крепился крючок, а спереди блесны было утолщение для привязывания нити. Подобная свинцовая блесна была зафиксирована Л.В. Татауровой в ходе раскопок поселения Ананьино, которое было основано вскоре после основания города примерно в 10 км от Тары на правом берегу Иртыша [Татауров, 2007. р. 3-13]. Лов рыбы с использованием блесны в качестве приманки является одним из основных приемов добычи хищной рыбы (окуня и нельмы), и прежде всего щуки.

На блесну ловили двумя способами — при помощи обычной удочки, привязывая блесну вместо крючка и закинув, постепенно выводил к берегу. Удочка называлась «махалкой», как и сам способ лова. В основном так ловили мелкую и среднюю щуку (черугайку) подростки вблизи населенного пункта. Второй способ называется «дорожка»: ловля производится всегда в лодке, на ходу, так как только тогда дорожка (блесна), поворачиваясь с боку на бок, принимает некоторое подобие рыбы. Рыбак садится в корму и тихо и мерно гребет, постепенно спуская веревку; затем, вытравив ее до надлежащей длины, захватывает конец зубами и закладывает за ухо. Осторожно, едва шевеля веслом, плывет он мимо бочагов и крутояров; мерно колеблется шнурок, передавая свое сотрясение уху — верный признак, что дорожка играет как следует. Щука, завидев ее, бросается стрелой, хватая с разбега и большей частью сам себя подсекает. Случается, что крупная рыба останавливает плывущий челнок и вырывает бечевку из зубов или же обрывает ее [Сабанеев,

2012, с. 765]. Такой прием особенно популярен в сентябре-октябре, когда щука нагуляла жир перед зимовкой и когда икра почти созрела.

Еще одним специфичным для ловли щуки является лучение. Такая рыбалка начинается со второй половины сентября, когда водяная трава ляжет на дно, а вода совсем просветлеет, и кончается в ноябре, когда вся рыба уходит вглубь. Такая охота производится большей частью в лодке, в которой один рыбак бесшумно гребет с кормы, а другой, с острогою, помещается ближе к носу лодки, где приделана особая жаровня — коза, с горящим смолем, наколотым из смолистых сосновых пней. Острога имеет вид массивных граблей шириной от 4 до 8 арш., с 6-8 и более зубьями около четверти длины, с зазубринами на остриях; острога прикрепляется неподвижно к ратовищу — сухому и тонкому шесту около сажени длиной [Сабанеев, 2012, с. 224-225]. Остроги разных форм были найдены при раскопках Тары и русских сельских поселений Изюк и Ананьино (раскопки Л.В. Татауровой). Пользовались и небольшими гарпунами, один из которых был найден на татарском поселении XVII-XVIII вв. Бергамак III [Татауров, 2007, с. 274].

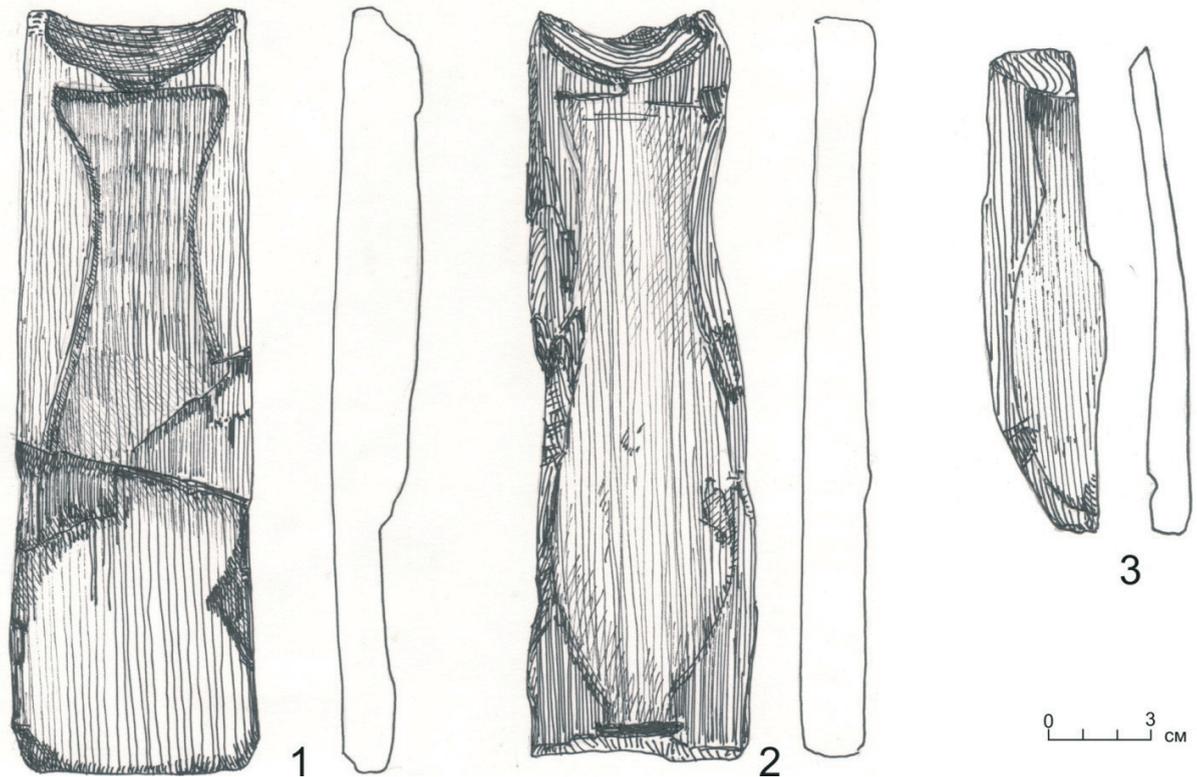

Рис. 1. Формы для отливки блесен. Из коллекции раскопок Тары 2013 г.

Щуку ради икры ловили весной в начале ледохода ставными ловушками-вершами и фитилями на пути хода рыбы — в протоках и участках рек с обратным течением. С одной рыбы можно было получить 1-2 кг икры. Солили икру в больших туесах и хранили до продажи или употребления в погребках-ледниках.

В коллекциях тарских раскопок имеется значительное количество больших круглых грузил от неводов и бредней, которые получили широкое распространение у тарчан. Можно с полной уверенностью говорить, что большинство щук жители Тары добывали с помощью именно этих снастей. Но лов рыбы неводом или бреднем был ограничен временем в озерах до поднятия водорослей, а на реках был возможен только после обнажения песков. Поскольку это коллективный вид лова, то на него собиралась большая компания и рыба делилась соответственно вкладу.

Самая продуктивная рыбалка начиналась во второй половине зимы, когда на водоемах поверх льда ложился толстый слой снега, а для рыб наступало кислородное голодание. Ручьи и небольшие реки, которые и несли обогащенную кислородом воду в крупные реки или озера перекрывались вре-

менными плотинами, а у устья этих водотоков устанавливался котец. В поисках кислорода рыба заходила в устроенную западню, и ее оставалось вычерпывать сачком. Щука чувствительна к кислороду и поэтому идет в котец одной из первых. Эта рыбалка удобна тем, что пойманную рыбу замораживали тут же на реке, затем ее можно было транспортировать на значительные расстояния. Уловы на такой рыбалке считались сотнями пудов или количеством возов, потребовавшихся для вывозки добычи.

Щука не является деликатесом на Иртыше по сравнению со стерлядью или нельмой, но с лихвой компенсирует своим количеством и азартом рыбака при ее ловле. Именно эта рыба бесчисленное количество раз спасала русских переселенцев от голодной смерти, а крашенные щучьи пузыри почти в каждой русской семье в Прииртышье были первыми детскими игрушками. В течение XVII в. Тара находилась в перманентном полуосадном положении и испытывала из-за этого проблемы с поставками продовольствия — рыба была существенным подспорьем в рационе гарнизона и жителей. Н.Л. Скалозубов охарактеризовал хозяйство населения Тарского уезда следующим образом: «Прииртышские крестьяне живут не столь хлебопашеством, сколько рыболовством» [Тара в XVI-XVII вв. ..., с. 131].

Список литературы

1. Сабанеев Л.П. Все о рыбалке. М.: АСТ: Астрель, 2012. 1599 с.
2. Тара в XVI-XIX веках — российская крепость на берегу Иртыша / Алисов Д.А., Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р., Татауров С.Ф., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. и др. Омск: Амфора, 2014. 332 с.
3. Татауров С.Ф. Рыболовство в Нижнетарском археологическом микрорайоне // Рыцарь сибирской археологии: Сб. памяти В.И. Матющенко. Омск, 2007. С. 255-275.

Ф.С. Татауров

Омский государственный институт сервиса,
Омск, Россия
fil_opossum@mail.ru

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИРОДНОГО ОКРУЖЕНИЯ И ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ XVII-XVIII ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА АНАНЬИНО-I)¹

Ph.S. Tataurov

Omsk State Institute of Service, Omsk, Russia

RECONSTRUCTION OF THE NATURAL ENVIRONMENT AND LIVELIHOOD OF THE WEST SIBERIAN RUSSIAN VILLAGE OF THE XVII-XVIII CENTURIES (BASED ON MATERIALS OF THE ARCHAEOLOGICAL ANAN'INO-I SITES)

ABSTRACT: The article is devoted to the results of reconstruction of the environment and life-support systems of the Russian West Siberian village of the XVII-XVIII centuries, based on materials of the archaeological Anan'ino-I sites. This village was founded about 1600-1624, and was abandoned until the middle of the XIX century. In this work we defined the main factors that influenced the choice of habitat for Russian pioneers. First of all, the first settlements were built in the vicinity of castles and forts, and had their own fortifications. It was explained by the hostility of the local population and frequent raids of the nomads from the southern steppes. The second important factor was the proximity of fertile arable land for the agriculture, which in the conditions of the actual self-dependence of Siberia of the XVII century was especially important. Settlements were built on the banks of rivers

¹ Работа подготовлена по гранту РГНФ № 14-31-01023.

and lakes, which served as a source of water and fish, and performed the functions of the main ways of Siberia. The third important factor was the presence of hunting grounds, where pioneers got meat and fur of animals. Besides, the life support system of a particular settlement depended on the social status of inhabitants living in it.

Русские переселенцы, попав в Сибирь, оказывались в достаточно сложных условиях. Выбирая себе место для проживания, они должны были учесть большое количество факторов. Прежде всего, первые поселения строились поблизости от крепостей и острогов, или же имели собственные укрепления для защиты, что объяснялось враждебностью местного населения и частыми набегами кочевников из южных степей. Вторым важным критерием было наличие поблизости плодородных земель для разбивки пашни, что в условиях фактического самообеспечения Сибири продовольствием в XVII веке было особенно актуально. Населенные пункты ставились по берегам рек и озер, служивших как источниками воды и рыбы, так и выполнявших функцию основных путей перемещения по Сибири. Учитывалось и наличие охотничьих угодий, где можно было добыть как мясного, так и промыслового зверя.

Рассматриваемая в этом контексте деревня Ананьино (Тарский район Омской области) была основана в период 1600-1624 гг. служилыми людьми, переехавшими на это место из Тарской крепости. Место было выбрано на берегу озера Ананьино, в 15 километрах выше по Иртышу от г. Тары. В случае опасности жителям деревни достаточно было спустить лодки и сплавиться вниз по течению, чтобы оказаться под защитой крепостных стен г. Тары.

Прибыв на подходящее место, поселенцам было необходимо решить вопрос со строительством жилых и хозяйственных помещений, на что требовалось большое количество строевого леса. Деревня Ананьино располагалась неподалеку от коренной террасы реки Иртыш, густо заросшей хвойным (преимущественно сосновым) лесом, где можно было найти необходимый материал для строительства домов. Обилие подходящей древесины позволяло строить постройки внушительных размеров. На Ананьино Л.В. Татауровой полностью исследованы пять изб-связей. Все они трехчастные, общей площадью 34-65 кв.м. Дома были построены из отборных бревен, в каждой постройке имелся деревянный пол из тесаных плах толщиной до 60 см [Татаурова, Татауров, 2012, с. 6-7].

Обязательным атрибутом жилища была печь. Глину для ее строительства, вероятно, добывали из обнажений коренной террасы р. Иртыш, по крайней мере, в соседнем селе Екатерининское жители брали ее именно в подобных местах. Это доказывается результатами визуального обследования местности в с. Екатерининское, в ходе которого были выявлены современные пункты добычи глины, а так же непосредственно в склоне террасы были обнаружены две печи для обжига кирпича. Подобные места добычи глины фиксируется и в другой соседней с Ананьино (примерно в 2-х километрах на юго-запад) деревне Междуречье. Глина достаточно хорошего качества позволяла жителям Ананьино заниматься гончарством, что также фиксируется по археологическим данным [Адаптация русских..., 2014, с. 206-218].

Вокруг деревни было достаточно плодородных земель, и к середине XVII в. по свидетельствам исторических источников, все свободные территории в окрестностях Ананьино были распаханы или приспособлены для выпаса скота. Необходимо отметить, что жители деревни являлись достаточно крупными землевладельцами даже по сибирским меркам. Так, по данным дозорной книги Тарского уезда за 1703 год, казачий род Неупокоевых, проживающий в Ананьино, имел порядка двадцати десятин пахотной земли, а также четыре десятины под выпас скота [Татауров, 2013, с. 266-267].

Интенсивное занятие жителей деревни земледелием и скотоводством подтверждается результатами археологических исследований. В ходе раскопок было обнаружено большое количество костей крупнорогатого скота, овец, свиней, лошадей. На занятие земледелием указывают карпологические материалы, обнаруженные на памятнике. К концу XVII в. у жителей деревни появилась собственная мельница. Она представляла собой плотину «... меж берегом три сажени, а к берегу стены две сажень, жернов двенадцати вершков» [Татаурова, Крих, 2015, с. 484]. Необходимо отметить тот факт, что этот объект был расположен достаточно далеко от деревни, примерно в трех километрах по прямой, или в шести километрах, если отсчитывать по дороге, проходящей через близлежащую татарскую деревню Речапово (основана в XVIII в.). По данным источника [Татаурова, Крих, 2015, с. 484], мельница функционировала лишь во времена весеннего половодья, когда напор воды в Пятой

речке на которой она была построена, был достаточным для вращения мельничного колеса. Здесь необходимо обратить внимание на то, что деревня Ананьино с начала апреля и до середины июня оказывалась фактически на острове, так как единственная дорога, ведущая в д. Речапово, в трех местах пересекается крупными ручьями, которые весной превращаются в достаточно глубокие речки. В связи с этим можно сделать предположение, что хлебные амбары, скорее всего, располагались за пределами деревни. К сожалению, попытки точно локализовать местоположение мельницы на местности оказались неудачными из-за сильного заболачивания устья реки Пятая речка, где по сведениям приведенного выше источника и был расположен этот объект. Однако в ходе обследования этой местности были выявлены подъездные пути, включая спуск с коренной террасы р. Иртыш.

Регион Западной Сибири, где располагалась деревня Ананьино, представляет собой южный край климатической подзоны южной тайги, в которой обитает большое количество диких животных, как промысловых, так и употребляемых в пищу. Это подтверждается данными археологических и остеологических исследований. Доля диких животных среди костных остатков млекопитающих, обнаруженных в культурном слое поселения, достигает 20%. «Мясные» виды представлены, в основном, косулей, что является обычным для этой климатической зоны, а так же лосем. Основным объектом промысловой охоты был заяц (77% от всех диких животных) [Явшева, Бобковская, Татаурова, 2008, с. 358-359].

Расположение деревни вблизи крупных водоемов давало возможность активно заниматься рыболовством, что опять же подтверждают археологические данные. Было обнаружено большое количество костей речных и озерных рыб, многочисленные рыболовные снасти (крючки, грузила, блесна, поплавки, гарпуны) [Явшева, Бобковская, Татаурова, 2008, с. 360]. Вероятно, определенную часть добытой рыбы жители деревни могли везти на продажу.

Нельзя упускать тот факт, что население деревни было представлено служилыми людьми, которые получали жалование за свою службу, а также могли привозить трофеи из военных походов, следовательно, обладая высоким достатком [Адаптация русских..., 2014, с. 313-314]. Расположение деревни рядом с крупной рекой открывало ее жителям доступ к основным торговым путям, которые в описываемый период проходили по рекам или вдоль них, а высокий уровень благосостояния позволял покупать на ярмарках дорогие товары, которые служили не для исполнения повседневных хозяйственных нужд, а для демонстрации жителями деревни своего социального статуса. В археологическом материале, обнаруженном на памятнике, было выявлено достаточно большое количество предметов импорта из Китая и Средней Азии: китайский фарфор и керамика, трубки для курения китайского табака (или опиума) [Адаптация русских..., 2014, с. 293-300].

Подводя итог, можно сказать, что первые сибирские деревни, основанные преимущественно служилыми людьми, к концу XVII в. имели достаточно развитую систему жизнеобеспечения. Попав в новые условия, переселенцы стремились, с одной стороны, обезопасить себя от враждебного окружения, а с другой стороны, обеспечить себя как пищей, так и необходимыми орудиями труда и предметами быта. Колонизируя сибирские территории, русские старались поселиться на самых плодородных и удобных с позиций жизнеобеспечения землях. Отдельно необходимо отметить, что служилые люди, усилиями которых велось первичное хозяйственное освоение и заселение Сибири, обладали достаточно высоким достатком, который формировался из жалования за службу и доходов с ремесленной, торговой и сельскохозяйственной деятельности. Это обстоятельство стало стимулом для развития торгово-рыночных отношений в регионе и, как следствие, повышения качества жизни сибирской деревни в XVII — первой половине XVIII вв.

Список литературы

1. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веке (по материалам археологических исследований): монография / [авт.: Татаурова Л.В. и др.; отв. ред. Л.В. Татаурова]. Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. 374 с.
2. Татауров Ф.С. Статусные вещи в культурной жизни русских Западной Сибири XVII–XVIII вв. (по материалам археологических исследований) // Материалы VIII Всероссийской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Владивосток, 2013. С. 266-267.

3. Татаурова Л.В., Крих А.А. Система жизнеобеспечения сибирской деревни Ананьино в XVII–XVIII вв. (по археологическим и письменным источникам) // Былые годы. Сочи: Сочинский гос. ун-т, 2015. С. 479-490.
4. Татаурова Л.В., Татауров Ф.С. О благосостоянии жителей Сибирской деревни XVII–XVIII веков (по археологическим материалам русских памятников Омского Прииртышья) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: Наука, 2012. Ч. II. С. 5-9.
5. Явшева Д.А., Некрасов А.Е., Татаурова Л.В. Животноводство и охота русского населения лесостепного Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апельсин, 2008. С. 356-367.

Л.В. Татаурова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Омск, Россия
Li-sa65@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ XVIII в. ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

L.V. Tataurova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Omsk, Russia

FUNDAMENTAL ELEMENTS OF A LIFE SUPPORT SYSTEM OF THE SIBERIAN VILLAGE OF THE 18 TH CENTURY ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL MATERIALS

ABSTRACT: On the basis of archaeological materials of two Russian settlements founded in the 17th century in Omsk Priirtyshje the main components of a life support system such as settlements and dwellings forming them, products of a diet and elements of costume complexes were considered. On the basis of landscape reconstruction of the dwellings and the analysis of their interposition in the Ananyino settlement an hypothesis of a possibility of accommodation in one of housing complexes of one family clan was made. Analysis of arrangement of constructions on the Izyuk settlement helped reveal street planning of the village. Planigraphy of both villages was subordinated to reservoirs along which they had been constructed. The diet consisted primarily of fish at the initial stage of existence of both villages. According to the written sources, residents of villages were engaged in agriculture and cattle breeding. It can be confirmed by archaeological materials. Fish continued to remain an additional source of food, but an important role was given to the hunting and collecting gifts of the wood. The leather footwear is the most studied among costume complexes. According to the archaeological materials we can allocate 10 types of them. For production of clothes different types of fabrics, both homespun and imported, were used. As an example of clothes diversity we can indicate different types of buttons. Rings and beads and earrings belong to jewelry. It was possible to wear woven and leather belts, iron zone buckles, bone crests. The life support system of the Siberian village in the 18th century was similar to the system of towns in many respects.

Основными элементами системы и культуры жизнеобеспечения признано считать поселения и формирующие их жилища, пищу, одежду [Культура жизнеобеспечения и этнос, 1989, с. 35,36; Трушкова, 2003, с. 21]. Археологическими методами в большей степени доступно изучение жилищных комплексов, на основе которых возможна реконструкция планиграфии поселений. На территории Омского Прииртышья автором в разные годы исследованы жилища на двух русских поселениях XVII–XVIII вв. Ананьино и Изюк (Тарский и Большереченский р-ны Омской области). В результате анализа археологической информации стало возможным реконструировать виды жилищ, в основном, это избы-связи; способы их строительства — срубные, в набирку, комбиниро-

ванные [Татаурова, и др., 2014, с. 185-194]. В культурном слое поселений найдены строительные инструменты: топоры разных типов, тесло, долото, скобель, два вида черты.

Раскопанные объекты и их взаиморасположение позволили восстановить планиграфию каждого поселения на реальной (рис. 1-а) и смоделированной (рис. 1-б) ландшафтной модели местности. Размещение реконструкций жилищ на местности выявило особенности их расположения относительно друг друга, которые можно интерпретировать как с экологической, адаптационной, так и с этносоциальной точек зрения.

На поселении Ананьино (рис. 1-а), история которого начинается в первой четверти XVII в. [Татаурова, Крих, 2015, с. 480-483] раскопанные жилища можно отнести к двум комплексам: первый (на юго-западном краю деревни) включает четыре избы-связи, построенные довольно близко друг к другу, и, возможно, имевшие общий крытый двор. Второй — представлен пока одним полностью исследованным жилищем, с северо-восточной стороны которого был крытый двор, вымощенный широкими деревянными плахами. Комплексы были разделены частоколами и проходом между ними. Компактное расположение домов на юго-западном краю поселения с общим крытым двором, с одной стороны позволяло сделать жилища более теплыми (бревна стен были не более 20 см толщины) и при этом экономить дрова. С другой стороны, вероятно, связано с социальной историей формирования деревни. В таком комплексе могли проживать представители одного семейного клана. По архивным материалам на начало-середину XVIII века наибольшее число жителей деревни составляли члены трех семей: Мосеевы, Неупокоевы, Скуратовы. Представители этих фамилий были в числе основателей деревни. Самыми крупными по численности были семьи Неупокоевых и Скуратовых. Так, на 1782 год три семьи Скуратовых насчитывали 44 человека обоого пола [Крих, 2014, с. 89]. Возможно, что именно этот семейный клан проживал в XVIII веке на ЮЗ окраине деревни. Это косвенно подтверждают этнографические исследования [Крих, Чернова, 2015, с. 233]. Стоит добавить, что раскопанная часть по находкам монет датируется серединой, второй половиной XVIII века.

Рис. 1. 3-D реконструкция планиграфии поселений и жилищ на раскопанной части:
а — поселение Ананьино-I; б — поселение Изюк-I

По итогам исследования 2015 г. стало очевидным, что развитие деревни шло с юго-западного края. Это связано с ландшафтом местности — здесь более высокий, чем на СВ краю, берег озера; околлица ограничена ручьем, впадающим в озеро. К ЮЗ от деревни, на другой стороне ручья, было устроено кладбище [Татаурова, 2015, с. 413-416]. Стоит отметить разнообразие технических приемов в домостроительстве, для которого использовали сосновый лес, растущий вблизи поселения. Стены горниц и клетей, как правило, имели срубную конструкцию. Сени между горницей и клетью в разных жилищах строили по-разному: или как срубные, или методом «набирки»: столб с вертикальным пазом, в который вставляли горизонтально бревна со специальными шипами на концах.

На поселении Изюк (рис. 1-б), основанного во второй половине XVII в. [Крих, 2012, с. 137], раскопанные жилища тоже расположены компактно. Хотя между ними были размещены хозяйственные постройки. Планиграфия деревни была уличной, из домов в два ряда, которые разделены частоколами. Планиграфической особенностью поселения было устроенное на его юго-западном

краю кладбище. Строительные инструменты и приемы были аналогичны вышеописанным. Развитие деревни шло с южного края, ограниченного р. Бузайкой. На это указывает и погребальный комплекс, перекрывавший большую часть раскопанных построек [Татаурова, 2010].

Планиграфия обеих деревень была подчинена водоемам, вдоль которых они были построены. Такое расположение поселений (обе имели в пользовании богатства озер и р. Иртыш) обуславливало в рационе питания существенного процента рыбной пищи. Об этом свидетельствуют многочисленные находки костей и чешуи рыб разных сортов: от осетровых до щуки, леща, окуня, карася, налима [Явшева, Некрасов, Татаурова, 2008, с. 360, 362]. Рыбу добывали различными снастями. По архивным и этнографическим материалам на Ананьино использовали «лов удою», «кривдами» [Чернова, 2015, с. 65-70]. Археологический материал поселений показывает большее разнообразие приемов рыбной ловли: с помощью удочек и самоловов, гарпунов, мордушек, сетей различных видов для речной и озерной рыбы.

Однако традиционной и поэтому основной в системе питания русского населения оставалась пища из продуктов земледелия. В числе жителей деревень большинство составляли служилые, стрельцы и казаки, получавшие за службу хлебное жалование, а также имеющие свою пашню. Семена растений из культурного слоя поселений свидетельствуют о выращивании ржи, овса, ячменя, проса [Корона, Татаурова, 2011, с. 326]. На приготовление крупяных и мучных блюд косвенно указывают типы керамической посуды: горшки; сковороды-блинницы; корчаги, в которых готовили квас и пиво; латки для замеса теста, и пр. Значительную долю, судя по многочисленному костному материалу, в системе питания составляли мясо и молочные продукты, которые получали от домашних животных, имела место и мясная охота. Шкуры животных и ткани из шерстяного и растительного полотна, изготовленные в домашних условиях, использовались для пошива одежды и обуви. Из всех элементов костюма лучше всего в археологических коллекциях представлена кожаная обувь. По материалам сельских поселений выделено 10 типов обуви, которую, скорее всего, шили мастера в г. Таре и продавали на ярмарке [Татаурова, Богомолов, в печати]. К сожалению, текстиль почти не сохранился в культурном слое поселений, поэтому судить о составе костюмных комплексов затруднительно. Вероятно, они соответствовали культурным традициям русского населения Сибири XVII-XVIII вв. По данным археологии мы можем рассматривать только отдельные элементы костюма: украшения, пряжки, пуговицы и пр.

Археологический материал позволяет представить основные элементы системы жизнеобеспечения русской деревни в Сибири XVIII в., а в совокупности с другими видами источников сделать их реконструкцию. В XVIII в. уровень жизни сельского населения мало отличался от городского.

Список литературы

1. Корона О.М., Татаурова Л.В. Хозяйственная деятельность населения русских памятников Омского Прииртышья по карпологиическим данным // Культура русских в археологических исследованиях междисциплинарные методы и технологии — Омск: Изд-во Омского института (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 323-333.
2. Крих А.А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII-XIX века). Омск: Наука, 2012. 295 с.
3. Крих А.А. Этносоциальная история русского населения д. Ананьино в XVII-XIX вв. // Вестник Омского государственного университета. Сер. «Исторические науки». 2014. № 4 (4). С. 86-90.
4. Крих А.А., Чернова И.В. Десять лет исследованиям русской старожильческой деревни Ананьино // Вестник Омского государственного университета. Сер. «Исторические науки». 2015. № 4 (8). С. 230-234.
5. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. 319 с.
6. Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII-XIX вв. по материалам комплекса Изюк-1. Омск: Апельсин, 2010. 284 с.
7. Татаурова Л.В. Исследования русского комплекса XVII-XIX вв. Ананьино-1 в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. XXI. С. 413-416.

8. Татаурова Л.В., Богомолов В.Б. Женские кожаные туфли на высоком каблуке XVII–XVIII веков (по материалам археологических комплексов русских Омского Прииртышья) // Археология, этнография и антропология Евразии. (В печати).
9. Татаурова Л.В., Крих А.А. Система жизнеобеспечения сибирской деревни Ананьино в XVII–XVIII вв. (по археологическим и письменным источникам) // Былые годы. 2015. Т. 37. Вып. 3. С. 479–490.
10. Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веке (по материалам археологических исследований). Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. 374 с.
11. Трушкова И.Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона XIX — начала XX веков (система жизнеобеспечения). Киров, 2003. 722 с.
12. Чернова И.В. Культура жизнеобеспечения и хозяйство потомков жителей деревни Ананьино (по этнографическим и архивным материалам) // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2015. № 1 (5). С. 65–70.
13. Явшева Д.А., Некрасов А.Е., Татаурова Л.В. Животноводство и охота русского населения лесостепного Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апельсин, 2008. С. 356–367.

К.Н. Тихомиров, В.Г. Никонова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Омский
государственный историко-краеведческий музей, Омск, Россия
ktikhomirov@gmail.com, zaulitskaya@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ НИЗОВИЙ р. ТАРА XVII–XVIII ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПЛОЩАДКИ ПОСЕЛЕНИЯ БЕРГАМАК-III)

K.N. Tikhomirov, V.G. Nikonova

Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS,
Omsk State Museum of Local History, Omsk, Russia

SOME ECONOMIC ASPECTS OF LIFE OF THE POPULATION OF THE LOWER TARA RIVER IN THE XVII–XVIII CENTURIES (ON MATERIALS OF THE BERGAMAK-III SETTLEMENT)

ABSTRACT: This article focuses on some ecological and economic aspects of life of the Türkicized population of the lower reaches of the Tara river in the XVII–XVIII centuries according to materials of excavation in 2015. Materials of excavation allow us to assume that they were engaged in processing of ferrous metal according to fragments of vessels for metal pouring, metal slag, pieces of marsh ore that were obtained. Ceramic vessels with ornamented fragments are characteristic for the taiga population. Arrival of the citizens of the Moscow kingdom allows us to date this settlement to the second half — the end of the 17th century when the Bergamaksky settlement was founded in 1669. The zooarchaeological collection consists mostly of fragments of animal bones. Its considerable part is made by the diaphysis split. Rough tools and tips of arrows were executed from them. We can assume that production of tools from a bone took place directly on the platform. The carried-out analysis of bones allowed us to find out to what animal species they belonged. The greatest number of the inert remains in a collection belongs to a horse, smaller part to the Siberian roe deer and elk. Besides, single bones of a beaver, cow, boar, weasel, reindeer, black grouse, gray goose, hare were added to a collection. Thus, the received materials allow to draw a conclusion that the Türkicized population of the lower reaches of the Tara River the in the XVII–XVIII centuries, conducted complex economy with a considerable share of horse breeding which was supplemented with hunting for wild animals (deer, elks) and made processing of ferrous metal on the special platform, widely using for this purpose rough bone tools.

Раскопки проведены для исследования хозяйственной деятельности населения низовьев р. Тара в XVII-XVIII вв. Поселение располагалось на правом берегу р. Тара в 80 км от ее устья, в 5,5 км к ССЗ с. Бергамак Муромцевского района Омской области в урочище «Пристань Гомана». Впервые сведения о находках отсюда получил А.Ф. Палашенков [1980, с. 138], затем С.С. Тихонов и С.Ф. Татауров [Татауров, Тихонов, 1996, с. 63]. Результатом стало получение данных о материальной культуре населения низовьев р. Тара эпохи позднего средневековья [Археологическая карта..., 2000, с. 35].

Наиболее обоснованно часть поселения, попавшую в наш раскоп, можно интерпретировать как производственную площадку, встречались куски спеченного грунта, металлический шлак, крица. О направленности деятельности может свидетельствовать и находка фрагментов льячек с оплавленными внутренностями. Кроме того, на поселении найдено несколько железных ножей, металлический наконечник стрелы, кованый гвоздь, костыль, металлическое шило. Керамика в коллекции — орнаментированная посуда таежного типа и неорнаментированная аналогичная керамике «русского» производства. К первой следует отнести фрагменты лепных круглодонных сосудов с непрофилированной шейкой, орнаментированных горизонтальными рядами оттисков палочки, оставившей каплевидные наклонные оттиски, короткого и длинного крупнозубого гребенчатого штампа, образующего горизонтальные ряды «елочки» и ямки. Среди этих фрагментов преобладают венчики с плоским срезом, часть из которых орнаментирована косо поставленным гладким штампом. Ко второй — лепные неорнаментированные плоскодонные толстостенные сосуды. При этом отмечается, что не встречено ни одного развала сосуда, в коллекции доминируют части тулова сосудов и их придонные части. Это характерно для обоих комплексов керамики.

В культурном слое исследованной площадки подавляющее большинство составляли колотые трубчатые длинные кости. Заметную часть составляют кости животных со следами обработки и различные изделия (наконечники стрел, различные проколки, игла для плетения сетей, трепало из нижней челюсти лошади, грубые копьевидные изделия), большая часть которых обработана крайне небрежно. Можно предположить, что они изготавливались на площадке и служили для нужд производства, вероятно связанного с термическим воздействием, о чем свидетельствует обгоревшая поверхность части костей. Такие изделия довольно широко известны среди синхронных и чуть более ранних материалов [Молодин и др., 1990, с. 94, 94, Конигов, 2007, с. 106-114].

Вызывает интерес тот факт, что доминируют продольно расколотые диафизы. Часть из них имеет следы дополнительной обработки (строгания). Эпифизы также имеют следы подработки, как правило, это следы выравнивания краев осколков и стачивания краев, для образования горизонтальной площадки. Доминирующей техникой обработки костей является раскалывание, строгание (скорее всего ножом), обтачивание. Среди целых костей преобладают губчатые кости — фаланги, астрагалы, коленные чашечки. Все трубчатые кости расколоты в продольном, изредка — в поперечном направлении. Короткие трубчатые кости (плюсневая и пястная кости, фаланги и таранные кости) значительно преобладают над длинными. В небольшом количестве присутствуют обломки плоских костей (ребер, лопаток и костей черепа), позвонков.

По видовому составу остеологического материала доминирует лошадь, субдоминанты — косуля и лось. При этом наблюдается следующая закономерность — остатки лося представлены в основном зубами и мелкими костями конечностей, а среди костей косули преобладают длинные трубчатые кости; лошадь представлена в основном костями автоподия (кисть, стопа) и зубами. Кроме указанных остатков животных, также присутствуют незначительное количество костей зайца, бобра, кабана, коровы, северного оленя, ласки (горносталя), гуся серого, тетерева.

Анализ коллекции позволил сделать следующие наблюдения. Все кости и зубы были принесены на данную площадку, туши не разделялись на месте. Большое количество сохранившихся в целостности эпифизов может свидетельствовать о том, что туши животных разделялись по суставам. Особый интерес представляет наличие на площадке довольно значительной коллекции зубов животных. Часть из них попала вместе с фрагментами челюстей, но большинство из них были найдены по отдельности (зубы зайца, бобра и некоторые другие).

Датировка и культурная принадлежность поселения определяется по составу керамики. В коллекции присутствует как традиционная для данного Среднего Прииртышья таежная керамика XVI-XVIII в., так и приобретенная у русских или произведенная по их образцам примерно

в равном соотношении. Наиболее же достоверно данная керамика начала массово попадать на поселение с основанием Бергамакской слободы в 1668-1669 годах. Производственная площадка, скорее всего, была связана с обработкой черного металла, о чем свидетельствуют многочисленные куски железного шлака, прокалы, куски болотной руды, крицы. При этом активно использовались инструменты, небрежно изготовленные прямо на указанной площадке из костей животных. Об их изготовлении на месте свидетельствуют отколотые и расколотые вдоль эпифизы. Значительное место в хозяйстве занимали лошадь, косуля и лось. Встречены и единичные кости бобра, зайца, ласки (горноста́я?), кабана или свиньи, северного оленя, коровы, серого гуся, тетерева. Возможно, это в определенной мере отражает и реальную роль указанных животных в хозяйстве населения низовьев р. Тара в XVII-XVIII веках.

Таким образом, полученные материалы позволяют сделать вывод о том, что на исследуемом поселении в XVII-XVIII вв. проживало население, ведущее комплексное хозяйство со значительной долей коневодства, которое дополнялось охотой на диких животных и производило обработку черного металла.

Список литературы

1. Археологическая карта Муромцевского района Омской области. Омск: Омск. гос. ун-т, 2000. 132 с.
2. Кони́ков Б.А. Омское Приирты́шье в раннем и развитом средневековье. Омск, 2007. 466 с.
3. Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990. 262 с.
4. Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Археология Прииртышья. Томск, Изд-во Томск. гос. ун-та, 1980. С. 100-146.
5. Тагауров С.Ф., Тихонов С.С. Могильник Бергамак II // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 1. Культура тарских татар. Новосибирск, 1996. С. 58-83.

С.С. Тихонов

Институт археологии и этнографии СО РАН, Омск, Россия
st-57@mail.ru

БУХАРИЦЫ В ТАРСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVIII в.

S.S. Tikhonov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Omsk, Russia

BUKHARIANS IN THE TARA'S IRTYSH AREA AT THE END OF THE XVI — BEGINNING OF THE XVIII CENTURIES

ABSTRACT: This article presents data on the early stages of the formation of a group of Tatars, who were called Bukharians or Sarts. The first information about their appearance in the Russian lands in Siberia appeared in 1595. Coming with caravans, Bukharians traded in different towns of Russia (Tara, Tobolsk, Tyumen) and after the trade they returned home. In the middle of the XVII century merchants received privileges from Russian tsar, and they began to buy land from Russians and Tatars. At the end of the XVII century, these privileges were again confirmed. So the constant influx of Bukharians in Siberia began. But among new people there were no merchants, and people were more accustomed to farming. They settled among their co-religionists — Siberian Tatars — on the right bank of the Irtysh River in several villages, which can be divided into two groups. Tara village was higher

in areas with narrow flood plain and the villages below Tara in an area with a wide floodplain. A small group of Bukharians settled in Tara. At the beginning of the XVIII century Tsar Peter I ordered all of them to pay the taxes, and they became subjects of the Russian state.

Проблема. В ходе раскопок Тары, изучения ее планиграфии и топографии окрестностей крепости появился вопрос о месте расположения Бухарской слободы — части города, в которой проживали выходцы из Средней Азии, известные как бухарцы или сарты. Их этническая принадлежность: узбеки, уйгуры, таджики, калмыки и т.д. Основываясь на плане Тары, сделанном С.У. Ремезовым (около 1700 г.), рисунке Люрсениуса 1734 г., карте Тары 1747 г., я высказал предположение, что Бухарская слободы находилась на правом берегу Аркарки немного ниже Тары. Возможно, сейчас на этом месте находится ул. Зааркарская (всего 4 дома; иначе это место называют Малой Тарой, Нижней Тарой). Возможно, слобода находилась на месте, которое сейчас называют «Даманский» (по-другому — Милицейский остров), или на Крутояре (мыс, образованный р. Аркарка и Банным логом) [Тихонов, 2015, с. 411-413].

Однако коллеги, указав, что эти места часто уходят под воду в половодье, что в настоящее время татары живут компактно в районе ул. Нерпинской, что там же находится мечеть, не согласились с моим мнением. Тем более, что при предварительном обследовании мест возможного нахождения Бухарской слободы никаких материалов XVII-XVIII вв. найдено не было.

Вероятно, для ответа на вопрос о месте расположения Бухарской слободы следует сначала разобраться в том, кто такие были бухарцы, как относились русские к этой группе в конце XVI-XVIII в., позволялось ли бухарцам селиться на территории военной крепости, где вообще они проживали.

Обсуждение. Первое упоминание о бухарцах в Таре содержится в «Наказе князю Федору Елецкому...» от 10 февраля 1594 г. В числе прочих поручений царь Федор Иоаннович приказывал князю:

- Покупать у приезжих торговых людей (бухарцев и ногайцев) товары, лошадей, скотину;
- Торговцев не обижать, чтобы они приезжали и в дальнейшем;
- После окончания торгов отпускать купцов домой, или по их желанию, пропускать в Тобольск или Тюмень;
- У бухарцев узнавать о делах в Бухарии [Наказ князю Федору Елецкому..., 1999, с. 357¹].

Т.е. здесь речь идет о группе приезжих на некоторое время купцов и их сопровождении, которые из-за краткосрочности пребывания не могли иметь постоянных усадеб в Таре. Более того, в другом документе — «Грамоте на Тюмень...» от 31 августа 1596 г. прямо сказано, что нужно, чтобы «бухарцы и ногайцы в городе никаких крепостей и людей не рассматривали и не лазучили ... и оприч торговли, некоторых разговорных речей не говорили...» [Грамота на Тюмень..., 1999, с. 177]. Иными словами, русские были заинтересованы в торговле, но не хотели, чтобы особенности городских укреплений были известны иностранцам. Поэтому предположим, что вряд ли бухарцы жили в городах; скорее всего, рядом с ними. И, возможно, на правом берегу Аркарки близ Тары, где были указаны юрты в источниках XVIII века.

В середине XVII в. ситуация меняется. С.Н. Корусенко цитирует два найденных ей в архиве документа: грамоту Михаила Федоровича от 3 ноября 1645 г. (здесь какая-то неточность, т.к. этот государь скончался в июле 1645 г.; возможно, грамота в Сибирь шла несколько месяцев?) и грамоту Петра I 1687 г. (вспомним, что Петр самостоятельно начал править только после конфликта с Софьей в августе 1689 г., и зададим вопрос, мог ли пятнадцатилетний юноша, усердно занимавшийся потешным войском, озаботиться судьбой бухарцев в Сибири? Или документ был написан от его имени?). Суть обоих документов — поддержка бухарцев в торговле и промыслах. С.Н. Корусенко делает вывод, что правительство было заинтересовано в привлечении бухарских купцов, и их в поселении в Сибири [Корусенко, 2011, с. 32-33]. Из документов также следует, что

¹ Не будем принимать во внимание сведения И.В. Щеглова об учреждении Бухарского купечества в Сибири в 1595 г. [Щеглов..., 1993, с. 48], основанного именно на приведенном документе, в котором на самом деле говорится только об отношении к купцам, но не об учреждении купечества.

бухарцы — иностранные подданные — свободно торговали в русских землях, покупали у татар и русских земли, имели частичный судебный иммунитет (отвечают только по торговым и уголовным делам). Выходит, что характер пребывания купцов изменился. Они разъезжали по стране, свободно торговали и приобретали земли. Предположим, что земля им была нужна для постройки складов для товаров, для строительства постоянного жилья, для выпаса животных или заготовки кормов для них.

Однако в середине XVII в. существовала угроза нападения калмыков, и обороне уделялось много внимания: «И я ... писал на Тару..., а велел жить на Таре с великим бережением, по городу и по острогу караулы ставить крепкие и в проезжие станицы ... служилых людей велел посылать по часту ... чтоб воинские люди под Тарской город безвестно не пришли и дурна б никакова не учинили [Отписка в Москву ..., 2005, с. 293]. Поэтому земель внутри города купцы могли и не получить».

К началу XVIII в. положение бухарцев изменилось. Об этом говорят материалы Тарской дозорной книги, введенной в научный оборот С.Н. Корусенко, опубликовавшей как оригинальный текст [Корусенко, 2011, с. 51-189], так и его перевод на современный русский язык [Корусенко, 2011, с. 190-239]. Из документа следует, что бухарцы расселились в самой Таре, и еще двумя группами в татарских юртах, заселенных служилыми и захребетными татарами. В деревнях, где жили ясачные татары, бухарцев не было (табл. 1).

Таблица 1

Численность хозяйств в татарских юртах

Населенный пункт	Бухарцы	Служилые татары	Захребетные татары	Ясачные татары	Казанские татары
Тара	11	-	-	-	2
Киргап	5	13	13	-	-
Айткулово	1	12	10	-	-
Атак	14	3	2	-	-
Иткучукова	15	6	2	-	-
Шихова	23	1	-	-	-
Сеитова	13	6	2	-	-
Себелякова	11	6	6	7	-

Все юрты располагались на правом берегу Иртыша, где традиционно проживали татары (рис. 1). Из них 5 юрт (Киргап, Айткулово, Атак, Иткучукова, Шихова) располагались выше Тары на первой надпойменной террасе Иртыша, рассеченной небольшими (не более 20 км) речками Мурлинка, Черная, Уразайка, Пятая, Абросимовка. Пойма на этом участке неширокая (2-4 км), с единственным пойменным озером, разделившимся на две части (Кривое и Бурен). Поэтому сенокосные угодья у многих татар находились на левой стороне Иртыша, где стояли русские деревни Заливино, Коренева, Бородихино.

Двое других юрт — Сеитово и Себеляково — находились ниже Тары в широкой пойме Иртыша и Уя с большим количеством пойменных озер, крупнейшие из которых Сеитовское, Ошколь и Синегсу. Угодья татар находились неподалеку от юрт. На другой стороне Иртыша находились русские деревни Юрлагино, Копейкино, Петрово.

Количество хозяйств в татарских юртах варьировало от 20 до 30. Т.е. это были крупные для того времени деревни. Разница в соотношении местных сибирских и приезжих бухарских татар в каждых (табл. 1) юртах позволяет предположить, что количество дворов в юртах могло быть регламентировано наличием и размерами угодий.

Большинство бухарцев являлись сибиряками во втором или первом поколении. Так, у 57 человек в Сибирь из Бухарии (в одном случае из калмыков) пришли отцы, 14 человек пришли в Сибирь сами, у 12 бухарцев в Сибирь пришли деды. Бухарцы занимались скотоводством, немного земледелием, и только два человека: Тюляк Макбакин из Сеитово и Нурмамет Нерусов из Иткучуково указали, что занимались торговлей.

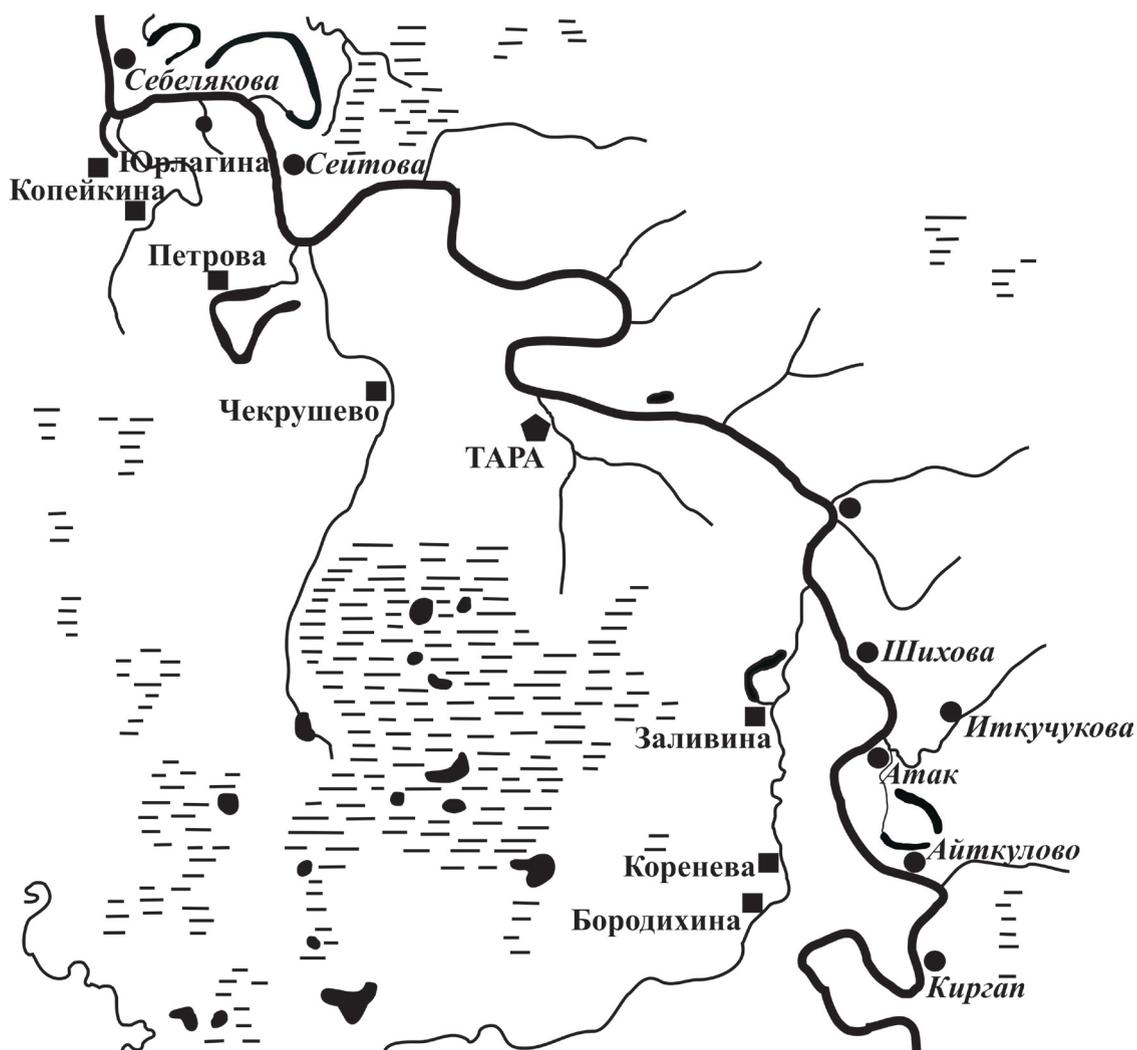

Рис. 1. Расположение русских городов и деревень и татарских юрт в Тарском Прииртышье в 1701 г.

Напрашивается вывод, переписанные в 1701 г. бухарцы не были потомками купцов, торговавших в Сибири в XVI в., а были люди разные по своему состоянию, пришедшие в Сибирь, поскольку для них здесь были льготы, которые кончились в 1701 г., «под державой царского Величества никто безданно и беспощинно не жил». Пришлые бухарцы расселились (или были расселены?) по деревням, где жили служилые татары. Небольшая группа бухарцев (11 семей) смогла закрепиться в Таре.

Выводы: появление бухарских купцов на русских землях относится к концу XVI в. Конечно, это не значит, что караваны не ходили в Сибирь ранее. Вспомним Ермака, который, поверив дезинформации о караване из Бухары, пошел ему навстречу и попал в засаду. Но в это время у бухарцев не было в Сибири постоянных поселений и землевладений. В XVII в. купцы начинают приобретать у сибиряков земли, а также получают значительные привилегии. Вероятно, привлеченные слухами о льготах, в Сибирь (в частности, в Тарское Прииртышье) приходят бухарцы не из купеческого сословия. Происходит это за одно поколение до 1701 г., т.е. примерно в 1680 г. Возможно указ 1687 г. стимулировал приток населения. Новые пришлые расселились (или были размещены?) среди своих единоверцев по правому берегу Иртыша двумя компактными группами, и вписались в традиционную для жителей Тарского Прииртышья систему расселения, землевладения и землепользования, впоследствии и налогообложения. Те же бухарцы, которые поселились в Таре, вероятно, со временем сумели закрепиться на левом берегу Аркарки, где их потомки живут и по сей день.

Список литературы

1. Грамота на Тюмень воеводе князю Григорию Долгорукову с товарищами о торге бухарцев и ногайцев в Тюмени // Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. II. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 176-177.
2. Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. Омск: Наука, 2011. 248 с.
3. Наказ князю Федору Елецкому и голове Василию Хохлову, назначенным в Тару // Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. I. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 355-358.
4. Отписка в Москву тобольских воевод князя Григория Куракина с товарищами о том, что калмыки контайши и других калмыцких тайшей промышляют в Тарском уезде и близко от него, и о посылке к контайше с предложением о запрете его людям «зверовать» на государевых землях // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. М.: Восточная литература, 2005. С. 292-293.
5. Тихонов С.С. К вопросу о месте расположения Бухарской слободы Тарской крепости (исторические районы и топонимы города Тары) // Третьи Ядринцевские чтения. Омск, 2015. С. 411-413.
6. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири: 1032-1882. Сургут: Северный дом, 1993. 463. с.

С.В. Ушаков

Институт археологии Крыма РАН,
Симферополь, Россия
yshakovsv@list.ru

ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ: ДИНАМИКА ТЕРРИТОРИИ И ПРОБЛЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ (ОТ ПОЗДНЕЙ АРХАИКИ ДО РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)

S.V. Ushakov

Institute of Archaeology of Crimea RAS,
Simferopol, Russia

TAURIC CHERSONESOS: THE DYNAMICS OF THE TERRITORY AND LIFE SUPPORT PROBLEM (FROM THE LATE ARCHAIC TO THE EARLY MIDDLE AGES)

ABSTRACT: The preservation of monuments of Tauric Chersonesos allows us to examine the dynamics of its development like a process of development of its territory for providing a functioning economy. Long-term research made it possible to present a formation and development of the city in stages (no less than 6-7) of development and loss of its territory. Tauric Chersonesos started its Antic history as a small polis, and became a big "territorial" country in the Western Crimea region at the end of the Classical period and at the beginning of the Hellenistic times. The delimitation of Near Chora in Southwestern Crimea and the development of Far Chora in Northwestern Crimea happened at this time. As a result a huge agricultural area was created. Chersonesos started its own amphorae manufacturing and trade with policies of the Pontic and Aegean regions and also with barbarians. Later — at the end of the Hellenistic period its ownerships decreased significantly because of the limits of the Heracleian Peninsula. Nevertheless it allowed them to get income from trading. A new transition began in the middle of the 4th century, when a new material culture spread and building of Christian churches started. They produced wine, salted fish and the fish sauce (an intermediary trade and crafts also developed). The local barbarian population was a permanent consumer of Byzantine import through Chersonesos — Cherson. Diverse amphorae containers from the Pontic and

East Mediterranean regions were distributed from 4th to 7th centuries. The end of this era is connected with Arab expansion, wars and economic catastrophe in the Eastern part of the Empire.

Уникальность Херсонеса Таврического (рис. 1), небольшого дорическо-ионийского полиса на северной границе греческой Ойкумены, превратившегося со временем в крупное по местным масштабам «территориальное» государство, заключается во многом в его великолепной сохранности. Это позволяет проследить динамику его развития в процессе освоения территории для обеспечения функционирования экономики, социальных и государственных структур.

Проблема периодизации его античной истории (мы не рассматриваем эпоху Средневекового Херсонеса — Византийского Херсона) до сих пор не нашла своего однозначного решения в науке. Чаще всего эта хронология основывается на общей периодизации греческой истории [Античные государства Северного Причерноморья, 1984, с. 49-51] и отражена в общих работах по истории Херсонеса [последние из них: Херсонес Таврический, 2005; 2004]. При этом, накопленный обильный материал, прежде всего археологический, позволяет вполне объективно представить этапы становления и развития Херсонеса (как этапы освоения или утраты территории) следующим образом.

В пределах последней трети VI — первой четверти V вв.¹ происходит основание полиса. Он располагался первоначально на берегу Карантинной (Херсонесской) бухты в Юго-Западном Крыму. Численность его населения была небольшой и насчитывала несколько сот жителей. Можно гипотетически предполагать, что основой его жизнедеятельности была посредническая торговля (с варварами и/или греческим центрами?)

Вторая четверть V — первая четверть IV вв.: начало становления полиса. Появилась иррегулярная застройка с заглубленными в скалу жилыми комплексами, которые располагались своеобразными «кустами» в Северо-восточной части городища [Золотарев, 2005, с. 16-18]. В конце периода появляется опорный пункт в районе Страбонова Херсонеса (Маячный полуостров) (рис. 1С). Массовый археологический материал (амфоры и парадная чернолаковая и расписная посуда) позволяет утверждать о регулярных экономических связях с Эгеидой [например: Ушаков, Лесная, Тюрин, 2013]. Основа экономики — посредническая торговля.

Вторая четверть/конец середины IV — первая половина III вв.: превращение прежде небольшого полиса в относительно крупное «территориальное» государство. Была осуществлена колоссальная работа всего коллектива полиса по устройству регулярной застройки столицы по Гипподамовой системе, одновременно — размежевание всей ближней хоры на Гераклеийском полуострове (Юго-Западный Крым) и освоение «дальней» хоры в Северо-Западном Крыму. Была присоединена Керкинитида, появилась сеть сельских укрепленных поселений и нового опорного пункта (Калос Лимен) (рис. 1D). На Гераклеийском полуострове создается мощнейшая сельскохозяйственная зона из 400 крупных земельных наделов (участков) (рис. 2) [Николаенко, 1999, с. 78]. Это время экономического расцвета Херсонесского государства, основой чего становится товарное виноделие в сочетании с возделыванием злаков в Северо-Западном Крыму [Виноградов, Щеглов, 1990, с. 321-323; Золотарев, 2005, с. 23-24]. Развивается собственное масштабное амфорное производство [Монахов, 1989]. Масштабы херсонесского виноделия колоссальны. По данным А.Н. Щеглова [Sceglov, 1992, p. 252-258] всего с территории Западного Крыма производилось не менее 10 млн. л. вина в год, примерно половина которого поступала на экспорт [Золотарев, 2005, с. 28]. С греческими государствами Причерноморья и Эгейской Греции Херсонес ведет активный и масштабный обмен важнейшими товарами древности (сырьем, вином, оливковым маслом, продукцией ремесленного производства, рабами). С варварами — неэквивалентный обмен, иногда — военные действия.

¹ Время и обстоятельства основания «Херсонеса, что в Таврике» до сих пор остаются остродискуссионными в науке, но можно утверждать, что гипотеза, относящая это событие к последней трети VI в. до н.э. [Виноградов, Золотарев, 1998; 1999], остается наиболее обоснованной [см.: Зубарь 2010].

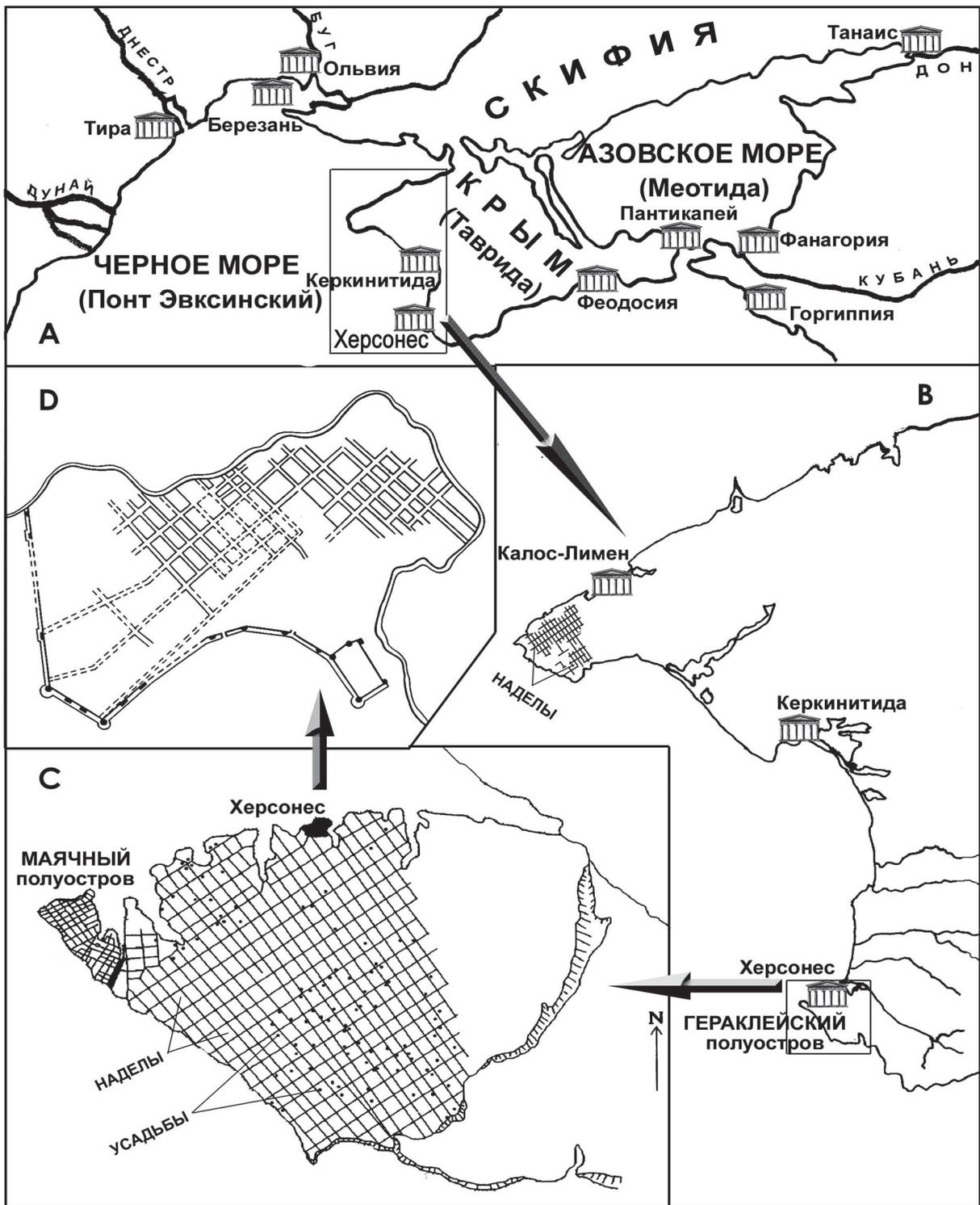

Рис. 1. Херсонес Таврический в Северном Причерноморье (по М.И. Золотареву, 2005)

Середина — вторая половина III — начало второй половины II вв.: военно-политические и экономические потрясения, связанные с варварскими вторжениями и войнами в Причерноморье, затронувшие и хору Херсонеса, которые привели к безвозвратной потере земельных владений в Северо-Западном Крыму, разрушениям на ближней хоре. Со второй половины II в. до н.э. прекращается производство амфор и столовой посуды [Монахов, 1989, с. 94].

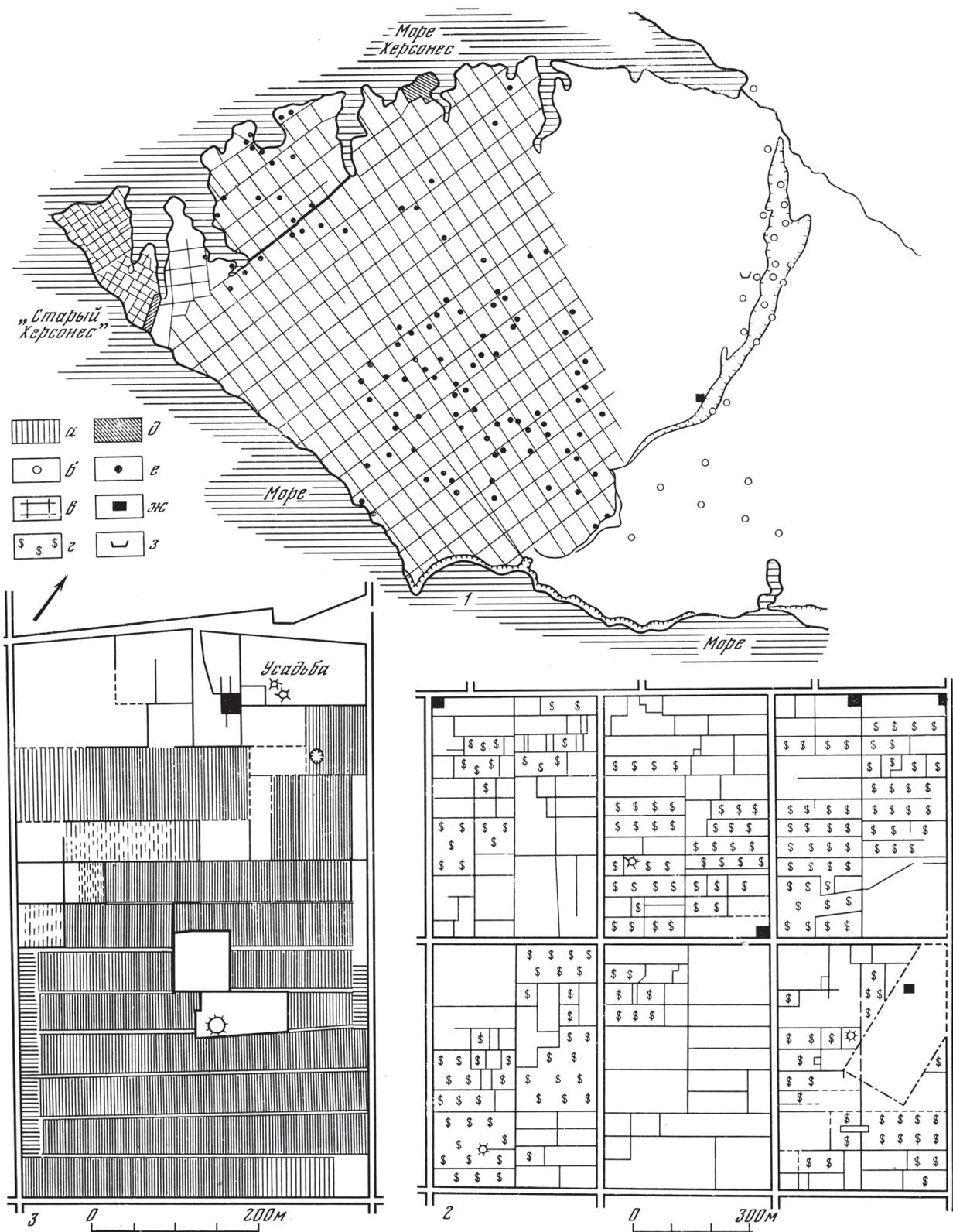

Рис. 2. Земледельческая округа Херсонеса (Античные государства Северного Причерноморья, 1984, Табл. ХСVI). 1 — земельные наделы и поселения на Гераклейском и Маячном полуостровах; 2 — группа типичных земельных наделов на Гераклейском полуострове; 3 — земельный надел № 26 с усадьбой; а — плантажные стены; б — неукрепленные поселения; в — земельные наделы; г — виноградники; д — территория города; е, ж — усадьбы; з — некрополь. Составитель А.Н. Щеглов

I в. до н.э. — I в. н.э.: продолжение кризиса. Бурная политическая деятельность и напряженная военная обстановка в Херсонесе, в Крыму [Кутайсов, 2001; Сапрыкин, 2002; Сапрыкин, 2005, с. 123-127] и в Причерноморье в целом привели к резкому сокращению импорта южнопонтийских центров [Внуков, 2006, с. 260 сл.]. На Востоке античного мира набирает обороты экспансия Рима, который начинает доминировать в Эгеиде и блокирует понтийский регион. С началом правления Августа военно-политическая обстановка стабилизируется. В регионе начинается масштабная и кардинальная «перестройка» всей экономической системы теперь уже под «диктовку» новой мировой державы.

Материалы конца I — начала III вв. и позднее отражают римскую эпоху Херсонеса, когда сложились новые экономические и культурные связи в Понтийском и Восточно-Средиземноморских регионах. В Херсонесе появляются новые рыбозасолочные и винодельческие производственные комплексы. Теперь владения Херсонеса распространяются только на его ближнюю хору (рис. 3). Тем не менее, площадь под земельными наделами на Гераклеийском полуострове составляла около 10 000 га земли, из которых под виноградники отводилось около половины, что позволяло получать миллион декалитров вина и отправлять ее большую часть на экспорт, выручая за это 1 млн 400 тыс. — 1 млн 600 тыс. денариев [Сорочан, 1997, с. 112-113].

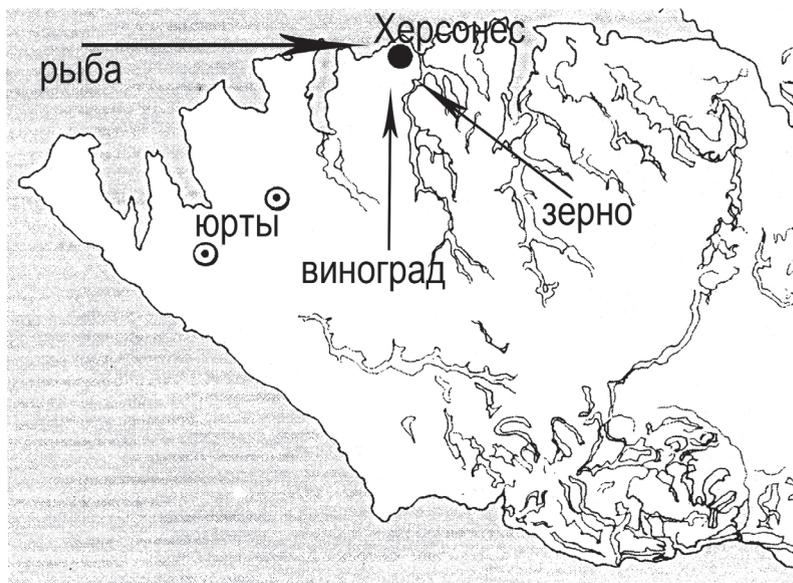

Рис. 3. Херсонес в позднеантичный период. Экономическая ситуация

События середины-второй половины IV — середины-конца VI вв. открывают переломную эпоху, когда в рамках поздней античности (в Восточной Римской империи — Византии) и в Херсонесе распространяется новая материальная культура и в конце периода начинается строительство христианских храмов. Появляются новые рыбозасолочные цистерны [Суров, 1948; Кадеев, 1970, с. 11-15]: место товарного виноделия постепенно замещает масштабное производство соленой рыбы и рыбного соуса, которые, наряду с посреднической торговлей и развитием ремесел, начинают приносить основной доход городу и его жителям. Территориальные владения Херсонеса (теперь как части империи) не претерпели существенных изменений (рис. 3). Местное варварское население округа является активным потребителем византийского импорта через Херсонес-Херсон, о чем говорит наличие в погребениях массы стекла, бижутерии, краснолаковой керамики [Arsen'eva, Domzalski, 2002]. В Империи IV-V вв. активно начинают работать экспортные центры по доставке вина, оливкового масла из Синопы, Колхиды, Эгеиды, Малой Азии и Палестины [см.: Pieri, 2007, fig. 2]. Хронология разнообразной амфорной тары в городе распределяется сериями с IV по VII вв. включительно, достигая максимума в VI в., прерываясь уже ближе к середине следующего столетия [Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 16-45]. Связано, это, по всей видимости, с экспансией арабов, войнами и катастрофическим обрушением экономики в восточной части Византии.

Таким образом, Херсонес Таврический, начиная свою античную историю маленьким полисом, превращается в конце классики и начала эллинизма в значительное «территориальное» (и процветающее) государство Западного Крыма, затем на исходе эллинизма значительно сократившись до пределов ближней округи (Гераклейского полуострова) и входит, таким образом, в римскую, а позднее и в раннесредневековую эпоху. Этот процесс сочетался с перестройкой экономики с винодельческо-зерновой и посреднической на получение соленой рыбы и соуса.

Список литературы

1. Античные государства Северного Причерноморья / Археология СССР. М.: Наука, 1984. 392 с.
2. Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Год рождения Херсонеса Таврического // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 36-46.
3. Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997 гг. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М.: «Восточная литература» РАН, 1999. С. 91-129.
4. Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н., Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 310-371.
5. Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э. **Часть II: Петрография, хронология, проблемы торговли.** СПб.: Алетейя, 2006. 320 с.
6. Золотарев М.И. Херсонес Таврический: основание и становление полиса // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 13-44.
7. Зубарь В.М. Еще раз о времени основания Херсонеса Таврического // БИ. 2010. Вып. XXIII. С. 63-84.
8. Кадеев В.И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I-IV вв. н.э. Харьков: Изд-во ХГУ, 1970. 164 с.
9. Кутайсов В.А. Северо-Западный Крым и Херсонес в I в. до н.э. — I в. н.э. // **Бахчисарайский историко-археологический сборник.** Вып. 2. Симферополь: Таврия-плюс, 2001. С. 95-105.
10. Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV-II вв. до н.э. Опыт системного анализа. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. 158 с.
11. Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV-III вв. до н.э. Ч. II. Севастополь, 164 с.
12. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Уральский университет, предприятие АВ КОМ. Препринт, 1995. 110 с.
13. Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002. 271 с.
14. Сапрыкин С.Ю. Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху: историко-нумизматическое исследование. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005. 204 с.
15. Сорочан С.Б. Об экспортных возможностях херсонесского виноделия // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект: Тезисы докладов международной конференции. Севастополь, 1997. С. 112-113.
16. Сувор Е.Г. Херсонесские цистерны // Ученые записки СГПИ. Вып. 3. Свердловск, 1948. С. 3-47.
17. Ушаков С.В., Лесная Е.С., Тюрин М.И. Новый керамический комплекс V в. до н.э. из северо-восточного района Херсонеса // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященных 65-летию профессора В.П. Копылова. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 308-315.
18. Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I вв. до н.э. **Очерки истории и культуры.** Харьков: Майдан, 2004. 732 с.
19. Херсонес Таврический в середине I вв. до н.э. — VI в. н.э. **Очерки истории и культуры.** Киев: Академперіодика, 2005. 625 с.
20. Scegllov A.N. Polis et chora: Cite et territoire dans le Pont-Euxin. Paris: Diffusion Les Belles Lettres, 1992. 302 p.

21. Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Band 8. 2002. S. 415-491.
22. Pieri D. Les Centres de Production d'amphores en Méditerranée Orientale Durant l'antiquité Tardive: Quelques Remarques // M. Bonifay et J.-C. Trégliat (éd.), LRCW 2. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry, BAR Series, 1662 (ii), 2007. P. 611-625.

Список сокращений

БИ — Боспорские исследования, Керчь-Симферополь
СГПИ — Свердловский государственный педагогический институт
ХГУ — Харьковский государственный университет
ХСб. — Херсонесский сборник, Севастополь
ЮНЦ РАН — Южный научный центр Российской Академии наук

И.А. Файзуллин¹

Оренбургский государственный педагогический
университет, Оренбург, Россия
ildar-1988@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ФОРМЕ ЖИВОТНОВОДСТВА
В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА
НА ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ**

I.A. Faizullin

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

**ON FORM OF LIVESTOCK FARMING
OF THE LATE BRONZE AGE PERIOD ON THE TERRITORY
OF THE ORENBURG URALS**

ABSTRACT: During the Late Bronze Age livestock farming was the main part of economy for the Eurasian steppe population. But there were some difficulties to determine the character of livestock farming and the degree of its mobility. Archeological and natural-science findings can't give us exact answers. Apparently, the livestock farming was rather mobile and it made people move around. We can't say exactly that the population of the steppe region during the Late Bronze Age could prepare enough food to feed animals in the settlements in winter by the archeological findings. That was impossible because of absence of agriculture. One of the indirect signs of population's mobility may be the existence of the light land constructions which were easy to build in the realities of nomadic life. The nomadic economy type for the Late Bronze Age population is supposed to intensify dependence on climatic conditions. The next archeological findings should widen our knowledge about the economy of the Late Bronze Age period.

Тот факт, что население эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи занималось производящим хозяйством, уже давно не вызывает сомнений. Неоспоримым является тезис о скотоводческой направленности хозяйства у населения в ПБВ [Косинцев, Рослякова, с. 305-306; Антипина, 1997, с. 26-29]. В результате палинологических исследований, проведенных на 6 по-

¹ Исследование выполнено при поддержке министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 33.1471.2014К.

селениях эпохи поздней бронзы с территории Оренбургского Предуралья, было выявлено отсутствие пыльцы культурных растений. Кроме того, было проведено исследование керамики на наличие отпечатков зерен культурных злаков, которое также показало их отсутствие [Лебедева, 2004, с. 247].

В силу того, что следов земледелия на поселениях Западного Оренбуржья не отмечено, с уверенностью можно говорить о скотоводстве как о самой важной отрасли хозяйства. При этом следует отметить большую роль металлургии. Бесспорным является факт прогрессивности экономики при использовании и технологическом совершенствовании металлургического производства. При этом роль животноводства, которое обеспечивало население продуктами питания, а также сырьем для производства орудий труда и одежды нельзя недооценивать. Не обеспеченное продовольствием население не имеет потенциала к технологическому и социальному развитию. Именно поэтому животноводство было тем стержнем, вокруг которого и развивалось степное общество.

В настоящее время достаточно сложным представляется вопрос о степени подвижности населения в ПБВ¹. Ранее модель придомного скотоводства в научной литературе являлась доминирующей. Эта модель ведения хозяйства объяснялась пастушеством на прилегающей к поселкам территории, где скот, так или иначе, регулярно возвращался на поселение, а в зимнее время для него был заготовлен корм [Мерперт, Пряхин, 1979, с. 10-13; Обыденев, Обыденева, 1992, с. 57-66; Васильев, 2010, с. 82]. В настоящее время авторы также не исключают подобную модель животноводства [Русланов, 2015, с. 20-21].

Однако стоит отметить, что такая форма ведения хозяйства достаточно сложна, т.к. скот при выпасе вытаптывает кормовую базу вокруг поселения. При перевыпасе происходит уплотнение почвы и ее иссушение, в травостое выпадают ценные кормовые растения, затем разрушается почвозащитная дернина и активизируются процессы водной и ветровой эрозии. Такие процессы называют пасквальной, или пастбищной, дигрессией [Смирных, 2014, с. 96-99]. В то же время, даже на современном этапе в сельской местности фураж, которым кормят скот в зимнее время, во многом является результатом земледелия (солома и сами злаки). Заготовка сена для всего стада, которое должно быть значительным в силу доминанты скотоводства, в позднем бронзовом веке была трудновыполнима. Она даже в настоящее время вызывает сложности у сельского населения в засушливые годы.

Достаточно серьезным доказательством подвижности степного населения в эпоху поздней бронзы на территории Оренбургского Предуралья является традиция возведения наземных построек. Всего на рассматриваемой территории известно 11 построек, 9 из которых наземные. В трех случаях зафиксированы столбовые конструкции, а в остальных случаях отсутствовали даже столбы. Котлованы построек практически не заглублялись в материк, достаточно часто имели очертания, близкие прямоугольным. Из имеющихся данных достаточно сложно судить о способе возведения стен и конструкции крыши в указанных постройках. Отсутствие остатков строительного материала для крыши и стен, гипотетически, может говорить о легкой конструкции построек. Видимо, производственной необходимости для сооружения сложных построек на поселении, где жители занимались преимущественно подвижным животноводством, не было. В то же время нельзя исключать, что жители могли проживать в них и в зимнее время.

Лишь два комплекса с территории Оренбургского Предуралья имеют более сложную конструкцию: постройки с Хутора Горного на Каргалах и на Токском поселении. Обе постройки оставлены металлургами и имеют целый набор узкоспециальных находок и конструктивных ходов при строительстве [Файзуллин, 2015, с. 81-82]. В литературе отмечался особый способ ведения хозяйства металлургов, которые, видимо, получали сельскохозяйственные продукты уже в готовом виде [Антипина, 2004, с. 222-223].

Для достаточно успешной заготовки кормов на зиму населению были необходимы специальные навыки и соответственно специальные орудия. В ходе раскопок бытовых памятников Западного Оренбуржья на площади поселений с наземными постройками обнаружено всего два

¹ Выражаю благодарность Н.В. Росляковой и А.Н. Усачуку за ценные консультации.

бронзовых серповидных орудия на Ивановском поселении. Остальные серпы связаны с находками 4 кладов, которые насчитывают 10 орудий: Овсянка, Ново-Красноярский, Майоровский и Васильевский [Обыденков, 1989, с. 90-91], а также 13 орудий с поселения у хутора Горный на Каргалах. Долгое время исследователи связывали с этими орудиями возможность заготовки сена, однако в настоящее время их чаще определяют как секачи, орудия для рубки веток и тростника [Кузьминых, 2004, с. 84]. В тоже время, существует предположение об использовании орудий этого типа в качестве оружия [Лебедева, 2004, с. 247].

Еще одна распространенная категория находок на поселениях — костяные орудия. Они также, по мнению ряда исследователей, могли служить для заготовки кормов. К таким орудиям относили тупики. Так, например С.С. Березанская считала, что они являлись обоймами для вставки серпов [Березанская, 1990, с. 41]. Однако во множестве работ, посвященных косторезному производству у населения ПБВ, возможность использования орудий из нижних челюстей крупного рогатого скота и лошади для сенокосения не отмечена. В большинстве случаев их интерпретируют как кожевальные орудия [Усачук, 2012, с. 140-156; Усачук, Файзуллин, 2016, с. 128-150; Панковський, Філатов, 2011, с. 77-81].

В вопросе о возможности заготовки фуража для зимнего содержания скота и подвижности основного стада наиболее обоснованной выглядит позиция Е.Е. Антипиной. В целом ряде своих работ она обосновывает подвижный способ ведения хозяйства у населения рассматриваемой эпохи. Автором отмечено, что при доминировании скотоводства оно может существовать лишь в подвижных формах [Антипина, Моралес, 2005, с. 29-44; Антипина, 1997, с. 20-32]. Отметим, что достаточно близкой выглядит идея П.А. Косинцева который предполагает, что большая часть скота в теплое время года отгонялась на дальние пастбища, а к зиме возвращалась обратно и выпасалась возле поселения [Косинцев, 2003, с. 135].

Учитывая тот факт, что климатические условия территории Западного Оренбуржья в рассматриваемый период были более благоприятными, чем сейчас, что проявлялось в оптимальном соотношением влаги и тепла, обеспечивавшего максимальную продуктивность степных экосистем [Моргунова и др., 2010, с. 94; Моргунова и др., 2014, с. 114-115], с большой долей уверенности можно предположить возможность подвижности большей части стада, которое имелось у населения в это время.

Выводы:

Исходя из имеющегося материала достаточно сложно представить возможность содержания скота на поселениях позднего бронзового века в степях Оренбургского Предуралья на постоянной основе. В настоящее время отсутствуют доказательства массовой заготовки кормов на поселениях, орудий напрямую свидетельствующих об этом, крайне мало, в погребальных комплексах подобные орудия неизвестны вовсе. Вероятно, население использовало более подвижную модель животноводства в степной зоне. Однако в настоящее время сложно ответить на вопрос в какое время года и на какое расстояние скот отгонялся от поселений. Также мы не можем уверенно говорить, оставалась ли некоторая часть населения на поселении или откочевывала полностью вслед за скотом. Однако наличие свиньи в стаде, хоть и в очень небольшом количестве, делает это вопрос еще более спорным.

Список литературы

1. Антипина Е.Е. Методы реконструкции особенностей скотоводства на юге Восточной Европы в эпоху бронзы // РА. 1997. № 3. С. 20-32.
2. Антипина Е.Е. Археозоологические материалы // Глава 7. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2004. 320 с.
3. Антипина Е.Е., Моралес А. “Ковбои” Восточноевропейской степи в позднем бронзовом веке // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2005. С. 29-44.
4. Березанская С.С. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев: Наукова думка, 1990. 152 с.

5. Васильев И.Б. Срубная культура лесостепного Поволжья и Приуралья // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Самара: ООО «Офорт», 2010. С. 64-100.
6. Косинцев П.А., Рослякова Н.В. Скотоводство населения Самарского Поволжья в эпоху бронзы // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2000. С. 302-308.
7. Косинцев П.А. Животноводство у населения Самарского Поволжья в эпоху поздней бронзы // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара: Изд-во СГПУ, 2003. С. 126-146.
8. Кузьминых С.В. Металл и металлические изделия // Каргалы. Т. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2004. 320 с.
9. Лебедева Е.Ю. Археоботанические исследования // Каргалы. Т. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2004. 320 с.
10. Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж: изд-во Воронежского ун-та, 1979. С. 7-24.
11. Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Купцова Л.В., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Хохлов А.А., Хохлова О.С. Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области. Оренбург: ОГПУ, 2014. 172 с.
12. Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярев А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: ОГПУ, 2010. 160 с.
13. Обыденнов М.Ф. Бахчинский клад срубной культуры в Южном Приуралье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Урала и Нижнего Поволжья. Уфа: БНЦ Уро АН СССР, 1989. С. 87-92.
14. Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1992. 171 с.
15. Русланов Е.В. Структура стада домашних животных у населения лесостепного Приуралья в эпоху бронзы // Известия археологической лаборатории Башкирского государственного университета: сборник статей. Вып. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 16-27.
16. Смирных А.Г. Основные типы антропогенных ландшафтов Оренбургской области // Оренбургская область: география, экономика, экология. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2014. С. 89-113.
17. Усачук А.Н. Коллекция костяных изделий Степановского поселения // Ю.М. Бровендер Степановское поселение срубной общности на Донском кряже. Алчевск: Дон ГТУ, 2012. С. 140-156.
18. Усачук А.Н., Файзуллин И.А. Костяные изделия Токского и Покровского поселений эпохи поздней бронзы в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 12. Оренбург: ООО «ИПК Университет», 2016. С. 127-148.
19. Файзуллин И.А. К вопросу о функциональном назначении построек эпохи бронзы с территории Западного Оренбуржья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: изд-во ИПОС СО РАН, 2015. № 2 (29). С. 80-86.
20. Панковський В., Філатов Д. Кістяна індустрія поселення Розанівка // Аркасівські читання. Матеріали I Міжнародної науково-практичної конференції. Миколаїв: МДУ, 2011. С. 77-81.

А.Ю. Федорченко

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский
институт ДВО РАН, Магадан, Россия
winteralex2008@gmail.com

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СКРЕБКОВЫХ ОРУДИЙ
VI ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО СЛОЯ УШКОВСКИХ СТОЯНОК
(ЦЕНТРАЛЬНАЯ КАМЧАТКА)**

A.Yu. Fedorchenko

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute,
FEB RAS, Magadan, Russia

**FUNCTIONAL ANALYSIS OF SCRAPING TOOLS
OF THE VI PALAEOЛИTHIC LAYER OF USHKI SITES
(CENTRAL KAMCHATKA)**

ABSTRACT: This article introduces the results of the functional analysis of scraping tools of Ushki sites, the VI cultural layer (Kamchatka). During longtime excavations, N. N. Dikov identified a collection of stone artifacts including a series of end-scrapers and side-scrapers. Most of these tools of such type were found during the study of the remains of dwellings as well as burials. In 1989, N.A. Kononenko (Vladivostok) performed trace evidence analysis of stone inventory of the late Ushkovskaya culture. The wear marks from skin scraping were recorded on typologically marked scraping tools as well as on wedge-shaped micro cores, their preforms, shatters, chippers, microplates, retouched flakes, and fissures without processing. One artefact with scraping morphology was interpreted as wood chisel. Some tools with glossing microtraces and scraping kinematics were used for dredging. Our studies of scrapers of the VI layer allow to judge about the specialization during the process of leathersmaking, point out the discrepancies of some typological definitions of stone ware with their real functional purpose, reveal the peculiarities of the reissue process of the tools in the industry of the late Ushkovskaya culture.

Скребковые орудия являются типичным элементом производственных комплексов палеолитической эпохи. Большинство скребков изготовлено из отщепов или пластин и имеет короткий ретушированный выпуклый или прямой рабочий край. Назначение таких изделий чаще всего ассоциируется с обработкой шкур и кож животных — материалов, используемых человеком со времен раннего палеолита. Экспериментально-трасологические изыскания российских исследователей позволили скорректировать научные представления об использовании этих орудий на различных стадиях скорняжного производства, продемонстрировали примеры различного функционального наполнения «классических» скребковых форм [Семенов, 1968; Волков, 1999].

Цель нашей работы заключалась в реконструкции функций скребковых орудий VI культурного горизонта памятников Ушки-I и -IV (Центральная Камчатка, поздняя ушковская культура), датируемого 10–10,8 тыс. ¹⁴C л. н. [Федорченко, 2016а. С. 224–225]. При анализе следов износа применялись микроскопы МБС и Olympus ВНМ, фотокамера Canon 7D с объективами EF-S 60 mm Macro, EF 40 mm. Лабораторные изыскания дополнялись экспериментами по изготовлению скребков и обработке ими шкур животных, кости, рога и дерева. Источником исследования послужили материалы из раскопок Н. Н. Дикова 1961–1991 гг. (фонды СВКНИИ ДВО РАН).

Анализ археологической коллекции позволил выделить 51 изделие с морфологическими параметрами скребков (47 экз. со стоянки Ушки-I, 4 экз. — Ушки-IV). Среди заготовок изучаемых изделий преобладают отщепы (44 экз.) с относительно прямым (13 экз.), изогнутым (30 экз.) или выпуклым профилем (1 экз.). Отдельные орудия изготовлены из фрагментов ладьевидных техни-

ческих сколов (2 экз.), пластинчатых снятий (2 экз.) и их медиальных сегментов (3 экз.). В качестве сырья использовались кремнистые породы (84%), халцедон (12%) и обсидиан (4%). Почти 40% изделий (20 экз.) имеют следы слома корпуса в проксимальной или медиальной части. Длина орудий варьируется от 8,9 до 63,8 мм, ширина — 11,8–30,5 мм, толщина — 2,5–15,4 мм. Преобладающими группами скребков являются простые концевые (22 экз. или 43%) и концевые с дорсальной краевой ретушью по двум боковым краям (18 экз. или 35%) подпрямоугольной, овальной или подтреугольной формы. Единичными находками представлены концевые с утончением корпуса и ретушированным дорсалом (4 экз.), черешковые (3 экз.), скошенные (2 экз.), угловые (1 экз.) и округлые (1 экз.) скребки. Лезвия орудий обладают выпуклой симметричной формой (26 экз.), скошено в левую (18 экз.) или правую (7 экз.) стороны.

Экспериментально-трасологический анализ позволил установить назначение 42 скребковых орудий. Преобладающей функциональной группой выступают скребки для обработки свежих шкур / кожи (31 экз.) (рис. 1: 1–3). Большинство инструментов этого типа выявлено среди концевых скребков. Следы шкур имеют два черешковых, один концевой с утонченным корпусом и ретушированной спинкой, угловой и скошенный скребок. Использование бинокулярного микроскопа позволяет зафиксировать на примыкающих к лезвию участках дорсала и вентрала следы заглаженности, залощенности и тусклого, «жирного» блеска. При увеличении 60–100х прослеживаются равномерная стертость и сильное скругление кромки. Мягкая заполировка распространяется полосой, примыкающей к линии рабочего края и проникающей вглубь неровностей микрорельефа и негативов ретуши. На кромках нескольких скребков отмечены линейные следы — в виде тонких линий, расположенных перпендикулярно или диагонально линии кромки и отражающих направление движения этих орудий.

Во вторую категорию объединены 6 изделий с функцией скобления рога / кости (рис. 2: 1). Все скобели выявлены среди концевых скребков, боковые края которых не имеют ретушной обработки. Большинство этих орудий имеют узкие лезвия (8–11 мм), оформленные дорсальной крутой краевой ретушью. При увеличении 100–200х кромки скобелей имеют волнистый вид, покрыты фасетками микровыкрошенности и негативами более крупных сколов. Заполировка от контакта с костью / рогом яркая и блестящая, локализуется на высоких участках микрорельефа, не проникает внутрь фасеток ретуши. Сильно заполированные участки напоминают расплавленный металл. Линейные следы на кромках отсутствуют.

Функция одного концевого скребка (31 x 23 x 5,4 мм) оказалась связана со строганием рога / кости (рис. 2: 2). Рабочий край изделия оформлен дорсальной краевой полукрутой ретушью и расположен на левой боковой стороне и смежной части верхней грани. Признаки микроизноса от строгания кости и рога обладают морфологией, схожей с таковыми от скобления, но имеют различия в топографии. Следы «костяной» заполировки локализуются отдельными яркими пятнами на выступающих участках линии кромки и в виде широкой полосы с участками заполировки различной степени выраженности. Полоса заполировки распространяется на значительно большее расстояние, чем в случае скобления.

Скобелями для работы по дереву служило 4 изделия (рис. 2: 3). Орудия этого функционального типа имеют схожие параметры ширины (16,5–17 мм) и толщины (2,8–3,9 мм). При малом увеличении на лезвиях и примыкающих к ним участках вентральной поверхности прослеживаются локальные зоны заглаженности и плоские фасетки выкрошенности, придающие кромке волнистый вид. При сильном увеличении фиксируется сильная поврежденность лезвий и яркая заполировка, расположенная исключительно на выступающих участках лезвий. Морфология заполировки напоминает своеобразные «оплывшие куполообразные вершины» и характеризуется ячеистой структурой. Линейные следы отсутствуют.

На большинстве скребковых орудий поздней ушковской культуры зафиксированы следы фиксации в костяных или деревянных рукоятях. Признаки износа от крепления имеют вид локальных пятен яркой блестящей ячеистой заполировки или следов стертости. Расположение этих следов связано с выступающими участками микрорельефа в противоположных лезвиях частях изделий, чаще всего — на дорсальной плоскости.

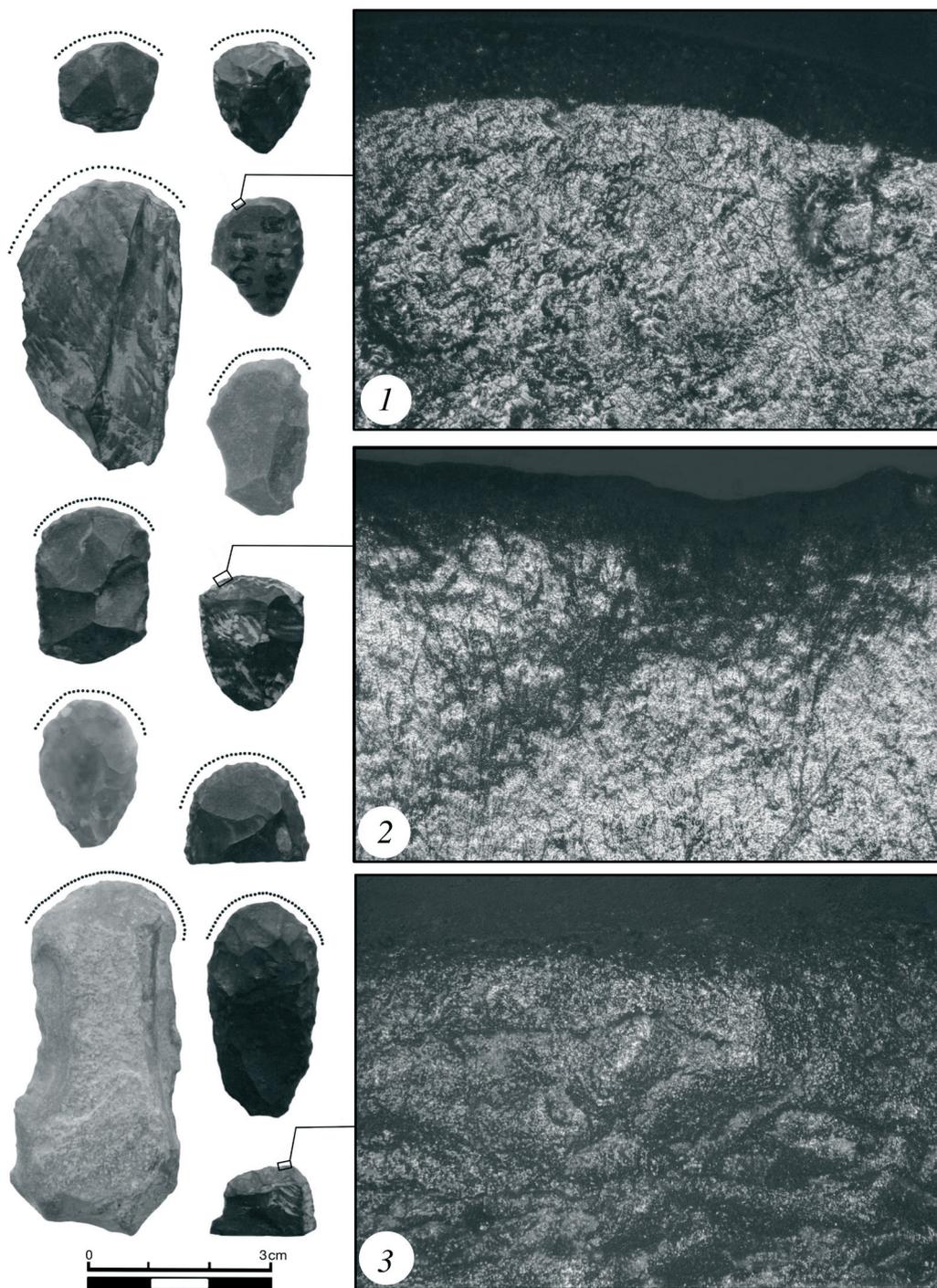

Рис. 1. Скребки для обработки шкур и следы изношенности на их рабочих краях.
 Стоянка Ушки-1, культурный слой VI

Результаты нашей работы существенно дополняют данные о функциях скребковых орудий поздней ушковской культуры. Трасологические исследования Н. А. Кононенко позволили зафиксировать следы износа от скобления шкур как на типологически выраженных скребках, так и на клиновидных микронуклеусах, преформах, лыжевидных сколах, бифасах, микропластинах и отщепках с краевой ретуши и без обработки. Орудиями для мездрения шкур служили четыре массивных скребла из ороговикованного и кремнистого сланца. Один скребок интерпретировался как долото по дереву. Несколько орудий со следами залощенности применялись для рытья грунта [Федорченко, 2016б, с. 191–195].

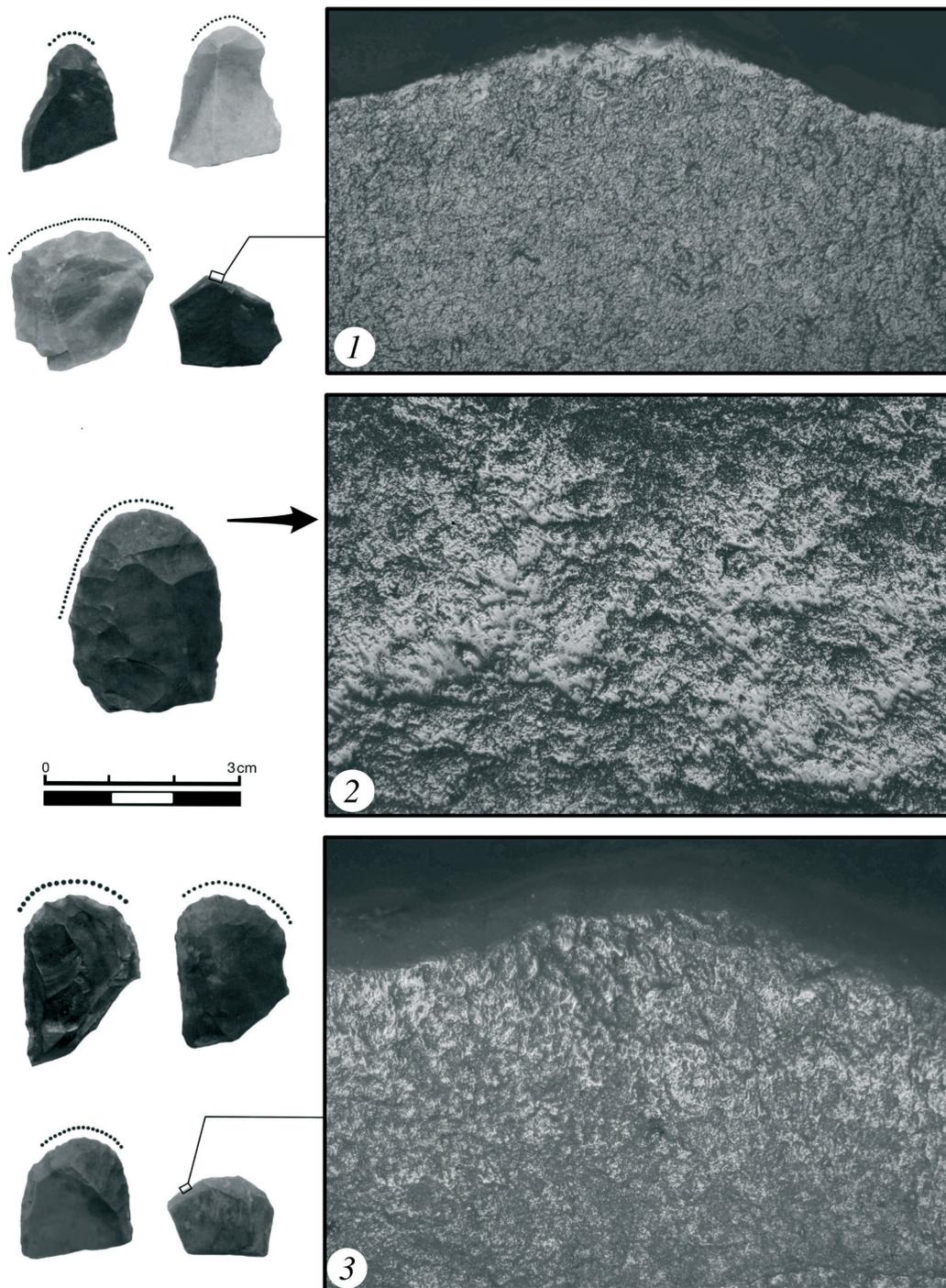

Рис. 2. Орудия для обработки кости, рога и дерева и признаки износа на их лезвиях.
 Стоянка Ушки-I, культурный слой VI

Данные функциональных исследований и морфологическое разнообразие скребков и скребел поздней ушковской культуры позволяют судить о существовании специализации в процессе кожевенного производства. Облик и топография следов утилизации, наличие в коллекции VI слоя Ушковских стоянок большого числа фрагментированных и укороченных в пропорциях скребков могут указывать на продолжительное использование этих изделий и распространенность практики подправки сработанных лезвий. При первичной выделке шкур использовались скребла с протяженным и износостойким рабочим краем, подготовленным крутой и вертикальной ударной ретушью.

Изучение планов раскопок Ушковских стоянок позволяет судить о приуроченности большинства скребков к остаткам многочисленных углистых площадок жилищ. Особой информативностью обладают факты обнаружения орудий этого типа в контексте погребения домашней собаки и коллективного детского захоронения. Для палеолита Севера ДВ такие планиграфические ситуации являются уникальным источником, изучение которого может существенно расширить наши знания о месте скребков в культуре и хозяйстве древнейших обитателей региона.

Список литературы

1. Волков П.В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1999. 192 с.
2. Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 362 с.
3. Федорченко А.Ю. Изделия с резцовыми сколами VI палеолитического слоя стоянки Ушки-I (полуостров Камчатка) // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2016а. № 1. С. 223–241.
4. Федорченко А.Ю. Скребковые орудия VI культурного слоя Ушковских стоянок (Центральная Камчатка): краткие итоги функциональных исследований // *Россия и азиатско-тихоокеанский регион*. 2016б. № 1. С. 187–203.

Е.В. Чернышева

Институт физико-химических и биологических проблем
почвоведения РАН, Пущино, Россия
chernysheva1988@gmail.com

МИКРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ ДРЕВНЕГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ЖИВОТНОВОДСТВА¹

E.V. Chernysheva

Institute of Physicochemical and Biological Problems
in Soil Science RAS, Pushchino, Russia

MICROBIOLOGICAL INDICATORS OF ANCIENT FARMING AND ANIMAL HUSBANDRY

ABSTRACT: thermophilic microorganisms and enzymatic activity of soils of medieval cultivated fields vicinal to the Podkumskoe-3 settlement located within the Kislovodsk basin (Northern Caucasus, Russia) were analysed. The studied area was under occupation, dating back to 500–800 AD, at present it is out of exploitation. It allowed us to relate all anthropogenic changes of soil properties only with the impact of medieval population. In order to study the changes of enzyme activity under past manuring practices several soil sections were made. Unmanured soils were located in the watershed area at a distance of 2000–2500 m from the settlement. Farming practices with applying of self-heating materials in arable plots surrounding medieval settlements did not equally influence the enzyme activity of soils. The activities of phosphomono- and diesterases, aminopeptidase, urease, and arylsulfatase soils were higher in the area of permanent manuring in medieval times and were all significantly higher than those obtained in unmanured areas. In the manured and unmanured soils the activities of α - and β -Glucosidase, cellulase, chitinase, and xilosidase did not differ significantly. In medieval cultivated soils high amount of thermophilic bacteria indicates the long-term use of manure. In arable lands near the Alanic settlements, the abundance of thermophilic bacteria decreased significantly with distance from the sites. The highest abundance of thermophilic bacteria

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, гранты № 14-06-00200 и 16-36-00381-мол_а.

was observed in 500 m zone adjacent to the sites. Moreover the high concentration of thermophilic microorganisms was found in the soil inside of the Koban and Alanic corrals. It was suggested that cattle dung had accumulated in the paddock for a long time.

В настоящее время спектр методов, применяемых для изучения системы древнего земледелия достаточно широк. Для выделения сельскохозяйственной периферии поселений в конце XX века применялся метод систематического сбора керамики на полях [Bintliff, 2000]. Что касается инструментальных методов, позволяющих реконструировать этот агротехнический прием, то первым используемым методом был фосфатный анализ [Sjöberg, 1976]. Затем стали применяться такие методы, как определения значений $\delta^{15}\text{N}$, микроэлементов, изучения микроморфологии почв и свободных почвенных липидов [Entwistle et.al., 1998, Wilson et.al., 2008, Simpson et.al., 1999].

Данная работа посвящена поискам новых подходов для выявления факта внесения навоза в древности. Таким подходом может оказаться выявление микробиологических индикаторов унаваживания. Ранее нами была обоснована возможность использования показателя уреазной активности для восстановления инфраструктуры древних поселений [Борисов и др., 2013]. Использование этого методического подхода основано на том, что в почву с навозом и растительными остатками может поступать большое количество мочевины. Разложение мочевины происходит с участием фермента уреазы, который продуцируется рядом почвенных микроорганизмов. Поэтому можно предположить, что на древних и средневековых удобряемых полях, а также в местах длительного проживания людей и содержания скота будет наблюдаться повышенный уровень уреазной активности. В почвах археологических памятников может наблюдаться не только увеличение уреазной активности, но и активности других ферментов, например фосфатаз, участвующих в разложении фосфоорганических соединений [Каширская и др., 2014].

Другим перспективным методом для выявления факта поступления навоза может быть метод определения численности термофильных бактерий. Термофильные бактерии — это специфическая группа микроорганизмов, которая попадает в почву в основном с навозом или компостами, богатыми этими микроорганизмами, и в почвах они могут сохраняться в покоящемся состоянии. Обилие термофилов в почвах зависит в первую очередь от степени их сельскохозяйственного использования [Мишустин, 1979], и, следовательно, обнаружение в почве значительных количеств микроорганизмов этой группы может быть связано исключительно с внесением навоза. Кроме того, использования показателя численности термофильных микроорганизмов может быть полезным для установления мест содержания скота. Мы исходили из следующего предположения: так как внесение навоза практикуется один раз в году, а скот может содержаться в загонах длительное время, возникает необходимость складирования и накопления навоза. При этом начинается процесс компостирования и разогрева навоза, когда создаются благоприятные условия для развития термофильных микроорганизмов.

Объектами исследования послужили почвы сельскохозяйственной периферии поселения аланской культуры Подкумское-3 (V–VIII вв. н.э.), а также загоны для скота кобанского (I в. до н.э.) и аланского времени (V–VIII вв. н.э.). Изученные археологические памятники расположены в пределах Кисловодской котловины (Северный Кавказ).

Активность внеклеточных ферментов определяли с использованием флуориметрического метода и модифицированного индофенольного. Численность термофильных бактерий определяли чашечным методом.

Поселение Подкумское-3 (V–VIII вв. н.э.) расположено на мысовой части склона северо-западной экспозиции. Для оценки влияния использования навоза в аланское время была заложена серия почвенных разрезов, расположенных на различном удалении от поселений. На основе анализа распределения керамики в почвах была выделена пахотная зона с регулярным внесением навоза, пахотная зона без внесения навоза и территории, которая не была подвержена антропогенному воздействию.

Сельскохозяйственная практика в раннем средневековье не одинаково повлияла на различные ферменты. Активность фосфомоно- и дифосфатаз, аминоксипептидазы, уреазы и арилсульфатазы была существенно выше в зоне регулярного внесения навоза, т.е. внесение навоза в древно-

сти привело к достоверному увеличению активности ферментов фосфатного и азотного циклов. В свою очередь, активность ферментов α - и β -глюкозидазы, целлюлазы, хитиназы и ксилозидазы существенно не различались между унаваживаемыми и не унаваживаемыми почвами.

Численность термофильных бактерий в почвах существенно уменьшалась по мере удаления от поселения, и максимальные значения были выявлены в 500-метровой зоне, прилегающей к памятнику. В фоновых почвах водораздела уровень термофильных микроорганизмов, соответствовал значениям для современных незагрязненных почв. Высокая численность этой группы микроорганизмов в почвах может указывать на значительные масштабы применения навоза в земледельческой практике в аланское время.

Следующими объектами исследования были почвы древних (кобанских) и средневековых (аланских) загонов для скота.

Характерной особенностью участков, на которых расположены кобанские загоны, является отсутствие явных признаков их использования в более позднее время. В почвах кобанских загонов отмечено возрастание содержания термофильных микроорганизмов с глубиной. Причем в почве участка Гумбаши-4 содержание термофильных микроорганизмов было более чем в десять раз выше, чем в почве участка Беловодская. Подобные различия в результатах для этих двух загонов могут указывать на большую длительность использования загона Гумбаши-4 или на иной характер использования загона Беловодская. В разрезе почвы загона Беловодская было обнаружено большое количество фрагментов керамики и костей, что может указывать на исходный жилой характер данной постройки.

Для исследованных аланских загонов было характерно два периода использования: собственно в аланское время и в современности, на что указывает обилие сорной растительности на участках. Содержание термофильных микроорганизмов в аланских загонах значительно превышало значения, полученные для современной фоновой почвы. В заgone Гумбаши-1 высокая численность термофилов регистрировалась только в толще современной почвы, причем отмечалось некоторое преобладание численности термофильных актиномицетов. В заgone Гумбаши-2, напротив, высокое содержание термофилов отмечалось в погребенной почве загона. Если в современной толще их численность не превышала 90 тыс. кл./г почвы, то в погребенной почве содержание термофилов достигало 570 тыс. кл./г почвы. Кроме того, для этого загона характерно отсутствие термофильных актиномицетов.

Мы также провели исследование почв современных загонов. Численность термофильных микроорганизмов здесь, в целом, была выше, чем в почвах древних загонов. Что характерно, в почвах современных загонов наблюдалось значительное доминирование термофильных актиномицетов над бактериями.

Использование показателя численности термофильных микроорганизмов может быть полезным для отделения периодов современного использования загонов от древнего. Так, если в почвах наблюдается преобладание термофильных актиномицетов, то вероятно, загон использовался в современное время. Если же наблюдается значительное преобладание термофильных бактерий и практически полное отсутствие актиномицетов, то загон, скорее всего, использовался в древности.

Таким образом, из полученных нами результатов можно заключить, что определение ферментативной активности почв и численности термофильных микроорганизмов может быть полезным для установления границ древних унаваживаемых полей и выявления мест содержания скота.

Список литературы

1. Борисов А.В., Петерс С., Чернышева Е.В., Коробов Д.С., Рейнхольд С. Химические и микробиологические свойства культурных слоев поселений кобанской культуры (XIII–IX вв. до н.э.) в окрестностях г. Кисловодска // Вестник археологии, антропологии, этнографии. № 4. 2013. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. С. 142–162.
2. Каширская Н.Н., Чернышева Е.В., Федотов А.Э., Агафонова М.Л., Крамарева Н.О., Пригородова Д.В. Ферментативная активность почв культурных слоев городища

- Болгар как показатель интенсивности и характера антропогенной нагрузки в прошлом // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. Казань: Отечество, 2014. С. 379–383.
3. Мишустин, Е.Н., Перцовская М.И., Горбов В.А. Санитарная микробиология почвы. М.: Наука, 1979. 304 с.
 4. Bintliff J. The concepts of 'site' and 'offsite' archaeology in surface artefact survey // Non-Destructive Techniques Applied to Landscape Archaeology (The Archaeology of Mediterranean Landscapes 4). 2000. P. 200–215.
 5. Entwistle J.A., Abrahams P.W., Dodgshon R.A. Multi-Element Analysis of Soils from Scottish Historical Sites. Interpreting land-use history through the physical and geochemical Analysis of Soil // Journal of Archaeological Science. 1998. V. 25. P. 53–68.
 6. Simpson I.A., van Bergen P.F., Perret V., Elhmmali M.M., Roberts D.J., Evershed R.P. Lipid biomarkers of manuring practice in relict anthropogenic soil // The Holocene. 1999. V. 9. P. 223–229.
 7. Sjöberg A. Phosphate Analysis of Anthropogenic Soils // Journal of Field Archaeology. 1976. V. 3, 4. P. 447–454.
 8. Wilson C.A., Davidson D.A., Cresser M.S. Multi-element soil analysis: an assessment of its potential as an aid to archaeological interpretation // Journal of Archaeological Science. 2008. V. 35. P. 412–424.

И.Ю. Чикунова

Институт проблем освоения Севера СО РАН,
Тюмень, Россия
chikki@mail.ru

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС НА ГОРОДИЩЕ УСТЬ-ВАСЬЕГАН-1

I.Yu. Chikunova

Institute of the Problems of Northern Development SB RAS,
Tyumen, Russia

INDUSTRIAL AND RESIDENTIAL COMPLEX IN THE UST' – VASYUGAN-1 SETTLEMENT

ABSTRACT: The medieval Ust-Vasyugan 1 settlement was discovered as the remains of eight buildings. From 2013 to 2015, a complex of three buildings (6-8) united by a single embankment was investigated. The construction № 7 was used as a place to sleep and rest. In the construction 8 inhabitants were preparing food, cutting fish, they were engaged in different household activities. On the floor of the building 6, there were a lot of slag, charcoal, fragments of clay moulds. Perhaps some people were engaged in metal processing. Thus, it is possible to admit the existence in the investigated part of the settlement of an industrial and residential complex owned, most likely, by one family — one household. In all investigated buildings the fragments of the same vessels were found. Near the complex there was the platform with the campfire, which burned all the combustible production waste and kitchen leftovers.

Материалы немногочисленных археологических памятников, расположенных в этом регионе, в силу своей изолированности позволяют увидеть, как различные сообщества людей приспосабливались к конкретным природно-климатическим условиям, формируя свою систему жизнеобеспечения. К таким памятникам можно отнести городище Усть-Васьеган-1. Памятник расположен

в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области, в 9 км к северо-востоку от г. Салехарда, на правом коренном берегу р. Обь, в устье р. Васъеган, на ее правом берегу [Брусницина, 1999]. Памятник исследовался автором в 2013-15 гг. [Чикунова, 2014; 2015].

Археологические объекты на площадке городища Усть-Васъеган 1 представлены остатками 8 объектов (7 наземных жилищ с обваловками и площадка без обваловки), расположенных в один ряд. Иногда в центре жилищ фиксируются возвышения, возможно, остатки очагов, в некоторых случаях — входы в жилище, а также окожилищные ямы. Ширина обваловок колеблется от 1,5 до 2,5 м, высота — от 0,1 до 0,6 м.

С северо-восточной стороны жилища защищены рвом глубиной до 2-5 м и шириной 5-9 м. Ров дугообразно перерезает мыс, полностью отделяя его от напольной стороны. Раскопки 2013 г. не выявили на материке склонов рва следов каких-либо конструкций, однако перед началом использования рва с его склонов был срезан дерн. Дно рва было оформлено досками из лиственницы. Южная часть рва значительно понижается, достигая уровня воды в старичном озере. Можно предположить, что в период наивысшего подъема воды, мыс оказывался полностью отрезанным от остальной террасы Оби.

Жилище № 6 является крайним западным в жилом комплексе из трех построек (жилища 6-7-8) в восточной половине городища. Прямоугольное, размером 3,9 x 4,8 м. Наземное, углублено в материк на 5-8 см. Следов традиционного очага или очаговой зоны в центре жилища не зафиксировано. Отсутствие деревянных конструкций, ям от столбов позволяет предположить легкий характер постройки (навес, сарай, мастерская), имеющей нежилое назначение. В качестве кровли использовались жерди и береста. На уровне пола фиксировался утрамбованный слой, составленный из мелких угольков, золы, шлаков, очень мелких фрагментов керамики и крошева кальцинированных костей, что позволяет выдвинуть версию о производственном назначении постройки — плавильни, кузни. Здесь же встречено много фрагментов керамики, подвергшихся мощному термическому воздействию. Также нередко встречены прокаленные камни, скорее всего использовавшиеся в производстве.

Около центра южной стенки фиксировалась яма, оконтуренная тленом от деревянных плашек и заполненная углями. Размеры ямы 1,5 x 2,0 м, глубина 0,5 м. Заполнение ямы изобиловало ошлакованной керамикой, шлаками, крошечным из керамики и кальцинированных костей. Встречены также орудия из камня. Видимо, эта яма использовалась для складирования отходов производства.

Между 4 и 6 жилищами находилась площадка (объект № 5). Чуть более высокие нивелировочные отметки, наличие мощного кострища, характер напластований и находок позволяет предположить, что данная площадка использовалась для производства, требующего создания высокого температурного режима. Судя по конкрециям в нижней части кострища, состоящим из спрессованного крошева кальцинированных костей животных, рыбьих позвонков и чешуи, сжигались кухонные остатки и отходы охотничьего и рыболовного промысла.

На остальном внежилищном, пространстве расчищены еще три кострища, по своему заполнению аналогичных кострищу на площадке 5. Трудно сказать одновременно ли они функционировали, однако нельзя не отметить, что во всех кострищах обнаружены фрагменты посуды из основного керамического комплекса эпохи средневековья этого городища.

Жилище № 7 является центральным в жилом комплексе из трех построек (жилища 6-7-8) в восточной части городища. Имеет почти прямоугольную форму и размеры 7 x 6 м. Жилище наземное, сооружено практически на поверхности, с которой предварительно был срезан дерн не только под строением, но и вокруг. Стены были сооружены из жердей и досок, укреплены в материке колышками и камнями. В северной стене был выход из жилища.

Ям от опорных столбов не обнаружено. Не исключено, что под их торец подкладывались крупные плоские камни. Можно также предположить, что жилище имело шатровую (или сходную с ней) конструкцию. Стены его были сооружены из жердей и досок и укрыты сверху берестовыми покрышками. Внутрижилищное пространство очень четко разделено на зоны — спальную и приоточную, обозначенные досками и разным уровнем пола. Спальные места располагались

по периметру южной части жилища. Пол был застлан тонкими ветками, хвоей, мхом, циновками из тростника или камыша. В центре жилища, напротив входа располагалась подпрямоугольная приочажная зона, углубленная на 5-9 см в материк и размером 3,0 x 3,5 м. Ее стенки также были укреплены досками и жердями, закрепленными кольшками и камнями. В центре этой зоны находился большой очаг в деревянной раме, вытянутый длинной осью в направлении С-Ю. Его размеры составляли 2 x 1,5 м, мощность до 0,4 м. С разных сторон около очага лежали: железный наконечник стрелы, заготовка костяного изделия (накладка на лук?), бронзовый перстень и бронзовый наконечник ремня с остатками кожи и четвертинка синей бусинки диаметром 3 мм. В очаге находок не обнаружено.

Жилище 8 является крайним из сохранившейся части городища. Примыкает ко рву. Имеет подквадратную форму, и размеры 6 x 6 м. Жилище наземное, сооружено на поверхности, с которой предварительно был резан дерн не только под строением, но и вокруг. Стены были сооружены из жердей и досок. В северной стене был сделан проем — выход из жилища. К сожалению, растущие здесь деревья не позволили конкретно проследить его конструкцию. Ям от опорных столбов не обнаружено. Можно также предположить, что жилище имело шатровую конструкцию, стены которой были сооружены из жердей и досок. Внутри постройки на полу был настил из тонких веток, хвои, мха. Судя по найденным вдоль стен каменным и керамическим скребкам, железным обломку ножа и иглы, что здесь выполнялись какие-либо хозяйственные работы,

Почти в центре, напротив основного главного входа находился овальный очаг, вытянутый длинной осью в направлении от западной к восточной стенке. Его размеры составляли 2 x 1 м, границы маркируются на материке охристыми прокаленными пятнами от длинных крупных булыжников, которыми был обложен очаг. Вдоль западной стены зафиксирован настил из нешироких плашек. Не исключено, что его использовали как рабочее место, поскольку над, около и под ними были обнаружены каменные орудия — скребки, железный ножичек, бронзовое антропоморфное изделие.

На межжилищном пространстве исследована сточная канава. Она отходила от стенки жилища к северному склону мыса. Ее глубина 0,3 м, ширина 0,5-0,75 м. Имеет желобчатое русло, сужающееся ближе к дну и расширяющееся по верхним границам ближе к обрыву. Заполнено мешаными разноцветными наслоениями, сформированными разложившимися в течение некоторого временного отрезка органическими остатками разного характера, кухонными отходами, продуктами разделки рыбы и т.п. В заполнении канавы обнаружены немногочисленные кости животных и позвонки крупных рыб, прокаленные орнаментированные фрагменты средневековых сосудов, крупные и мелкие камни, гальки. Ближе к стенке жилища в заполнении канавы были расчищены крупные длинные булыжники со следами длительного термического воздействия. Не исключена вероятность, что именно этими камнями был обложен очаг, который был преднамеренно разрушен обитателями при оставлении жилища.

В результате проведенных раскопочных работ, получен уникальный материал, дополняющий блок информации о древней истории и процессах освоения территорий Северного Приобья в раннем средневековье. По результатам исследования можно предполагать, что жилище 8 использовалось для хозяйственных работ, чистки рыбы, приготовления пищи. Жилище 7 предназначалось, судя по всему, в основном для сна и отдыха. Функциональное назначение третьего помещения определено как производственное.

Таким образом, можно говорить о существовании в изученной части городища производственно-жилого комплекса, принадлежащего, скорее всего, одной семье — одному домохозяйству. Об этом же свидетельствуют не только очень близкое расположение помещений друг к другу, общая обваловка, но и фрагменты одних и тех же сосудов, обнаруженные во всех трех постройках.

Судя по оставленному инвентарю обитатели городища занимались рыбной ловлей, не исключено — охотой, собирательством. Местонахождение городища в выгодном месте, где можно было осуществлять контроль над речными путями, предполагает присутствие некоторого товарообмена, что подтверждается наличием типологически отличающихся фрагментов посуды от основного керамического комплекса. Анализ полученного инвентаря позволяет предположить время суще-

ствования городища в период IX-XI вв., что подтверждается данными радиоуглеродного анализа, полученного из пробы, взятой в жилище 8. Культурную принадлежность, к сожалению, определить сложнее, поскольку, совмещая в керамическом материале многие черты южных и западных средневековых культурных образований, комплекс городища Усть-Васьеган-1 имеет, тем не менее, собственную ярко выраженную индивидуальность.

Список литературы

1. Брусницына А.Г. Отчет об археологических разведках в Приуральском и Ямальском районах Ямало-Ненецкого автономного округа в 1997 году. Салехард, 1999.
2. Чикунова И.Ю. Городище Усть-Васьеган-1 в Северном Приобье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. Казань: Отечество, 2014. С. 554-558.
3. Чикунова И.Ю. Усть-Васьеган 1 — средневековое городище в Северном Приобье // Материалы IV Северного археологического конгресса. Екатеринбург — Ханты-Мансийск, 2015. С. 215-216.

Д.Н. Шаймуратова, И.В. Аськеев, О.В. Аськеев

Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия
galimovad@gmail.com, archaeozoologist@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ ОСТАТКОВ РЫБ И ПТИЦ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

D.N. Shaymuratova, I.V. Askeyev, O.V. Askeyev

Institute of Problems in Ecology and Mineral Wealth,
Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

THE RESEARCH OF FISH AND BIRD REMAINS FROM ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE MIDDLE VOLGA REGION¹

ABSTRACT: This article provides the research of fish and bird remains from Medieval and Post-medieval archaeological sites located in the Middle Volga region of Russia. From 24 archaeological sites were identified 37 species of fish and 72 species of birds. It was found that the basis of the fisheries were the sturgeon species (sterlet, russian sturgeon, stellate sturgeon beluga, ship sturgeon), also the common bream, zander, catfish and northern pike. The predominance of domestic birds bones (chicken, goose, duck) and the variety of sizes at most archaeological sites of the 10th-18th centuries AD demonstrated that the people of the Middle Volga region had already developed domestic poultry keeping. The bones of turkey were diagnosed in the cultural layers of the cities of the 16th-18th centuries AD. This is the first evidence of the occurrence and breeding of this domestic species on the territory of the Middle Volga region. The high species diversity of wild birds may indicate the use of birds by the various ethnic groups for different purpose. According by the prevalence of bone remains of valuable fish species such as Acipenseridae and Salmoniformes, a significant number of bones from domestic birds, the presence of bone remains of hunting and potentially hawking birds (northern goshawk, sparrow hawk, golden eagle) can be indicators of high life quality of population of the Middle Ages and Post-medieval period in the region.

¹ Исследование археозоологических материалов из Биляра выполнено в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ № НШ-7170.2016.6. «Процессы урбанизации и градостроительства в Поволжье (X–XVI вв.)».

При раскопках многих археологических памятников обнаруживаются остатки рыб и птиц. Фаунистические остатки являются источниками ценной информации о хозяйственной деятельности и пищевых предпочтениях жителей древних поселений и городов, а также несут в себе данные о состоянии окружающей среды прошлого.

Исследованные нами коллекции остатков рыб и птиц происходят из раскопок 24 средневековых и постсредневековых археологических памятников, расположенных на территории Республики Татарстан, Республики Марий Эл, Чувашской Республики, Самарской и Саратовской областей. Археозоологический материал был распределен по 4 периодам, характеризующим этапы развития общества на территории Среднего Поволжья. Большая часть материала была получена ручным методом сбора. Все датировки проведены по археологическим находкам. Изучение субфоссильных остатков (кости и чешуя рыб, кости птиц) проводилось в лаборатории биомониторинга ИПЭН АН РТ¹. Подробное описание методики исследований, систематический обзор, морфо-биологическая характеристика субфоссильных рыб и птиц, а также проблемы становления рыболовства и птицеводства в данном регионе были опубликованы в ряде статей [Аськеев и др., 2011 а, б; Аськеев и др., 2013 а, б; Galimovaetal, 2014].

Для коллекций из археологических памятников Среднего Поволжья доля определимых до вида костей рыб составила 78,1%. На 1 сентября 2016 г. по костям (всего 10 816 экз.) из 18 археологических памятников идентифицировано 37 видов рыб из 10 семейств. Чешуя рыб (всего 6988 экз.) обнаружена в слоях 10 археологических памятников. До вида определено 92% чешуи, принадлежащие 16 видам рыб. Доля определимых до вида остатков птиц составила 93%. Из 24 археологических памятников выявлено 72 вида птиц из 11 отрядов (всего 4002 экз. костей).

IV — начало VIII вв.

В коллекциях остатков птиц из 6 археологических памятников данного периода были определены остатки, принадлежащие 27 видам птиц — 25 диких и 2 домашних. Дикие птицы представлены в основном водоплавающими и околоводными видами, присутствуют и лесные виды. Кости домашней курицы определены во всех коллекциях, кроме Именьковского городища. Кости домашнего гуся определены для 4 поселений. Измерения костей домашних птиц указывают на их относительно небольшие размеры.

По костям и чешуе идентифицировано 25 видов рыб. Практически на всех археологических памятниках данного периода в коллекции преобладали кости осетровых, часто диагностировались остатки от щуки, сома и карповых видов рыб. Для данного периода характерно зависимость качественного состава костных остатков рыб от географического местоположения определенного поселения. Так, для поселений, расположенных вблизи рек Волга и Кама, в коллекциях доминировали кости осетровых рыб. В то же время, на поселениях, располагавшихся отдаленно от этих рек, кости осетровых рыб не встречались. Например, в коллекции Ивановско-Ленинского II городище «Шолм» (Чувашская Республика), находившегося вблизи р. Суры (среднее течение) обнаружены кости щуки, сома и 4 видов карповых рыб.

X — первая половина XIII вв.

В остеологических коллекциях из 8 археологических памятников определено 46 видов птиц. В отличие от IV — начало VIII вв., в памятниках X — пер. пол. XIII вв. по количеству костей преобладали домашние птицы с доминированием остатков домашней курицы — 64,4%. Кости курицы были обнаружены во всех исследованных памятниках поселенческого типа. Остатки домашнего гуся на 5 поселениях. Кости домашних уток так же были идентифицированы. На наличие развитого птицеводства у населения Среднего Поволжья указывает присутствие в коллекциях костей кур, принадлежащих разным «породным» типам. Дикие птицы представлены костями от 43 видов. Так, например, остеологические коллекции из Биляра за разные годы раскопок содержали интересные находки костей от потенциально ловчих хищных птиц: ястреба-тетеревятника, ястреба-перепелятника, сапсана и беркута. Так же были диагностированы кости серого журавля, орлана-белохвоста, большого подорлика, черного коршуна. По степени сохранности костей и их морфологическим особенностям (патологиям) и месту локализации в раскопе с привязкой к определенным археологическим объектам (сооружениям) нами делается предположение, что их могли содержать богатые жители Биляра в специальных местах (авиариях) в декоративно-эстетических целях.

¹ ИПЭН АН РТ — Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан.

Из раскопов поселений данного периода диагностированы остатки от 32 видов рыб с количественным доминированием осетровых. Достаточно обычны кости сома, щуки, судака. Так же идентифицированы остатки рыб из отряда Лососевообразных и Сельдеобразных: белорыбицы, каспийского лосося, тайменя, европейского хариуса, сельди-черноспинки.

Вторая половина XIII-XV вв.

Из 6 археологических памятников данного периода определено 38 видов птиц и 28 видов рыб. Согласно полученным данным во второй половине XIII-XV вв. сохраняются те же формы использования рыб и птиц, что и в предшествующий период. На ряду с преобладанием остатков домашних кур, увеличивается количество костей домашнего гуся. В коллекциях из 3 поселений определены кости домашней утки. Среди диких видов птиц сохраняется тенденция преобладания различных видов семейств утиных (кряква, шилохвость, широконоска и др.) и тетеревиных (глухарь, тетерев). Диагностированы кости от хищных ловчих и синантропных видов птиц.

По количественному соотношению в слоях 5 поселений сохраняется доминирование костей осетровых рыб. Из карповых рыб чаще всего определяются кости леща. Костные остатки сома и судака так же были обычны. По сравнению с двумя предшествующими периодами, в слоях памятников XIII-XV вв. отмечено уменьшение количества костей щуки.

XVI-XVIII вв.

Выявлено 38 видов птиц и 35 видов рыб. В культурных слоях Чебоксар, Казани и Елабуги идентифицированы кости нового вида домашней птицы для территории Среднего Поволжья — домашней индейки. Доля ее остатков в Чебоксарах составила 11 % от всех домашних птиц, в Казани — 11,3 %. Встречены кости от разных возрастных групп, как самок, так и самцов. Это указывает на успешность разведения этого вида на изучаемой территории. В основном кости домашней индейки были локализованы на территориях монастырских подворий. В целом же сохранилась тенденция значительного преобладания домашних птиц — кур и гусей. Морфологически домашние куры из Казани и Чебоксар имели сходство с современными беспородными домашними курами территории Республики Татарстан. Среди остатков диких птиц преобладали водоплавающие и лесные виды, часто диагностировались кости и от синантропных видов птиц (6 видов).

Для XVI-XVIII вв. в целом видовой и количественный состав рыб из археологических объектов имеет сходство с более ранними периодами с преобладанием костей стерляди, русского осетра, судака, сазана и леща. Необходимо отметить, что коллекции содержат высокое видовое разнообразие карповых рыб (18 видов).

Таким образом, установлено, что рыбы и птицы играли важную роль в жизни населения средневековых и постсредневековых городов и поселений Среднего Поволжья. Для исследованного временного диапазона IV-XVIII вв. основу рыбного промысла составляли осетровые виды рыб, а также лещ, судак, сом и щука. Преобладание костных остатков домашних птиц в коллекциях археологических памятников X-XVIII вв. и их морфологическое разнообразие указывает на существование развитых навыков птицеводства. Видовое разнообразие диких птиц указывает на применение различных способов и приемов охоты, а также использование птиц этническими группами средневекового населения Среднего Поволжья в различных целях. Мы можем также утверждать, что количественное преобладание костных остатков от ценных промысловых видов рыб, таких как осетровые и лососевые, значительное количество костей от домашних птиц, наличие остатков костей от промысловых охотничьих и ловчих хищных птиц могут служить индикаторами высокого качества жизни у различных слоев населения для периода средневековья и постсредневековья данного региона. На основе археозоологических материалов по птицам и рыбам из Биляра, Болгара, Свяжска, Казани и Чебоксар доказывается высокий социальный и экономический статус этих городов. Накопление определенного состава остатков рыб и птиц в слоях археологического памятника, прежде всего, зависело от эколого-географического и стратегического положения древнего поселения и значимых агентов этого процесса.

Список литературы

1. Аськеев И.В., Аськеев О.В., Галимова Д.Н. Археоихтиологические исследования на территории Волжско-Камского края // Археология и естественные науки Татарста-

на: Сборник научных статей, посвященный памяти д.б.н. А.И. Петренко. Казань: Изд-во ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011а. Кн. 4. С. 44-156.

2. Аськеев И.В., Аськеев О.В., Галимова Д.Н. Становление птицеводства и развитие домашних птиц на территории Волго-Камья (по археозоологическим данным) // Археология и естественные науки Татарстана: Сборник научных статей, посвященный памяти д.б.н. А.И. Петренко. Казань: Фолиант; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011б. Кн. 4. С. 157-188.
3. Аськеев И.В., Галимова Д.Н., Аськеев О.В., Ихтиофауна позднего голоцена Средневожского бассейна (по материалам археологических раскопок) // Зоологический журнал. 2013а. Т. 92. Вып. 9. С. 1014-1030.
4. Аськеев И.В., Галимова Д.Н., Аськеев О.В. Птицы Среднего Поволжья в V-XVIII вв. н.э. (по материалам археологических раскопок) // Поволжская археология. 2013б. № 3 (5). С. 116-144.
5. Galimova D.N., Askeyev I.V. and Askeyev O.V. Bird Remains from 5th — 17th Archaeological Sites in the Middle Volga Region of Russia // International Journal of Osteoarchaeology. 2014. Special Issue № 24. P. 347-357. doi:10.1002/oa.2385.

L. Rühl, L.N. Koryakova, R. Krause, A. Stobbe

Institute of Archaeological Sciences, Laboratory of Archaeobotany,
Goethe University Frankfurt, Frankfurt-am-Main, Germany
lruehl@em.uni-frankfurt.de, Stobbe@em.uni-frankfurt.de

WELLS OF THE FORTIFIED BRONZE AGE SETTLEMENT KAMENNYI AMBAR (CHELYABINSK OBLAST, RUSSIA)

Л. Рюль, Л.Н. Корякова, Р. Краузе, А. Штоббе

Институт археологии, Лаборатория археоботаники,
Университет им. Гете, Франкфурт-на-Майне, Германия

КОЛОДЦЫ УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ КАМЕННЫЙ АМБАР (ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ)

ABSTRACT: Access to water is one of the basic needs of humans and animals. Water resource management can be diversified and relies on available natural resources like open water bodies and streams, but also includes the utilisation of water by means of artificial constructions. The Bronze Age inhabitants of the Kamennyi Ambar settlement in the Transural steppe collected groundwater in wells that constitute characteristic features within their fortified settlements that were located close to rivers. The wells provided year-round access to fresh water and represented a strategy to secure the cattle's high demand of water (also in winter) or the preference of groundwater over water from the river. A correlation of wells and furnaces with sacral significance of these features is not documented at Kamennyi Ambar. The wells attest knowledge of the landscape and craft technologies, highly valuable archives for various scientific disciplines that address stratigraphy, chronological sequences of the settlement occupation, woodworking, and construction techniques of the wells, the Bronze Age environment and the role of plants within the economy. This paper presents preliminary results of the examination of two well features by an integrated approach of archaeology, radiocarbon dating, plant macro-remains analysis, palynology, and thin section analysis.

Introduction. Wells are typical features in Bronze Age settlements in the steppe. In the Transurals they are first recorded within fortified settlements that appear around the turn of the 3rd to the 2nd millennium BC and constitute a feature of the archaeological Sintashta culture [Krause and Koryakova, 2013; Виноградов, 2013; Алаева, 2002; Епимахов, 2012; Зданович, 1995; Генинг и др., 1992]. Wells represent

archives for a variety of analytical methods. Prior to excavations they are already visible on geomagnetic plans as positive anomalies due to their later filling and partly can serve to reconstruct house units [Patzelt, 2013]. Regarding their multiple occurrence within building structures they can be used to reconstruct occupation processes by means of stratigraphy. This can be achieved by analysing thin sections of layers together with archaeological finds and radiocarbon dating of short-lived plant material extracted from the sediments. Especially the waterlogged parts of the wells are suitable archives for palynological and plant macro-remains analyses. Wells 4.1 and 6.1 from the Kamennyi Ambar settlement are selected here to demonstrate how useful these features are for the study of daily life aspects as they do not only evidence a (new) water management but also give insight in woodworking technology, occupation chronology, local and regional environmental and vegetation conditions and plant use.

Methods. The only possibility to obtain an undisturbed and detailed stratigraphy was to gather core samples from the wells prior to excavation as otherwise the upcoming ground water mixed up sediments. The obtained material was used for pollen, macro-remains and thin section analyses. Samples for plant macro-remains analysis were also collected during excavation and later compared with the stratified profile. Wet-sieving was conducted in the field, processing of pollen samples and all identification work took place at the Goethe University Frankfurt [for details see Stobbe et al., 2016]. Radiocarbon dating (Table 1) was performed by the laboratories of the Curt-Engelholm-Centre Archaeometry (University of Heidelberg (Hd); Mannheim/Tübingen (MAMS)) and the 14CHRONO Centre for Climate, the Environment, and Chronology at the Queen’s University of Belfast (UBA). Thin sections were made by T. Beckmann [Beckmann, 1997] and analysed by A. Röpke.

Table 1

Radiocarbon dates from Kamennyi Ambar, excavation area 6 (FRS fruits/seeds; ch charred; sf subfossil); OxCal v4.2.4 [Bronk Ramsey 2009]; IntCal13 atmospheric curve [Reimer et al. 2013].

Laboratory code	feature/description	¹⁴ C age (uncal. BP)	± 1σ	calibrated age range (cal. BC)		material	source
				1σ (68.2 %)	2σ (95.4 %)		
Hd-29292	house 4 floor level	3520	24	1893-1776	1921-1765	charc.	excav.
Hd-29410	house 4 corner construction	3415	28	1749-1668	1867-1632	charc.	excav.
MAMS-11649	well 4.1 upper rubbish layer	3989	67	2620-2351	2851-2292	charc.	excav.
MAMS-15084	well 4.1 rubbish layer	3564	23	1940-1888	2011-1782	charc. +FRS ch	core
MAMS-15085	well 4.1 utilization layer	3537	22	1922-1782	1941-1773	twig sf	core
UBA-26188	well 6.1 upper rubbish layer	3348	36	1690-1565	1739-1531	FRS ch	excav.
MAMS-15082	well 6.1 organic accumulation	3462	22	1872-1701	1879-1695	FRS sf	core
MAMS-15083	well 6.1 utilization layer	3558	28	1948-1881	2012-1776	FRS sf	core

Results and Discussion. The samples comprise pollen and plant macro-remains from 115 plant taxa out of 45 plant families and 2 subfamilies. 45 taxa were identified on species level, 50 on genus level and 20 on plant family level. Concerning the plant macro-remains, the diversity grew by more than 30 taxa that are only preserved in wells giving a much more detailed picture of the vegetation. The possibility to analyse waterlogged material is promising and extraordinary considering the rather dry steppe environment. Additionally, 3 spore types of coprophilous fungi as well as the *Ustilina* type, a fungus and plant pathogen were found. To achieve comparability of different residue types, sample sizes and numbers, we chose a semiquantitative presentation of results (Table 2), including plant macro-remains, pollen and spores as well as faunal remains and archaeological artefacts (ceramic fragments).

Table 2

Comparison of integrated results from pollen and plant macro-remains analyses, grouped into layers from wells 4.1 and 6.1 (FRS= fruits and seeds; P/S= pollen and spores; sf=subfossil; + up to 10; ++ up to 50; +++ up to 100; ++++ more than 100; wood estimated from no to ++++ large amounts).

<i>feature</i>	well 4.1		well 6.1	well 4.1	well 6.1	well 4.1	well 6.1		well 4.1	well 6.1
<i>sample type</i>	excav.	excav.	combin.	core	combin.	combin.	core	combin	excav.	combin.
<i>no. of samples</i>	1	1	8	4	4	5	1	8	1	6
<i>displ.-volume (l)</i>	4	4	27	-	13+	4	-	-	3,5	10+
<i>depth</i>	140-160	200-220	130-240	260-362	240-319	350-380	335	340-380	380	375-410
	FRS	FRS	FRS+P/S	FRS	FRS	FRS+P/S	P/S	FRS+P/S	FRS	FRS+P/S
	rubbish/secondary (top), organic brown clay	rubbish/secondary	rubbish/secondary (top), organic brown clay	redeposited loam with some small disturbances	redeposited loam with some small disturbances	organic layer with wood+charc.	humic grey loam with charc.and burnt clay	highly organic/humic fill above utilization layer	well bottom/utilization (below stone plate)	utilization layer
Riparian zone			++		+	++++	+++	++++	+++	++++
Meadow steppe			++		+	++	++	+++	+++	++
Ruderal steppe			++++	+	++	++++	++++	++++	++++	++++
Steppe			++++		+	++++	++++	++++	+++	+++
Kolki/Steppe woodlands			+++		+	++++	++	++++	++++	++
Dry and salty places			+			+	+	++++	++	++++
Trees and shrubs (local)	+		+++		++	+	+	++	++++	++
Trees (regional)			+				+	++		
Spores (coprophilous)			++			++++	++	++++		+
Tree funghi						++++				
varia	+	+	+++	+	+++	++		+++	+++	+++
Wood chips and twigs (sf)			++			++		++	+++	++++
Faunal remains	++	++	++++	++	++++	++++		+++	+	++
Archaeological artefacts	+	+	+		+			+		+

Well stratigraphy proved to be very heterogeneous at the Kamennyi Ambar settlement. In general, organic sediments can be observed at the bottom above the terrace sand. In this waterlogged section remains of wooden structures (planks or posts, sometimes with wattling) are preserved in a number of features. In the upper parts redeposited yellowish red loam and more organic layers (brown coloured) with settlement rubbish alternate. Wells 4.1 and 6.1 are located next to each other within the area of House 4 which was later occupied in part by the smaller and maybe only temporal House 6. The wells only appeared as separate structures already far below the floor level. In spite of or rather because of the spatial distribution their fills vary (Figure 1):

The so-called rubbish layers represent a section of the plant macro-remains that are preserved in the cultural layers of the settlement [Rühl et al., 2015] together with faunal remains and archaeological artefacts (vessel fragments). In well 4.1 plants are represented only by some vegetative plant parts and leaf scars of birch, whereas in well 6.1 the rubbish layers are more diverse. In this well an overall larger sample size of 27 l in contrast to 8 l from well 4.1 for plant macro-remains as well as palynological samples were analysed from the upper layers. In well 6.1, all vegetation units of the surroundings are represented by fruits and seeds, vegetative plant parts and also by pollen. Palynology contributes counts of taxa which

do not usually survive charring such as *Artemisia* and tend to be underrepresented in the macro-remains record in general. Similarly, the identification of dung via charred macro-remains from minerogenic soils proves to be quite difficult, however, the presence of spores from coprophilous fungi shows that dung probably formed part of the heterogeneous matrix of the cultural layer that was deposited as rubbish layer in well 6.1. It can be concluded that the source material of the rubbish layers was distinct in wells 4.1 and 6.1. This is also supported by the radiocarbon dates: the source context of the upper rubbish layer of well 6.1 (same depth as upper rubbish in 4.1) is much younger.

The redeposited yellowish red loam itself is almost sterile and very fine in structure. However, these deposits show small organic brown-coloured intercalations sometimes together with pieces of charcoal or burnt clay — evidence of pollen or macro-remains is rather scarce. Some of them might be the result of bioturbation (krotovinas). Our interpretation is that these layers represent material that was dug-out during the construction of a new well somewhere else and used to fill up older wells that were discarded for some reason. During this process it might have happened that the recorded entry of settlement material like faunal remains and artefacts found their way into the layer.

The highly organic layers above the utilization layers show the best preservation for both botanical categories (including wood chips and twigs), the highest diversities in taxa and residue types. A lot of vegetative plant parts, especially stems are evidenced both by macro-remains and rondel phytoliths in thin sections. The plant remains cover the whole vegetation period from early flowering trees (pollen and buds) to relatively late flowering and ripening plants like some Asteraceae and Polygonum species indicating no seasonally restricted deposit. However, the sedimentation histories of the two wells differ. The dates of the utilization layer of well 4.1 (sf twigs) and the floor level of House 4 (charcoal sample) correspond in age. Well 4.1 collapsed and probably stood open for a short period (wooden remains and accumulation of organic material) but then quickly was filled up with material that was dug-out to build a new well (6.1 or another). The thin section also accounts for this interpretation as the sedimentation is not as horizontally and undisturbed as in the neighbouring well 6.1. The radiocarbon dates of an upper rubbish layer in well 4.1 and of the utilization period overlap in range, further backing this observation. Radiocarbon dates obtained from wood charcoal, however, have to be treated with caution — a charcoal taken out of another, upper rubbish layer above had a deviating much older 14C age, probably the result of either old-wood effect or reversed stratigraphy as it might be incorporated in the well from just another older context into this heterogeneous layer. In general, dates obtained from short-lived plant material (seeds and fruits, vegetative parts) are more reliable and we chose them whenever available.

The oldest dates of the supposed utilization layers from both wells do overlap. This does not necessarily indicate that they were used contemporaneously but that the time span between the discard of well 4.1 and the construction of the new well 6.1 might have been rather short. The latter scenario corresponds to the different sedimentation history of well 6.1. Here, in contrast to well 4.1 a 40 cm thick highly organic layer was accumulated slowly (horizontally and with almost no disturbances) as a result of natural deposition of random entry of pollen and small plant-remains, settlement rubbish, dung from non-carnivorous animals (probably sheep/goat), and soil aggregates. The date range of the lower part of this highly organic layer corresponds roughly with a date obtained from charcoal found in the corner of House 4 — 15 cm above the floor level. As House 6 was built within the borders of this house it can be assumed that the charcoal belongs to this later occupation but not to House 4. Thus, a relative chronological sequence can be traced in well 6.1 evidencing the slow accumulation of sediments in the lower part as a result of standing open for a certain time and subsequent filling event(s) in the upper part. In contrast, well 4.1 shows a rather short-time deposition of organics and a quick filling of the well pit.

This preliminary study of two out of more than twenty well features from Kamennyi Ambar shows the high potential for chronological and environmental interpretations. Ongoing comparative studies incorporate much more detailed analyses of construction woods and plant macro-remains that not only represent natural vegetation but also give hints to plant use within the settlement [see Rühl et al., 2015] and will reveal further characteristics like durability of these constructions and add to the understanding of the settlers' economy.

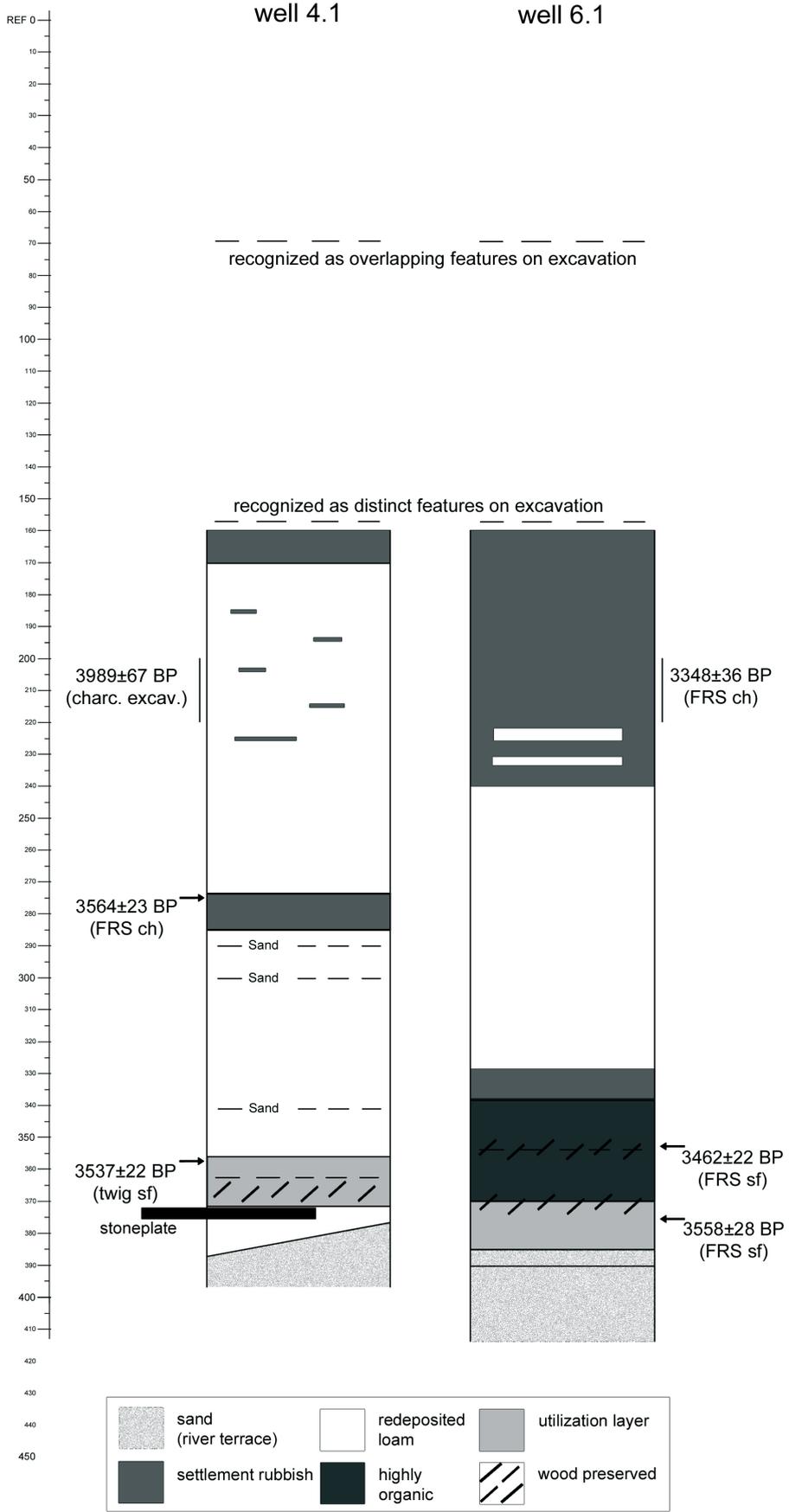

Fig. 1. Schematic stratigraphy of wells 4.1 and 6.1

Список литературы

1. Алаева И.П., Колодцы поселений бронзового века урало-казахстанского региона // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура / под ред. Ю.Ф. Кирюшиной, А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 7–9.
2. Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. / Сост. Н. Б. Виноградов. Челябинск: Абрис, 2013. 482 с.
3. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.
4. Епимахов А.В. О серпах, колодцах и земледелии бронзового века // Российский археологический ежегодник. 2012. Т. 2. С. 253–259.
5. Арии на Урале, или не состоявшаяся цивилизация / отв. ред. Г.Б. Зданович. Аркаим: исследования, поиски, открытия. Челябинск, 1995.
6. Beckmann T. Präparation bodenkundlicher Dünnschliffe für mikromorphologische Untersuchungen. *Hohenheimer Bodenkundliche Hefte*. 1997. № 40. P. 89–103.
7. Ramsey Bronk C. Bayesian Analysis of Radiocarbon Dates. *Radiocarbon* 2009. № 51(1). P. 337–360.
8. Krause R., Koryakova L.N. *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Bonn: Habelt, 2013.
9. Patzelt A. Geomagnetic investigation of Bronze Age settlements at Varshavka, Chelyabinsk Region. In: Krause R., Koryakova L.N. (eds) *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Bonn: Habelt, 2013. P. 53–65.
10. Reimer P., Bard E., Bayliss A., Beck J., Blackwell P., Ramsey Bronk C., et al. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP. *Radiocarbon*. 2013. № 55 (4). P. 1869–1887.
11. Rühl L., Herbig C., Stobbe A. Archaeobotanical analysis of plant use at Kamennyi Ambar, a Bronze Age fortified settlement of the Sintashta culture in the southern Trans-Urals steppe, Russia. *Vegetation History and Archaeobotany* 24(3). 2015. P. 413–426.
12. Stobbe A., Gumnior M., Rühl L., Schneider H. Bronze Age human-landscape interactions in the southern Transural steppe, Russia. Evidence from high-resolution palaeobotanical studies. *The Holocene* online first. 2015. doi:10.1177/0959683616641740

ЭТНОЛОГИЯ

А.Б. Агафонова

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия
unerkannt@bk.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА 1870-1917 гг. СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ПРАКТИК

А.В. Агафонова

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia

ENVIRONMENTAL HISTORY OF PROVINCIAL CITIES OF RUSSIA IN 1870-1917 THROUGH THE PRISM OF THE THEORY OF PRACTICE

ABSTRACT: The article focuses on research of using the theory of practices in urban environmental history. Author analyzes how did traditional rural practices of nature management influence urban environment in Russian province in the late of the 19th - the early of the 20th centuries. Case-study of cities of Vologda and Novgorod governorates made it possible to establish that from the theory of practices' stand point the urban environmental history of Russian province was the history of urban pollution. It is explained by preservation of peasant mentality in Russian provincial towns. First of all, it is related to the intention of urban dwellers to accumulate a household waste for fertilizing of fields or getting profit. That is why the theory allows us to understand citizens' actions, who polluted urban environment. Moreover, it answers the question "why some territories had been more polluted, than others?" However, the theory of practices doesn't explain problems of urban beautification, formation of sanitary inspection, and other conscious action of society that impact to the environment in cities. Accordingly, the author concludes that the theory of practices highlights only a few aspects of urban environmental history, but does not provide a complete picture of changes of sanitary conditions of the city environment.

Город с конца 1970-х гг. является одним из важных объектов изучения экологической истории. Теоретико-методологические основы данного направления исследований, заложенные М. Милоси [1993; 1979], Дж. Тарром [2002, р. 511-545], У. Крононом [1991], С.П. Хэйзом [1998] и др., базируются на системном подходе и концепции городского метаболизма, которые позволяют увидеть город как целостную систему, действующую определенным образом. Однако при таком подходе деятельность социума отходит на второй план. В отличие от концепции городского метаболизма, теория практик обращается к обществу, которое постигает окружающий мир посредством привычного способа действия [Волков, Хархордин, 2008, с. 22]. Стремясь найти компромисс между объективизмом системно-структуралистского подхода и субъективизмом феноменологии, теоретики прагматической парадигмы сфокусировались на изучении нерелективных действий социума [Волков, Хархордин, 2008, с. 11-17]. Соответственно, реконструкция экологической истории города в рамках теории практик позволяет сфокусироваться на изучении повседневных традиционных взаимодействий горожан с окружающей средой и установить, каким образом граждане использовали и создавали городское пространство [Серто, 2013, с. 189-196].

Важное место в теории практик уделяется фоновым практикам, т.е. тому деятельностному контексту, в котором интерпретируется поведение горожан [Волков, Хархордин, 2008, с. 18]. Поэтому, изучение практик природопользования необходимо рассматривать в контексте социально-экономического развития российских городов в последней трети XIX — начале XX вв. В качестве объекта анализа в данной работе выступают города Вологодской и Новгородской губерний.

Согласно классификации В.П. Семенова-Тян-Шанского, по численности населения исследуемые города принадлежали к трем категориям: средние, малые и городки. В категорию средних городов, численность населения в которых составляла 10–40 тыс. человек, входили Вологда, Новгород, Великий Устюг и Старая Русса. К малым городам с численностью населения 5–10 тыс. человек относились Череповец, Тихвин, Устюжна, Тотьма, Белозерск и Усть-Сысольск. Третью категорию, куда входили остальные 8 городов Вологодской и 5 городов Новгородской губерний, составляли городки, численность населения в которых не превышала 5 тыс. человек [Семенов-Тян-Шанский, 1910, с. 73, 80–84].

В сословной структуре населения этих городов преобладали крестьяне. В городах Вологодской губернии их численность доходила до 57,61 %, а в Новгородской — до 53,35 % [Первая всеобщая, 1905, с. 4–7, 10–11]. При этом доля горожан, занятых в таких «не городских» работах как земледелие, животноводство, рыболовство, лесные промыслы, пчеловодство и пр., составляла 12,51 % в Вологодской губернии и 6,93 % — в Новгородской [Первая всеобщая, 1904, с. 126–131; Первая всеобщая, 1903, с. 144–151], тогда как среднероссийский показатель находился на уровне 9,36 % [Первая всеобщая, 1905, с. 4, 6, 10]. Значительная доля крестьян среди городских сословий, занятость горожан в сельскохозяйственных работах, а также история возникновения большинства городов (на месте бывших сельских и церковных поселений) указывают на сохранение в них хозяйственного уклада, характерного для сел и деревень.

Сохранение крестьянского менталитета обуславливало практики природопользования, в том числе и практики обращения с отходами. Горожане вслед за крестьянами, которые по традиции размещали в хлевах навоз от скота, кухонные нечистоты и экскременты и лишь в весенне-зимний период вывозили их на поля [РГИА, ф. 1297, оп. 289, д. 62, л. 152 об.; Попов, 1909, с. 34], не спешили избавляться от бытовых отходов. Последние скапливались в помойных и выгребных ямах, располагавшихся на территории домовладений, или прямо во дворах, в случае отсутствия у домовладельцев собственных ретирад [ГАНУ, ф. 104, оп. 5, д. 42, л. 120–122; Орнатский, 1888, с. 50]. Ямы очищались с периодичностью один-три раза в год, а их содержимое погружалось в бочки и транспортировалось крестьянами и колонистами на поля в качестве удобрений [РГИА, ф. 1297, оп. 289, д. 62, л. 151 об., 157 об.; Орнатский, 1888, с. 51]. Поскольку навоз являлся основным удобрением и находился в постоянном дефиците у сельского населения, содержимое отхожих мест воспринималось как ценный ресурс для восстановления плодородия почвы, а потому ценилось выше санитарного благополучия мест проживания. В накоплении нечистот преуспевали не только домовладельцы, но и держатели постоянных дворов, которые превращали свои участки в свалочные места, где навоз копился на продажу [Тетеро, 1910, с. 6]. Между тем, стремление к накоплению такого рода ресурсов для сельского хозяйства не осталось без внимания санитарных врачей, которые считали данный образ действий населения небезопасным для общественного здоровья. Как указывал В.В. Святловский, стоило только пойти дождю или подняться сильному ветру, и собственность владельца переполненной выгребной или помойной ямы становилась, хотя и непривлекательным, но общественным достоянием, а сам владелец, очевидно, копил *«у себя на дворе свои экскременты в надежде при случае облагодетельствовать ими своего ближнего»* [1891, с. 71].

Обращение к оценкам санитарных врачей в данном контексте неслучайно — именно через их отчеты и исследования можно проследить за повседневными рутинными практиками взаимодействия горожан с окружающей средой. В своих отчетах врачи из года в год фиксировали одни и те же действия горожан, приводившие к загрязнению почв и водоемов. Они обращали внимание на дворы, заваленные нечистотами, на свалки по берегам рек, на некачественную работу ассенизаторов, выливавших содержимое своих бочек вдоль дорог и пр. Притом, врачи считали, что нельзя было винить самих обывателей в загрязнении городских территорий, поскольку многие из них,

в т.ч. и люди, дорожившие своим здоровьем, не понимали взаимосвязи между заболеваемостью населения и загрязнением городской среды [Орнатский, 1888, с. 51].

Таким образом, в контексте теории практик экологическая история провинциальных российских городов исследуемого периода представляется историей планомерного загрязнения городской среды. С одной стороны, теория практик позволяет исследователю понять действия городских обывателей, которые вопреки требованиям закона и врачей продолжали следовать традиционным, складывавшимся веками, способам хозяйствования, загрязняя городские почвы и водоемы. Также она объясняет «производство городского пространства» [Серто, 2013, с. 189], отвечая на вопрос «почему одни территории того или иного города подвергались большему загрязнению чем другие?» и даже позволяет создавать карты экологически неблагополучных районов города. Но с другой стороны, данная теория дает односторонний и плоский взгляд на взаимодействия общества и природы, упуская, в частности, вопросы, связанные с городским благоустройством, развитием санитарного надзора, т.е. осмысленным взаимодействиям социума с окружающей средой — с действиями, которые еще не успели в исследуемый период стать фоновыми практиками.

Список литературы

1. ГАНО. Ф. 104. Оп. 5. Д. 42.
2. РГИА. Ф. 1297. Оп. 289. Д. 62.
3. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во ЕУСПб., 2008. 298 с.
4. Орнатский В.И. Медикопотопграфия. Санитарное состояние губернского города Вологды: дис. д. медицины. СПб.: Тип. Департамента Уделов, 1888 г. 163 с.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. VII. Вологодская губерния. Тетрадь 2. СПб.: Издание Центрального стат. комитета Мин-ва внутренних дел, 1904. 208 с.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. XXVI. Новгородская губерния. Тетрадь 2. СПб.: Издание Центрального стат. комитета Мин-ва внутренних дел, 1903. 247 с.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Вып. 8. СПб.: Издание Центрального стат. комитета Мин-ва внутренних дел, 1905. 21 с.
8. Попов Е.П. Западная часть Сычевской волости Вологодского уезда // Отчеты о деятельности санитарно-эпидемического персонала Вологодского губернского земства за 1907 г. Вып. 3. Вологда: Тип. Знаменского и Цветкова, 1909. С. 18-64.
9. Святловский В.В. Фабричная гигиена. СПб.: Типо-хромолитогр. Т-ва А. Траншель, 1891. 720 с.
10. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Город и деревня Европейской России. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1910. 212 с.
11. Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во ЕУСПб., 2013. 330 с.
12. Тетеро А. Отчет санитарного врача г. Вологды А. Тетеро за 1907 г. // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Январь 1910 г. Вып. I. Вологда, 1910. С. 4-22.
13. Cronon W. Nature's metropolis: Chicago and the Great West. NY, London: W.W. Norton & Company, 1991. 530 p.
14. Hayes S.P. Explorations in environmental history. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1998. 480 p.
15. Melosi M.V. Urban pollution: historical perspective needed // Environmental review. 1979. Vol. 3. No. 3. P. 37-45.
16. Melosi M.V. The place of the city in environmental history // Environmental history review, 1993. Vol. 17. No. 1. P. 1-23.
17. Tarr J.A. The metabolism of the industrial city: the case of Pittsburgh // Journal of urban history. 2002. Vol. 28. No. 5. P. 511-545.

В.Н. Адаев

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень, Россия
whitebird4@yandex.ru

О ПЕРЕСЕЧЕНИЯХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОЛЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ И ЭТНОАРХЕОЛОГИИ

V.N. Adaeu

Institute of the Problems of Northern Development SB RAS,
Tyumen, Russia

ON INTERSECTIONS OF THE RESEARCH FIELD OF ECOLOGICAL ANTHROPOLOGY AND ETHNOARCHAEOLOGY

ABSTRACT: Modern theoretical formation of ecological anthropology and ethnoarchaeology in Russia occurred almost synchronously in 1970-80 in two main centres such as Moscow and Omsk. Such subject areas of ecological anthropology as the study of characteristics of the traditional ethnic subsistence, ethnic specificity of use of natural resources and impact on the environment, as well as the study of ethnic ecosystem formation and operation, turn out to be equally actual in ethnoarchaeology. The convergence of ecological anthropology and ethnoarchaeology is sometimes supported by the essential coincidence of methodology: the retrospective method, system and structural-functional analysis. It is obvious that within the system analysis of subsistence of human groups, interests of both scientific fields closely intersect. The most valuable point is the purposeful identification (based on ethnographic sources) of important details, consistent patterns and cultural phenomena that are associated with a certain human group and its subsistence. Taking into consideration the interdisciplinary dialogue of archaeology and ethnography, we can summarize that on the part of ethnographers, the specialists of ecological anthropology are the best ones, who are prepared for cooperation. On the basis of the Institute of the problems of Northern Development SB RAS (Tyumen), since 2013, a long-term ethnoarchaeological research project "Taz Selkups in 17th-20th centuries" have been successfully carried out.

Настоящая конференция, в силу истории своего появления и основной тематики, представляется одной из наиболее удобных площадок для обсуждения возможностей эффективного сопряжения усилий двух вышеуказанных междисциплинарных научных направлений. Если кратко охарактеризовать каждое из них, то очевидно, что их современное теоретическое оформление в нашей стране произошло относительно синхронно в 1970-80-е гг. в двух основных центрах — Москве (Институт этнографии АН СССР) и Омске (Омский научный центр СО РАН, ОмГУ).

Среди основных исследовательских задач этнической экологии отмечены изучение особенностей традиционных этнических систем жизнеобеспечения и природопользования, воздействия на природную среду, а также закономерностей формирования и функционирования этноэкосистем [Козлов, 1983, с. 8]. Данные тематические направления с равным успехом востребованы в этноархеологии, и это далеко не единственная точка пересечения интересов двух научных направлений.

Согласно определению омских специалистов, этноархеология призвана решать круг проблем по истории культуры и общества на основе сопряжения археологического и этнографического видения. Задача воссоздания целостного археологического социокультурного комплекса подразумевала первоочередную опору на этнографическое видение, так как именно этнография «могла помочь восстановить недостающие звенья в таком комплексе путем видения сопряженности социокультурных явлений и их функций в единой системе» [Томилов, 2013, с. 139, 140]. Основу указанных комплексов представляют «этнически определяемые археологические материалы поздних памятников, обогащенные этнографической информацией» [Томилов, 1993, с. 40].

Стоит отметить целенаправленное обращение отечественной этноархеологии к поздним памятникам. Благодаря этому практически снимается вопрос о правомерности и корректности привлечения соответствующих этнографических данных для верификации археологических реконструкций. Кроме

того, расширяется спектр доступных этнографических источников для ретроспективного исследования существовавших общностей и их культур и появляется редкая возможность обоснованно принять в расчет воздействие этнических традиций на режим природопользования (правила, запреты, почитание объектов и пр.). В свою очередь, фиксация на археологических материалах каких-то признаков, указывающих на подобные традиции, может стать хорошим маркером для установления этнической принадлежности памятника. Еще один немаловажный плюс обращения к памятникам позднего времени — возможность надежной проверки и корректировки археологической методики реконструкций.

Критические замечания по поводу значительной роли фактора субъективности в этноархеологических реконструкциях и обычного отсутствия критериев верификации полученных моделей наиболее ярко были представлены А.В. Кенигом [2010, с. 44-47]. Есть основания полагать, что продвигаемая им в качестве альтернативы проверка археологических интерпретаций на материалах изучения «живой» культуры, кроме своего основного предназначения, стала бы крайне полезной для введения в археологический контекст специалистов-этнографов. В ходе совместной работы для последних гораздо быстрее стал бы понятен тот широкий круг «мелких» и «очевидных» вопросов, ответы на которые чаще всего требуются для коллег-археологов. Одним из самых перспективных для разработки здесь вновь видится тематическое направление, напрямую связанное с этноэкологией — жизнеобеспечение коллектива. Во всяком случае, в проведенном А.В. Кенигом этноархеологическом исследовании на материалах этнографии северных селькупов [см. там же, с. 48-71] наиболее весомо были представлены данные именно по этой сфере — природопользование и жилище.

Сближение этнической экологии и этноархеологии подкрепляется также в ряде случаев значительным совпадением используемой методики. Имеется в виду использование ретроспективного метода, а также системного и структурно-функционального анализа, предполагающих построение модели жизнеобеспечения коллектива, с определением важнейших структурных компонентов системы и их функциональных взаимосвязей.

Методология системного и структурно-функционального анализа была положена в основу самой популярной и успешной научной школы американских эколого-антропологических исследований — экологической (экосистемной) антропологии, название которой в итоге перешло ко всей данной области науки в США и Канаде (аналога отечественной этнической экологии). Важнейшей новацией школы стало моделирование экосистемы, включающей изучаемое сообщество, и количественное определение потоков вещества и энергии, связывающих членов местного сообщества с другими компонентами экосистемы [см.: Козлов, Ямсков, 1989, с. 97-98]. Классическим примером отечественной работы, базирующейся на данной методологии, является исследование И.И. Крупника систем природопользования тундровых ненцев и эскимосов [1989].

Очевидно, что в рамках подобного системного исследования жизнеобеспечения человеческого коллектива, интересы обоих научных направлений плотно пересекаются. Идея совмещения задач этноэкологии и этноархеологии на данном методологическом поле не является новой, так как уже имеется некоторый зарубежный опыт их успешного взаимодополнения, правда, речь идет скорее о результате естественного сближения двух тематически близких направлений, нежели о процессе их целенаправленного слияния для реализации общих целей. В частности, методические разработки специалистов, изучавших жизнеобеспечение этнических сообществ с применением системного подхода (Д. Фут, А. Вайда, Р. Раппапорт и др.), стали с одной стороны полезны археологам для их реконструкций природопользования древних коллективов, с другой — накопленный опыт интерпретации археологических материалов с успехом применялся экологическими антропологами для воссоздания ретроспективных моделей жизнеобеспечения современных этносов. Причем наиболее плотное взаимодействие происходило на материалах этнографии и археологии *арктической территории* Америки [см. подробнее: Крупник, 1988, с. 56-57].

Обращение к области этнографии и археологии арктических народов не является случайным. Оно несет в себе ряд выгодных преимуществ для исследования: нередкая однослойность памятников и хорошая сохранность археологических материалов, малочисленность изучаемых коллективов, существенный консерватизм их культуры, относительная простота сформированных систем жизнеобеспечения. Показательно, что И.И. Крупник в своем исследовании использовал всего четыре структурных блока: освоенную территорию, хозяйственный коллектив, популяции домашних животных и производственно-бытовой инвентарь [Крупник, 1989, с. 24-25].

При этом типичный для экосистемной экологии детальный количественный расчет добываемых и расходуемых потоков энергии и вещества, на мой взгляд, не всегда целесообразен для этноархеологических целей. Среди причин: высокая трудоемкость расчетов, нехватка и возможная недостоверность сведений в отношении даже хронологически недавних периодов, а также проблематичность использования данных по современным сообществам, ввиду кардинальных отличий их экономики от реконструируемых моделей прошлого. Более ценным представляется целенаправленное выявление на основе этнографических источников неких, связанных с конкретной системой жизнеобеспечения, важных деталей, закономерностей и культурных феноменов. Если реконструируемую этноархеологическую модель образно представить в виде уравнения со многими неизвестными, то результаты системного анализа жизнеобеспечения близких по времени и территории проживания этнических сообществ открывают доступ к таким важным параметрам уравнения, как соотношение показателей, их возможная вариативность, регулирующие алгоритмы построения уравнения — правила, ограничения, исключения. Важной задачей, остается и реконструкция основных структурных составляющих моделей жизнеобеспечения, их характеристик, взаимосвязей. Наиболее перспективными для исследования представляются два направления реконструкций:

— хозяйство (характеристика и удельное экономическое значение отдельных направлений хозяйственной деятельности, форма их организации, экологический календарь, охват хозяйственно освоенной территории, объекты промысловой деятельности, уровень мобильности населения, его обусловленность наличием транспортных животных, возможности ландшафтного преобразования и др.);

— поселения и постройки (уточнение структуры поселения, конструкции построек, их функционального предназначения, режима использования, количества и половозрастной структуры проживающего населения, хозяйственной деятельности жителей, их вероятной этнической принадлежности).

Рассматривая данный научный контакт шире, как междисциплинарный диалог археологии и этнографии, можно резюмировать, что со стороны этнографического цеха специалисты по этнической экологии являются одними из наиболее подготовленных к сотрудничеству: их сближает с археологами сходство тематики исследования, используемой терминологии и методологии. Сотрудничество, что немаловажно, носит взаимовыгодный характер. Если его полезность для археологов уже была наглядно представлена, то собственные интересы специалистов по этнической экологии — это проверка достоверности этнографических источников, правильности их толкования, верификация гипотез, оттачивание исследовательской методики. Наконец, благодаря тесному взаимодействию с археологами, появляется доступ к постоянно увеличивающейся информационной базе для ретроспективных исследований, и, соответственно, расширяются масштабы исследований, как в хронологическом, так и в тематическом отношении.

На базе Института проблем освоения Севера СО РАН, начиная с 2013 г., осуществляется многолетний проект этноархеологического исследования тазовских селькупов XVII-XX вв. (рук. О.Е. Пошехонова), где непосредственно реализуется успешный опыт взаимодействия представителей двух указанных направлений [см.: Пошехонова, 2015]. Некоторые результаты междисциплинарного исследования уже нашли отражение в публикациях [Адаев, 2015; Зими́на, Адаев, 2015]. Учитывая положительный опыт взаимодействия, в перспективе рассматривается возможность, что этноархеологический уклон станет особенностью специализации тюменского центра этнической экологии.

Список литературы

1. Адаев В.Н. Собаководство северных народов Западной Сибири в свете этноархеологической проблематики // IV Северный археологический конгресс: материалы. Екатеринбург: Альфа-Принт, 2015. С. 286-288.
2. Зими́на О.Ю., Адаев В.Н. Наземные каркасно-столбовые постройки в свете адаптационных стратегий и возможностей древнего и современного населения Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул — Омск: ИД «Наука», 2015. С. 192-195.
3. Кениг А.В. Этноархеология как метод археологических реконструкций (на примере тазовских селькупов). Екатеринбург — Ханты-Мансийск: АМБ, 2010. 128 с.

4. Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография. 1983. № 1. С. 3-16.
5. Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде. Проблемы индеанистики. М.: Наука, 1989. С. 86-107.
6. Крупник И.И. Арктическая этноэкология: модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 270 с.
7. Крупник И.И. Основные направления этноэкологии американской Арктики // Экология американских индейцев и эскимосов. М.: Наука, 1988. С. 55-63.
8. Пошехонова О.Е. Новые данные о верхнетазовских селькупках XVII-XIX вв. // IV Северный археологический конгресс: материалы. Екатеринбург, 2015. С. 200-202.
9. Томилов Н.А. Творчество при создании новых научных направлений и дисциплин // Творчество в археологическом и этнографическом измерении: сборник научных трудов. Омск: ИД «Наука», 2013. С. 138-146.
10. Томилов Н.А. Этническая экология и традиционно-бытовая культура // Известия Алтайского гос. ун-та. 2009. Т. 3. № 4. С. 219-224.

Л.А. Букина, Д.М. Игитова

Вятская государственная сельскохозяйственная академия,
Киров, Россия
l.bukina5@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО ПИТАНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧУКОТСКОГО ПОЛУОСТРОВА В ПЕРИОД МОДЕРНИЗАЦИИ

L.A. Bukina, D.M. Igitova

Vyatka State Agricultural Academy, Kirov, Russia

TRADITIONAL FOOD SYSTEMS OF THE CHUKCHI PENINSULA'S INDIGENOUS PEOPLE DURING THE PERIOD OF MODERNIZATION

ABSTRACT. It was established that despite the modernization of traditional economic way of life in the Arctic coastal villages of the Chukotka Peninsula seal fisheries is a basis of indigenous people. Products of seal fisheries are actively used by the indigenous population for food and household needs. By the example of two coastal villages, there is adherence of the native population to the traditional food that depends on age, nationality, level of education and occupation. It was revealed that elder people regularly eat meat of marine mammals, which is prepared according to their traditional cooking means (sour, air-cured or raw meat), younger people prefer an imported meat or boiled meat of marine animals. There are 70% of the Chukchi and only 40% of the Eskimos who keep eating in the traditional way. The respondents who are working in the service industry and, as a rule, have higher education level, they do not eat meat of marine mammals, that is cooked in traditional ways. There is heterogeneity of well-being among some of the indigenous people, that warrants their use surrogate food (meat of polar foxes that are raised in cages, in some settlements people also eat meat of dogs). There is tendency of modernization influences on lifestyle of the indigenous people through the light of the priority to traditional food in a village that is close to the "modern" type and village with more "traditional" lifestyle. It was established that the presence of socially active group of human beings among the indigenous people provides an adaptive potential for the changes in their traditional lifestyle which are inevitable in the contemporary time.

Арктическое традиционное хозяйство чаще всего безальтернативно — т.е. в циркумполярной области можно заниматься лишь исторически сложившимися и климатически обусловленными видами природопользования [Опарин, Уманская, 2011, с. 3]. Многовековая история показала,

что, несмотря на все попытки модернизации традиционного уклада северных народов, ни одна из многочисленных реформ не оправдала себя. Когда все основные отрасли хозяйственной деятельности коренного населения лишились мощной финансовой поддержки государства, то явно наметился возврат к более традиционному образу жизни. В прибрежных населенных пунктах, в связи с резким сокращением поголовья оленей и клеточного звероводства, многие годы единственной производящей отраслью был и остается морской зверобойный промысел. В настоящее время коренные народы переживают очередную серию трансформаций (модернизацию) традиционного хозяйственного комплекса — экономическая трансформация, аккультурация, ассимиляция и т.д. В некоторых прибрежных населенных пунктах наблюдается тенденция к усилению национальной самоидентификации через традиционную отрасль и тесно связанную с ним этнокультуру, путем создания региональных общественных организаций, которые представляют интересы коренных народов в условиях рыночной экономики. Так, созданные на территории Чукотского полуострова территориально-соседские общины коренных малых народностей Чукотки с. Лорино и с. Лаврентия, жители которых одними из первых возродили аборигенный промысел китов, пытаются сохранить доступ к основным жизнеобеспечивающим ресурсам, мировоззренческое ядро, экологическую этику, придерживаясь рамок традиций. Целью настоящего сообщения явилось изучение приверженности коренного населения к традиционной пище как показателя влияния процесса модернизации на традиционный уклад жизни.

Анкетным методом был проведен выборочный социологический опрос коренных жителей с целью изучения предпочтительности в выборе традиционных продуктов питания и способов их приготовления у отдельных половозрастных и этносоциальных групп. Всего было обследовано 696 респондентов. Объектом нашего исследования было коренное население двух «благополучных» сел Чукотского района с. Лаврентия и с. Лорино. С. Лаврентия — современный благоустроенный административный центр, где есть средняя школа, библиотека, районная больница, дом культуры Чукотского района, население около 1500 человек. С. Лорино — с населением более 1300 человек, имеется муниципальное предприятие сельхозтоваропроизводителей «КЭПЭР», занимается оленеводством, звероводством и собаководством. Жители с. Лорино считаются лучшими зверобоями. С 2009 г. в этих селах функционируют территориально-соседские общины, члены которых обеспечивают жизнеобеспечение всего населения. Каждым респондентом заполнялась регистрационная карта, которая состояла из нескольких блоков вопросов: место рождения и фактического проживания, возраст, национальность, род деятельности, приверженность к традиционной пище (способу приготовления — блюда из сырого, вяленого, вареного, квашеного мяса), виду мясной продукции.

Анализ анкетного социологического опроса респондентов показал, что национальный состав населения представлен 14 национальностями: в с. Лаврентия на долю чукчей приходится — 73,8%, азиатских эскимосов — 14,2%, русских — 8,0%, в с. Лорино — 88,7%, 5,0% и 4,3% соответственно. Остальные малочисленные этнические группы составляют менее чем по одному проценту в обоих населенных пунктах. Половозрастная структура коренного населения в обоих населенных пунктах характеризуется преобладанием средних возрастных групп на уровне 20-30% и молодых на уровне 40-50%. Перевес женщин в обоих населенных пунктах наблюдается уже в возрастной группе до 20 лет в 1,2-1,4 раза (с. Лаврентия — с. Лорино), а в группе 30-50 лет преобладание женщин выше в сравнении с мужчинами этой же группы в 1,7-2,0 раза.

Анализ социологического опроса коренного населения по роду деятельности показал, что в с. Лаврентия более 50% респондентов составляют группу «служащий», что косвенно указывает на преобладание лиц, занятых в сфере услуг и имеющих более высокий уровень образования. В с. Лорино выше указанная группа составляет только 22,3% респондентов. В то время как группы «работник-зверофермы», «зверобой-охотник» и «рабочий» в этом селе составляют около 40% от общего количества респондентов. Придерживаясь терминологии Козлова А.И. с соавторами по роду деятельности групп коренного населения первое село можно отнести к «современным», а второе «традиционным» [Козлов, с. 105]. Социологический опрос респондентов вышеуказанных сел по современному пищевому рациону позволил выявить следующую картину. Коренные

жители обоих сел сохраняют приверженность к употреблению мяса моржей и китов в вареном виде на уровне 80-90% и в с. Лорино пользуется спросом вареное мясо нерпы — 91% от числа опрошенных (рис. 1).

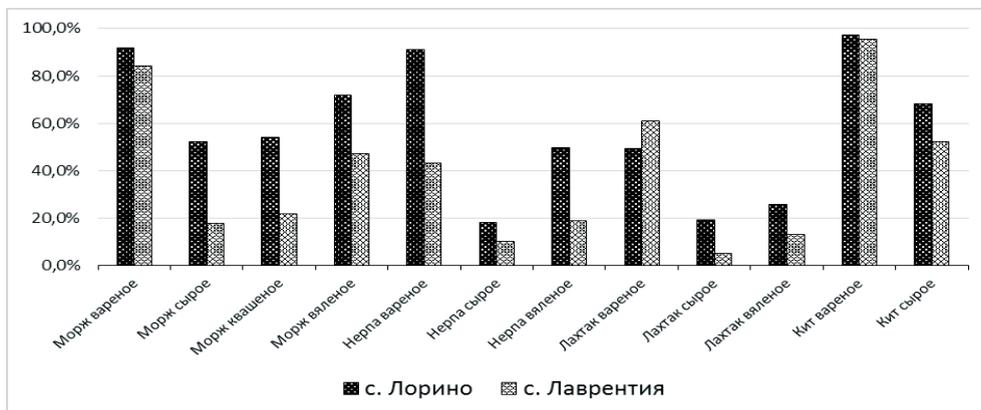

Рис. 1. Потребление основных продуктов питания морского зверобойного промысла коренными жителями с. Лорино и с. Лаврентия

Отличий по употреблению вареного мяса моржа и кита по национальному признаку и возрасту среди респондентов (в т.ч. и русских) обоих сел не зарегистрировано. Наиболее выражены отличия в предпочтениях коренных жителей сел по употреблению пищи, приготовленной традиционными способами (сырое, вяленое и особенно квашеное). В с. Лаврентия число респондентов, употребляющих в пищу мяса морских млекопитающих, приготовленное традиционными способами примерно в 2 раза ниже в сравнение с аналогичными данными, полученными в с. Лорино. Существенная разница отмечена по употреблению квашеного мяса моржа в зависимости от национальности. В обоих селах этот традиционный продукт питания употребляют около 70% чукчей и только 40% эскимосов, лица русской национальности вообще не употребляют. Изучение приверженности коренных жителей к традиционной пище в зависимости от возраста показало, что в обоих селах во всех возрастных группах (более 80%) опрошенных регулярно употребляют мяса моржа и кита в вареном виде, в то время как квашеное и сырое мясо морских млекопитающих чаще употребляют лица старшего возраста. Помимо мяса морских млекопитающих, коренное население употребляет в пищу привозное мясо, а также мясо оленя и некоторых наземных хищников и даже беспозвоночных (моллюсков р. *Buccinidae*) [Букина, 2015, с. 26]. Как видно из диаграммы, привозную продукцию (мясо свинины), птицу больше употребляют жители с. Лаврентия, а мясо оленя в обоих селах употребляют более 90% респондентов (рис. 2).

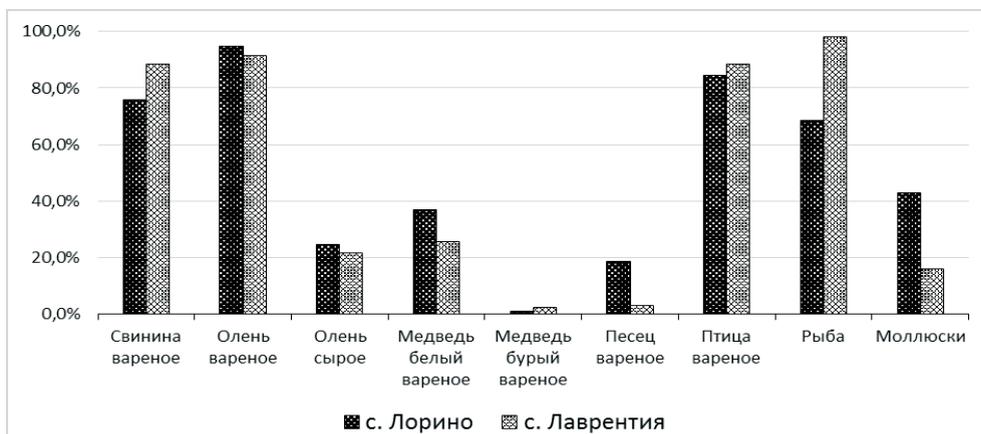

Рис. 2. Потребление основных и второстепенных продуктов питания коренными жителями с. Лорино и с. Лаврентия

Мясо белого медведя употребляют в обоих селах 25-35% в вареном виде, как чукчи, так и эскимосы, лица старше 30 лет. Обращает на себя внимание тот факт, что среди чукчей, которые употребляют мясо бурого медведя, это лица в возрасте до 30 лет. Для чукчей бурый медведь является тотемным видом животного. Употребление некоторой частью респондентов в пищу мяса песца клеточного содержания, лишний раз подчеркивает неоднородность материальной обеспеченности коренного населения, заниженной самооценкой индивидов и т.д. Несмотря на то, что фокусные населенные пункты считаются на территории Чукотского полуострова благополучными, при более детальном рассмотрении выявляются негативные стороны социальной жизни населения, которые характерны для большинства северных регионов страны — низкая заработная плата, алкоголизм, безработица, социальная апатия, невозможность самореализации, суицид, отсутствие партнера.

Таким образом, анализ пищевых предпочтений коренных жителей двух благополучных прибрежных поселков явился логическим подтверждением уклада их жизни. В обоих рассматриваемых моделях существует общность тенденций их развития, которая обусловлена наличием в них прослойки населения, занимающей активную жизненную позицию, сумевшую самоорганизоваться и самореализоваться, в частности, состоять в общине и представлять интересы своего народа, способствовать сохранению этноса, а также выработке адаптаций к трансформациям, неизбежно происходящим в традиционном укладе жизни.

Список литературы

1. Букина Л.А. Трихинеллез в прибрежных районах Чукотского полуострова, распространение, меры профилактики: автореф. Киров, 2015. С. 43.
2. Козлов А.И., Козлова М.А., Вершубская Г.Г., Шилов А.Б. Здоровье коренного населения Севера РФ: на грани веков и культур. Пермь ОТ и ДО, 2013. 205 с.
3. Опарин Д.А., Уманская А.И. Проблемы природопользования саамов Кольского полуострова и инуитов Восточно-Канадской Арктики (Нунавут) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 220. М., 2011. 46 с.

Г.Г. Вершубская, А.И. Козлов

НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета, Москва, Россия
ggver@ya.ru, dr.kozlov@gmail.com

«ЭКОНОМИКА ДАРА»: ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА И ЗДОРОВЬЕ СЕВЕРЯН¹

G.G. Vershubskaya, A.I. Kozlov

Research Institute and Museum of Anthropology,
Moscow State University, Moscow, Russia

“GIFT ECONOMY”: TRADITIONAL FOOD AND HEALTH OF NORTHERNERS

ABSTRACT: We consider the role of the gift economy (as a system of inter-community distribution of food) in health preservation of contemporary indigenous people of Russian Arctic. D-vitamin status (it was evaluated by the serum blood concentration of 25-hydroxyvitamin D) has been chosen as an indicator of health. During the polar night, food is the only source of vitamin D. The main sources of this vitamin are fish and venison, which are also staple of the “arctic diet”. Thus, the concentration of 25(OH)D in serum of Arctic indigenous people in wintertime reflects availability and the level of consumption of traditional food. Nenets females were subjects of

¹ Поддержано грантом РФФИ 15-04-02309.

this study and they were divided into two age groups (of 17-41 and 42+ yo), residents of a district center (with a total population of 1500), or a small settlement (500 inhabitants), who did not participate in reindeer herding and had a proxy access to local products. The length of day, in the course of collecting samples, ranged between 1:20 and 2:40 hrs. Difference in the levels of vitamin D between the age groups of the residents in bigger settlement was insignificant. As for the small settlement, serum 25(OH)D concentration was, on average, higher in the group of seniors (50.8 ± 10.46 nmol/l) than in the juniors (45.6 ± 10.90 nmol/l; p = 0.032). Those, who live in remote small settlements are the most low-income groups of the indigenous population. They mostly live on what they gathered and caught, with an addition of products supplied by reindeer herders to their family members. The consumption of local food is higher in small than in large settlements, moreover, older women have better access to the local products than younger ones. The collected materials agree with the assumption that the availability of local food extensively depends on the tradition of giving.

Социальные системы многих традиционных обществ включают регулярную передачу товаров и услуг не в качестве обмена и без ожидания ответной «услуги за услугу»: главная цель — построение социальных отношений. Включенная в групповое взаимодействие помощь рассматривается в рамках концепции экономики дара, или экономики дарения (gift economy) [Cheal, 1988].

Элементом «экономики дара» считают и обмен пищей — точнее, помощь-распределение пищи между членами общины без явного ответа со стороны одаряемых. Такой взгляд не бесспорен. С одной стороны, действительно, пищей делятся с пожилыми и слабыми (калеками, вдовами), которые заведомо не смогут отдарить благодетеля-добытчика. С другой, подобное поведение нельзя считать абсолютно бескорыстным: скорее, оно несет черты реципрокного альтруизма («я делюсь пищей со стариками, и этим повышаю вероятность подобного поведения по отношению ко мне в старости»). Но, так или иначе, традиция «дарения» продуктов не состоящим в родстве с добытчиком малоимущим или пожилым членам общины — один из характерных для северян элементов социального устройства [Крупник, 1989].

В докладе рассмотрена роль помощи-распределения пищи в поддержании здоровья современного коренного населения Российской Арктики. В качестве маркера здоровья принят D-витаминный статус группы.

Под «витамином D» понимают комплекс из двух стероидных прогормонов: холекальциферола D3 (синтезируется под воздействием УФ-облучения) и эргокальциферола D2 (поступает с пищей). В печени они превращаются в циркулирующий в кровеносном русле 25(OH)D, служащий основным резервуаром витамина в организме и наилучшим образом отражающий D-витаминный статус человека.

В период полярной ночи продукция D3 практически прекращается, витамин поступает только с пищей в виде D2. Основные его источники для внутриматериковых групп — рыба и оленина, составляющие основу «арктической диеты». Таким образом, содержание 25(OH)D в сыворотке крови коренного населения Арктики в зимний период отражает доступность традиционной пищи и уровень ее потребления [Козлов, Вершубская, 2016; Kozlov et al., 2014]. С учетом этих данных, были избраны критерии формирования выборок (табл. 1).

Таблица 1

Критерии формирования выборок

Критерий формирования выборки		Избранная группа
Коренное население Севера		Ненцы
Получение вит. D только с пищей		Период «полярной зимы»
Не участвуют в добыче местных продуктов		Жители поселков
Доступность покупной пищи	Значительная	Райцентр (1500+ чел.)
	Низкая	Малый поселок (500 чел.)
Опосредованный доступ к местным продуктам		Женщины
Вклад местных продуктов в диету	Понижен	Возраст 17-41 год
	Значителен	Возраст 42+ года

Итак, анализ влияния на здоровье северян «экономики дара» (в форме внутриобщинного распределения пищи) проведен на материалах обследования коренного населения Ненецкого АО. Продолжительность светового дня в период обследования варьировала от 1 часа 20 мин. до 2 часов 40 мин.

В целом, без учета места жительства, концентрация 25(OH)D у женщин старшей возрастной группы ($M=43,3$, $SD=11,89$ нмоль/л) выше, чем у молодых ($38,4\pm 10,88$; $p=0,0067$ согласно U-тесту Манна-Уитни). Но межвозрастные различия сами по себе не свидетельствуют о вкладе «экономики дарения» пищи. Важнее другой факт. У жительниц крупного населенного пункта (районный центр Несь) межкогортные различия в содержании витамина незначимы ($35,8\pm 13,33$ нмоль/л в старшей и $31,2\pm 10,86$ в младшей когорте; $p=0,137$), тогда как у северянок из малого поселка Хорей-Вер концентрация 25(OH)D в старшей возрастной группе достоверно выше, чем у молодых (соответственно, $50,8\pm 10,46$ и $45,6\pm 10,90$ нмоль/л; $p=0,032$). Потребление оленины и рыбы местных пород у жителей Хорей-Вер выше, чем в районном центре [Мурашко, Даллманн, 2011], а северяне старших возрастных групп имеют больший доступ к местным продуктам, чем молодые [Козлов, 2005; Kozlov et al., 2007]. Это обусловлено тем, что финансово малообеспеченное оседлое население Севера имеет доступ к продуктам преимущественно за счет подсобной рыбалки и продукции, поставляемой оленеводами в семьи, остающиеся в населенных пунктах [Козлов и др., 2012; Kozlov et al., 2007]. У живущих в поселках женщин это в значительной мере обусловлено помощью-распределением пищи, что сглаживает различия в диетах оленеводов и живущих в малых поселках ненцев, что отражается в относительном «выравнивании» D-витаминного статуса представителей этих групп.

Полученные материалы не противоречат предположению о том, что доступность местных продуктов в значительной мере обусловлена элементами традиционной «экономики дарения» в форме помощи-распределения пищи.

Список литературы

1. Козлов А.И. Пища людей. Фрязино: Век-2, 2005. 269 с.
2. Козлов А.И., Вершубская Г.Г. Витамин D и здоровье северян // Лицом к морю. Наследие Берингии. 2016. Вып. 3. С. 336-354.
3. Козлов А.И., Козлова М.А., Вершубская Г.Г., Шилов А.Б. Здоровье коренного населения Севера РФ: на грани веков и культур. Пермь: РИО ПГГПУ, 2012. 159 с.
4. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.
5. Мурашко О.А., Даллманн В.К. Трансформации традиционного образа жизни и питания коренного населения Ненецкого автономного округа // Вестник МГУ. Сер. XXIII, Антропология. 2011. № 4. С. 2-24.
6. Cheal D.J. The Gift Economy. London: Routledge, 1988. 228 p.
7. Kozlov A., Khabarova Yu., Vershubsky G., et al. Vitamin D status of northern indigenous people of Russia leading traditional and “modernized” way of life // Int. J. Circumpolar Health. 2014. V. 73. 26038. Pp.1-7. <http://dx.doi.org/10.3402/ijch.v73.26038>.
8. Kozlov A., Nuvano V., Vershubsky G. Changes in Soviet and post-Soviet Indigenous diets in Chukotka // Études/Inuit/Studies. 2007. № 1-2. P. 103-119.

ОПЫТ РАЗВЕДЕНИЯ ДОМАШНИХ ОЛЕНЕЙ НА АРХИПЕЛАГЕ НОВАЯ ЗЕМЛЯ¹

Е.А. Volzhanina

Institute of the Problems of Northern Development SB RAS,
Tyumen, Russia

THE EXPERIENCE OF REINDEER BREEDING ON THE ARCHIPELAGO NOVAYA ZEMLYA

ABSTRACT: This article encourages readers to take a look at the experience of domestic reindeer breeding on the islands of Novaya Zemlya, that was conducted in the first third of the 20th century. This example drew attention to the idea of artificial reindeer breeding, which is designed to emphasize an initiation of food base for population, and in particular, to compensate the loss of a significant reduction of a wild deer hunting. Domestic reindeer herding of the archipelago Novaya Zemlya existed less than 10 years — from 1928 to 1937, but it left an imprint on the development of hunting and fishing in island economy. On the one hand, it was reflected on genetic mixing of reindeer, that were brought from Kolguev island with wild individuals of the Novaya Zemlya, which is recognized as «geographical isolates». On the other hand, there is the statement that domestic reindeer on the Novaya Zemlya is Nenets traditional economy. The article draws on in-depth archival work.

Вопросы о времени и месте появления домашнего оленеводства волновали и волнуют умы не одного поколения ученых. Тем не менее, существуют территории, для которых мы можем довольно точно установить время возникновения оленеводческого хозяйства, превращение его в неотъемлемую часть хозяйственной деятельности человека, а затем полное прекращение в силу сложившихся природно-географических и социально-экономических обстоятельств.

Идеи искусственного разведения оленей, в том числе в нехарактерных для их обитания условиях, появляются в середине XIX в. как в России, так и в Европе, а в дальнейшем были подкреплены успешным опытом на острове Реме и на Аляске [Великосельцев, 1855, с. 5; Грюнер, 1931; Palmer, 1927]. В биологии этот процесс получил название преднамеренной интродукции, т.е. сознательного завоза животных с целью их расселения за пределами естественного ареала. Одной из причин, обуславливающих перевозку животных, можно считать стремление создать продовольственную базу для обеспечения населения, и, в частности, компенсировать потери от существенного сокращения промысла дикого оленя. Если первые подобные опыты носили стихийный характер и были связаны с народной практикой, то в XX-XXI вв. они получили государственную поддержку и научно-исследовательское сопровождение. Известно, что на Соловецкие острова завезли северных оленей еще в XVI в., на момент основания Соловецкого монастыря [Фокина и др., 2011], на о. Колгуев — в начале XVIII в. в связи с переселением ненцев-оленеводов [Добротворский, 1937, с. 170]. Впоследствии в разные годы северных оленей завозили на острова Колгуев и Врангеля, Новой Земли, Беринга, Симушир, Шумшу и в Горьковскую область [Павлов и др., 1974, с. 358].

В данной работе предлагается рассмотреть опыт разведения домашних оленей на островах Новой Земли, предпринятый в первой трети XX в. Новоземельское домашнее оленеводство существовало менее 10 лет — с 1928 по 1937 гг., оставив заметный след в развитии охотничье-промыслового хозяйства островов, что нашло отражение, с одной стороны, в генетическом

¹ This research is part of the project “Arctic Domestication: Emplacing Human-Animal Relationships in the Circumpolar North”, funded by the European Research Council funded project, grant AdG295458.

смешении домашних колгуевских оленей с новоземельскими дикими особями, признанными «географическими изолятами» [Вехов, 2013, с. 18]. С другой стороны, в заявлениях о том, что домашнее оленеводство на Новой Земле — традиционная отрасль хозяйства ненцев [Чесноков, 2007].

Архипелаг Новая земля находится в Северном Ледовитом океане, между Баренцевым и Карским морями и включает два больших острова (Северный и Южный), разделенные проливом, и большое количество маленьких островов. Во второй половине XIX в. для организации на Новой земле постоянного зимнего промысла были переселены в залив Моллера из Малоземельской тундры «*пять чумов самоедов, не имевших оленей и пожелавших промыслить зверя на Новой Земле*» [Житков, 1903, с. 70]. На отсутствие оленей у новоземельских самоедов обращали внимание многие авторы, объясняя этот факт объективными причинами. «*Новоземельские самоеды вовсе не держат оленей, так как, с одной стороны, разбросанность оленьих пастбищ, которыми обильны только речные долины, делает пастьбу оленей затруднительной, с другой — сами самоеды, занимаясь морскими промыслами, привязаны к берегам. Для сообщения по острову и перевозки тяжестей служат собаки...*» [Житков, 1903, с. 71]. Кроме того, большое количество диких оленей на островах обеспечивало их население всем необходимым для питания и изготовления одежды и обуви [там же, с. 62-63].

Первый опыт завоза домашних оленей на Новую Землю, описание которого нам известно, относится к 1896 г., когда 18 домашних оленей были завезены в становище Малые Кармакулы экспедицией Академии наук князя Б. Голицына, посетившей Южный остров для наблюдения солнечного затмения и использовавшей их для обследования северо-восточной его части [Львов, 1912, с. 22]. Он оказался неудачный, т.к. олени сначала плохо перенесли путешествие на пароходе, а потом с трудом тянули сани с грузом по каменистой местности и испытывали проблемы с кормом [там же, с. 23-24]. В последствии они были частично уничтожены собаками, частично смешались с дикими оленями [В.Е., 1933, с. 11].

Вопрос о необходимости завоза домашних оленей на Новую землю встал особенно остро в 1920-е гг. К этому времени сложилось критическое положение не только с численностью диких оленей на островах в силу их жестокого истребления, но и в отношении популяции собак из-за распространения эпидемических заболеваний среди них [ГАРФ¹, ф. Р3977, оп. 1, д. 93, л. 94 об.]. В первой половине 1930-х гг. был поставлен вопрос о государственной охране популяции диких оленей на Новой Земле и охота на него была запрещена сроком на пять лет с 1934 г. [К охране, 1934, с. 221]. Таким образом, организация «культурного оленеводства» на Новой Земле должна была компенсировать потери от существенного сокращения промысла дикого оленя [Зубков, 1932, с. 131]. Кроме того, домашние олени рассматривались в качестве источника мяса для колонистов, завоз которого с о. Колгуев требовал дополнительных расходов на специальные ледокольные рейсы [Зубков, 1935, с. 7].

С 1928 по 1933 гг. под руководством управления островами СЛЮ и Севкрайгосторгом в районе Гусиная Земля выпускались небольшие стада оленей, перевезенные с о. Колгуева, а в 1931 г. одно стадо высадили в районе Черной губы [Зубков, 1935, с. 7]. Всего было привезено 604 животных [Александрова, 1937, с. 87]. Выбор полуострова Гусиная Земля для высадки домашних оленей был сделан на основании свидетельств о скоплении там стад диких оленей в прошлом, указывающих на наличие там подходящих пастбищ для выпаса [Зубков, 1932, с. 130].

Параллельно с доставкой оленей и образованием Новоземельского опытного совхоза проводились устройство и организация выпаса оленей. Более или менее точное представление об оленьих пастбищах Гусиной Земли с составлением геоботанической карты, классификацией типов тундр и оценкой их кормовых запасов были получены только в 1930 г. после проведения целенаправленных геоботанических работ [Зубков, 1931, с. 211]. Поэтому до этого времени никакого систематического наблюдения за стадом пастухами не производилось. Более того, исследование территории проводилось с использованием собачьих упряжек из-за тех же самых проблем, что испытал отряд князя Б. Голицына в 1896 г.: отсутствие корма и неспособность ездовых быков вести груз по каменистой тундре. Изучение пастбищ показало существенную диспропорцию в се-

¹ ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

зонных пастбищах на полуострове Гусиная Земля, выражающуюся в незначительной ее олене-емкости в зимний период — 570 голов (по другим оценкам — 450 голов), тогда летом эта цифра увеличивается до 2000 голов [В.Е., 1933, с. 12]. Активный поиск зимних пастбищ начался после тяжелой зимовки стада домашних оленей в 1930-1931 гг., когда погибло 8,6% животных [Зубков, 1935, с. 9.], в т.ч. большое количество новорожденных телят. Выяснилось, что морозы, обилие снега и сильные часто повторяющиеся восточные ветра, особенно в весенние месяцы приводят к образованию наста, который олени не могут разбить, а плохая ориентация пастухов на новой местности и незнакомая территория выпаса не позволяют им принимать правильные решения относительно перекочевок [там же].

Динамика численности новоземельских оленей в 1928-1936 гг. является результатом влияния, с одной стороны, сурового климата, с другой стороны, недостатка зимних пастбищ и незнания пастбищных условий ни оленями, ни пастухами, ни организаторами Новоземельского совхоза. Более того, выяснилось, что на Новой Земле отсутствуют естественные укрытия от ветра, что очень важно во время отела. Тем не менее, не смотря на все трудности, поголовье домашних оленей демонстрировало положительный прирост. По мере адаптации животных к климату, открытия новых пастбищ и подходов к ним численность оленей на Новой Земле стала расти. За шесть лет, с момента последнего привоза стада в 1930 г. и до конца 1936 г., общая численность домашних оленей выросла на 36%, так что одно большое стадо для удобства выпаса разделили на два: западное и восточное.

В результате геоботанических изысканий в 1931-1935 гг. с целью рационального использования пастбищной территории и создания комфортных кормовых условий для оленей на Южном острове удалось выделить летние, осенние и зимние пастбища [Александрова, 1937]. С завершением геоботанических работ можно говорить о складывании новоземельского оленеводства к середине 1930-х гг. К его особенностям относятся: круговые кочевые маршруты с запада на восток; применение вольного метода пастыбы, отделение транспортной части стада от производительной, небольшой радиус выпаса, равный 4-5 км. Кроме того, характер пастбищ определял особенность пищевого рациона новоземельских оленей, а именно компенсации ими ягельных кормов подснежными зелеными кормами и мхами в зимний период. Из-за постоянно угрозы бескормицы для сохранения транспортной части совхоза в рабочем состоянии ездовые быки весной подкармливались ягелем, собранным летом и смешанным с хлебом [Зубков, 1936. С. 26].

Участники организации новоземельского оленеводства высоко оценивали его результаты прежде всего за довольно существенный ежегодный прирост равный в среднем 25%, подчеркивая, что *«в этом отношении Новоземельский оленеводство не отличается от оленьего хозяйства на Аляске в период расцвета оленеводства»*, и строя планы об обеспечении местного населения оленеводческой продукцией и вывозе ее для продажи на материк. Более того богатые летние пастбища и отсутствие оводов обеспечивали качество оленеводческой продукции, а именно высокий убойный вес и целостность оленьих шкур, могущих использоваться для выработки галантерейных кож и первосортной замши. По оценке оленьих пастбищ 1935-1936 гг., их площадь позволяла увеличить оленье поголовье до 4000 голов.

Список литературы

1. Александрова В.Д. Оленеводство на Новой Земле // Природа. 1937. № 4. С. 79-90.
2. В.Е. Оленеводство на Новой Земле // Бюллетень Арктического института. 1933. № 1-2. С. 11-13.
3. Великосельцев К. Идея о возможности искусственного разведения оленей на болотистых местах северных губерний // Экономические записки. 1855. № 1. С. 5.
4. Вехов Н. Дикий северный олень Новой Земли // Охота и охотничье хозяйство. 2013. № 12. С. 14-19.
5. ГАРФ. Ф. Р3977. Оп. 1. Д. 93.
6. Грюнер С.А. Попытка разведения северных оленей в средних широтах Европы // Сов. Север. 1931. № 1. С. 138-139.

7. Добротворский И. Оленеводство острова Колгуева // Проблемы Арктики. 1937. № 4. С. 170-172.
8. Житков Б. Новая Земля. М.: Университетская типография, 1903. 89 с.
9. Зубков А. Работа геоботанической экспедиции по устройству оленьих пастбищ на Новой земле // Бюллетень Арктического института. Л., 1931. С. 211-213.
10. Зубков А.И. Новоземельское оленеводство // Хозяйство Севера. 1932. № 1-2. С. 130-133.
11. Зубков А.И. Оленеводство и олени пастбища на Новой Земле // Труды Арктического института. Л., 1935. Т. XXII. С. 7-34.
12. Зубков А. Работы в оленсовхозе Новой Земли в 1934-1935 годах // Бюллетень Арктического института. 1936. № 2. С. 26-27.
13. К охране дикого оленя на Новой Земле // Бюллетень Арктического Института. 1934. № 5. С. 221.
14. Львов В. Новая земля. Ее природа, животный мир, промыслы и население. М.: Типография Русского Товарищества, 1912. 80 с.
15. Охрана диких оленей на Новой Земле // Бюллетень Арктического Института. 1934. № 6-7. С. 266.
16. Павлов М.П., Корсакова И.Б., Лавров Н.П. Акклиматизация охотничье-промысловых зверей и птиц в СССР. Ч. 2. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, Кировское отд-е, 1974. 460 с.
17. Фокина Т.Л., Черенкова Н.Н. «Корабль снегов» на Соловках // Соловецкое море». 2011. № 10. Интернет-доступ: <http://www.solovki-land.ru/priroda/cevernue-oleni.html>
18. Чесноков И. На Новую Землю возвращается жизнь // Вечерний Мурманск. 2007. Вып. 46. Интернет-доступ: <http://www.b-port.com/smi/2/2507/47739.html#ixzz3jppFXbTv>
19. Palmer L.G. Исследование пастбищ для северных оленей в Аляске (пер. с англ. проф. С.А. Грюнера) // Труды Сибирского Ветеринарного института. 1927. Вып. 8. С. 217-245.

Д.В. Воробьев

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия
 pakamagan@rambler.ru

СНЕГОХОД И ОЛЕНЬ В ОСВОЕНИИ ТАЕЖНОГО ПРОСТРАНСТВА

D.V. Vorob'ev

Institute of Ethnology and Anthropology RAS,
 Moscow, Russia

SNOWMOBILE AND REINDEER IN THE APPROPRIATION OF THE TAIGA SPACE

ABSTRACT: The article discusses how the snowmobile allows the groups of taiga hunters who gave up reindeer herding to master vast geographical distances. It would seem that mechanical transport poorly compares poorly with reindeer because it requires continuous refuel which is impossible to produce in taiga. The source from outside is necessary. Nevertheless, the author shows that reindeer hunters from the settlement of Chirinda cover longer distances during the hunting expeditions, than reindeer herders from the settlement of Sovrechka cover during of their annual migration. Chirinda people's spatial strategy consists of hunting on remote territories with a large supply of gasoline and spare parts for the snowmobile with them. It permits them to refuel in other settlements on their way back while they are far from home. It is possible only on condition of the regular sales of the hunting products, which allows hunters getting necessary components in abundance.

Утрата оленеводства являет собой причину оседания охотников-олeneводо в поселках и, как следствие, значительное сокращение площадей осваиваемых территорий. В августе 2009 г. в красноярском аэропорту «Черемшанка» в ходе завязавшегося разговора об оленеводстве жительница эвенкийского поселка Полигус сказала автору этого текста:

— «Тайга сейчас совсем пустая стала».

Автор не понял суть ее слов и спросил:

— «Почему пустая? Оленей не стало?» и получил ответ:

— «Нет, людей в тайге не стало. Раньше полно было, а теперь не стало» [ПМА 2009].

Людей в тайге не стало именно из-за того, что они утратили оленеводство и перестали кочевать, сконцентрировавшись в поселках. Машинные средства передвижения так и не смогли стать полноценной заменой оленному транспорту. Тем не менее, автор считает необходимым скорректировать свое прежнее, возможно, слишком категоричное утверждение, что появление у оленеводов новых технических средств передвижения (авиация, автомобиль, снегоход) вовсе не влечет за собой более обширный охват промысловой территории, а, напротив, сужает его [Воробьев, 2007, с. 167-168]. По крайней мере, эту корректировку следует произвести применительно к снегоходному транспорту. Казалось бы, оленья упряжка должна иметь стратегические преимущества перед снегоходом при освоении удаленных угодий хотя бы по той причине, что последний в своем передвижении ограничен объемом бензобака и тем пределом топлива, которое можно взять с собой, тогда как в первом случае нужно лишь иметь возможность заменить уставших животных отдохнувшими. Тем не менее, полевые материалы 2014 г., собранные у отказавшихся от оленеводства эвенков п. Чиринда на севере Эвенкийского района Красноярского края, демонстрируют даже более широкий охват осваиваемого географического пространства, нежели протяженность кочеваний оленеводов Советской речки на севере Туруханского района Красноярского края в 2004 г., когда на весь поселок насчитывалось только четыре «Бурана»¹ [там же, с. 178]. В настоящий момент, по словам жителей Советской речки, количество снегоходов в поселке существенно увеличилось [ПМА 2016]. Это, впрочем, не повлияло на снижение поголовья оленей [Степанова, 2015, с. 131-133].

Все население Чиринды оседло живет в поселке, но отсутствие ездовых оленей, полагаю, не сильно сказалось на масштабах освоенного ими физического пространства. Олений транспорт вполне успешно заменила снегоходная техника. Целью большинства далеких поездок чириндинцев на снегоходах является поиск стад дикого северного оленя, промысел которого является основой жизнеобеспечения. В свою очередь данное обстоятельство влечет за собой освоение обширных пространств и благоприятствует появлению богатых локальных географических познаний.

Яркой иллюстрацией масштаба охвата осваиваемых угодий служит осенний промысловый сезон 2014 г., к сожалению, не слишком удачный. В общих чертах он развивался следующим образом. В начале октября, когда поселок находился в томительном ожидании оленя, появилась информация, что стада находятся в бассейне рек Сумна (к западу от поселка Ессей) и Тукалан (примерно 20 км на север от Ессея). Ессей находится в 120 км от Чиринды на север-северо-восток. Диковщички² регулярно отправлялись на север в сторону Ессея и к хребту Мороло, некоторые уехали дальше, в район Ессея и затем в сторону Сумны с палатками и запасом бензина. Охота возле Ессея оказалась недостаточно результативной, оленей попадалось не очень много, и большая часть охотников вернулась назад.

Оказывается, стада северного оленя, мигрируя на юг, обошли Чиринду с восточной стороны и, по возникшим в первых числах ноября слухам, вышли в район оз. Комэско и к р. Колды. Спешно собравшись, диковщички выехали туда, взяв юго-восточное направление. Прибыв на место, они обнаружили только следы животных, которые, предположительно, покинули эту местность 31 октября, двинувшись на запад, в сторону хребта Дуго, в междуречье рек Котуй и Котуйкан. Многие повернули назад, но некоторые продолжили преследование. Вернувшись, они рассказали, что и на Дуго им не удалось застать оленей [ПМА 2014].

¹ Наиболее распространенная марка снегохода советско-российского производства.

² Сибирское название охотников на дикого северного оленя.

Для нас важность представляет не столько сам промысел оленя, сколько связанная с ним протяженность перемещения людей в тайге. Расстояние напрямую от Чиринды до Сумны составляет более 130 км на север, от Чиринды до Комэско — 80 км на юго-восток, от Комэско до Дуго — почти 100 км на запад-северо-запад, от Дуго до Чиринды — около 50 км на северо-восток.

Как видим, площадь охваченного за диковку 2014 г. пространства весьма велика. Однако и этот широкий охват не является пределом. Диковщики рассказывали, как поиск и преследование оленей заставляли их предпринимать и значительно более далекие путешествия. Для наглядности, приведу фрагменты двух бесед:

«Удачная диковка была, примерно, году в 2010 или 2011. “Бураны” еще только советские были. В Чиринде дикий прошел быстро в сентябре, снега еще не было. Потом передали, что много оленя у Старой Эконды. Мы вчетвером собрались и поехали на четырех “Буранах”, трое диковщиков и один кашевар. Одновременно туда якуты поехали. Их путь был напрямую, через Еромо. Из Ессея так ближе. Ессеицы проехали немного раньше и успели разогнать всех оленей. Мы немного позднее приехали и добыли мало. К Эконде поехали, там стреляли. Когда в Эконде гостили, поступила информация, что на Крест надо ехать. Там олени есть. У Креста удачная Диковка оказалась...» [ПМА 2014].

«В прошлом году дикий к Эконде ушел. Туда из Чиринды и Ессея целые караваны диковать потянулись. Якуты едут — с собой вещи, печки, палатки, запчасти, бензин везут. Помногу “Буранов”. Там диковали, некоторые в Эконду за бензином заезжали. Обратно эти караваны весной по воде, по мокрому снегу шли, но доехали до Ессея» [ПМА 2014].

Маршрут от Ессея до п. Эконда через оз. Еромо составляет немногим более 300 км, а от Чиринды до Эконды напрямую немногим менее 300 км. Топоним «Крест» мои собеседники определили как находящийся неподалеку от п. Тура — столицы Эвенкии.

Исходя из вышеприведенных данных, необходимо поставить вопрос об источнике топлива и запасных частей для снегоходов. При отсутствии этих компонентов столь дальние путешествия на механическом транспорте по тайге абсолютно невозможны. Не заправляясь, на «Буране» можно проехать только немногим более 100 км. Ведя такую стратегию освоения далеких пространств, диковщик должен либо обладать перевалочными базами в виде избушек в тайге с запасом бензина и запчастей, либо иметь все это при себе в поездке, либо приобрести в другом поселке. Наиболее оптимальным оказывается второй тип действия. Отправляясь в дальний путь, люди, чаще всего берут с собой бочку бензина объемом в 200 л, необходимый минимум запчастей, а также вторую палатку для снегохода, который сложно завести утром, если он простоял ночь на сильном морозе под открытым небом. Когда бензин в бочке подходит к концу, уже проехавший значительное расстояние диковщик, имеет таким образом возможность достичь другого поселка и пополнить запасы топлива. Стационарные избушки строятся в радиусе 10-50 км от Чиринды. Строить их в более далеких местах нецелесообразно, поскольку охотник не может знать, в каком направлении он последует за оленем, а усеять перевалочными пунктами всю тайгу, естественно, невозможно. Бывает комбинированный вариант, когда охотник доезжает до зимовья, снаряжается там всем необходимым и уже оттуда едет в места, где можно в дальнейшем пополнить стратегический запас, в данном случае п. Эконда или районы близ трассы, по которой продвигаются скупщики мяса [ПМА 2009; ПМА 2014].

Кочевания совречинских оленеводов не столь протяженны, как промысловые поездки чириндинских диковщиков. Большинство семей продвигаются на север от поселка в район Советских озер. Расстояние от Советской речки до Большого Советского озера составляет около 40 км. Зимой некоторые хозяйства откочевывают дальше на север. Так, зимой 2004-2005 г. мне довелось принять участие в кочевании семьи эвенков от Большого Советского озера к озерам Олдомон и Перикочи. Движение продолжалось четыре дня, а затем было разбито стойбище у оз. Маривьян (неподалеку от большого оз. Перикочи), откуда мужчины разъехались ставить сети по соседним озерам. На этом кочевание закончилось. По словам моих собеседников, дальше на север никто из совречинцев не кочевал [ПМА 2004]. Расстояние от Большого Советского до Перикочи составляет немногим более 30 км. Итак, протяженность кочеваний оленеводов Советской речки не превышает 80-90 км.

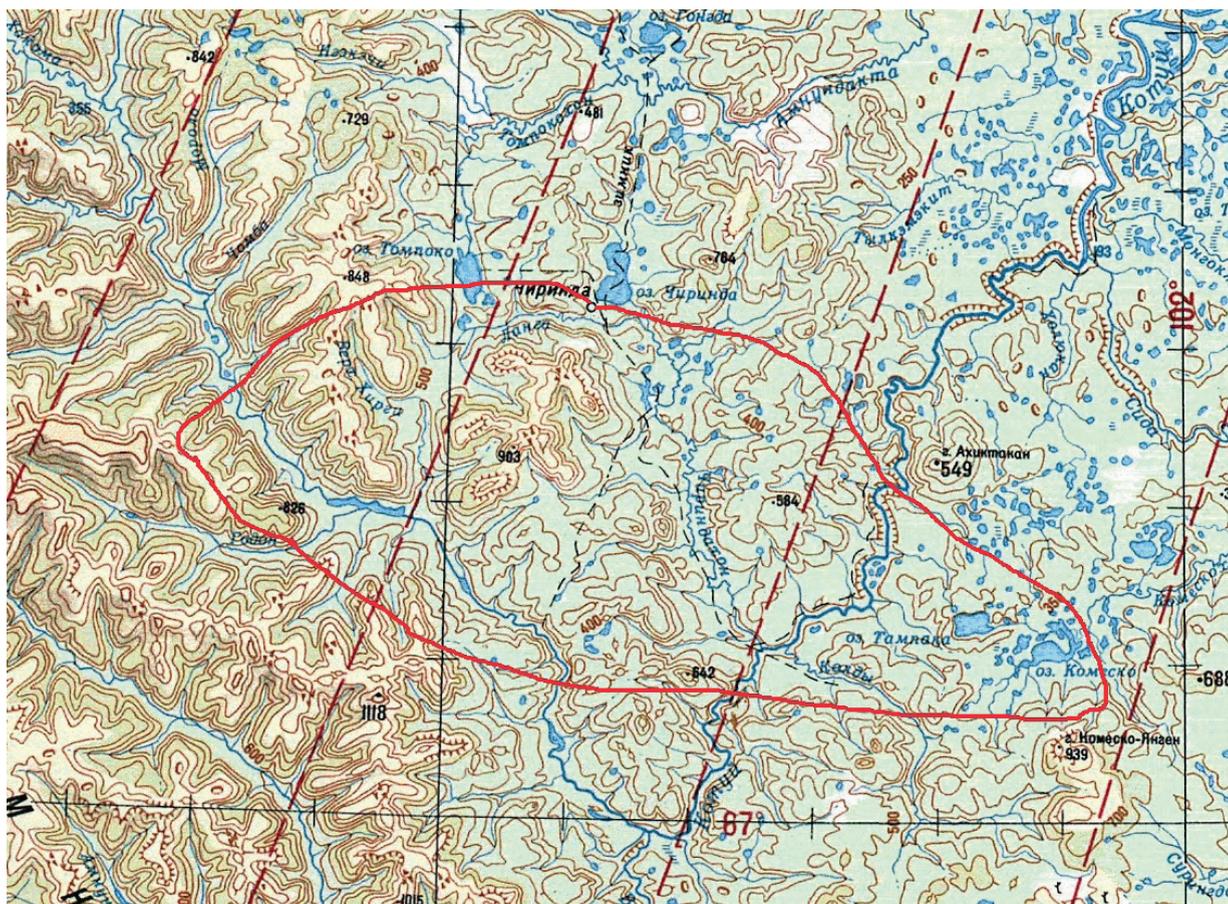

Рис. 1. Маршрут: Чиринда-Комэско-Дуго-Чиринда

Получается, олений транспорт уступает снегоходу, когда речь заходит о протяженности освоенного пространства? От чириндинских диковщиков иногда можно услышать такое мнение: «Старики в диковке ничего не понимают, только молодые понимают. Старики совсем по-другому диковали, на оленях диковали. Они ближе уезжали и меньше добывали» [ПМА 2014].

Думается, по отношению к меньшему количеству добытых оленей это утверждение соответствует истине, но оно спорно, когда речь заходит о степени дальности перемещений. В частности, пожилой эвенк Х.А. Баягир рассказывал, как, будучи еще молодым человеком, оставил оленеводческую бригаду неподалеку от оз. Чиринда и отправился охотиться на диких оленей в верховья р. Кочечумо [ПМА 2009]. Достичь тех мест на «Буране» без дозаправки невозможно.

В связи с этим также показателен следующий диалог с Д.М. Эспеком (1936 г. р.):

Д.М.: Раньше этого дикого, что с севера идет, совсем не было. Местные (лесная морфа северного оленя — Д.В.) были ... Их мало было. Их добывали там, на Тембенчи, когда туда ездили соболя промысливать.

Я: Это верховья Кочечумо?

Д.М.: Нет, дальше.

Я: Там еще река Курейка (Люма) есть?

Д.М.: Да, за нею.

Я: Это далеко, километров триста наверно?

Д.М.: Больше, к четырестам [ПМА 2014].

Особенно протяженные маршруты кочеваний присущие эвенкам не раз отмечались исследователями, как характерная черта их культуры [Сирина, 2002, с. 122-123; Лаврилье, 2010, с. 117]. В данном случае важно то, что речь идет не о перекочевке всей семьи, а о промысловой поездке охотников, что типологически сближает ее с поездкой диковщика на снегоходе. Как нетрудно за-

метить, охотникам на оленях приходилось проделывать не меньшие расстояния, чем современным диковщикам на снегоходах. Тем не менее, факт возможности охвата весьма обширных таежных территорий при помощи «Бурана» не подлежит сомнению.

Завершая, отмечу, что стратегия освоения физического пространства, выработанная чириндинскими диковщиками, может функционировать только при условии доступности приобретения в большом количестве бензина и запчастей. При условии налаженного рынка сбыта оленьего мяса на севере Эвенкии [Воробьев, 2011, с. 329], удачливый промысловик может себе это позволить. В случае последующей неудачной охоты близ поселка он сможет отправиться диковать в более далекие места. Отсутствие рынка сбыта любой продукции промысла на севере Туруханского района [Степанова, 2015, с. 133], напротив, порождает ситуацию, когда олений транспорт остается более целесообразным, нежели механический.

Итак, снегоход не уступает оленю в предоставлении человеку возможности освоения далеких таежных пространств, но только при наличии благоприятных для этого условий.

Список литературы

1. Воробьев Д.В. Современное оленеводство эвенков Советской Речки // Расы и народы. М.: Наука, 2007. Вып. 33. С. 164-187.
2. Воробьев Д.В. «Диковка» в Чиринде — промысел дикого северного оленя в XXI столетии // «Не любопытства ради, а познания для...». К 75-летию Юрия Борисовича Симченко. М.: Старый Сад, 2011. С. 314-339.
3. Лаврилье А. Ориентация по рекам у эвенков юго-востока Сибири. Система пространственной социальной и ритуальной ориентации // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 115-132.
4. Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. М.: Иркутск: Оттиск, 2002. 286 с.
5. Степанова О.Б. Селькупы села Совречка // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2015. № 3. С. 126-134.

Г.С. Вртанесян

Центр изучения религий РГГУ, Москва, Россия
Veges2011@mail.ru

ЧИСЛОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ. ИХ ОТРАЖЕНИЕ В МИФОПОЭТИКЕ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

G.S. Vrtanesjan

Center for the Study of Religions RSHU,
Moscow, Russia

NUMERICAL SYSTEMS. THEIR REFLECTION IN THE MYTH-POETICS AND MATERIAL CULTURE

ABSTRACT: This article reviewed and analyzed complexes for numerical artifacts from archaeological cultures of the first Millennium of our era from the Northern Kama region, the Urals and Western Siberia. Identified system for an accurate counting and accounting for calendar time was identified, based on the numbers six and seven are reflected on the decoration of these products. For comparison, Ob-Ugric folklore texts were analyzed to identify the numeric complexes in such texts. It turned out that the most common case is the numeric complex "seven - six". The context in which it is used, more often associated with the sky and annual way of the Sun. As the prayer

of Torum), the count is seven-month cycle started with a birth of the “new sun” at the time of the winter solstice, compared with the birth of the “calf of the sun” (by Patkanov), which ended in Elijah’s day (beginning of August), a fracture of the weather on “winter” and a sharp reduction in the light of the day. The mapping of these features, numerical algorithms about the artifacts (in fact the ring calendars) and in the texts, allows us saying that the system was based on a numerical model on the products and the texts were natural realities.

Числовые комплексы (ЧК), рассмотренные в работе, представляют собой «ступени», состоящие из двух чисел. Они выявлены в фольклоре и декоре изделий материальной культуры (бляхи, кольца, подвески), найденных в Прикамье, Урале и Западной Сибири. В работах с описанием ЧК не ставился вопрос о причинах их появления [подр. см.: Врганесян, 2014, с. 302-303]. По-видимому, число и расположение счетных элементов на изделиях подчинено определенным алгоритмам. Выявление их в полном объеме в рамках одной работы, задача невыполнимая, однако можно выбрать знаковые, рассмотрев вопрос об их назначении и семантике.

Символ завершенности и полноты — круг (кольцо, диск) — наиболее подходящая форма для счета и учета времени. Составность круга, как символа и эквивалента годового цикла, удобнее всего представить в виде радиальных секторов одного размера, что почти всегда фиксируется на узоре чаш, блях, подвесок и др. Представление двух и более схем счета на одном изделии, с использованием разных единиц (сидерический или синодический месяцы) одновременно, ожидаемо меняет форму изделия. Оно может стать составным, с двумя концентрическими кольцами, соединенных разными элементами. Внутреннее кольцо может быть символом года, отсчитываемого по «малой» единице счета, внешнее — по «большой».

ЧК со счетной символикой выявлены на изделиях (раннее средневековье) с Урала, Прикамья и Западной Сибири (релкинская «бляха» календарь коми [Чиндина, Врганесян, 2014, с. 138-139]), подвески из ломоватовской и полумской культур [Голдина, 1985, с. 227, табл. XIX — 13; Семенов, 1981, табл. IV — 9,1], «шахаровская» серебряная чаша [Даркевич, 1976, табл. 25: 1, 2], бронзовая чаша из Шурышкарского р-на ЯНАО [Бауло, 2004, с. 34, 35]).

На «колесовидных подвесках» (полумская культура), кольца соединены с помощью сдвоенных кружочков [Семенов, 1981, табл. IV — 9,11]. На большом кольце (диам. 8 см) с отверстием для подвешивания и с регулярно расположенными выступами (6, 7, 11 и 19) на внешней кромке (ломоватовская культура), на котором по внешнему краю нанесен регулярный узор в виде 52 «волн». Расположенные радиально 52 выступа (вершины волн круговой синусоиды) образуют второй круг счетных элементов. Внутреннее кольцо соединено с внешним семью сдвоенными кружочками, составляющих в сумме $7 \times 2 = 14$ [Голдина, 1985, с. 227, табл. XIX:13]. На бляхе (Релка) внешняя и внутренняя части соединены с помощью «крестовины». В коми календаре это реализовано расширением плоскости кольца, и нанесением насечек на кромки кольца — 90 насечек на внешнюю (большой круг) и 78 на внутреннюю (малый круг).

То есть на кольце (бляхе) могут быть несколько ЧК. Во-первых, это 7 и производное 14. Во вторых это 13, и производное 52 (13×4). С опорой на числа 6 и 7, можно предложить простой метод расчета годового цикла. Сумма их, $6+7$ равна числу сидерических месяцев в году (13), сумма двух семерок дает величину годичной вставки $7+7=14$. Сумма чисел 14 («темная половина») и 13 («светлая половина») равна сидерическому лунному месяцу. Выявляется очень простой и эффективный способ для расчетов величины как лунного, так и солнечного годовых циклов по схеме $13 \times (13+14) + 14 = 365$. Именно числа - 6 и 7 есть на «колесовидных подвесках» с памятников ломоватовской и полумской археологических культур [Голдина, 1985, с. 227, табл. XIX — 13; Семенов, 1981, табл. IV — 9, 11].

Близкие схемы формирования годового цикла видны на внешней и внутренних сторонах чаши из Шахаровского клада. На внешней стороне в центре изображен всадник, окруженный «ложчатым» орнаментом из 26 «лучей», у концов которых находятся сгруппированные в «треугольник» три кружка, итого $26 \times 3 = 78$. Лучи («ложки») опираются на составное «кольцо» из 60 чешуек, символ 360 дневного года [Даркевич, 1976, табл. 25: 1, 2]. На этих изделиях отражены две системы отсчета — с опорой на сидерический месяц (27 дн.) и 30-дневный синодический месяц, лежащий в основе 360 дневного года. ЧК, находящиеся в центре этих изделий, имеющих, по-видимому, особый (статусный) характер, оказались кратными 13.

На календаре коми, сахаровской чаше и бляхе (Релка) [Чиндина, Вртанесян, 2014, с. 139-143] это число 78 (13 x 6), на ломоватовской бляхе — 52 (13 x 4). Число 78 представлено также и на декоре бронзовой чаши из ЯНАО (78 малых и 13 больших кружков на поверхности чаши) [Бауло, 2004, с. 34, 35]. На релкинской бляхе выявлены числа: 78 жемчужин, 41 луч (и другие числа 4, 11, 19), дающие возможность расчета годового цикла и совершения интеркаляций по разным схемам [см. подробнее: Чиндина, Вртанесян, 2014, с. 139-141].

Если опираться на годовой цикл из 13 месяцев, тогда указанные числа 4 (52 : 13) и 6 (78 : 13) равны числу лет, после которых производились вставки. Выбор числа 4 объясним, т.к. целочисленная и очень точная величина вставки в этом случае составляет 41 день (10, 25 x 4). Схема цикла в шесть лет известна из зороастрийского календаря (вставка на шестой год 30 дневного месяца) [Бойс, 1988, с. 87-92]. Это соотносится и с историческим контекстом, т.к. основной источник поступления статусных серебряных изделий в Приуралье и Урал в первой половине I тыс. — сасанидский Иран (прямо или через Восточную Европу) [Даркевич, 1976, с. 107, 108] и Византия (через тех же посредников) в первых веках II тыс. [Федорова, 2002, с. 98-100].

Анализ фольклора хантов выявил устойчивое существование лишь одного ЧК 7>6. В сказке «Купец Нижнего света, Купец Верхнего света» купец ходит по «купеческой дороге» нижнего и верхнего света (полагаю, что речь идет о солнце). Он седьмой сын Торума, имеющий первоначальный зооморфный облик гуся [Мифы, 1990, с. 105, 515, пр. 15]. В ней ЧК 7>6 встречается в разных контекстах — указание на устойчивость этой идиомы. И, самое важное, связывающее этот ЧК с календарным мифом — «как подует северный ветер, качнет его к семи краям юга, как подует южный ветер, качнет его к шести краям севера». При обходе священного дома, они «семь раз по ходу солнца его обходят, шесть раз по ходу солнца его обходят» [там же, с. 105, 111, 515 пр. 15, 112, 118, 119]. ЧК 7>6 отмечен и в «Молитве Торуму»: «Ты, семиричный Бог, ты шестиричный Бог» [Патканов, 1999, с. 349]. То есть ЧК 7>6 является устойчивым «шаблоном» в хантыйских текстах. Допустимо, связать появление ЧК в первую очередь с особенностями счета календарного времени, и отрывок («Купец...») связывающий северный ветер с движением на юг (и наоборот) — прямое указание на особенности годового хода Солнца. При этом число 7, которое, как правило, стоит впереди, есть длительность периода, отсчитываемого от даты зимнего поворота Солнца.

Указание на это же — сюжет с шестиногой «жеребой лосихой», преследуемой Тунк-похом, который настигнув ее, отрубил ей две задние ноги, после чего зверь вскочил и побежал на Север [Патканов, 1999, с. 151-152]. Упомянутые поворот на север и «жеребость» Лосихи очень важны. Первое указывает на время события — зимнее солнцестояние, после которого солнце начинает свой обратный путь на север; второе — на предстоящее рождение нового Солнца («лосенка»). Начало этого отрезка времени — зимнее солнцестояние, а завершение его через семь месяцев — конец июля, и совпадает с Ильиным днем. Это событие нашло свое отражение в обрядности разных народов, праздник Пиль-эд у селькупов [Ким, Кудряшова, Кудряшова, 1996, с. 205-212]), мужской праздник «на зиму» Торум-кан у манси [Попова, 2008, с. 52]).

Сказанное указывает на знакомство носителей археологических культур второй пол. I тыс. Прикамья, Северного Урала и Западной Сибири, со схемами счета и календарного времени, в основе которых лежал ЧК 7>6, который фиксируется и в фольклоре обских угров. В обоих случаях, этот числовой комплекс напрямую соотносится с особенностями годового хода Солнца и фенологией.

Список литературы

1. Бауло А.В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск: Наука, 2004. 161 с.
2. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.: Наука, 1988. 303 с.
3. Вртанесян Г.С. Числовые «ряды» и «ступени» в фольклоре и эпосе народов Алтая и Сибири // Урал — Алтай: через века в будущее: материалы Всерос. науч. конф. Горно-Алтайск: БНУ, 2014. С. 302-308.
4. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: ИрГУ, 1985. 280 с.
5. Даркевич В.П. Художественный металл Востока 8-13 вв. М.: Наука, 1976. 199 с.

6. Ким А.А., Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А. Селькупский праздник Пиль Эд и культ лося // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996. С. 205–212.
7. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990. 568 с.
8. Патканов С.К. Остяцкая молитва. Т. 1. Тюмень: Изд-во Мандрики, 1999. 400 с.
9. Попова С.А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск: ТГУ, 2008. 138 с.
10. Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры. Ижевск, 1981. С. 3–135.
11. Федорова Н.В. Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций // Археология, этнография, антропология Евразии. 2002. № 4. С. 91-101.
12. Чиндина Л.А., Врганесян Г.С. Раннесредневековые календари северной Евразии // Вестник ТГУ. 2014. № 383. С. 138-147.

Н.Ф. Галеева

Музейно-выставочный комплекс им И.С. Шемановского,
Салехард, Россия
13nelia31@mail.ru

ПОЧИТАНИЕ ДЕРЕВЬЕВ У ТАТАР СЕВЕРА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

N.F. Galeeva

I.S. Shemanovsky Museum and Exhibition Complex,
Salekhard, Russia

THE WORSHIP OF TREES AMONG THE TATARS IN THE NORTH OF THE OMSK REGION

ABSTRACT: Since ancient times, animistic ideas (spiritualization of natural phenomena) have taken a special place in religious beliefs of the Siberian Tatars. Life of Siberians depended on their ability to survive in taiga and ability to use its gifts, that is why the cult of trees was one of the most important elements of the traditional religious system of this group of the Tatars. Echoes of the animistic beliefs still exist in our days. Culture and traditions of the Tatars from the north part of Omsk region also retain pre-Islamic remnants including the worship of trees. However, there are no summarizing papers on this topic now which is one of the most understudied. The author has collected new folklore materials on this topic in Tavrinsky district of Omsk region in 2011-2015s. The article is devoted to the worship of trees by the Tatars from the north part of Omsk region. The religious and ceremonial complex as well as sacral-mythological content are analyzed, also there is given its comparison with the cults of the Volga Tatars and their neighboring aboriginal population, the transformation of the cult elements under the influence of Islam is showing. Author also highlights beliefs about the characters and images of traditional Tatar mythology that associated with trees: the forest owner, Ayesha Fatima. The folklore materials can be nominally divided into several groups: veneration of forest (forbidden territory that is guarded by a spirit), revered groves (sacralization of some particular groves), revered trees (religious animation of a tree, worship of individual species of tree).

Одними из первых, кто написал о почитании деревьев сибирскими татарами, были Ф.Т. Валеев [1992] и Н.А. Томилов [1980]. Роль деревьев в народной медицине сибирских татар хорошо освещена в работах Л.М. Кадыровой [2003] и Г.И. Зиннатуллиной [2013]. Аспектам почитания деревьев заболотными татарами посвящена работа М.Н. Тихомировой [2009].

Наиболее полноценно изучено почитание деревьев ясколбинскими (заболотными) татарами. Во-первых, это связано с влиянием на религиозные представления данной группы татар соседствующих с ними обских угров, у которых элементы культа деревьев сохранились до наших дней. Во-вторых, труднодоступность и изолированность заболотных татар по сравнению с другими

группами тоболо-иртышских татар (на жизнь которых после принятия ислама, оказали сильное воздействие исламская идеология и культура). Собранные автором у татар севера Омской области новые фольклорные материалы (2010-2015 гг.) можно условно разделить на несколько групп.

Почитание леса. В представлениях татар лес относится к «чужой, запретной территории». Об этом свидетельствует соблюдение определенных правил и запретов. Так, при входе в лес необходимо поздороваться с его хозяином. Примечательно, что самая распространенная фраза приветствия содержит фрагмент мусульманской молитвы: *«Бисмилляхи Рахмани Рахим! (во имя Аллаха милостивого и милосердного — Авт.) Здравствуй! Разреши воспользоваться дарами своего леса. Обещаю вести себя тихо»*¹. В лесу запрещается мусорить, громко кричать и ломать деревья, иначе *«хозяин может разозлиться и завести в глушь, будешь ходить кругами и не сможешь выбраться»*. По словам информантов, если ты потерялся в лесу *«нельзя кричать и звать на помощь, просто присядь под деревце, закрой глаза и попроси хозяина тебя вывести. Ты сам найдешь дорогу. В уплату за помощь можно оставить на деревце лоскуток от одежды»*.

В образе хозяина леса выступает *урман иясе*. Ж.М. Жалилова (р. 1921, д. Тайчи, татарка) сообщила: *«Урман иясе выглядит как пожилой мужчина. Невысокого роста. Его сложно заметить, чаще всего он скрывается от людских глаз. Может быстро перемещаться по лесу»*.

Во всех упоминаниях об *урман иясе* он выступает как антропоморфное существо. Образ Шурале (низкорослое, горбатое, с длинными тонкими пальцами, длинными сосками и небольшим рогом на лбу антропоморфное мифическое существо татарских сказок [Шурале]) для исследуемой группы татар практически неизвестен. Ф.Т. Валеев писал: *«...татарам — аборигенам Сибири, шурале неизвестен, о нем сибирские татары знают только из художественной литературы и фольклора татар Поволжья»* [1992, с. 183]. Вместе с тем, со слов А.С. Гафеева (р. 1931, д. Тайчи, татарин) автором был зафиксирован следующий сюжет: *«Самой первой улицей в д. Тайчи была Заимка. Ее основали первые переселенцы. До самого крутого берега были дремучие леса. Деревья толщиной в два обхвата. Лес был настолько огромный и темный, что в нем водились шурале»* Возможно, этот сюжет лишь подтверждает сведения о том, что деревню основали переселенцы из Поволжья, которым *шурале* был знаком по прежнему месту жительства.

Почитаемые рощи. В Тевризском районе существовали, а в некоторых случаях, существуют и до сегодняшнего дня почитаемые рощи, тщательно оберегаемые местными жителями. Информаторами неоднократно упоминались объекты, под названием *Курчак шоры*, что в переводе с татарского означает 'роща кукол'. О существовании у сибирских татар деревянных идолов (*курчак*) писал Ф.Т. Валеев *«В некоторых районах Тобольской губ. даже в начале XX в. отмечены факты существования у аборигенных татар деревянных идолов (курчак), хранившихся ими в дуплах почитаемых деревьев, что является еще одним доказательством наличия в изучаемый период доисламских реликтов в религиозном мировоззрении татар. ...в ряде селений Тевризского и Усть-Ишимского районов нами зафиксированы факты хранения местными татарами-мусульманами маленьких идолов считавшихся покровителями домашнего очага»* [1992, с. 188].

По сведениям информантов, в «рощах кукол» было запрещено рубить деревья, ломать ветки и мусорить. Одна из роц (Чусма) располагалась рядом с д. Летнее Тевризского района. Г.М. Мухаметова (1934-2014 гг., д. Хутор, татарка) рассказала, что роща Чусма была особо почитаемым местом. Кукол в корзинках там оставляли для того, чтобы вместе с ними избавиться и от своих болезней. При этом куклы могли стонать и извещать о надвигающихся бедах [Галеева, 2012, с. 281]. Вторая «роща кукол», существующая и по сегодняшний день, располагается рядом с д. Тайчи. М.И. Джалилова (р. 1926, д. Тайчи, татарка) сообщила: *«В основном в роще растет черемуха, ягоды которой собирать нельзя. Раньше к ветвям деревьев подвешивали тряпичные куклы, а сейчас — лоскутки ткани. Так люди могут оставить в роще свои болезни, привязав их к дереву. Лоскутки трогать нельзя — можно забрать на себя болезнь человека»*.

Подобная роща существовала и в д. Байбы Тевризского района. Со слов А.М. Манашовой (р. 1935, д. Байбы, татарка), *«возле д. Байбы была небольшая роща, расположенная на перекрест-*

¹ Здесь и далее, если не указан источник — приводятся цитаты из ПМА, 2010-2015 гг.

ке двух дорог. Когда ребенок заболел, то от одежды больного отрывали лоскуток и подвешивали на дерево в роще. Дети неизменно выздоравливали. В иных целях в рощу не заходили».

Почитаемые деревья. Помимо рощ и леса татары почитали отдельные деревья, обладающие духами — *ия*. В основном почитали одиноко растущие или выделяющиеся своими особенностями деревья (формой, высотой). Существовало поверье, что вокруг этих деревьев обитают добрые духи, содействующие удачной охоте, избавлению от болезней [Валеев, 1992, с. 188].

К таким деревьям можно отнести одинокую березу, растущую на правом берегу Иртыша. Г.А. Мавлютова (1927-2012 гг. д. Тайчи, татарка) вспоминала: *«Мама рассказывала, что во время гражданской войны рядом с д. Тайчи в правобережных лесах прятались красногвардейцы. Однажды белые поймали там старика-партизана. После пыток его повесили на молодой одинокой березе. Место это было безлюдным, поэтому тело старика провисело несколько дней, и его душа вселилась в березу»*.

У разных народов были различные виды священных деревьев. Тюркские народы почитали березу. *«Весной после очищения реки ото льда шорцы собирались в священной березовой роще для свершения обряда угощения духов. В начале праздника мужчины подходят к самой старой березе и каждый, кланяясь, говорит: «Здравствуй! Пришли к Вам в гости на Ваше угощение посмотреть». После этого залезают и вешают на березу ленточки»* [Норманская]. Интересен тот факт, что для поволжских татар береза не является негативным деревом, более того, она часто воспевается в песнях. Однако у сибирских татар проявилось особое отношение к березе. *«Каен кайгы китеря»* ('береза приносит горе' — пер. Авт.) говорят старожилы и предостерегают людей от посадок данного дерева рядом с домами. Возможно, подобное отношение к березе является отражением мифа о «чуди белоглазой», которая ушла, когда в ее землях начала расти белая береза. Предсказание гласило, что вслед за белой березой придут белые люди с царем и установят свой порядок. Во избежание этого местные обитатели выкопали ямы, поставили столбы, накрыли их крышами и поверх крыш насыпали землю с камнями. После этого они подрубили столбы и заживо похоронили себя вместе со своими сокровищами [Арбачаков].

Почитание дерева связано также и с представлениями о древе жизни, как вместилище души рода. Поэтому у всех групп татар есть обычай сажать деревья у изголовья могил [Терлецкий]. Но даже в этом случае сибирские татары не используют березу. А.Х. Манашов (р. 1935, д. Тайчи, татарин) сообщил: *«Сажают в основном плодовые деревья, чтобы птицы могли кормиться: черемуху, калину, рябину. Или сирень для красоты. Березу не сажают, она растет сама, заполняя все кладбище»*.

Почитаемым деревом у сибирских татар является осина. Культ данного дерева тесно связан с образом Айши-Фатимы (дочери пророка Мухаммада). В д. Усманка Новосибирской области был записан следующий сюжет: *«Айша-Фатима, обнимая осину, оставила на ней свою кровь. С тех пор больных, в том числе бесплодных женщин лечат отваром коры осины, взятой с западной — женской стороны. Эта кора считается лечебной именно потому, что на ней до сих пор видны следы крови дочери пророка»* [Селезнев, 2009, с. 99]. Эти сведения частично подтверждает и Г.М. Мухаметова: *«Осина была любимым деревом дочери пророка. Это дерево исцеляет людей. Если положить под кровать осиновое полено, оно заберет всю отрицательную энергию, да и сон будет крепким»*.

Сохранившиеся у татар севера Омской области формы почитания деревьев, являются еще одним доказательством существования религиозного синкретизма у данной группы татар. Это явное свидетельство того, что ислам с одной стороны упразднил некоторые элементы древних представлений, с другой — придал им новое значение, и они продолжают свое существование в рамках новой религии.

Список литературы

1. Арбачаков А. Культ дерева коренных народов Алтая и Саян. URL: http://ecodelo.org/8544-kult_dereva_korennykh_narodov_altaya_i_sayan- (дата обращения — 13.12.2013).
2. Валеев Ф. Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. 207 с.
3. Галеева Н.Ф. «Рощи кукол» в представлении тевризских татар Омской области // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы: Мат-лы

- докл. ЛII Региональной (VIII Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых. Новосибирск, 2012. С. 280-81.
4. Зиннатуллина Г.И. Народные медицинские знания сибирских татар (тоболо-иртышская группа). Казань: ЯЗ, 2013. 140 с.
 5. Кадырова Л.М. Народные медицинские знания сибирских татар Омского Прииртышья (конец XIX-XX вв.): дис. ...канд. ист. наук. М., 2003. 158 с.
 6. Норманская Ю.В. Культ березы и ее название у народов Сибири и Поволжья (на материале тюркских и уральских языков). URL: <http://www.iling-ran.ru/Normanska-ya/normanska-ya/03.pdf> (дата обращения — 12.03.2016).
 7. Селезнев А.Г. и др. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Изд. дом Марджани, 2009. 216 с.
 8. Терлецкий Н.С. Некоторые аспекты почитания деревьев у оседлого населения Центральной Азии. URL: <http://kunstkamera.ru/mwg-internal/de5fs23hu73ds/rprogress?id=QHNTHejyQcWi-EoLjZRL7tiIXFPTm9amjnFa5Lp95oM> (дата обращения — 24.03.2016).
 9. Тихомирова М.Н. Почитание деревьев у заболотных татар // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск: Наука, 2009. С. 230-236.
 10. Томилов Н.А. Общественный быт и духовная культура томских татар // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 137-167.
 11. Шурале. Татарские мифы. URL: <http://tatar-myth.blogspot.ru/2010/01/tatar-forest-dweller-shurale.html> (дата обращения — 22.03.2016).

Е.Е. Ермакова

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия
elenaprema@mail.ru

САКРАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: ТИПОЛОГИЯ И МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ

Е.Е. Ermakova

Tyumen State University, Tyumen, Russia

SACRED LANDSCAPE OF TYUMEN REGION: TYPOLOGY AND MECHANISMS OF DESIGN

ABSTRACT: One of the forms of natural landscape exploiting by a man is endowing it with cultural denotations. There is no uniform classification of these objects due to the great variety of cultural landscapes and relatively science immaturity. The commonly-accepted definition does not designate all the landscapes belonging to the same semantic field. A landscape with religious associations is emphasized in UNESCO documents, they can be defined in researches as religious, cultural and religious, or sacral. One of the problems concerning the researches of the sacral and religious landscape as a contemporary model of life space organization is the study of its development processes and formation mechanisms, in other words, an attainment of the sacral status in historical dynamics. The article specifies main types and objects of the sacral landscape which were, principally, determined as the result of field observations (2005–2016) in the territory of the Tyumen region, as well as some mechanisms for this landscape's formation. The article presents two variants of such type of landscape which are a religious landscape (more restricted notion) and a sacral landscape itself. Nowadays, the religious landscape is being extensively developed in the territory of the region. Moreover, earlier, some of its objects (for example, water sources) and practices of their

veneration had been developed in an Orthodox spirit but now their clericalization is under way. In case of newly established religious landscapes, it is possible to talk about their telic Orthodox religious formation. The sacral landscape of the region is being formed in two directions. On the one hand, there is an «accidental» formation of the objects (it is not intentionally operated, uncommercial; as a rule, the name of a tradition starter is unknown). According to our observations, the accidental form of the sacral landscape can be permanent and contextual, or temporary. On the other hand, one may talk about the marketing usage of sacral objects, for instance, for purposes of territory branding (business; the name of a tradition starter may be known). Both forms of the sacral landscape formation are young enough existing from the mid-1990-s and the early 2000-s.

Одна из форм освоения человеком природного ландшафта — наделение его культурными смыслами. При этом обе его части — и природная, и культурная — составляют единое целое [см.: Руководство, 2013, с. 197; Геоэкология и природопользование, 2005, с. 277]. Ввиду многообразия культурных ландшафтов и относительной молодости науки о них единой классификации этих объектов не существует. Одна из возможных классификаций представлена в «Руководстве по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия» ЮНЕСКО, где культурный ландшафт делится на три категории; одна из них включает ландшафты с религиозными ассоциациями, в частности сакральные места [Руководство по выполнению...; см. также типологию культурных ландшафтов: Веденин, Кулешова, 2001, с. 7-14].

Культурные ландшафты, ввиду их многообразия, изучены не в полной мере. Особенностью научного осмысления культурных ландшафтов является то, что *«каждый тип ландшафта имеет свои структурные особенности»*, в связи с чем *«строгих алгоритмов описания культурных ландшафтов и их типологических разностей не существует»* [Культурный ландшафт, 2004, с. 157]. Не все ландшафты, находящиеся в одном смысловом поле, обозначаются одной, общепринятой дефиницией. Выделяемый ЮНЕСКО ландшафт с религиозными ассоциациями может обозначаться как религиозный, культурно-религиозный, сакральный. Более узким нам видится понятие религиозного ландшафта. Одно из его определений сформулировал П.К. Дашковский: это *«исторически изменяющаяся система взаимоотношений между обществом и религиозными общинами в определенном географическом пространстве в контексте этнических, социально-экономических, культурных и политических процессов»* [Религиозный ландшафт, 2014, с. 10]. Ключевая для этого понимания характеристика «система взаимоотношений» диктует сам способ/язык описания религиозного ландшафта, который можно назвать коммуникативным. Объектом изучения в религиозном ландшафте будут те или иные конфессии, объединения, общины. Соответственно, более широкое понятие — сакральный ландшафт.

Как отмечает М.Е. Кулешова *«...в наименованиях номинаций редко встречается типологическое понятие «сакральный», однако в кратких описаниях довольно часто встречается понятие «сакрального», либо «святого», места»* [Культурный ландшафт, 2004, с. 151]. В самой монографии отсутствует четкое определение сакрального ландшафта, однако приводятся некоторые его характеристики: он включает проведение религиозных церемоний, поклонение объектам культа, священнодействие, состоит из *«сакральных (то есть священных, культовых, ритуальных) местностей»* — святых мест и религиозных центров различных конфессий, как христианских, так и иных¹ [Там же, с. 146, 148, 151].

Важно обозначить качества самих объектов, формирующих сакральный ландшафт. Для этого уточним базовое определение. Е.Е. Левкиевская отмечает, что сакральный — это *«одно из центральных понятий архаической картины мира, в христианском богословии — качество, присущее Богу и высшим божественным силам (...), а также сфере их бытия и проявления; в широком традиционном контексте — качество, приписываемое культовым, почитаемым объектам, наделенным высоким и положительным религиозным смыслом, и особой силой, которой присущи благодать и чистота»*. Первоначальные смыслы, заложенные в корне **svęt*, *«соотносились с общей идеей роста, силы, жизни, здоровья, изобилия божественных производительных сил»* [Славянские древности, 2009, с. 534, 535]. В русской народной традиции аналогом понятия 'сакральный' является 'святой'.

¹ В связи со сложным, многокомпонентным толкованием понятия «сакральный» есть множество синонимов для описания сакрального ландшафта.

Одна из задач изучения сакрального и религиозного ландшафта в качестве актуальной модели организации жизненного пространства — рассмотрение процессов формирования и механизмов его конструирования [см. напр.: Адаев, 2013]. Тезисно обозначим основные, выявленные главным образом в результате авторских полевых наблюдений (2005–2016 гг.) на территории Тюменской области, разновидности и объекты сакрального ландшафта, а также некоторые механизмы его конструирования.

1. Религиозный ландшафт. В настоящее время на территории региона происходит активное формирование религиозного ландшафта. Если раньше некоторые его объекты (например, водные источники) и практики их почитания сформировались в духе народного православия, то сейчас происходит их клерикализация. В случае вновь создаваемых ландшафтов можно говорить об их целенаправленном ортодоксально-религиозном конструировании. Примером может служить формирование перечня религиозных объектов и практик их почитания в с. Рафайлово Исетского р-на (ПМА, 2012–2013). Село Рафайлово, в советское время абсолютно лишенное религиозных маркеров, заново их обретает. В процессе «новой колонизации» в объекты религиозного почитания включены водный источник и камень (осколок Свято-Успенского собора Симонова монастыря). Новые религиозные символы формируют новый образ религиозного ландшафта, который целенаправленно конструируется благодаря грамотной стратегии заинтересованных сторон, и прежде всего РПЦ, что характерно для территории всей Сибири [Любимова, 2006, с. 326]. Архиепископ Тобольский и Тюменский Димитрий периодически посещает водные источники региона (ПМА, 2013).

2. Сакральный ландшафт. Формирование сакрального ландшафта региона происходит в двух основных направлениях: 1) «стихийное» конструирование объектов (неуправляемое целенаправленно, некоммерческое; как правило, имя начинателя традиции неизвестно); 2) «маркетинговое» использование их, например, в целях брендинга территории (коммерческое; имя начинателя традиции может быть известно).

Примером стихийного сакрального ландшафта может служить Марьино ущелье в Исетском р-не: родник, воду из которого некоторые считают целебной, и «дерево счастья» (ПМА, 2011–2012). У родника загадывают желание, некоторые бросают монетки, а к веткам и стволам растущих над родником кустарников привязывают лоскутки [см. об этом и других похожих примерах: Ермакова, 2011]. Стихийная форма сакрального ландшафта может быть постоянной (нижняя граница — время начала почитания) и ситуативной, временной. Примером последней является «Дерево счастья», которое организаторы праздника Масленица воздвигают на Сретенской площади в г. Ялуторовске (ПМА, 2016). К нему все желающие привязывают ленточки и загадывают желание.

Одним из вариантов маркетингового сакрального ландшафта может быть конструирование ландшафта санаторно-курортных комплексов. Генеральный директор санатория «Сибирь» М.М. Илий (ПМА, 2013) целенаправленно с помощью научных методов занимается формированием культурных, и в том числе сакральных смыслов территории санатория. Частью культурного ландшафта территории санатория стали «Семейное дерево» и «Камень жизни». «Проработка» сакральных смыслов этих объектов осуществляется в т.ч. на сеансах психотерапии и в рамках ландшафтной терапии. Что примечательно, в ландшафте санатория раскрываются изначальные смыслы, заложенные в этимологии понятия «сакральный»: идеи силы, жизни, здоровья, изобилия. Может, именно поэтому, по словам М.М. Илия, отдыхающие восприняли сконструированный сакральный ландшафт, новое «место силы» как нечто необходимое, привычное и естественное, то, чего давно ждали.

Дальнейшее исследование будет проходить в двух направлениях: 1) накопление материала; 2) проверка типологической гипотезы и ее уточнение. Все это поможет зафиксировать в динамике исторические особенности возникновения и развития сакральных ландшафтных форм и выявить базовые потребности человека, закрепленные в соответствующих сакральных ассоциациях.

Список литературы

1. Адаев В.Н. Сакрализация пространства как текущий процесс в культуре юганских хантов-переселенцев // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. № 7. С. 296–301.

2. Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия АН. Серия географическая. 2001. № 1. С. 7–14.
3. Геоэкология и природопользование. Понятийно-терминологический словарь / авт.-сост. Козин В.В., Петровский В.А. Смоленск: Ойкумена, 2005. 576 с.
4. Ермакова Е.Е. Паломничество к почитаемым местам Тюменской области: Марьино ущелье // Экология древних и традиционных обществ: Сб. докл. конф. Вып. 4. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. С. 280–282.
5. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Ин-т Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
6. Любимова Г.В. Почитаемые места в народно-православной картине мира сельского населения Сибири // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX–XX вв. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 33–49.
7. Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Т. 1: Поздняя древность — начало XX в. / отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. 214 с.
8. Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия. Июнь, 2013 [Электронный ресурс]: Мин-во культуры РФ: официальный сайт. Режим доступа: http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2013/26_11_2013_4.pdf. Дата обращения: 09.03.2016.
9. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. 656 с.

Р.Г. Жамсаранова

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия
rebeca-zab@mail.ru

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПОГРЕБАЛЬНЫХ НАДМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ (РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2015 г.)

R.G. Zhamsaranova

Transbaikal State University, Chita, Russia

ETHNIC ORIGIN OF BURIAL CONSTRUCTIONS (ON THE RESULTS OF ETHNOGRAPHIC EXPEDITION OF MAY 2015)

ABSTRACT: The article deals with the problem of scientific investigation of so called ethno-lingual substrate of aboriginal population of such area as Transbaikal. No doubt that Russian-speaking population of the Eastern part of Transbaikal deals with many inhabitants of medieval Siberia because of their origin. The results of field expeditions around the Eastern part of Transbaikal from 2004 till 2015 can prove thesis about multi-ethnic origin of modern Russian-speaking population of the territory that has Tungus roots. Some unusual burials were found on the local cemeteries where Russian-speaking old residents buried that have Tungus origin could be compared with those of Turk, Samoedic and Ugric ethnic substrate people. From the linguistic point of view, the presence of any Samoedic, Ket and Ugric lingual elements in the ethnic origin of Buryat and Russian-speaking old residents of the area is proved by toponimic substrate. Modern condition of scientific investigation of Buryat and Tungus genonymums give an opportunity to suppose about the presence of another ethnic and linguistic elements not only of Altai linguistic element.

Статья посвящена разрешению проблемы этноязыковой принадлежности той части современного русскоязычного населения Восточного Забайкалья, которая имеет т.н. «гуранское» или тунгусское происхождение. Системное исследование данного субстрата в топонимии края позволило выделить достаточно плотный стратиграфический пласт таких терминов, адекватно этимологизируемых только из кетского, селькупского, ненецкого языков, а также языков ханты и манси. Поэтому вполне естественен вопрос об этнической принадлежности той части «инородческого» или «тунгусского» населения исторической Даурии, которая оставила эти топонимы.

Рис. 1. С. Усть-Теленгуй, Шилкинский район

Изученное состояние языковых, ономастических, в частности, фактов позволяет говорить о сложной социолингвистической диахронной ситуации на исследуемой территории. С позиций иных аспектов исторического прошлого Забайкалья участие в сложении современных народов — бурятов и эвенков, а также русских, имеющих старожильское происхождение (знающих о тунгусском начале) — факты, указывающие на это, отсутствуют. Вопрос об этноязыковой принадлежности тунгусского населения считается разрешенным. Согласно Г.М. Василевич, В.А. Туголукову, Т.Б. Уваровой и др., тунгусы Нерчинского уезда считаются однозначно эвенками и эвенками. Однако последние ономастические исследования Забайкалья подвергают сомнению это устоявшееся мнение. Исследованные топонимы субстратного языкового происхождения позволяют говорить об ином, нежели только тунгусо-маньчжурском этногенезе тунгусов Нерчинска [см. Жамсаранова, 2011а; 2009а].

Автором в течение последних 10 лет были обнаружены и описаны необычные надмогильные сооружения на местных русских кладбищах [Жамсаранова, 2004, с. 65-68]. Полевые находки в виде надмогильных «домиков» на местных русских кладбищах Забайкалья, обнаруженные в 2004 г., способствовали организации комплексной экспедиционной поездки по трем районам края — Балеysкому, Ононскому и Шилкинскому уже в 2015 г. Целью поездки явилось обследование сельских кладбищ на предмет фотофиксации погребений-артефактов.

Такие надмогильные «домики» были обнаружены в сс. Сарбактуй, Усть-Теленгуй и Джида, где погребения последних двух местных кладбищ были ранее нами описаны в научных докладах [см.: Жамсаранова, 2008; 2011]. Опрос родственников показал, что эти, специально построенные деревянные «домики» над могилами были установлены «по завету усопшего деда Толстолицкого Дмитрия» из с. Нижний Дурулгуй Ононского района. В с. Сарбактуй Балеysкого района чета Барановых также похоронена с установкой надмогильных «домиков» согласно их последней воле. В с. Усть-Теленгуй на местном кладбище можно насчитать около 20 могил с остатками подобных

надземных сооружений. При обследовании кладбища в 2004 г. нами было зафиксировано шесть надмогильных «домиков», обитых железом, датированные XIX в. В 2015 г. некоторые из них уже разрушились, уход за ними не осуществлялся. Основное население села составляют семьи Бородиных. Сохранившиеся надписи на надмогильных «домиках» подтверждают, что на данном кладбище подобные захоронения относятся к их семейному клану.

Рис. 2. С. Нижний Дурулгуй, Ононский район

Родственники не могут объяснить мотивы широкого применения данной погребальной традиции, утверждая, например, что дед Толстолицкий просил похоронить его так же, т.е. с надмогильным «домиком» как «у Македона Бутина». Внуки и правнуки Д. Толстолицкого обновляют «домик», осуществляют за ним надлежащий уход, вследствие чего данный «домик» выглядит лучше других. При этом данная семья относит себя к коренным забайкальцам, хотя при беседе не утверждает прямо о своих тунгусских корнях.

Рис. 3. С. Сарбактуй, Бaleyский район

Результаты экспедиции требуют осмысления необычных погребальных традиций в среде русскоязычного населения Забайкалья XIX-XX вв. Однако опора на изученное состояние топонимики края, где описаны основные стратиграфические пласты — палеоазиатский, тюркский, самодийский, обско-угорский, монголоязычный, тунгусо-маньчжурский и русскоязычный — дает основание связать т.н. тунгусское население с народами уральской языковой семьи, а не только с алтайской. Подобного рода надмогильные сооружения в виде «домиков» описаны исследователями-этнографами у селькупов (Г.И. Пелих, И.Н. Гемуев), ненцев (В.И. Иславин), хакасов (И.Л. Кызласов), а также у народностей ханты и манси (З.П. Соколова, Е.Г. Федорова и др.).

Изучение архивов дореволюционного фонда Государственного Архива Забайкальского края позволяет утверждать, что к переписи (ревизии) 1858 г. почти все тунгусское население Нерчинского уезда было «приведено в православную веру». В этот период были крещены многие группы сибирского населения, однако многие из них сохранили вплоть до XXI в. свою этноязыковую идентичность. На общем фоне у тунгусов Нерчинска, численный состав которых составлял более 12000 человек, приписанных к родовым объединениям Урульгинской Степной Думы, ассимиляционные процессы русификации произошли сравнительно быстрее и успешнее. Возможно, данный процесс имел у них несколько иные мотивы, нежели только колонизационные.

Специальное изучение этнонимов и генонимов тунгусских и инородческих родов, как и средневековых этнонимов монголов, позволило доказательно выстроить гипотезу о наличии диахронного урало-алтайского языкового союза на исследуемой территории Циркумбайкалья [Жамсаранова, 2013]. Кроме того, наши локальные исследования хорошо укладываются в гипотезу об «азиатской» прародине уральских народов и языков (Ф.И. Видеман, М.А. Кастрен и др.).

Диахронный анализ языковых артефактов — топонимов может быть также подкреплен экстралингвистическими данными — этнографическими, археологическими, историческими. Уральская раса, к которой относятся манси, коми, ханты, равно как и самодоязычные народности, по своим антропологическим показателям находится в промежуточном положении между монголоидной и европеоидной расами. Лингвистами А.М. Кастреном, В.В. Радловым в свое время отмечалось лексическое сходство самодийских и тюркских языков. Археологи отмечают, что антропологический облик людей в захоронениях средневековых групп Прибайкалья, особенно западных районов Бурятии «...представлен монголоидами, но он неоднороден. Наряду с монголоидами имеются отдельные черепа явных европеоидов» [Дашибалов, 2002]. Томские ученые указывают на наличие «аморфности уральской расы», что свидетельствует о неоднозначности разрешения этногенетических проблем отдельных народов Евразии в целом и Сибири, в частности [Очерки культуригенеза, 1998, с. 324].

Косвенным подтверждением этих древних контактов и связей на изучаемой территории может быть констатация обнаруживаемых в грамматическом строе якутского языка типологически сходных, в частности, фонетических соответствий якутского и самодийских, включая и некоторые угорские языки [см.: Широбокова, 2001, с. 106-109]. Обнаружены лексико-семантические параллели в терминологии родства и нарицательной лексике бурят и селькупов [Жамсаранова, 2009, с. 22-25]. Самодийский топонимический субстрат топонимии Забайкалья также подкреплен и немецкими названиями. Анализ генонимов хори-бурят указывает на кетоязычное происхождение таких родовых имен как Бодонгут или Хуацай [Жамсаранова, 2009а, с. 53-82]. В целом, изученное состояние ономастического материала, позволяет определить древнюю языковую ситуацию Даурии как палео-урало-алтайское языковое сообщество.

Таким образом, лингвистические данные позволяют усматривать этноязыковую неоднородность тунгусского и инородческого населения исторической Даурии (Нерчинского уезда). Дальнейшая разработка данного вопроса может получить эффективное продолжение в ходе комплексного изучения коренного русскоязычного населения, а также бурят и эвенков Забайкалья с привлечением возможностей антропологии, этнографии. Включая, в частности, и исследование религиозных воззрений, установок, связанных с наличием надмогильных сооружений в виде «домиков» на русских кладбищах Забайкалья.

Список литературы

1. Дашибалов Б.Б. Очерки по древней и средневековой истории монголов и бурят. Улан-Удэ, 2002. 80 с.
2. Жамсаранова Р.Г. Научное наследие Б.О. Долгих в региональные лингвистические исследования // Этносы Сибири: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1. Красноярск: Изд-во КрасГУ, 2004. С. 65-68.
3. Жамсаранова Р.Г. Погребальный обряд тунгусов Восточного Забайкалья (по материалам этнолингвистических экспедиций) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сб. науч. трудов. Барнаул: Азбука, 2008. С. 34-37.
4. Жамсаранова Р.Г. Типологический анализ бурятско-селькупской терминологии родства // Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 324 (июль). С. 22-25.
5. Жамсаранова Р.Г. Этнонимы и генонимы хори-бурят: лингво-историческое исследование. Чита: РИК ЧитГУ, 2009а. 228 с.
6. Жамсаранова Р.Г. Новые данные о погребальной обрядности тунгусов Нерчинска: вопросы этничности и экологии // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 4. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. С. 282-285.
7. Жамсаранова Р.Г. Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья. Чита: Изд-во РИО ЗабГУ, 2011а. 237 с.
8. Жамсаранова Р.Г. Концептосфера средневековой монгольской этнонимии. Чита: Экспресс-издательство, 2013. 228 с.
9. Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. Т. 4. Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1998. 354 с.
10. Широбокова Н.Н. Историческое развитие якутского консонантизма. Новосибирск: Наука, 2001. 151 с.

А.П. Зыков, А.Н. Иванова, С.Ф. Кокшаров

Институт истории и археологии РАН УрО РАН,
Угорский научно-исследовательский центр ИГНИ УрФУ,
Екатеринбург, Россия
e-mail: a.p.zykov@mail.ru, guthoff2@mail.ru, uniz@mail.ru

АМУЛЕТЫ ИЗ АСТРАГАЛОВ ЖИВОТНЫХ ИЗ ЕНДЫРСКОГО II МОГИЛЬНИКА

A.P. Zykov, A.N. Ivanova, S.F. Koksharov

Institute of History and Archeology UB RAS,
Ugrian Research Center of Institute of Humanities and Arts UrFU,
Yekaterinburg, Russia

COLLECTION OF ASTRAGALS OF ENDYR'S II CEMETERY

ABSTRACT: The article focuses on astragals (drilled huckle-bones of animals) from later-medieval Endyr's II burial (Oktyabr'sky district KhMAO-Ugra). This bones belonged to a sheep, a pig, a reindeer, the Ural roe and a beaver. The wallow with astragals was located near the burial 33 in which 30-year-old man has been buried. This burial can be dated by the end of the 16th — the beginning of the 17th centuries. Huckle-bones have been found on settlements and burial places from Bronze Age to the late Middle Ages. There are several interpretations of this category of findings in literature. The context of findings and specific structure of animals demonstrate different purpose of astragals: they could be used as dice, toys, be considered as a money equivalent in exchange transactions or in a cult practice, fulfilling the role of amulets, apotropes, moreover they symbolized prosperity and success in hunting. Thus, the set of astragals from the Endyr's II cemetery contains huckle-bones that are belonged, probably,

to sacrificial animals (sheep, pig), and also animals that played a special trade role at the medieval taiga population of the north-west of Siberia (beaver). Therefore, we can understand ritual purpose of a set of astragals of excavation of the Endyr's II cemetery. The species of animals (sheep, pig, the Ural roe) and funeral inventory of this group of burials demonstrate presence of permanent Russian-speaking population in the territory of Lower Ob river basin during the functioning of a cemetery.

Могильник Ендырский II расположен в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области на левом притоке р. Оби — р. Ендырь. В ходе исследования группы погребений конца XVI — начала XVII вв. была обнаружена яма, содержащая набор просверленных таранных костей животных — астрагалов [Зыков, 2003, с. 17] около погребения 33. Ее подчетыреугольные очертания были зафиксированы под выбросом. Она была ориентирована по линии ЮВ–СЗ и имела размер 0,38×0,26×0,03 м. На дне объекта были найдены железный нож с сильно сточенным лезвием и остатками деревянной рукояти и 34 таранных кости животных со сквозными отверстиями. Последние принадлежат таким видам животных как овца, свинья, северный олень, бобр и косуля (определения к.б.н. П.А. Косинцева). Астрагалы залежали компактным скоплением, что свидетельствует об их помещении в какой-то ограниченный объем (мешок из ткани или кожи, сосуд из бересты или дерева). Судя по профилю погребения 33, яма с ножом и костями была вырыта уже после его сооружения: она прорезала толщу выкида из могилы на глубину около 25 см. Таким образом, стратиграфическая ситуация свидетельствует об определенном временном разрыве между обоими объектами. Планиграфия и стратиграфия позволяют связать объект с астрагалами либо с захоронением 33, в котором был погребен мужчина возрастом старше 30 лет, либо с группой погребений 31–33, расположенных в одном ряду.

Таблица I

Видовой и количественный состав астрагалов из ямы VI

Вид	Количество костей/минимальное число особей
Овца	10/6
Свинья	2/2
Северный олень	6/3
Косуля	1/1
Бобр	15/9

Находки астрагалов широко распространены на археологических памятниках Северной Евразии, датируемых от эпохи бронзы до позднего средневековья. Они встречены как на поселенческих, так и в погребальных комплексах. Если астрагалы овцы хорошо известны по памятникам южных территорий, то аналогичные кости бобра имели широкое хождение у населения лесной зоны. Исследователи предлагают несколько интерпретаций данного вида находок. Скопления астрагалов на поселениях и в погребениях многими исследователями рассматриваются как наборы для игр, игральные кости, игрушки [Адамов, 1989, с. 93–96; Молодин, 1979, с. 100; Сотникова, 2014, с. 29–32]. Подвески из костей животных, в том числе и таранных с просверленными отверстиями, рассматривают как амулеты, обереги, символы благополучия [Голубева, 1997, с. 157; Зыков, Кокшаров, 2001, с. 119–120; Кардаш, 2009, с. 136–137; Сотникова, 2014, с. 28]. Существует также точка зрения, согласно которой астрагалы могли играть роль товарно-денежных знаков в эпоху средневековья Северо-Западной Сибири [Пархимович, 1998, с. 108–110].

В каждом конкретном случае необходимо рассматривать данную категорию находок исходя из ее контекста в археологическом слое и культурных традиций населения, оставившего тот или иной археологический памятник. На рассматриваемой нами территории Нижнего Приобья в памятниках эпохи средневековья помещение таранных костей животных в погребальных памятниках явление нечастое. Большее количество астрагалов найдено на площади городищ. В нашем случае, очевидна связь ямы с астрагалами с погребением 33 (или погребениями 31–33, расположенных в одном ряду). Мы склоняемся к мнению о ритуальном назначении коллекции, которая была осознанно включена в погребальную обрядность. Необходимо отметить, что в погребении 33 был за-

хоронен мужчина старше 30 лет и набор астрагалов, помещенных рядом с его захоронением, мог символизировать или подчеркнуть его роль удачливого охотника.

Количество находок таранных костей бобра в средневековых комплексах Северо-Западной Сибири говорит об особой значимости этого животного для средневекового населения региона. Так, этнографические материалы свидетельствуют, что бобр считался тотемным животным некоторых родов хантов и манси [Федорова, 2000, с. 60]. На Васюгане, Агане и Пиме бобр был священным животным [Кулемзин, Лукина, 1992]

Овца в более позднее время была одним из жертвенных животных у обских угров (наряду с лошастью, коровой, петухом), например, у северных манси [Федорова, 2012, с. 130]. Свинья у южной группы хантов также считалась главным жертвенным животным [Федорова, 2000, с. 105].

Таранные кости диких животных, наряду с другими подвесками из челюстей и когтей животных в эпоху средневековья севера Западной Сибири могли играть роль амулетов, оберегов, обозначать животное-тотема, а также символизировать удачу в охотничьем промысле, как одну из важнейших сторон жизнеобеспечения этноса в условиях присваивающего хозяйства. Позднее подобные амулеты стали изготавливать и из костей домашних, вероятно, жертвенных животных.

Набор амулетов из просверленных астрагалов животных, где среди вполне типичных для Северо-Западной Сибири костей бобра и северного оленя были найдены астрагалы овцы, свиньи и уральской косули, а также инвентарь этой группы погребений свидетельствуют, что эта часть некрополя функционировала в период, когда на Нижней Оби появилось постоянное русское население и были прерваны прежние связи таежных рыбаков и охотников с тюркоязычным населением юга Западной Сибири.

Список литературы

1. Адамов А.А. Астрагалы со следами обработки из Новосибирского Приобья II тыс. н.э. // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1989. С. 93–97.
2. Зыков А.П. Отчет о НИР: Раскопки могильника Ендырского II в Октябрьском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, проведенные в 2002 году. Екатеринбург, 2003 // Архив ИИА УрО РАН. Ф. II. Д. 95.
3. Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.
4. Голубева Л.А. Амулеты // Древняя Русь: быт и культура. Археология. М.: Наука, 1997. 368 с.
5. Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI — первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург–Нефтеюганск: Магеллан, 2009. 360 с.
6. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: Наука, 1992. 134 с.
7. Молодин В.И. Кыштовский могильник. Новосибирск: Наука, 1979. 181 с.
8. Пархимович С.Г. Товаро-деньги на севере Западной Сибири в эпоху средневековья // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1995 г. Тюмень, 1998. С. 104–111.
9. Сотникова С. В. Детские погребения с наборами альчиков и роль игры в обществах степного населения эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2. С. 26–34.
10. Федорова Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: Европейский Дом, 2000. 368 с.
11. Федорова Е.Г. Жертвоприношения у северных манси: о роли жреца, шамана, «знающего» // Жертвоприношение в архаике: атрибуция, назначение, цель: Сборник научных трудов семинара «Теория и методология архаики». СПб, 2012. Вып. V. С. 129–142.

Т.А. Исаева

Сургутский краеведческий музей, Сургут, Россия
tanisa-68@mail.ru

ОЛЕНЕВОДСТВО В БАССЕЙНЕ р. ТРОМ-АГАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Т.А. Isaeva

Surgut Museum of Local Lore, Surgut, Russia

REINDEER HERDING IN THE RIVER BASIN OF TOM-AGAN: HISTORY AND MODERNITY

ABSTRACT: The basin of Trom-Agan historically has the most number of reindeer among all areas of the Surgut district. In the pre-Soviet period the reindeer breeding had transport direction. Attempts to redirect this branch of farming into commodity base were made during the time of collectivization in the USSR. For achieving this goal tundra grazing techniques were supposed to be used. However, reindeer collective farms have been consistently unprofitable due to inefficiency of the new methods in conditions of taiga. Since the beginning of the industrial development of Surgut district territories interest in native collective farms steadily declined. However, up to 1970-ies. transport reindeer remained and it depended on local industry enterprises. In the late 1980-ies. collective farms were dismissed and livestock became private. Since the beginning of the 1990-s. an intensive growth of personal herds with an improved forms of maintenance was noted, reindeer husbandry has turned into commodity form. In our days Trom-Agan remains the leading reindeer area, not only of the Surgut district, but generally of Ugra as well.

Сельское поселение Рускинская Сургутского района целиком расположено в бассейне р. Тром-Аган. До 1924 г. эта территория входила в состав Тром-Юганской волости, основное население которой составляли остяки. Их промысловое хозяйство значительно дополнялось транспортным оленеводством. «По Тром-Югану все остяки — оленные; там, в 31 населенном пункте у 40 хозяев оказалось 675 оленей...» [Дунин-Горкавич, 1996, с. 167].

В 1925 г. правобережные притоки Оби были отнесены к Северному подрайону Сургутского района. В хозяйственной деятельности этой территории 23% приходилось на транспортное оленеводство. В 1926 г. на Тром-Агане по-прежнему фиксировалось 40 оленеводческих хозяйств. По сравнению с Обдорским и Березовским районами сургутские оленеводческие возможности были скромными [Населенные пункты, 1928, с. 12].

В 1929 г. начался процесс коллективизации и обобществления стад. В личном содержании допускалось не более 60 оленей в качестве средства передвижения. В 30-х гг. поголовье в Сургутском районе насчитывало 12 600 оленей. Из них большая часть приходилась на долю бассейна р. Тром-Аган. Именно поэтому там был организован оленеводческий колхоз им. Сталина с плановым стадом в 600-800 голов [Венгерский, 1941, с. 2]. Содержание такого стада в условиях таежно-болотного ландшафта оказалось невозможным. Расчет поголовья был произведен на примере лесотундрового оленеводства Березовского и Обдорского районов. Территориальная разбросанность и удаленность пастбищ приводила к слабой сохранности стада от хищников и болезней, к тому же, оно значительно превышало оленеемкость пастбищ. Колхозу рекомендовали использовать передовой опыт березовских оленеводов [там же, с. 3]. Там общее поголовье колхозов составляло 29 568 оленей [Возрожденный народ, 1941, с. 58]. Для окарауливания стада и поддержания маршрута, вопреки традиции, предлагалось использовать собак-оленегонок. В 1951-1952 гг. было заложено несколько питомников оленегонных собак.

Внедрение методов тундрового оленеводства на Тром-Агане оказалось несостоятельным. Тем не менее, попытки перевести оленеводство из вспомогательной отрасли в самостоятельную не прекращались. В 1960 г. поголовье в Сургутском районе насчитывало 9456 оленей, из них индивидуальных — 2893.

Несмотря на усилия по сохранению поголовья от падежа и потравы, ветеринарное обслуживание и пополнение стада за счет импорта ямальских и березовских животных, коллективные стада на Тром-Агане редко превышали 6000 голов. В середине 60-х гг. нерентабельность оленеводства как самостоятельной отрасли была неофициально признана. Содержание коллективных стад для транспортных нужд продолжалось в составе коопзверопромхоза, рыбокомбината и промыслово-охотничьих хозяйств.

Промышленное освоение Сургутского района усложнило оленеводческую ситуацию потерей пастбищ. Рабочие буровых отстреливали домашних оленей. Серьезную опасность представляли одичавшие собаки, брошенные на буровых. Они беспрепятственно охотились на оленей, которые не воспринимали собак как хищников.

С 1970 по 1990 гг. происходила постепенная ликвидация общественного поголовья путем передачи в личные хозяйства. В 1988 г. населению принадлежало 6460 оленей, в 1989 г. — 6761, в 1990 г. — 7278 голов [НА СКМ, ф. 04, оп. 2, д. 17, л. 5]. Транспортное использование оленей почти прекратилось. Однако оленеводство не исчерпало себя. Продолжалась и государственная поддержка этой отрасли: ветеринарная помощь, пополнение стада животными с Ямала, льготное кредитование на приобретение оленей, обеспечение прикормочным материалом, содержащим соль, витамины, минеральные вещества.

В настоящее время бассейн р. Тром-Аган остается самой оленеводческой территорией не только Сургутского района, но и всего округа. К сельскому поселению Русскинская относится 245 полукочевых хозяйств из них 160 — оленеводческих. На долю Тром-Агана приходится 68 % всех оленеводческих хозяйств Югры. Ранее передовой, Березовский район имеет только 14% таких хозяйств, Нижневартовский район — 12%. [Арасланов, 2010]. Население бассейна р. Тром-Аган демонстрирует удивительную приверженность оленеводству, олени стали маркером социальной идентичности.

В целом современное оленеводство развивается в соответствии с традицией таежной зоны. Обязательным является обустройство коралей, оленьих домов, дымокуров, подкормка животных. Многие хозяйства, чтобы олени не разбежались, обносят территорию родовых угодий забором. Это облегчает окарауливание стада, снижает необходимость использования колодок, которые делают животных легкой добычей хищников. Окарауливание традиционно производится без собак. Быки контролируют поведение стада и определяют время возвращения домой. Для дальних караульных маршрутов круглый год чаще всего используют снегоход, но имеются и квадроциклы, проходимость которых по болотам гораздо выше. Зимой, для поддержания тонуса животных, достаточно часто используют упряжку. Упряжные животные всегда находятся рядом с домом [ПМА, Сопочин И.И., 2015].

Трудоемким занятием является обустройство оленьих домов и поддержание дымокуров в корале и оленьем доме. Основным сырьем для дымокура являются сфагнум и сырые поленья. Заготовка мха производится непосредственно перед наполнением дымокура. Важным условием безопасности животных является ограждение дымокура в оленьем доме. Традиционно ограждение деревянное, но сейчас используют и металл. Модернизированные дымокуры представляют собой заглубленные в землю печи-буржуйки, поверх которых укладывают сырой сфагнум. Дым выходит через укороченную трубу. В 2015 г. нами был зафиксирован выносной дымокур. Металлическая печь, сваренная из бочки, была установлена в болоте у задней стенки оленьего дома, дым подавался в помещение через длинную трубу [ПМА, Сопочин Е.И., 2015]. Помимо обустройства дымокура, в оленьем доме требуется постоянное поддержание достаточно сухого пола, так как сырость способствует распространению болезней.

Оленеводство представляет собой довольно трудоемкую отрасль хозяйства. Однако, в условиях сокращения ведущих промысловых направлений, именно оно становится хозяйственным маркером этничности. В бассейне Тром-Агана поголовье оленей сохраняет тенденцию к росту. В 2014 г. оно составляло 7719 голов, в 2015 г. — 8206 голов [Информация по оленеводческим хозяйствам, 2015].

Список литературы

1. Арасланов Р.К. Экономическая оценка традиционных промыслов коренных малочисленных народов севера Ханты-Мансийского автономного округа-Югры // Проблемы современной экономики [Электр. журнал]. № 4 (36). 2010 — <http://www.m-economy.ru/>

2. Венгерский. Больше внимания развитию оленеводства // Колхозник. 1941. 25 янв. С. 3.
3. Венгерский. Развитие оленеводства — кровное дело партийных и непартийных большевиков // Колхозник. 1941. 3 июня. С. 2.
4. Возрожденный народ. К десятилетию образования Ханты-Мансийского автономного округа. Омск, 1941. С. 58.
5. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. Т. 1. М.: Либерея, 1996. 376 с.
6. Информация по оленеводческим хозяйствам и поголовью оленей по данным администраций поселений за период 2013-2015 гг. // Статистические данные Службы по работе с коренными малочисленными народностями Севера Администрации Сургутского района, 2015.
7. НА СКМ. Ф. 04. Оп. 2. Д. 17.
8. Населенные пункты Уральской области. Тобольский округ. Т. XII. Свердловск, 1928. С. 12.
9. ПМА, 2015. г. р. Ингуягун, Сопочин Е.И.
10. ПМА, 2015. р. Ингуягун, Сопочин И.И.
11. Постановление совнаркома Союза СССР и центрального комитета ВКПб «О дополнительной оплате труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства по Омской области» // Колхозник. 1941. 5 апр. С. 2.

Список сокращений

ПМА — полевые материалы автора

НА СКМ — научный архив Сургутского краеведческого музея

А.Д. Каксин

Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории, Абакан, Россия
adkaksin@yandex.ru

**ЭКОСИСТЕМА РЕГИОНА И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЭТНОСА:
ДИАЛЕКТИКА СВЯЗИ**

A.D. Kaksin

Khakass Research Institute of Language, Literature and History,
Abakan, Russia

**ECOSYSTEM OF THE REGION AND TRADITIONAL CULTURE OF ETHNOS:
DIALECTICS OF THE RELATIONS**

ABSTRACT: The author relies on the thought that environmental issues of language also have to enter a perspective of ecological anthropology. Article is devoted to two factors that promotes overall performance on revitalization of minority languages. The first factor is understanding by representatives of radical ethnicities of indissoluble connection between landscape and language of the people who inhabit these places. It means that there is also certain "requirement" to the landscape: it has to be complete, undisturbed (and if it is broken, then not to such an extent, that it can disappear or, whenever possible, not to be restored). It is necessary paying particular attention to preservation of the defense lands that connected with execution of traditional ceremonies and holidays. If

the ecosystem of defense lands is preserved, also, there will be untouched cult monuments of the small people. The second factor is the understanding of an important role, the importance of the settled, habitual names of locality. At the same time, the author pays attention to the circumstance that introduction of (going from the native language) the names can be carried out even in the conditions of modern city.

На территории России можно обнаружить еще много заповедных мест, где органично сочетаются природные комплексы и культовые объекты аборигенных народов. В таких местах могут не проводиться обряды, но окружающее пространство способствует осознанию аборигеном своей аутентичности, сам ландшафт во многом определяет мировоззрение и уклад жизни коренного населения [см. также: Адаев, 2004, с. 9].

Очень ярким примером такого сочетания, на наш взгляд, могут служить курганы и каменные плиты, стелы и столбы в степных районах Республики Хакасия. *«В степных долинах музея-заповедника («Казановка») часто попадаются одиноко стоящие камни — стелы, менгиры и изваяния. Все эти названия обозначают примерно одно и то же — вертикально вкопанные каменные столбы или плиты. В научной литературе «стелами» чаще всего называют каменные столбы, под «менгирами» подразумевают плоские с двух сторон плиты, а «изваяния» — это каменные столбы-скульптуры. Большинство этих памятников было создано в эпоху бронзы. Исследователи предполагают, что такими камнями обозначались места проведения древних обрядов, в которых были задействованы и сами объекты»* [Тропою горных духов, 2007, с. 41].

Однако постоянно жить в окружении подобных объектов сегодня могут лишь немногие хакасы, т.к. нередко вынуждены думать прежде всего о хлебе насущном. Миграция в города и поселки, поиски там работы часто носят для них вынужденный характер. Во-первых, в традиционной среде обитания, в степи и в горах, произошло значительное ухудшение экологии, истощились луга и водоемы, а во-вторых, в сельской местности не были проложены качественные дороги, в аалах не было осуществлено благоустройство частных домов и владений, что могло бы привести к повышению уровня и качества жизни.

Специфику культуры хакасов, как и других небольших по численности народов, всегда определяли география и топография окружающего «пространства жизни». В современном мире многие устои пошатнулись. Нарушение экологического баланса на территории Минусинской котловины и окружающих возвышенностей привело к тому, что пространство жизни современных хакасов стало сокращаться [см., например: Тугужекова, 2008, с. 135-136].

В последнее время тема экологической культуры народов России вновь становится актуальной. Это очевидным образом связано с тем, что уже почти физически ощутимо, что в условиях глубоких изменений в социально-экономических и экологических сферах коренные народы, в особенности народы Сибири, оказались на грани депопуляции и утраты принадлежности к традиционной культуре. Это, в свою очередь, влечет за собой изменение сложившегося веками уклада жизни, отчуждение от традиционно-хозяйственного быта, изменение привычного рациона питания (за счет уменьшения натуральных продуктов) и, в конечном итоге — к снижению уровня здоровья этнической группы. Здесь нужно отметить и важность сохранения (фиксации) традиционных средств лечения коренных этносов. При их изучении и критической оценке важно основываться на специфике жизнедеятельности, опыте коренных жителей по сохранению здоровья, учитывать климатогеографические условия, образ жизни населения, покрой одежды, набор лекарственных продуктов животного и растительного происхождения, воздействие психотерапевтических средств, обрядовые и магические действия.

Мифологический аспект религии традиционно проявлялся в существовании большого количества священных мест, ассоциировавшихся с определенным духом-хозяином, сюжетом из его жизни, реальным событием из истории самих аборигенов. Таким образом, ландшафт и отдельные его объекты связывают современную жизнь коренных этносов с их прошлым — как реальным, так и мифологическим. На территории священных мест может находиться амбарчик с изображением божества и разнообразными прикладами, а может и не быть ничего, кроме необычной формы природного или ландшафтного объекта, костровища, свидетельствующего о регулярно проводимом ритуале почитания духа. К числу ритуальных предписаний поведения на священном месте, как правило, относятся запреты на хозяйственную и промысловую деятельность. Очевидно, что всю

деятельность на территориях, населенных коренными народами, надо вести юридически грамотно, на основе специальных программ [Рянский, 2008, с. 20].

Нет сомнения, что экологическая культура является составной частью общей, целостной культуры этноса. Главная идея экологической культуры — стремление сохранить неповторимый природный, языковой, духовный и сакральный потенциал своей родины. Если говорить в целом о современной культуре хакасов: это слепок с той культуры народа, которая расцвела в последней трети XIX — первой половине XX вв. События 1917 г. и последующих революционных лет несколько поколебали ее основы, но не смогли их разрушить. Приходится, тем не менее, констатировать произошедшие за последние десятилетия значительные изменения в культуре хакасов. Была во многом стерта специфика их традиционной культуры и, как следствие, в ней появляется все больше унифицированных признаков. Отдельные элементы традиционного образа жизни сегодня встречаются лишь на периферии. В качестве яркого примера можно привести описание охоты у современных хакасов [Патачаков, 2006, с. 32-33].

В наши дни, в период интенсивного промышленного освоения, часто несовместимого с бережным отношением к природе и священным объектам коренного населения, необходимо пытаться находить разумный компромисс между потребностью «освоить богатства недр» и необходимостью «сохранить окружающую среду». Экосистему заповедных мест можно и нужно сохранить, вместе с ней окажутся нетронутыми и культовые памятники малых народов. Можно надеяться, что в Хакасии такие места будут сохранены и благоустроены, поскольку работа в этом направлении проводится целенаправленно [Еремин, 2009].

Еще один аспект, важный с точки зрения жизни хакасов в абсолютной реальности окружающего «родного пространства», — это осмысление в предложенной терминологии (и в аспекте «говорящие названия») современной топонимии Хакасии. Она нам представляется своеобразной сетью, узлами которой являются тюркские названия географических объектов. Хакас не чувствует себя в этой сети скованным; напротив, свои собственные, родные названия помогают ему проще ориентироваться, ему легко жить, когда есть эта воплощенная на местности и на карте парадигма понятных и доступных названий.

Остановимся, в частности, кратко на тюркских названиях, встречающихся на улицах столицы Хакасии — г. Абакан. Некоторые оригинальные вывески на карте города привлекают особое внимание, вызывая вопросы о причинах их появления и происхождении. Например, одна из гостиниц в Абакане, находящаяся в аэропорту, называется *Кантегир*. Носителю хакасского языка понятно, почему так названа гостиница, встречающая воздушных путешественников. Возможно, ассоциативно в его памяти всплывет и слово *хантигірчи* ‘космонавт’ [ХРС, 2006, с. 800]. Однако последнее слово — явный неологизм, очевидно, что первоначально ориентировались все-таки на сочетание слов *хан* ‘хан; владыка’ и *тигир* ‘небо, небеса’ [ХРС, 2006, с. 614, 797]. Таким образом, название гостиницы можно перевести как ‘ханское небо’. Люди с воображением, впрочем, могут перевести его и как ‘владычествующее небо’, или даже ‘сила небес’ ~ ‘владыка небес’, что вполне допустимо в этом случае.

Несмотря на обилие названий на русском языке, в Абакане можно встретить и другие яркие хакасские наименования объектов: выставочный зал, носящий имя *Чылтыс* (‘Звезда, планета, светило’), редакция национальной газеты *Хабар* (‘Новости, вести, известия’), магазин детских товаров *Паларар* (‘Дети’), магазин сувениров с национальной символикой *Алтын Чир* (‘Золотой мир’). Регулярное (хотя и редкое) появление новых объектов, таких, как гостиница *Чулпан*, ресторан *Хооң Хоорай*, дает надежду, что процесс расширения национального кластера городской топонимии будет продолжаться. Задача языкового сообщества, его активистов — по-новому подойти к поиску методов сохранения родного языка, обнаружить возможность неожиданных, нестандартных решений по его «оживлению». Цель, однако, остается труднодостижимой, пока в этом не будут заинтересованы «простые» носители языка. Для контроля над ситуацией необходимо вести постоянный мониторинг параметров, напрямую связанных с функционированием языка коренного народа.

Самобытность многонационального региона определяется наличием «титульной нации», но в современных условиях эта специфика неизбежно стирается. Фактор владения русским языком является определяющим для миграционной мобильности молодежи. Билингвизм — основа формирования этнической толерантности, неоспорима и его важнейшая роль (как и роль образования) в формировании этнической и межконфессиональной толерантности. Язык, безусловно, яв-

ляется одним из решающих факторов идентификации национальной принадлежности индивида. Существенна и обратная связь: знание своего языка, владение им, дает индивиду неисчерпаемые возможности в общении и в познании. Но в современных условиях утрачивается это осознание прямой связи языка и «жизни духа» народа, понемногу уходит в прошлое практика полномасштабного использования устной формы языка в пределах семьи. В итоге приходится констатировать, что в наши дни, когда глобализация проникает во все сферы, малочисленным народам трудно сохранить свои языки. Процесс утраты языком своих позиций несколько сглаживается лишь своим медленным темпом и неравномерностью — во многих сферах (в частности, в семье, при выполнении традиционных обрядов, в топонимике) все еще сохраняется влияние родного языка. Эти отдельные компоненты в итоге и создают сегодня аутентичное «пространство этноса».

Список литературы

1. Адаев В.Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 17 с.
2. Еремин Л.В. Уникальные историко-культурные территории Хакасии: проблемы проектирования и музеефикации // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Вып. XIII. Абакан. 2009. С. 74-80.
3. Патачаков К.М. Некоторые сведения об охоте хакасов / Хакасский НИИ языка, литературы и истории. Абакан, 2006. 38 с.
4. Рянский Ф.Н. У нас была одна цель... // Вах таинственный, или Путешествие к центру России / сост. В.Л.Михайловский. Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 2008. С. 19-21.
5. Тропою горных духов: Археологические экскурсии по Хакасскому музею-заповеднику «Казановка» / Л.В. Еремин. Красноярск: Платина, 2007. 168 с.
6. Тугужекова В.Н. Хакасский этнос на рубеже веков [конец XX — начало XXI вв.]: сб. ст. / Хакасский НИИ языка, литературы и истории. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2008. 154 с.
7. Хакасско-русский словарь (ХРС) / колл. авт.-сост. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Н.А. Лискевич

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень, Россия
povod_n@mail.ru

ОБЕРЕГ В СИСТЕМЕ РИТУАЛОВ ПО ОХРАНЕ СКОТА У КОМИ НИЖНЕГО ПРИТОБОЛЯ

N.A. Liskevich

Institute of the Problems of Northern Development SB RAS,
Tyumen, Russia

APOTROPE IN THE RITUALS FOR LIVESTOCK PROTECTION OF THE KOMI OF THE LOW TOBOL RIVER

ABSTRACT: The rituals for the cattle protection that were practiced by Komi people in Lower Pritobol'e are observed. The sources of the research are field data materials, got in the ethnographic expeditions of IPDN SB RAS in the Tyumen and the Omsk regions in the 2000s. The ways of magical defense of cattle (cows) are pointed out. The ceremonies were committed according to the life changing moments such as a purchase of cattle, moving cattle

to a new home, the first pasture, fawning, getting ready for the first milking, some calendar holidays (Christmas, Epiphany, the feast of St. Blaise, Palm Sunday, Maundy Thursday). The ways to influence well-being of cattle, to coax Domovoi (staichnyi is the one who lives in a shed), to protect and to treat the evil eye and magic curse are shown. Animal-care objects, elements of a harness, belt or apron of the owners, elements of domestic stoves, grain, bread, salt, water; willow, mother-of-thyme, plants from worshiped places, pike teeth are main attributes of the actions for magical animals' protection. In some cases, the rituals are accompanied by spells (prayers). The influence of Christian traditions predominates in the modern protective rituals.

В крестьянском хозяйстве скотоводство играло важную роль в системе жизнеобеспечения населения. Показателями успешности при разведении скота были продуктивность, здоровье и постоянный приплод животных, а также разумные трудозатраты при уходе за ними. Однако трудолюбие хозяев не всегда могло предотвратить различные риски, внезапные реальные и мнимые неблагоприятные события с последующим ущербом, к примеру, потерю, кражу, различные болезни, эпизоотии, сглаз, «порчу» двора и пр. В традиционной практике скотоводства применялись различные ритуалы¹ для охраны скота, его лечения, приумножения поголовья, регулирования поведения. Скотоводческая магия хорошо исследована по материалам восточных славян, прежде всего русских [Журавлев, 1994, с. 11, 58, 99].

Охранительные ритуалы были продиктованы прагматическими целями и решали утилитарные задачи. В большинстве случаев не требовались услуги профессионалов, либо объединения членов коллектива, обычно это были индивидуальные действия, приуроченные к определенному дню или событию. Выделялось две основных стратегии — содействие благополучию и противодействие бедам, болезням. Усиление напряжения перед утратой благополучия увеличивало сопротивление, что актуализировало информацию о магических способах обороны, повышало концентрацию энергии и ресурсов, заставляло воспроизводить символические действия и использовать символические атрибуты. В периоды сильных кризисов, когда затрагивались интересы всего коллектива, происходило усиление потребности обращения к мифу, призванному восстановить прежний порядок и гарантировать его воспроизведение в будущем [Любимова, 2013, с. 81].

Задача нашего исследования — проследить историческую динамику в использовании символических предметов, наделяемых функцией оберега скота, у коми Нижнего Притоболъя. Для анализа использованы полевые материалы, полученные во время этнографических экспедиций 2003-2008 и 2012-2014 гг. в Заводоуковском, Юргинском, Ялуторовском, Ярковском районах Тюменской области. Ритуальные действия, как правило, совершались в переходные моменты — покупка скота, перевод животных в новый дом, первый выгон, отел, подготовка к первой дойке, а также во время некоторых календарных праздников и окказиональных обрядов [Лискевич, Машарипова, 2016].

У коми Нижнего Притоболъя выявлены различные обереги для скота — предметы домашнего обихода и интерьера (утварь, детали одежды, полотенце, детали печи, веревка), продукты (зерно, выпечка, соль), освященные предметы (верба, крещенская или «четверговая» вода, растения со святых источников), христианские символы (рисунок креста, крестное знамение и благословление), заклинания («молитвы», заговоры, приговоры) либо умолчание, шерсть, навоз. В качестве апотропеев использовались также богородская трава и щучьи зубы. Ритуальные действия были связаны с кормлением скотины либо домового (стаичного), переводом через символическое препятствие, окроплением водой, стеганьем вербой, окуриванием, благопожеланием, защитой постройки для скота и двора.

Значительная часть охранительных ритуалов в скотоводстве в настоящее время теряет свою актуальность. Уклад современной деревни с конца XX в. заметно изменился, особенно в пригородных поселениях, это касается домашнего быта, занятости, системы потребления. Многие, особенно молодежь, отказываются от содержания скота в личном подсобном хозяйстве. Отсутствие практики ведет к угасанию и потере знаний о ритуальных действиях в чрезвычайных ситуациях, меняется атрибутика ритуалов. В настоящее время не практикуется использование в качестве обе-

¹ Ритуал — система символических объектов и действий [Клакхон, 2003, с. 168].

рега бытовых, утилитарных предметов, привязывающих скот к новому дому, либо обеспечивающих его возвращение с выгона. По рассказам информаторов, раньше при переводе в новый дом скотину переводили через расстеленные перед воротами веревку, пояс или полотенце; кормили в первый раз из котла, «в котором себе варят». В воспоминаниях сохранился обычай кормления животных зерном с печной заслонки и с фартука хозяйки при первом выгоне на пастбище — «чтобы они ходили лучше домой». Ушла в прошлое и практика окуривания после отела коровы, приплода и помещения, для чего на углях сжигали богородскую траву с щучьим зубом.

В современных ритуалах по защите скота преобладает влияние христианских обычаев. Так, в Крещенскую ночь рисуют углем или мелом кресты на дверях и окнах всех построек, в т.ч. и помещений для скота, окропляют их «святой» водой. Освященной считается вода, заготовленная в Крещение, либо в ночь на Великий четверг («страшный четверг») перед Пасхой. Свойствами оберега обладала также так называемая «молчанная» вода, или взятая с почитаемых источников [Ермакова, 2010, с. 34-35]. Такой водой могут обрызгивать скотину перед первым выгоном, в случае болезни или трудного отела дают попить, окропляют как животное, так и постройки.

Из растений главным апотропеем является верба, заготовленная для вербного воскресенья. Она символизирует быстрый рост, здоровье, жизненную силу, плодородие; молодая и освященная в Вербное воскресенье верба защищает от стихийных бедствий, нечистой силы, болезней [Толстой, Усачева, 1995, с. 333]. Ветки вербы в вербное воскресенье приколачивали в стойке и во дворе, с вербой провожали скотину на первый выгон, вербные веточки давали в пищу или слегка стегали скотину при заболевании.

По представлениям коми, защитную силу имеют словесные заклинания, заговоры, приговоры, «молитвы», благопожелания и благословения. Во время полевой работы мы смогли записать только короткие заклинания с обращением к домовому «беречь скотину», с пожеланием возвращаться с выгона и знать свой дом, для возвращения потерявшихся животных, и для смиренного стояния коров во время дойки. Наиболее распространенными среди современных коми являются формулы «Господи, благослови» или «Иди с Богом».

Опосредованным воздействием на общее благополучие скота является задабривание домового (стаичного). При возведении построек для скота раньше под углы сруба подкладывали шерсть, «чтобы скотина велась», в передний угол стойки помещали кусочки хлеба. Главным даром для домового был и остается хлеб (выпечка). Угощение относили в стойку в день св. Власия (11 февраля), подкладывали в ясли, под крышу или в старое ведро при покупке и переводе животных в новую постройку, при признаках «нелюбви» домового к скотине. Использовался обычный хлеб, которым питается семья, либо «четверговый» хлеб с солью, заготовленные в ночь перед Великим четвергом, либо специально испеченные для домового «каральки». В традиционной культуре хлеб считается символом достатка, здоровья и плодородия, и в соответствии с этим — продуцирующим, защитным, лечебным магическим средством [Толстая, 2012, с. 412]. Хлебом с солью кормили скотину перед первым выгоном, освященные хлеб и соль давали утром в Великий четверг и в последующем — в случае болезни.

Таким образом, используемые атрибуты (обереги) в ритуалах по охране скота у коми Нижнего Приоболья изменились. Вероятно, это связано с постепенным улучшением качества жизни и замещением традиционных предметов материальной культуры на более современные, внедрением в жизнь рациональных способов лечения скота в рамках ветеринарной помощи, снижением роли скотоводства в личном подсобном хозяйстве. В настоящее время не востребуемыми стали привычные в прошлом бытовые предметы (к прим., котел, печная заслонка), наделяемые особыми магическими качествами. В практике воздействия на общее благополучие скота, задабривания домового (стаичного), защиты и лечения от сглаза и порчи преобладает влияние христианских обычаев и символов.

Список литературы

1. Ермакова Е.Е. Почитание Криванковского колодца в Юргинском районе Тюменской области // Антропологический форум. 2010. № 12 online. С. 1-52.

2. Журавлев А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М.: Индрик, 1994. 256 с.
3. Клакхон К. Мифы и обряды: общая теория // Обрядовая теория мифа: Сб. науч. трудов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2003. С. 157-176.
4. Лискевич Н.А., Машарипова А.Х. Охранительные ритуалы в скотоводстве коми Нижнего Притоболья и Омского Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2. С. 120-130.
5. Любимова Г.В. Религиозно-магические практики русских крестьян Сибири в условиях стихийных бедствий // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 79-82.
6. Толстая С.М. Хлеб // Славянские древности. В 5 т. Т. 5: С (Сказка) — Я (Ящерица). М.: Международные отношения, 2012. С. 412-421.
7. Толстой Н.И., Усачева В.В. Вербa // Славянские древности. В 5 т. Т. 1: А-Г. М.: Международные отношения, 1995. С. 333-336.

Н.В. Мальцева

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шилов ДВО РАН, Магадан, Россия
banshchikova1986@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОЛЕНЕВОДСТВА МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В XX — НАЧАЛЕ XXI в. (НА ПРИМЕРЕ ЭВЕНОВ И КОРЯКОВ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

N.V. Maltseva

N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research
Institute FEB RAS, Magadan, Russia

TRANSFORMATION OF REINDEER HERDING OF SMALL-NUMBERED PEOPLES OF THE NORTH IN THE XXTH — BEGINNING OF THE XXITH CENTURY (FOR EXAMPLE, EVENS AND KORYAKS IN MAGADAN REGION)

ABSTRACT: We consider the transformation of deer farms of the Evens and the Koryaks of the Magadan region for over a century. The basic historical periods (traditional, Soviet, post-Soviet) are characterized by qualitative changes in the economic activities and culture of indigenous small-numbered population. The traditional period of domestic reindeer breeding by people was little affected by the state. The Evens continued using complex economy (hunting, fishing, herding) — Tungus type of reindeer husbandry. Koryak reindeer husbandry had large-herd reindeer husbandry characteristic of Paleoasian type. In the Soviets there were a strong qualitative changes in all spheres of reindeer herders' life. The Soviet model of modernization was a standardization of forms and methods of farming, lifestyle, culture, and the blurring of lines, that is a variety of public relations. In the post-Soviet period, reindeer husbandry remained only in two districts of the region — the North-Evenk and Srednekansk — where there was, in the first case, in the form of an organized municipal enterprise and, secondly, the tribal communities. Today reindeer herding in the Magadan region is almost gone. There is a small herd of grazing Even in the North of Even District. When the last reindeer herder will leave tundra, you can talk with certainty about the disappearance of reindeer husbandry and culture in the Magadan region.

Оленеводство в Магаданской области сегодня существует только в Северо-Эвенском районе (с 2015 г. все районы области переименованы в округа). Однако еще в 2010 г. небольшое стадо выпасалось в Среднеканском районе. Особый интерес представляет трансформация местного оленеводства, произошедшая в течение XX — начала XXI вв.

К началу XX в. на территории будущей Магаданской области хозяйствовались два оленеводческих народа, коряки и эвены, которые практиковали качественно различные системы традиционного природопользования. При этом оба народа не составляли однородных сообществ, а распались на локальные группировки, этнокультурный облик которых различался [Мальцева, 2014]. В советский период началось преобразование оленеводческих хозяйств. До начала 1930-х гг. практиковалось кооперирование местного населения, мало затронувшее оленеводов. Далее, в течение 1930-х гг. шла коллективизация. В 1940-е гг. основное внимание уделялось развитию в колхозах рыболовства, которые давали продукты питания для растущего населения, в отличие от оленеводческих [ГАМО, ф. Р-38, оп. 1, д. 64, л. 30]

Однако в первое десятилетие социалистических преобразований у эвенов, ведущих комплексное хозяйство, транспортная направленность их хозяйствования была усилена вследствие необходимости перевозить грузы треста «Дальстрой». В введении Дальстроя начинают действовать первые оленеводческие совхозы «Талая» (1932 г.), «Буксунда» (1936 г.) и «Челбанья» (1937 г.), которые выполняли роль транспортных структур, перевозя до половины грузов треста [Бацаев, 1997, с. 67]. Только после окончания строительства Колымской трассы (1938 г.) спрос на гужевые перевозки сокращается [Попова, 1981, с. 249], в 1940-е гг. совхозы Дальстроя переориентируются на продуктивное направление. Только Северо-Эвенский район, в отличие от других, не был активно вовлечен в сферу промышленного освоения территории, оставаясь своеобразной анклавом традиционного типа хозяйствования.

Коллективизированной части коренного населения — эвенкам — приходилось приспособляться к вновь создаваемым хозяйственным изменениям со стороны государства. Большинство оленеводческих хозяйств начинают переориентироваться на другие отрасли, более прибыльные, чем оленеводство (пушной промысел и рыболовство).

1940–1960-е гг. можно назвать периодом «линейного развития» без особых экономических преобразований, когда советская модернизация, в т.ч. в оленеводстве, начала приобретать социальную направленность (строительство жилья, медицинских учреждений, школ-интернатов и т.д.). С 1960-х гг. в производственную и бытовую жизнь пастухов внедряется кочевание с помощью технических средств, что сыграло негативную роль в дальнейшем развитии отрасли.

Достаточно стабильное развитие оленеводческих хозяйств в 1950–1960-х гг. сменяется кризисом в 1970–1980-х гг. вследствие ряда факторов. Особенно это характерно для центральноколымских районов, где шло интенсивное промышленное развитие, повлекшее за собой урбанизацию, культурную и физическую ассимиляцию коренного населения. Здесь же получили развитие другие мясopоставляющие отрасли, менее трудоемкие и более рентабельные: свиноводство, птицеводство, а также выращивание крупного рогатого скота.

Определяющим в характере дальнейшего развития отрасли стал человеческий фактор. На рубеже 1960–1970-х гг. произошел разрыв связи поколений оленеводческих народов, в значительной мере ускоривший упадок оленеводческой отрасли, потерявшей привлекательность для молодого поколения. Создание совхозов существенно повлияло на традиционный уклад жизни оленеводов. Оленевод превращался в наемного рабочего со своеобразной философией и мировоззрением, которое коренным образом отличалось от взглядов старшего поколения, а олень — только в товар, источник дохода. Советская модель модернизации сводилась к стандартизации форм и методов ведения хозяйства, образа жизни, культуры, стирианию граней и различий, т. е. многообразия общественных отношений.

Устав колхозов не запрещал нахождения в бригадах жен и детей оленеводов, т. е. совместное кочевание. Жены занимались хозяйством, дети приобретали необходимые навыки выживания в тундре и ведения оленеводства. С преобразованием колхозов в совхозы вводилось нормирование членов бригад (6–8 чел., в т.ч. одна чумработница с маленькой зарплатой). Женщин и детей перебазировали на центральные усадьбы, в интернаты и т.д. В связи с этим возникли серьезные проблемы — холостячество среди молодых оленеводов, безработица на центральных усадьбах, деградация части коренного населения (Бацаев, 2011, с. 90).

Несмотря на нарастающий социальный кризис в среде коренных народов, занятых в оленеводстве, производственные показатели росли. В 1975 г. оленеводческие колхозы преобразуются

в совхозы. Их цель — улучшение и увеличение товарного выхода мяса, при соблюдении планомерного развития поголовья оленей в пределах возможной оленеемкости пастбищ на экстенсивной основе, что в дальнейшем привело к кризису отрасли. Преобразование оленеводческих колхозов в совхозы было осуществлено административным путем, без учета мнения колхозников, в целях технической модернизации отрасли и перевода на промышленную основу. В 1979 г. на территории Магаданской области 12 (из 39, включая Чукотку) совхозов были ориентированы на оленеводство, в которых насчитывалось 138874 гол.

В период рыночных преобразований произошел распад общественного производства колхозно-совхозного типа и возврат к частному хозяйствованию. В Среднеканском районе выпасалось лишь небольшое стадо личных оленей — остаток некогда мощного, распавшегося в середине 1990-х гг. совхоза «Рассохинский», имевшего 17-тысячное стадо (Хахавская, 2008). В перестроечный и постперестроечный периоды оленеводы пытались возродить традиционный способ хозяйствования, образовав частные предприятия в форме КФХ, ООО и т. д. С 2002 г. КФХ преобразуются в родовые общины (РО). По этнической принадлежности все члены РО — эвены. Поскольку среднеканские оленеводы выпасают личных оленей, то они не имеют постоянной заработной платы, но получают выплаты на содержание оленей из областного и федерального бюджетов. Однако все организационно-технические мероприятия (закупка и завоз продовольствия, запчастей и ГСМ, отстрел хищников) — это забота самих оленеводов.

Поголовье оленей в родовых общинах на начало 2011 г. составляло 2732 гол. В 2015 г. все общины Среднеканского округа стали охотничьими, после полной утраты оленеводческих стад. Основная причина сохранения оленеводства заключалась в человеческом факторе. Многие рассохинцы, особенно среднего и пожилого возраста, имея благоустроенные квартиры в районном центре, не хотели и не могли постоянно жить в городских условиях. Они и являлись тем костяком, на котором держалась оленеводческая отрасль. Самим фактом своего обитания в тайге, даже не неся трудовой нагрузки, они удерживали там и людей среднего возраста, и молодежь — своих детей, других родственников. Сегодня бывшие оленеводы уже вывезены из тайги в п. Сеймчан.

Оленеводство Северо-Эвенского района является муниципальным. Так, в Северо-Эвенском районе в 1996 г. остатки оленеводческих хозяйств трех совхозов («Расцвет Севера», «Путь Ленина» и «Верхнепареньский») были преобразованы в унитарные муниципальные сельскохозяйственные предприятия. В 2003 г. в районе было образовано единое муниципальное унитарное сельскохозяйственное предприятие «Ирбычан».

В 2002 г. в Северо-Эвенском районе создана первая родовая оленеводческая община — «Махаянга». Основная цель — сохранение традиционных видов хозяйствования (оленеводства, рыболовства, добычи морзверя и др.) и особенностей традиционной эвенской культуры. Но до 2010 г. эта община оставалась единственной оленеводческой. В последнее время администрация Северо-Эвенского района сама инициирует создание именно оленеводческих общин, чтобы таким способом увеличить доходы пастухов. Вместе с муниципальными оленями пастухи выпасают и личных (хозяевами которых могут быть и люди, которые просто проживают в поселке). Таким образом, оленеводы бесплатно выпасают личных животных своих родственников.

В настоящее время базовым для развития оленеводства в области является Северо-Эвенский округ, где сохраняется значительное стадо в государственной собственности. Для сохранения оленеводства органы власти предпринимают комплекс мер, которые в основном сводятся к финансовым выплатам. Но финансовая сторона вопроса — лишь половина дела. В Среднеканском районе главной проблемой была организация доставки в оленеводческие хозяйства продовольствия и промтоваров; обеспечения ветеринарного обслуживания; помощи в уничтожении хищников. В Северо-Эвенском районе эти мероприятия осуществляет руководство предприятия «Ирбычан» и управления сельского хозяйства районной администрации.

Оленеводство в настоящее время сохраняется как специально поддерживаемый образ жизни коренных народов. В целом, на развитие этой отрасли повлияли этнокультурные навыки коренных жителей, занятых в оленеводстве (рассохинцы-эвены в Среднеканском районе и пареньцы-коряки

в Северо-Эвенском), и политика государства по отношению к этой сфере жизни и деятельности коренных народов. В период социалистических преобразований был осуществлен переход отрасли на продуктивное направление, что более соответствовало навыкам оленеводов, практиковавших палеоазиатский, а не тунгусский тип хозяйства. Это повлияло на сохранение оленеводства именно в Северо-Эвенском районе. Оленеводство Среднеканского района отчасти сохранялось по той же причине. Дело в том, что уход рассохинских эвенов в тайгу с уже заимствованными особенностями ведения хозяйствования по палеоазиатскому типу способствовал сохранению оленеводства данной группы.

Список литературы

1. Бацаев И.Д. Сельское и промысловое хозяйство Северо-Востока России 1929-1953 гг. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1997. 138 с.
2. Бацаев И.Д. Советская аграрная политика на Северо-Востоке России в период социально-экономической модернизации (начало 1950-х — середина 1980-х гг.). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2011. 199 с.
3. Мальцева Н.В. Трансформации этнического природопользования в сфере оленеводства в начале XX в. (на примере Северо-Эвенского района Магаданской области) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4. С. 132-137.
4. Попова У.Г. Эвены Магаданской области. М.: Наука, 1981. 304 с.
5. Хаховская Л.Н. Коренные народы Магаданской области в XX–XXI вв. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2008. 229 с.

М.С. Мостовенко

Сургутский государственный педагогический университет,
Сургут, Россия
reiseleiter@mail.ru

ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.: МЕЖДУ ОТРАСЛЮ И ПРОМЫСЛОМ

M.S. Mostovenko

Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russia

THE TRADITIONAL NATURE MANAGEMENT IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF XXTH CENTURY: BETWEEN BRANCH AND CRAFT

ABSTRACT: This article focuses on main ways of development system of traditional nature management in the North of Western Siberia in the second half of the XXth century. Author showed how did such crafts as fishing and hunting change in the conditions of industrial development of the region in the 1960th and 1970th. At that time traditional nature management met the necessity to choose future way of development. From one viewpoint such traditional crafts as fishing and hunting could stay on their current level without any chances for future development. From another point of view this crafts must be transformed into successful economical branch of regional economy. It means that hunting and fishing organizations must have centralized system of resources gathering, intensive form of working which include scientific recommendations and industrial forms of using this resources. However, eventually it wasn't succeeded in making it because of a number of the existing internal reasons, and also

because of lack of scientifically reasonable approach to the trade organization. At the same time, development of the legislation system in the field of hunting, problems that are connected with the hunting organization, and also economic value of fur production for the region economy was analyzed. As the statistics and archival materials of the said organization of fishing industry can be transformed from craft to economical branch, but their economical effectiveness was in the small level.

Модернизационная парадигма, пришедшая в регион, затронула все ранее существовавшие отрасли хозяйства. В данном случае речь пойдет о тех преобразованиях, которые коснулись системы пушного хозяйства, а также сферы рыбной промышленности северных округов Тюменской области.

Рассматривая охотничье хозяйство Севера Западной Сибири в 1960-1980-е гг., стоит сказать о том, что несмотря на протекавший процесс модернизации, оно оставалось в рамках экстенсивного развития. Интенсификация хозяйственной деятельности выражалась в создании и развитии системы клеточного звероводства, поскольку данная форма организации пушного промысла позволяла получать более дорогостоящую пушную продукцию, в отличие от пушнины, сдаваемой промысловыми охотниками.

Данное предположение подтверждается статистическими данными государственного статистического комитета Ханты-Мансийского округа. Так, согласно отчетам о деятельности охотничьих хозяйств в период с 1964 по 1989 гг. доля промысловой пушнины не превышала 10%, в отличие от продукции, предоставляемой звероводческими хозяйствами (рис. 1).

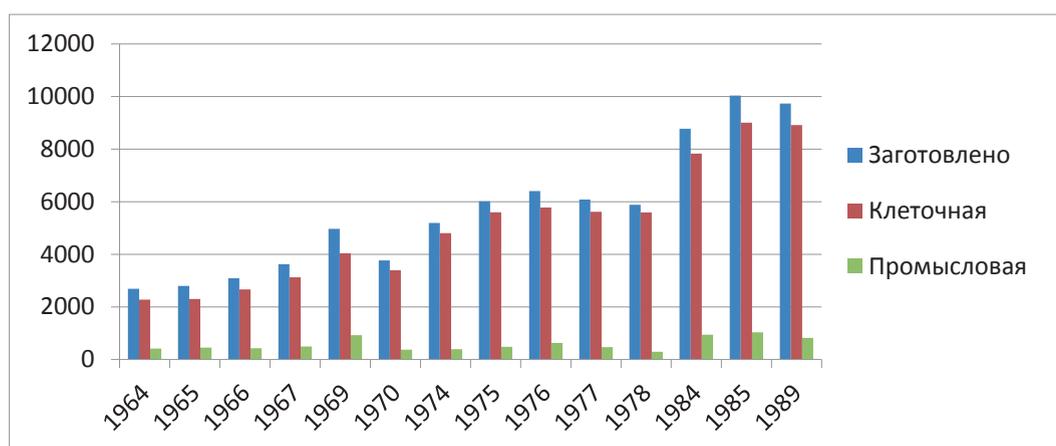

Рис. 1. Динамика заготовки пушной продукции с 1964 по 1989 г. (в тыс. руб.)

Как видно из представленных данных, в рассматриваемый период объем заготовок в ценовом выражении вырос практически в 3 раза. Однако здесь стоит сказать в первую очередь о том, что это в основном касалось деятельности хозяйств, занимавшихся клеточным звероводством, т.к. продукция, поступающая от этих хозяйств, в денежном измерении ценилась выше, чем продукция промысловых. Поскольку основными видами продукции клеточного звероводства были шкурки серебристо-черной лисы, песца и норки [КУ ГАЮ¹, ф. 6, оп. 1, д. 265а, л. 25], стоимость которых в среднем составляла 130, 78 и 50 руб. за одну штуку [КУ ГАЮ, ф. 6, оп. 1, д. 358, л. 61].

Вместе с тем, привлекательность клеточного звероводства заключалась еще и в том, что позволяла в полной мере кооперироваться с предприятиями рыбной промышленности, которые являлись поставщиком кормовой продукции для звероводческих хозяйств. Говоря о месте и роли рыбной промышленности в экономике региона в рассматриваемый период, следует сказать и том, что она занимала третье место среди всех отраслей промышленности (рис. 2). Так, если в 1971 г. на предприятиях рыбной промышленности трудилось чуть больше 4 тыс. человек, то к 1977 г.

¹ КУ ГАЮ — казенное учреждение «Государственный архив Югры».

их доля возросла до 4,5 тысяч [КУ ГАЮ, ф. 6, оп. 1, д. 385, л. 3]. Данный незначительный рост численности промышленных рабочих на наш взгляд объясняется двумя факторами. Во-первых, рабочие предпочитали уходить в более оплачиваемые отрасли производства, такие как нефтяная промышленность, с другой стороны все большее количество людей требовалось развивавшемуся по экстенсивному пути лесопромышленному комплексу. Во-вторых, начавшаяся интенсификация и техническое переоснащение рыбного хозяйства региона требовало качественного, а не количественного роста производственных кадров.

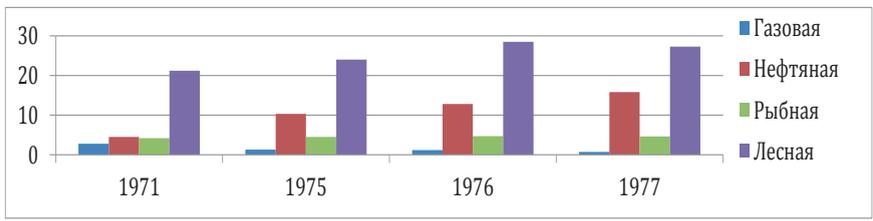

Рис. 2. Численность промышленных рабочих по отраслям производства (в тыс. чел.)

Однако существовавшего числа производственных рабочих хватало для поддержания уровня добычи рыбной продукции. Несмотря на то, что в конце 1960-х годов объемы вылова существенно сократились, в течение 1970-х — начала 1980-х гг. их удавалось сохранять практически на постоянном уровне. Кроме того, стоит сказать о том, что постоянный уровень добычи не означал выполнение плановых заданий. В качестве примера можно привести ситуацию с выполнением плановых показателей в 1978 г., когда вместо планируемых 18 тысяч тонн было добыто всего 11 тысяч тонн [КУ ГАЮ, ф. 6, оп. 1, д. 425, л. 13]. Об общем состоянии рыбодобычи в регионе можно судить по представленным данным (рис. 3).

В 1974 г. предприятиями рыбной промышленности было добыто 14894 тонн рыбы [КУ ГАЮ, ф. 6, оп. 1, д. 354, л. 3], в 1975 и 1976 гг. было получено 15789 и 19306 тонн соответственно [КУ ГАЮ, ф. 6, оп. 1, д. 385, л. 8], в 1977 и 1978 гг. — 16879 [КУ ГАЮ, ф. 6, оп. 1, д. 400, л. 7] и 11155 тонн [КУ ГАЮ, ф. 6, оп. 1, д. 417, л. 4], в 1981 г. объем добываемой рыбы составил 16426 тонн [КУ ГАЮ, ф. 6, оп. 1, д. 474а, л. 5].

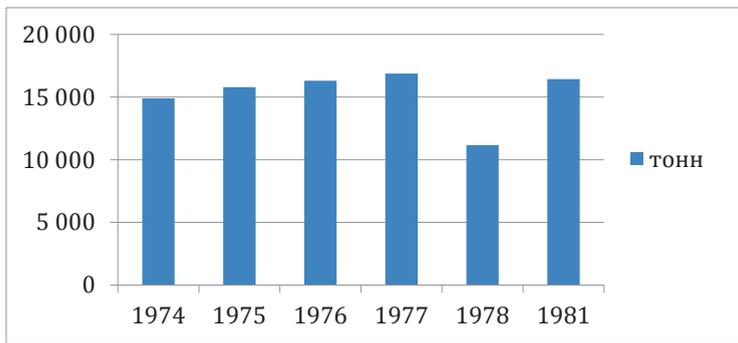

Рис. 3. Динамика добычи рыбной продукции в регионе во второй половине 1970-х начале 1980-х гг.

Рассмотрев основные показатели развития рыбной отрасли региона можно сделать вывод о том, что рассматриваемый период она являлась одной из основных. При этом необходимо отметить, что она носила промышленный характер. Это можно подтвердить следующим: во-первых, показатели развития рыбной промышленности были включены в статистический раздел промышленности в сборниках окружного статистического управления. Во-вторых, предприятия рыбной промышленности входили в тройку организаций со значительным количеством индустриальных предприятий.

стриальных рабочих. Кроме того, в отличие от организаций занимавшихся охотничьим промыслом, заготовительная деятельность рыбопромышленных предприятий носила централизованный характер.

Говоря о важности и значимости данной отрасли для народного хозяйства региона, можно привести тот факт, что здесь вылавливалось до 25% всей рыбной продукции страны [Йоганзен, 1979, с. 11], а в ряде областей этот показатель был выше. Так, предприятиями рыбной промышленности Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов вылавливалось 94% всей рыбы в Тюменской области.

В заключении необходимо сказать, что в рамках модернизации региона система традиционных промыслов подверглась значительным изменениям. Переход на индустриальную форму организации использования биологических ресурсов не везде завершился успешно. Так, охотничьи хозяйства, несмотря на комплексный характер своей деятельности, во многом оставались убыточными и существовали благодаря государственной поддержке. Рыбному промыслу удалось трансформироваться в отрасль, что подтверждается проанализированными данными.

Список литературы

1. Йоганзен Б.Г. Водоемы Западной Сибири, их биологическая продуктивность и мелиорация // Рыбное хозяйство и итоги биологических рыбохозяйственных исследований в Западной Сибири за 1971-1975 гг. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979.
2. КУ ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 265а.
3. КУ ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 358.
4. КУ ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 385.
5. КУ ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 425.
6. КУ ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 354.
7. КУ ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 385.
8. КУ ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 400.
9. КУ ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 417.
10. КУ ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 474а.

А.Н. Павлова

Поволжский государственный технологический университет,
Йошкар-Ола, Россия
angpan@rambler.ru

КОСТЮМ В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НАРОДА МАРИ

A.N. Pavlova

Povolzhskiy State Technological University,
Yoshkar-Ola, Russia

COSTUME IN THE SYSTEM OF ECOLOGICAL IDEAS AMONG MARI PEOPLE

ABSTRACT: In traditional culture there are ecological ideas that are not verbalized and they are embodied in different spheres which are often not related to the manufacturing sphere. Culture of the Mari ethnos has been formed during the process of adaptation to natural and climatic conditions in the forest area of the Eastern Europe. It gave a possibility to develop the most careful attitude to natural resources and to use them effectively by smoothly

enriching environmental support system with new sources. A costume which was changing in accordance with the living conditions was a part of this system. The costume has reflected ecological ideas of the ethnos: choice of materials, technologies of its processing which intend wise use of natural resources based on historical experience of people. The Mari formed a set of ceremonies which was designed to provide good harvest of hemp, which is the main industrial crop among the Mari, and wool. They are based on the idea of human being and nature unity. The ecological culture of the Mari is embodied in the system of figures which were used in decoration of the costume: zoomorphic images take the central places of them and they are dated back at the times of hunting industry: animals were included in the system of cosmologic ideas of the Mari. The changes in the manner of Mari's embroidery of the 20th century have led to the emergence of the patterns such as images of flowers, which has become favorite in the national costume.

Одной из важнейших особенностей этнического костюма обычно является природосообразность, т.к. костюм и, в первую очередь, такая его утилитарная часть как одежда, должны защитить тело человека от неблагоприятного воздействия окружающей среды. Костюм любого этноса связан с природной средой и благодаря тем материалам, которые использовались при его создании.

Пример природосообразности представляет собой и традиционный костюм мари, ставший результатом приспособления этнического коллектива к условиям лесной зоны Восточной Европы. На протяжении жизни множества поколений были отобраны материалы, элементы кроя и пр., максимально соответствующие природной среде и экологической культуре населения.

Основными материалами для создания одежды у народа мари были шерсть и конопля, в древности — крапива [Молотова, 1992, с. 76]. Данные материалы были не только прочными, износостойчивыми, но и обеспечивали максимальный комфорт в соответствии с сезоном использования. Хотя наличие большого количества одежды традиционно считалось показателем достатка, даже в зажиточных семьях к ней относились бережно: вещи взрослых перешивали для детей и пр. Примером подобного отношения к одежде могут служить котомки, сшитые из сравнительно хорошо сохранявшихся, благодаря вышивке, частей головных уборов или рубаш, о чем свидетельствуют предметы из фондов Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева (МНМ ФВХ55-8; МНМ ФВХ 58-8).

Человек не выделял себя из мира природы и, используя ее дары, часто надеялся на расположение богов. Ряд марийских обрядов был направлен на обеспечение хорошего урожая конопли. Например, во время праздника Ёярня (Масленица), женщины, скатываясь с гор, раскидывали зерна конопли, выходили на гумно и трясли коноплю в праздник Шорыкйол (овечья нога), приговаривая, чтобы она уродилась высокая и волокнистая [Попов, 1979, с. 125-126; Календарные праздники, 2003, с. 232].

Для создания одежды использовался и мех. В позднее время это обычно была овчина, мех же лисы и бобра шел у некоторых групп мари на пошив ритуальных (прежде всего свадебных) головных уборов [Евсеев, 2002, с. 120, 125]. В древности мех применялся гораздо шире, так же, как и кожа, из которой изготавливали некоторые предметы одежды и обувь. Такие вещи высоко ценились и передавались из поколения в поколение. Особым было и отношение к животным. Овце, кормившей и одевавшей крестьянскую семью, в марийской культуре посвящен отдельный праздник Шорыкйол, во время которого проводились многочисленные обряды, направленные на обеспечение плодовитости этого животного [Попов, 1979, с. 125-126].

Шерстяные нити были своего рода оберегом, защищавшим от проникновения злых сил через отверстия одежды. Окрашивание нитей проводилось с помощью натуральных красителей, в основном растительного происхождения. Используемые при этом технологии позволяли добиться максимальной устойчивости окраски [Молотова, 1992, с. 10-11]. Цветовая гамма гармонировала с окружающей природной средой: терракотово-красный, бордо, темно-синий, с легкими вкраплениями зеленого и желтого в вышивке придавали строгость одежде и головным уборам из конопляного полотна. Преобладали так называемые витальные цвета, характерные для всех архаических культур, восходящие к древнейшим архетипам [Тэрнер, 1972, с. 57-58, 74-75].

В вышивке одежды и головных уборов до начала XX в. сохранялись древние орнаментальные композиции, отражавшие космологические представления этноса. Центральное место среди

них занимали образы животных, прежде всего коня, который превращается в один из важнейших знаков, использовавшихся в женском костюме. С ним был связан целый комплекс представлений от космических до социальных. На женских головных уборах конь появляется и в составе сложных композиций с мировым деревом, и как самостоятельный персонаж [Крюкова, 1951, табл. XXI, 2]. Многократное повторение изображений животных, вероятно, должно было способствовать их умножению, а также содействовать силе плодородия самого человека. В повседневной жизни мари конь был не только основным рабочим животным, но и главной жертвой верховным богам. Среди зооморфных образов марийской вышивки можно отметить также лося-оленья, медведя, утку и глухаря, занимавших важное место в мифологической картине мира. Счетная техника вышивки предполагала схематизацию изображений или использование в орнаментации отдельных элементов животных образов (например, рогов и голов). Не случайно среди терминов марийской вышивки важное место занимают названия животных и их частей (рога барана, конские головы и пр.) [Крюкова, 1951, с. 71]. Но даже в этом случае изображения оставались хорошо узнаваемы, что свидетельствует о сохранявшейся близости человека к природе.

Подобные символы, кроме прочего, указывают также на присущее мари ощущение родства между человеком и животным (в т.ч. диких). Отметим, что вплоть до XX в. охота сохраняла существенную роль в хозяйстве марийцев. Одним из наиболее характерных животных-родственников человека в марийской культуре являлся медведь. Подобное восприятие медведя, вообще типичное для финно-угорских народов, предполагало особое отношение к нему. Наиболее полно эти представления сохранились в культуре обских угров, почитавших медведя в качестве сына небесного божества [Мифы, предания, 1990, с. 90]. Непосредственно в религиозных представлениях марийцев медведь символизировал смерть и воскрешение природы, сил плодородия [Попов, 1993, с. 52], не случайно с этим животным было связано множество запретов и примет.

Растительные мотивы также нашли отражение в марийской вышивке, хотя по значимости они явно уступают зооморфным. Новое понимание красоты природы открывает вышивка XX в. Счетная вышивка в XX в. начинает уходить в прошлое, ее место занимает вышивка гладью, марийские женщины используют растительные мотивы, прежде всего изображения цветов: на их рубахах и передниках расцветают розы и маки, перекликаясь с орнаментом платков. В это время широко начинают использовать фабричные нити для вышивки, что меняет колористическое решение костюма, но идея близости, родства человека и природы продолжает существовать в новой форме.

Список литературы

1. Евсеев Т. Этнографические коллекции. Йошкар-Ола, 2002. 148 с.
2. Календарные праздники и обряды марийцев. Этнографическое наследие. Вып. 1: Сб. материалов. Йошкар-Ола, 2003. 286 с.
3. Крюкова Т.А. Марийская вышивка. Л., 1951. 194 с.
4. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. 568 с.
5. Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992. 112 с.
6. Попов Н.С. Марийский народный праздник «кугече» // Археология и этнография Марийского края. Вып. 22. Йошкар-Ола, 1993. С. 52-64.
7. Попов Н.С. О некоторых обрядах и обычаях, связанных с хозяйственной деятельностью марийцев // Из истории хозяйства населения марийского края. АЭМК. Вып. 4. Йошкар-Ола, 1979. С. 123-138.
8. Тэрнер В.У. Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала ндембу) // Семиотика и искусствознание. М., 1972. С. 50-81.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ СИСТЕМ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ ЭТНОСОВ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

A.N. Sadovoy

Sochi Research Centre RAS, Sochi, Russia

THE TRANSFORMATION OF TRADITIONAL NATURE MANAGEMENT SYSTEMS OF THE ETHNIC GROUPS OF THE BLACK SEA REGION

ABSTRACT: This article determines contemporary forms of ethnic minorities, traditional nature management as promising subject area for Ethnic Monitoring. The perspective of development in the field of applied anthropology is defined in structure of tasks, concretized in Federal national policy of the Russian Federation for the period till 2025. The aim is to adapt methods of ethnological expertise to the solution of Government of the Russian problem — definition of criteria for evaluating the national policies effectiveness at the regional and municipal levels. The article pointed out that the traditional nature use can be studied only at the junction (border area) of several sciences: history, ethnology, sociology, economics, ecology, political science. The interdisciplinary nature of the research allows us considering the ethnic minorities nature use as a structural component of ethnic and regional economy. The internal and external factors of traditional nature use, forms transformation are demonstrated on the example of native and alien population of the Black Sea coast during the 19-20th centuries.

Исследование традиционного природопользования (далее — ТПП) носит фундаментальный и научно-прикладной характер. Фундаментальный характер исследования ТПП определяется не столько хронологическими и территориальными рамками, сколько его комплексным характером и предметной областью на стыке истории, этнологии, экологии, политологии, экономики. Состояние ТПП однозначно выступает в качестве индикатора эффективности не только текущей социальной политики, но и последствий реализации идеологических установок в этносоциальной среде вне зависимости от форм государственного устройства, идеологических установок и политического режима. В этой связи выявление причинно-следственных связей трансформации ТПП как подсистемы традиционной экономики определяет анализ внешних (политический курс) и внутренних (демографические процессы, состояние ресурсной основы экономики и др.) факторов воздействия. В данном контексте моделирование трансформации ТПП этносов, не имевших письменности, тождественно выявлению основных тенденций этнической истории.

С другой стороны, исследование ТПП однозначно относится к предметной области «прикладной антропологии» (**applied anthropology**) — дисциплины, ориентированной на использования знаний в повседневной политической практике. Связано это с тем, что выявление основных тенденций трансформации традиционной экономики тождественно прогнозу среднесрочных и долгосрочных социальных последствий проводимой государством политики. Для настоящего времени характерно, что социальным заказчиком этих исследований выступает Правительство РФ. Нормативными актами, определяющими предметную область, является «Стратегия федеральной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Стратегия, 2012] и подпрограммы Федерального агентства по делам национальностей [План мероприятий, 2015], направленные на реализацию Стратегии в субъектах РФ. Так, в рамках подпрограммы «Социально-экономические условия эффективной реализации национальной политики РФ» определены задачи «адаптации традиционной хозяйственной деятельности и традиционного природопользования к современным экономическим условиям, нормативно-правовым, экологическим и иным требованиям» (пункт 3)

и «содействия развитию государственной этнологической экспертизы» (пункт 4). В этом контексте апробированные методики этнологических экспертиз состояния ТПП [Поддубиков, Садовой, Белозерова, 2014] органически вписываются в решение поставленных задач. Необходимо отметить, что в Стратегии не конкретизирован объект экспертиз. Помимо природопользования и жизнеобеспечения автохтонных групп, этим объектом могут быть сельские анклавные мигрантов, механизмы адаптации ТПП мигрантов к природной среде, формы этнического предпринимательства, ориентированные на использование местных ресурсов, межэтнические конфликты и т.д. И здесь российское побережье Черного моря, принявшие в течение XX в. **несколько волн мигрантов**, представляет исключительно перспективный полигон не только для адаптации методик к политическим реалиям, но и для выявления основных тенденций национальной политики в пограничных районах России.

Проблемам развития «коренных малочисленных народов Российской Федерации» посвящена отдельная подпрограмма (№ 5), в которой предусматривается разработка на уровне субъектов РФ, муниципальных образований комплекса мер, направленных на «повышение качества жизни» при сохранении этнической территории («мест преимущественного обитания»), «традиционного образа жизни», «традиционной хозяйственной деятельности», «традиционного природопользования» (пункт 3). Следует опять отметить, что в подпрограмме не акцентировано внимание на отдельной группе «коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока». Объектом экспертиз и программ выступают этносы, практикующие интенсивные, а не экстенсивные формы традиционной экономики.

Другой крайне интересный сюжет связан с противоречивостью предлагаемого курса: повышение «качества жизни этнических меньшинств» не всегда тождественно сохранению их «традиционного образа быта». Как показывает политическая история XX в., эти процессы для разных социальных групп в составе одного этноса также могут иметь взаимоисключающий характер. Поэтому, курс на развитие «этнотуризма» в местах исторического расселения» (п. 5) легко может стать фактором дестабилизации этносоциальной обстановки.

Сферы прикладной антропологии расширяются и комплексом планируемых мероприятий в рамках подпрограммы № 9 «Информационное обеспечение реализации государственной национальной политики РФ», в котором предусматривается «комплекс мер, направленных на создание единой государственной системы мониторинга в сфере национальной политики». Это позволяет включить в программы «этнографических практик» и экспедиций задачи сбора фактического материала по современным тенденциям изменения образа жизни, традиционной хозяйственной специализации, феномену фольклоризма, этническому предпринимательству в сфере туризма и т.д. Проблема заключается не только в интеграции этнографических исследований в формируемую систему этнологического мониторинга, но и в формировании банка данных, позволяющего осуществлять мониторинг состояния традиционных форм экономики и природопользования. Достичь этой цели можно только на основе поэтапного анализа ТПП как динамично меняющейся системы в течение достаточно долгого времени. В этой связи проводимый государством политический курс, имевший в пограничных многонациональных районах свою специфику, должен рассматриваться в неразрывной связи с процессами трансформации ТПП и изменения образа и качества жизни населения. Проиллюстрируем это положение на примере агломерации Большого Сочи (Таблица 1).

Анализ историографических источников показывает, что при мониторинге эффективности современной национальной политики в регионе необходимо опираться на оценку (переоценку) уже апробированных государством технологий, критерием которой являются ответы на вопросы, насколько последние вписываются в современную концепцию устойчивого развития и новой экологической парадигмы. Объектом этнологического мониторинга и экспертиз, заданных принятой Стратегией национальной политики, в этом контексте выступают не столько этнические группы, сколько динамично меняющаяся система межэтнических коммуникаций в сфере этнического предпринимательства.

**Корреляция политического курса и трансформации традиционных форм природопользования.
Причерноморье. XIX-XX вв.**

Период	Политический курс	Основные тенденции изменения ТСЖ и ТПП
Конец XIX — XX вв.	Выселение автохтонного населения в Турцию. Формирование: колониационного фонда, крупной земельной собственности, сети коммуникаций. Первые попытки формирования рекреационной структуры.	Изменение этнического состава населения, формирование моно- и полиэтничных сельских анклавов. Интеграция ТСЖ автохтонных групп в формируемую инфраструктуру. Адаптация традиционных знаний в сфере природопользования мигрантов к новой экологической нише. Соответствие ТПП критериям «устойчивого развития».
1920-1940-е гг.	Создание рекреационной инфраструктуры для политической элиты. Коллективизация и создание социалистического сектора сельского хозяйства, сориентированного на обеспечение продуктами питания туристических потоков.	Изменение этнической структуры населения за счет трудовых мигрантов. Формирование колхозов с однородным этническим составом, трансформации системы поземельных связей, интродукция субтропических культур, вывод сельскохозяйственной продукции на межрегиональный рынок. Интеграция этнического и частного предпринимательства в сферу обслуживания.
1950-1990-е гг.	Полное раскрытие рекреационного потенциала региона, (кратное превышения числа туристов над общей численностью населения), формирование системы внутрирегиональных экономических связей, обеспечивающих обслуживание туристических потоков.	Формирование агломерации, включающей десятки населенных пунктов. Углубление этнической специализации. Формирование теневых секторов экономики, углубление межрегиональных экономических связей и развитие этнического предпринимательства. Дифференциация сельских населенных пунктов по уровню сохранности ТСЖ и ТПП, степени ориентации на обслуживание туристических потоков.
1990-2015 гг.	Открытие территории для вынужденных мигрантов. Формирование рыночной экономики, передача системы объектов рекреационной системы в частную собственность, открытие рынка сельхозпродукции для зарубежных производителей. Увеличение площади особо охраняемых природных территорий федерального значения.	Рост населения. Формирование сельских анклавов мигрантов. Распад сельскохозяйственных предприятий, развитие частного сектора. Сокращение площади субтропических культур, интродукция новых видов. Трансформация сложившихся ранее систем жизнеобеспечения и природопользования сельского населения. Проблемы реализации курса «устойчивого развития территории». Динамичное развитие этнического предпринимательства в сфере строительства, пищевой промышленности, общественного питания. Формирование системы международных экономических связей, объединяющей диаспоры побережья Черного и средиземного морей.

Список литературы

1. План мероприятий на реализацию в 2016-2018 годах Стратегии государственной национальной политики РФ период до 2025 г. Утвержден распоряжением Правительства РФ от 23 декабря 2015 г. № 2648-р. Приложение 1 к протоколу № 2 от 10.02.2016. Обобщенная характеристика основных мероприятий Государственной программы.
2. Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025. Утверждена Указом Президента РФ № 1666 от 19.02.2012 г.
3. Поддубиков В.В., Садовой А.Н., Белозерова М.В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии. Кемерово: ООО «Практика», 2014. 358 с.

О.В. Стародубова

Сургутский краеведческий музей,
Сургут, Россия
asne@bk.ru

**ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЕРЕГИ ХАНТОВ БАССЕЙНА р. ТРОМ-АГАН
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

O.V. Starodubova

Surgut Museum of Local Lore, Surgut, Russia

**TRADITIONAL APOTROPES OF THE KHANTY OF THE TROMYOGAN RIVER
(BASED ON DATA OF FIELD RESEARCH)**

ABSTRACT: The article focuses on apotropaic traditions of the Khanty of the Tromyogan river. Based on the data of her field research, the author considered some items that are related to the categories of direct and indirect apotropes of various levels, like individual or family. Apotropes, that have only a sacred purpose and are aimed at human protection, health and prosperity of both the person and his or her family members, including descendants, are regarded as direct apotropes. Such items as umbilical cord of a newborn, bear fangs and claws, pieces of fir bark and Chaga mushroom are traditionally considered as objects that have such magic power. This category also includes types of decoration of some clothing items. The category of indirect apotropes includes things that have, first of all, utilitarian function: knife, whetstone, hearth, needle-case. According to the traditional worldview, these items are attributed to the certain Upper forces (like fire or metal), so they could be a powerful personal talisman. The hearth more and more revered as a manifestation of the Goddess of Fire, so that makes it to be a special sacral micro-space.

Наряду с материальной сферой, природопользованием и пр., не менее важной представляется мировоззренческая составляющая, включая обрядовую деятельность, направленную на обеспечение безопасности и благополучия человека. Помимо обрядов, защитная традиция включает использование различных оберегов — предметов, наделенных народным сознанием охранительной силой. Обережное назначение в традиционной культуре хантов имеют не только материальные предметы. Система правил и запретов, регулирующая жизненный цикл человека, также направлена на безопасное существование людей.

Информация об обережных традициях хантов фиксировалась многими исследователями в разные годы. Чаще всего она рассматривалась в общем контексте религиозных воззрений. В данной статье поставлена задача представить и проанализировать основной набор традиционных защитных мер тромьеганских хантов, опираясь на полевые материалы автора. К правилам, оберегающим человека, можно, в частности, отнести запреты на работу в ночное время, игры детей возле мусорной кучи и пересечение озера поперек, а также правила поведения в грозу. Запреты обычно сопровождаются объяснениями сверхъестественного характера, при этом их практическая значимость остается неоспоримой. К примеру, нарушение запрета на работу по ночам, после того как все легли спать, влечет за собой наказание со стороны нечистого существа Амь-чуншин-ими (Собачьи Жилы Выделяющей Женщины) [Исаева, Стародубова, 2006, с. 116-118]. Подробное описание подобных сюжетов в фольклоре, включающих пугающий образ наказывающего персонажа (нечистая сила, живет в мусорной куче), по сути, оберегает людей от ряда действий, влекущих опасные последствия [ПМА, 2003]: работа по ночам, когда внимание ослаблено, может привести к травмам, а игры детей возле мусорной кучи опасны тем, что там любят селиться змеи.

Что касается народной традиции, предписывающей переплывать озеро, двигаясь вдоль береговой линии, то пересечение середины водоема считается чреватой встречей с *вэсом* (подводным чудовищем), гневом водного божества Инк-ики или же духа-хозяина озера [ПМА, 2006; 2012].

Передвижение вдоль берега, безусловно, гораздо безопасней, т.к. в случае переворачивания лодки оставляет больше шансов на выживание. Стоит отметить, что и в настоящее время ханты, передвигаясь на моторных лодках, избегают середины водоемов.

К этой же категории относятся правила поведения в лесу при грозе. Общеизвестно, что в грозу нельзя прятаться под высокими деревьями. В традиционной культуре хантов это объясняется тем, что Пай-ики (Гром-старик), поражает деревья, потому что на них может прятаться нечистая сила. Иногда он может ошибиться и попасть в живого человека, стоящего под деревом. При необходимости, можно укрыться под молодым невысоким деревом, воткнув нож в ствол над головой. Если гром застал в пути на обласе, нужно как можно скорее пристать к берегу. Считается, что гром боится весла, и может ударить молнией по этому предмету [ПМА, 2006].

Что касается материальных предметов, имеющих оберегающее назначение, то их условно можно разделить на прямые и косвенные обереги, на индивидуальные и семейные. К прямым оберегам отнесены вещи, имеющие исключительно сакральное назначение, направленное на защиту человека, его здоровья и благополучия как личного, так и членов семьи, включая потомков. К этой же категории относятся способы декорирования некоторых деталей одежды.

Первым прямым оберегом человека является его пуповина. Засохшую пуповину мать зашивает в кожаный мешочек, украшенный несколькими стежками бисера. Круглая форма мешочка символизирует солнце. Спрятанную в нем пуповину подвешивают к люльке, подросшим мальчикам — к поясу, а девочкам — к игольнику. Впоследствии эту вещь необходимо хранить в «чистом» месте и можно передать по наследству. Потеря мешочка несет опасность для потомков — *«род больной будет»* [ПМА, 2006].

Подросшим детям на спинку верхней плечевой одежды нашивают цепочки и колокольчики, чтобы металл и его звон отгоняли злых духов. Однако эти подвески не являются главными защитными элементами [ПМА, 2007]. Куда большее внимание уделяют защите темечка, *«закрытию заднего глаза»*, которое считается очень чувствительным местом [ПМА, 2007]. Голова девочек защищена платком, мальчикам на капюшоны верхней одежды нашивают суконную бахрому, вставки из сукна, часто задняя часть капюшона изготавливается из шкурок с морды олененка, глазные отверстия которого оформляют сукном или бисером.

На спинку малицы мальчикам подшивают лапки выдры. Когда мальчик вырастает, эти лапки подвешивают к поясу. Их могут подшить и на одежду девочки, сопровождая пожеланием: *«чтобы замуж вышла, мальчиков родила»* [ПМА, 2007]. В конце XX в. на плечи верхней одежды, как девочкам, так и мальчикам, подшивали пух с жировика утки. После намокания эти «пушки» увеличивались в объеме, что символизировало и рост ребенка [ПМ Сайнаковой, 2003].

Одним из сильнейших мужских индивидуальных оберегов являются клыки и когти медведя. Носят их на поясе — *«чтобы медведя не встретить»*. Терять и бросать эти вещи нельзя, иначе *«медведь искать человека будет»*. Примечательно, что, если пожилая женщина (вышедшая из детородного возраста) живет одна, и рядом нет мужчин, которые могли бы носить клыки и когти, ей разрешается подшивать их к игольнику, т.к. он считается «чистой вещью» [ПМА, 2007]. В этом случае, оберег будет защищать женщину. К женскому игольнику также подшивают кончики ушек оленят, срезанные при метке народившихся оленей. Ушки выступают не столько в качестве оберега, сколько гарантом благополучия дома и стада: *«чтобы богатство было, чтобы олени держались»* [ПМА, 2006].

Оберегами женщин являются орнаментальные полосы на одежде. Не вдаваясь в семантику узоров, можно отметить защитную роль богатого оформления платьев и халатов. Объясняют это тем, что украшения одежды отвлекают внимание посторонних от самой женщины: *«человек разглядывает узоры, его глаз/ум отвлекается, сам человек не смущает женщину, не вредит ей»* [ПМА, 2007]. До недавнего времени, неукоснительно соблюдалось правило, изготовления ластовицы для рубах и платьев из ткани другого цвета, чаще всего контрастного к основному. В крайнем случае, могли ластовицу выкроить из основной ткани, но пришить изнаночной стороной наружу. Это делалось, чтобы *«мастерица не ослепла»*. С той же целью на *саках* (верхняя плечевая зимняя или демисезонная женская одежда) уголок между орнаментальными полосами правой полочки и подола прошивался несколькими рядами бисера или пуговиц [ПМА, 2003].

Из растительных оберегов особенно сильным считается *кар* — кора пихты. *Кар* используется для очищения места, окуливания во время обрядов. При сборе коры соблюдается ряд правил. Особенно это касается хантов, в чьей местности пихта не произрастает. По р. Тромъеган, где пихта растет, им необходимо произвести некоторые ритуальные действия: бросить монеты под окружающие деревья или повесить на них ткань, провести *поры* (бескровное жертвоприношение). Таким образом люди испрашивают у хозяев-покровителей места разрешение, «*чтобы те не обиделись, не подумали: «Мол, что это такое — приехали, деревья наши царапают»*. Но самым надежным считается не собирать кору самим, а попросить об этом местных жителей [ПМА, 2012]. Подобные правила поведения связаны с представлением о святости места — Тромъеган переводится с языка хантов как 'Божья река'. Кусочки *кар* можно носить с собой, как оберег, при случае ее всегда можно зажечь. Такими же свойствами обладает и чага, которую тоже можно иметь при себе.

Функцию семейных оберегов, в определенной мере выполняют т.н. «особые» предметы, наделяемые сакральным смыслом и бережно хранимые в «чистом священном месте» дома. В частности, мешочки из глухаринных зобов, неожиданно найденные предметы из камня, металла, необычные по форме, а также — «стрелы грома» (камни, найденные на месте удара молнии). Найденная стрела грома приносит удачу и последующую защиту во время гроз [ПМА, 2006]. «Особые» предметы передаются по наследству.

Со временем приобретают функции оберега некоторые доставшиеся по наследству «маленькие вещицы» — пороховницы, наконечники стрел, кольца, мешочки, меховые орнаментальные полосы, игольники [ПМА, 2007]. Эти вещи считаются живыми, в них сосредоточена сила и отпечаток прежних хозяев, предков, что помогает потомкам. Наследуемые вещи можно отнести и к косвенным оберегам, т.к. они могут еще использоваться в бытовой жизни.

Категорию косвенных оберегов составляют предметы, имеющие, в первую очередь, утилитарное назначение. Эти предметы, согласно традиционному мировоззрению, связаны с «верхними» силами, вследствие чего могут стать мощными оберегами личного характера. К ним относятся вещи, связанные с огнем или изготовленные из металла. Так, оселок — «огненный камень», носят с собой в качестве оберега и мужчины, и женщины [ПМА, 2006]. Непосредственно с огнем связан и домашний очаг. Он почитается как проявление Най-анки (Хозяйки-богини Огня), что выделяет очаг в особое сакральное микро-пространство, имеющее мощное оберегающее воздействие для всей семьи. В реалиях современного мира, в городских квартирах таким пространством, по словам некоторых информаторов, считается кухня — «*всегда «чистая», потому что там есть печь, огонь»* [ПМА, 2007]. Даже электроплита является продолжением традиционного очага, сохраняя сакральную связь с огнем.

К косвенным оберегам можно отнести нож и топор. Их утилитарная функция является основной, но металлическое («небесное») происхождение придает им особую силу и позволяет использовать для защиты от вредоносных сил. К примеру, нож кладут в люльку к младенцу или подвешивают у порога, под порог могут подкладывать и топор. Нож, вонзенный в дерево, под которым спрятался человек во время грозы, выступает опознавательным знаком, помогая Грому-старика не ошибиться.

Таким образом, в традиционных представлениях хантов можно выделить отдельные сферы жизнедеятельности, требующие особой защиты, соблюдения регламентирующих правил и применения оберегов. К ним относятся сакральная чистота людей, предметов и местности; сохранение жизни и здоровья детей, поддержание жизнеспособности рода; личная безопасность и здоровье взрослых (в домашней обстановке, на промыслах, в пути); материальное благополучие семьи (сохранность поголовья оленей). Соблюдение мировоззренческих мер безопасности гарантирует психологический комфорт и физическое благополучие.

С изменением в традиционном образе жизни, многие из перечисленных мер теряют актуальность и перестают применяться. Так, к концу XX в. исчез обычай выделения ластовицы другим цветом и обозначения угла между орнаментальными полосами женской верхней одежды. Возможной причиной является снижение реальной угрозы слепоты, благодаря своевременной медицинской помощи, возможности переезда в город или поселок и пр. Это же относится к обращению с пупо-

виной. Рождение ребенка происходит в большинстве случаев в родильном доме, поэтому пуповина сохраняется как личный оберег далеко не всегда. Большая стойкость проявляется в соблюдении мер, связанных с традиционными верованиями (хранение «особых предметов» и вещей, доставшихся по наследству, использование кусочков чаги и коры пихты), с благосостоянием (сохранение ушек оленьей), с личной безопасностью (ношение клыков и когтей медведя, богатое украшение женской одежды, соблюдение норм безопасности в лесу, на озере). Запреты и правила осознаются одновременно с мифической и рациональной позиций и в большинстве случаев соблюдаются.

В целом, представления тромьеганских хантов требуют дальнейшего детального изучения с целью выявления новых культурных традиций и описания особенностей устойчивых феноменов духовной культуры.

Список литературы

1. ПМА, 2003, 2006, 2007, 2012, Сургутский р-н ХМАО.
2. ПМ Сайнаковой А.Б., 2005, Сургутский р-н ХМАО.
3. Сказки и куклы нерым-ях / сост. Т.А. Исаева, О.В. Стародубова. Тюмень: Мандр и Ка, 2006. 128 с.

Список информаторов

1. Сопочина В.М., 1951 г.р.
2. Щербакова О.И., 1951 г.р.
3. Покачева И.М., 1960 г.р.
4. Кечимова И.И., 1961 г.р.
5. Сайнакова Т.А., 1972 г.р.

О.Б. Степанова

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия
stepanova67@mail.ru

ДАННЫЕ ФОЛЬКЛОРА О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЕЛКУПСКОГО ОЛЕНЕВОДСТВА

О.В. Stepanova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) RAS, Saint Petersburg, Russia

THE DATA OF FOLKLORE ABOUT THE ORIGIN OF THE SELKUP REINDEER

ABSTRACT: The origin issue of Selkup reindeer occupies a special place in Russian Siberian study and, as a rule, is put in the context of the West Siberian ethnogenesis [Gemuev, Pelikh, 1974; Prokofiev, 1976; Kozmin, 2003; Golovnev, 2005]. In this study, the author will not break the tradition, but will try to consider the origin of reindeer in the northern Selkup and its full perspective — based on folklore, which has not been made yet by none of the researchers. The main part of published Selkup folklore texts, which involve reindeer, quite large, but the author's appeal to this topic became possible only after her field work in particular eight expeditions to the Tazovsky and Turukhansk Selkup — during such expeditions, missing items for the comprehensive review of material were collected. As a result of an analysis of folklore texts that are related to the theme Selkup reindeer, the following methods of appearance Selkup reindeer were identified: Selkups get reindeer as a trophy in the wars with the Nenets; Reindeers are bestowed to Selkups from above, but through a competition with the Nenets; The poor fisherman-hunter acquires reindeer, by

tricking they take them from the rich and greedy kinsman; Reindeer are bestowed to hero-Selkup by magical character acting as a spirit herders' neighbors, with whom hero had marital ties. The study confirms the well-known idea that reindeer and reindeer husbandry have been borrowed by Selkups, who came north from neighboring nations, primarily from the Nenets.

Вопрос происхождения селькупского оленеводства занимает в российском сибиреведении особое место и, как правило, ставится в контекст проблемы западносибирского этногенеза [Гемуев, Пелих, 1974; Прокофьева, 1976; Козьмин, 2003; Головнев, 2005]. В настоящем исследовании автор не станет нарушать сложившуюся традицию, но попытается рассмотреть вопрос происхождения оленеводства у северных селькупов в оригинальном ракурсе — по материалам фольклора, чего до сих пор не делал ни один исследователь.

Корпус опубликованных селькупских фольклорных текстов, в которых фигурируют олени, довольно большой, однако обращение автора к данной теме стало возможным лишь после того, как в ходе ее полевой работы — восьми экспедиций к тазовским и туруханским селькупам — были собраны недостающие для всестороннего рассмотрения вопроса материалы. В результате анализа фольклорных текстов, относящихся к теме селькупского оленеводства, были определены следующие способы появления у селькупов оленей:

1. Олени достаются селькупам в качестве военного трофея. Об этом способе обзаведения оленями напрямую говорится в селькупских военных сказках: селькупы ведут жестокие войны с ненцами из-за рыболовных и охотничьих угодий, оленей и женщин. В этих сказках все время повторяется, что у селькупов раньше не было оленей, а ненцы (*хандьяры*) — богатый народ, у них оленей много.

«[...] Тут-то селькупы перестреляли всех *хандьяров*. Только кровь их стекала в речушку. От этого вода в ней стала красной. Потом эту речку стали называть *Вэярмо*, от ненецкого слова *вэя*, что означает «кровь».

Оставили несколько *хандьяров* для того, чтобы они похоронили убитых, отобрав луки и стрелы и забрав с собой все, что досталось. Затем они расспросили, где находятся стада оленей *хандьяров*. Их они перегнасли поближе к своим стойбищам.

Обзаведясь оленями, селькупы стали жить богато [...]. После боев завоеванные олени становились собственностью победителей. Раньше у селькупов не было оленей: они все больше рыбачили» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, № 1870, с. 22-23].

«[...] Долго чужеземцы будут искать дорогу назад. Далеко от чума завел их охотник. Сам домой вернулся. Не пришлось ему блуждать по лесу. Он для него как дом родной. Легко нашел дорогу. Радостно его встретили свои. Никто не пострадал, все живы остались. Быстро свой чум разобрали и на оленьих упряжках непрошенных гостей далеко уехали от этих мест. С тех пор, как гласит молва, у селькупов олени появились. Давно это было. Никто не помнит, когда» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, № 1870, с. 68-69].

В некоторых текстах эквивалентом этническому названию «ненцы» служат слова «враги» или «оленные люди», о приходе ненцев селькупы узнают по следам оленей на снегу.

«Когда селькупы и ненцы воевали, в Часельке были места богатые дичью, рыбой и ягодой. И эту территорию не могли поделить. У селькупов в чуме тогда всегда была яма. Когда темнело, женщины и дети собирались и прятались в яму. К вечеру всегда кто-то должен был приехать. Тот заходил, видел, что никого нет, и уходил. Щелкали кедровые орешки, потому что звук при этом был, будто вода капает, — т.е. будто в чуме нет никого. Потом выходили — все кругом черно было, значит приходили оленные люди, олени натапывали вокруг. И тропинка шла, по которой они ушли» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, № 2189, с. 10].

В военных сказках прославляется селькупский герой, он, как правило, превосходит врага в методах — в хитрости или ловкости, скорости, совершенстве шаманских техник. Самая известная сказка на эту тему — «*Немай Поркы Ира*» («Старик Заячья Парка»), где немощный старик хитростью побеждает отряд ненцев и улучшает благосостояние своей семьи, обзаведясь новым чумом и оленями [Степанова, 2012, с. 21].

2. Олени даруются селькупам свыше, но через некое состязание с ненцами, причем ненцы выигрывают это состязание и им достается больше оленей.

«Селькупы на оленью дорогу чум из бересты поставили, а ненцы из оленьих шкур чум поставили. Олени бересту потоптали и через селькупский чум прошли, а где шкуры были, задержались. Поэтому у ненцев оленей больше» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, № 2123, с. 11].

«Дедушка селькупский и дедушка ненецкий ненавидели друг друга. Они раньше воевали. Их начальники устроили соревнование. Забили оленя. Самый старый, знатный и богатый из ненцев и такой же из селькупов стали соревноваться. Съели мясо, взяли косточку с ноги оленя и стали каждый к себе тянуть (пальцами по столу каждый к себе тянул). Ненец победил, с тех пор у ненцев оленей больше» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, № 2189, с. 6].

Данный способ содержит недвусмысленное указание на то, что селькупское оленеводство имеет зависимость от ненецкого. Тексты этой группы более мифологизированы, в них читается мотив судьбы и предопределения свыше.

3. Третий способ выделяется из сказок, в которых бедный селькуп, рыбак и охотник *Ича* обзаводится оленями, хитростью отнимая их у богатого и жадного сородича. Этим богачом может выступать владеющий большим оленьим стадом старик *Колза-ира* [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, № 1870, с. 41-43] или князь *Кольсэ*, имеющий в подчинении «богатых оленщиков» [Аш, 1929, с. 46-48]. Хитрый *Ича* сам становится обладателем оленей или, заняв место князя, обеспечивает «хорошую» (т.е. с оленями) жизнь своему народу. Может показаться, что здесь отражен лишь факт социального расслоения и классового антагонизма среди селькупов. Но, если сравнить эти сказки с военными, в них также описывается типичный для селькупов способ обзаведения оленями путем отнятия их у кого-то не столь отдаленного. И нет смысла делать акцент на том, что какая-то часть селькупов на момент сказочного действия уже была знакома с оленеводством. Эти сказки воссоздают один из способов распространения и освоения оленеводства в селькупской среде.

4. В следующей группе сюжетов олени даруются селькупам волшебными персонажами — просто так или за правильное поведение.

В сказке-мифе «Заяц и лягушка» заяц «перегоняет» оленей людям «из жалости»: «Сани на себе тащат, посуду, постели, — чтобы на оленях они каслали, охотились, жили бы, где хотели». Лягушка безуспешно препятствует действиям зайца [Степанова, 2012, с. 6]. Вероятнее всего, живущие вместе Заяц и Лягушка выступают здесь тотемными животными двух фратрий одного народа. Если вспомнить, что Лягушка — «родной» персонаж для селькупского фольклора, а Заяц в селькупском фольклоре почти не встречается, можно высказать соображение о том, что Заяц в этом тексте выступает первопредком каких-то родов, соседей селькупов, знавших оленеводство и имевших с селькупками брачнородственные связи. Следовательно, текст сообщает, что оленеводство пришло к селькупам от соседей. Здесь нужно заметить, что победители-холостяки в селькупо-ненецких войнах брали в жены женщин побежденного противника, о чем говорится в военных сказках, поэтому брачнородственные связи между ненцами и селькупками, вне сомнения, были реальностью.

В другой сказке этой группы бедный селькуп обзаводится оленями, получая их в подарок от *лоза* — черта (духа), которого он встречает на рыбалке. Симпатизируя тому, как рыбак заботится о своей матери, черт приглашает рыбака в свой чум, хорошо угощает его и на прощанье дарит волшебный «ящичек». Выполнив условие не открывать «ящичек» по дороге, рыбак открывает его, придя домой, и из ящичка появляются олени. Богатый и жадный брат рыбака, позавидовав его подарку, отправляется к черту, получает от того такой же «ящичек», но нарушает наказ и открывает его по дороге, оттуда выскакивают волки и съедают тех оленей, которых он имел прежде. «Так старший брат стал бедным, а младший богатым» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, № 1870, с. 30]. Сказка содержит мотивы социального неравенства и вознаграждения за добродетель. Однако интереснее другое: образ *лоза* — черта может быть прочитан как образ родственника героя, принадлежащего другой половине народа (фратрии), что характерно для селькупских сказок о противостоянии героя и черта. Следовательно, олени были дарованы бедному рыбаку божеством того рода оленеводов, с которым род рыбака имел брачные связи.

В сказке «Крылатый человек» говорится о том, как один рыбак-охотник вылечил крылатого человека-духа, когда тот обратился к нему за помощью. Чтобы кормить больного, рыбак забил всех своих оленей. Поправившись, волшебный дед отблагодарил бедного селькупа.

«— В чуме дверь открой и смотри на дорогу, на меня не смотри, не оборачивайся на меня, а то плохо будет, смотри туда, где на оленях ездят. Когда оленей тебе хватит, скажи, но не поворачивайся. А у него, старика, в руках ящичек был, маленький такой. Он двери открыл и стал смотреть на дорогу. Смотрит, — олени появляются, много-много — рыжие, белые, черные, пятнистые, всякие, разные — идут, идут, идут. К нему в чум идут. Тот не поворачивается. Удивился, опешил, столько оленей. — Откуда, — говорит. — Хватит мне столько оленей. Олени перестали прибывать» [Степанова, 2012, с. 8-9].

Этот текст созвучен предыдущему, оленей дарует герою *лоз* — дух, обладающий магическими способностями, олени появляются из волшебного «ящичка», открывание которого сопровождается условием «не смотреть». Герой вознаграждается за его добродетели. Если учитывать идентичность сказок, то крылатого человека также можно рассматривать как родового духа какого-то из оленеводческих родов соседних народов. И не имеет значения, что у селькупов на тот момент, который описывается в сказках, уже были олени. Сюжет всех сказок этой группы один — оленеводство было подарено селькупам духами соседних народов.

К сказкам данной группы относится также текст «Как добрые люди беднякам помогли». Он имеет похожий сюжет: бедным старикам-селькупам, жившим рыбалкой и охотой, дарят оленья стада новые соседи. Этим соседям текст не дает никакой детализации. Ценность и оригинальность текста в том, что в нем описывается, как старики «изобретают» селькупский тип оленеводства — вольный выпас. То есть схему появления оленеводства у селькупов можно представить так: олени достались селькупам от соседей, а способ вольного выпаса они изобрели самостоятельно.

«[...] Стали они советоваться, где держать оленей. Старуха предложила отвести их в лес, в небольшую тундру. Взял старик веревки, сплетенные из сети, и увел оленей туда, куда показала ему жена. Несколько оленей, однако, привязал к невысоким деревьям так, чтобы веревка вокруг крутилась, и оставил их. Через несколько дней он развязал оленей, а сам ушел в чум. Прошло пять лет. Старик решил посмотреть, что стало с оленями. Пришел на то место, где их оставил, смотрит: там пасется целое стадо» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, № 1870, С. 26-27].

Итак, анализ селькупских фольклорных текстов «олeneводческой» тематики, подтверждает уже известную мысль, что олени и оленеводство были заимствованы пришедшими на север селькупам от соседних народов, в первую очередь, от ненцев. В рассмотренных автором текстах олень выступает источником и критерием материального благополучия человека, но не имеет самостоятельного образа. Между тем в ряде фольклорных текстов олени являются действующими персонажами и воплощаются в художественных образах. Это шаманские олени-духи. Однако и они обнаруживают вторичность: шаманские олени-духи родились от небесного духа, имевшего облик человека-коня с железными ребрами [Прокофьева, 1976, с. 155; Пелих, 1998, с. 35-37], что также подтверждает заимствование селькупам олени из других культур.

Список литературы

1. АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 1870. 71 с.
2. АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 2123. 36 с.
3. АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 2189. 13 с.
4. Аш М. Крошечный мудрец — Ичечокко // Охотник и рыбак Сибири. 1929. № 6. С. 46-48.
5. Гемуев И.Н., Пелих Г.И. Селькупское оленеводство // Советская этнография. 1974. № 3. С. 83-95.
6. Головнев А.В. Происхождение и этническая история // Ненцы. Народы Западной Сибири. М., 2005. С. 398-410.
7. Козьмин В.А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. СПб. 2003. 235 с.
8. Пелих Г.И. Селькупская мифология. Томск, 1998. 79 с.
9. Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера. М., 1976. С. 139-155.
10. Степанова О.Б. Фольклор северных селькупов: полевые сборы 2004, 2005 и 2008 гг. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2012. Вып.12. С. 5-31.

Л.А. Телегина

Краеведческий музей Уватского муниципального р-на
«Легенды седого Иртыша», Уват, Россия
uvatmuseum@mail.ru

**«МЕДВЕЖЬЯ ВЕЧЕРКА» У ХАНТОВ р. ДЕМЬЯНКА:
ОПЫТ НАБЛЮДЕНИЯ 2015 г.**

L.A. Telegina

Uvat Municipal Museum of Local Lore
“Legends of Grey Irtysh river”, Uvat, Russia

**THE BEAR FESTIVAL OF THE KHANTY OF DEMYANKA RIVER:
EXPERIENCE OF OBSERVATION**

ABSTRACT: The paper deals with a detailed description of the traditional Bear festival of the Eastern Khanty of the Demyanka river valley, which the author managed to visit 13-15 April 2015 (Yarsino village, Uvatsky district of Tyumen region). The local Khanty are descendants of the migrants from the neighbor basin of the Bolshoy Yugan river, who moved to the new place of living in the 1940s. The modern inhabitants of the Demyanka river are some of the few representatives of the Khanty, who retained the traditional ritual of the Bear festival to this day. The observed festival was devoted to a male bear and therefore had to be composed of 5 days. However, due to the presence of our visiting group those 5 days were symbolically realized in 3 days. The presented description of the ceremony shows that the tradition of the Bear festival is well preserved by the Demyanka Khanty. It must be particularly noted that some characteristics of the ritual have a pronounced ecological context. A large number of performed songs and scenes, including both scripted and improvised, indicates a significant amount of the saved ritual, the analysis and studying of which will continue in the coming years.

В духовной культуре хантов большое значение имеет культ медведя и одно из его ярких проявлений — медвежий праздник (медвежьи игрища). Известный исследователь медвежьего праздника Б.А. Васильев понимал под ним комплекс обрядов, связанных с охотой на медведя, свежеванием его туши, поеданием мяса, похоронами черепа и костей [1948, с. 79]. В.Н. Чернецов выделил две важных ритуальных функции праздника: отведение мести со стороны медведя для охотников и участников игрищ, а также обеспечение возрождения зверя [2001, с. 32, 44]. Нужно отдельно отметить, что медвежий праздник, как яркое проявление культа животных, имеет и большое экологическое значение [см.: Адаев, 2007, с. 158, 173-174].

Медвежьи игрища бытовали не у всех территориальных групп обских угров, кроме того, они имели существенные локальные особенности. Наиболее представлен в научной литературе медвежий праздник северных хантов с р. Казым [Лазарева, 2005; Мазур, 1997; Молданов, 1999; Молданова, 1995; Сагалаев, 2008 и др.]. Гораздо меньше сведений имеется по ритуалу восточных хантов и, в частности, юганской локальной группы [короткие заметки: Зенько, 1996; Лукина, 2009-2010, с. 148-154; Рудь, 2007, с. 99-101]. В советский период, когда медвежьи игрища находились под запретом, во многих районах проживания хантов традиция проведения праздника прервалась. Недавно это произошло и на р. Бол. Юган, где последний случай проведения праздника местными исполнителями отмечен в 1995 г. [Рудь, 2007, с. 99]. Однако у юганских хантов-переселенцев, живущих на р. Демьянка¹ (Уватский район), традиция медвежьих игрищ сохранилась до наших дней.

По этой причине научную ценность приобретают современные описания традиционного проведения медвежьего праздника. Один из них удалось посетить автору данной статьи 13-15 апреля 2015 г. Выезд в п. Ярсино на р. Демьянка состоялся по приглашению местного ханта Семена Ива-

¹ Подробная история переселения хантов р. Бол. Юган на расположенную южнее р. Демьянку описана в работах В.Н. Адаева [2013; 2013а].

новича Ярсина (62 года). Инициатива была связана с желанием демьянских жителей записать весь обряд «на память», и являлась абсолютно бескорыстной.

Экспедиционная группа вылетела на вертолете после звонка С.И. Ярсина о назначенном дне. В нее, кроме автора статьи (директора Уватского районного музея), вошли сотрудник музея О.В. Бронникова, а также оператор А.Г. Емелев и фотограф И.Ю. Лупашко из Уватской телевизионно-информационной студии «Премьера». Автор статьи подробно записывала свои наблюдения прямо во время праздника, перевод с хантыйского, а также пояснения смысла происходящего осуществляли местные жители. Участниками экспедиции на протяжении всей церемонии велась видео- и фотосъемка (копии материалов хранятся в Уватском музее).

На Демьянке за медвежьим праздником в обиходе закрепилось русское название «медвежья вечерка». По рассказам, во времена отцов-дедов современных демьянских хантов, вечерку проводили в честь каждого добытого медведя. Сегодня п. Ярсино, где остались последние местные жители, помнящие ритуальные песни и умеющие играть на традиционных музыкальных инструментах, является единственным демьянским поселком, где продолжает жить этот ритуал. Справляется праздник довольно редко — со слов Семена, последний раз вечерку проводил около 10 лет назад его отец.

Если нет возможности справить праздник сразу после охоты, убитого медведя убирают на хранение в холодный амбар. Так, С.И. Ярсин убил медведя-самца в ноябре предыдущего года, а мы прилетели к нему 13 апреля. Как правило, посвященный медведю-самцу праздник длится 5 дней, медведице — 4 дня. Специально для нас был подготовлен сокращенный вариант праздника, который проходил как единая церемония с одним перерывом на сон и несколькими — для приема пищи. Далее следует его описание.

13 апреля, вторая половина дня. Сразу после нашего прибытия около 16.00 в просторной избе Семена собрались жители поселка: жена С.И. Ярсина Елена (49 лет), его теща Анастасия Семеновна (81 год), младший брат Павел (48 лет) с дочерью Зоей (22 года), сестра Мария (52 года) и сестра жены Прасковья (45 лет) с сыном Юрием (22 года).

В комнате было очень холодно из-за окна, открытого для выветривания запаха мертвого животного. В простенке между окнами был установлен ритуальный стол, на нем лежала медвежья голова со шкурой, накрытая *саком* (халатом). На голове медведя находились шкура выдры, бусы и две яркие, плетеные из бисера, декоративные ленты, на носу — четыре более короткие ленты. Перед носом зверя была установлена вертикально специальная деревянная планка, на глазах лежали монеты. Лапы были украшены полосками бисера и бусами. Стол обрамляли две решетчатые перегородки из тонких реек, к одной из них была привязана ветка кедра. Перед медведем стоял стол с угощением: три тарелки с хлебом и печеньем, и кружка с горячим чаем. Около стола на полу лежали пять реек, которые позднее использовались во время ритуальных действий. На кровати недалеко от стола лежал музыкальный инструмент *наркас-юх*.

Обряд начался ровно в 16.00. Семен был одет в расшитый бисером женский *сак* с меховыми варежками. На ногах — замшевые *нырики* с узорной аппликацией из коричневой кожи. На лице — берестяная маска, а на голову накинута большая яркая шаль. Скрытые лицо и руки исполнителя позволяют ему оставаться неузнанным медведем, что оберегает его от возможной мести зверя. Ведущий начал будить хозяина тайги, в течение 20 минут он дергал за цепь с колокольчиком и пел медведю песню о том, что уже солнце встало, птицы запели свои песни, и люди проснулись, и что ему уже тоже пора вставать. По окончании песни Семен с Павлом отодвинули стол с угощением. Семен поочередно снял украшения с головы и лап зверя, смочил его шерсть жиром и расчесал специальным гребнем. После этого он уложил все предметы обратно. Мужчины поцеловали медведя в голову, а старейшая женщина — в нос и лапы. Затем стол с едой поставили на место.

Семен, продолжил петь песни. Он надевал особую берестяную маску и переодевался для исполнения каждого номера, меняя платки, *нырики*, *саки*. Его пение сопровождалось богатой мимикой и жестикуляцией. По словам хантов, петь песни может всякий, кто умеет, в т.ч. и женщины. В данном случае пели только Семен и Павел. Во время пения один из них по очереди отмечал число исполненных песен зарубками на длинной счетной палке. Вечером хозяйка дома убрала

утреннее угощение медведя и поставила на стол жареную рыбу, кедровые орехи, сушеное мясо и свежий хлеб. Последней была исполнена вечерняя песня о том, что наступил вечер, засыпают звери и птицы, и что пора на покой и ему, хозяину тайги. В первый день братьями было исполнено всего 26 песен. Они продолжались от 2-3 до 30-40 минут.

14 апреля, утро. Обряд продолжился в 08.15 утра. Снова была исполнена утренняя песня. Песни исполнялись, как сказал Юрий Усанов, на старом языке, дословно перевести некоторые из них не мог даже Семен. Он помнил песни с детства, в исполнении отца и деда. Раньше на празднике звучало от 300 до 500 песен. Семен говорил, что помнит около 50 песен, на самом деле они с братом спели 102. Основным исполнителем был Семен.

В основном звучали песни сатирико-юмористического содержания — как правило, из охотничьей жизни. В них осмеивались хвастовство, неудачный промысел, несообразительность, изба то и дело оглашалась дружным смехом. В одной из песен говорилось о переезде предков на Демьянку. Участникам предоставлялась возможность импровизации, исполнения неожиданных сценок, острых шуток — они-то и придавали действию ту злободневность, которая соединяет древние обряды с современностью. 14 апреля был проведен сокращенный вариант праздника: трижды будили и усыпляли медведя, что приравнялось к трем дням. Праздник прерывался только на обед и ужин.

15 апреля, полночь. Пятый «день» без перерыва начался в 12.00 ночи и продолжался до 8 часов утра 15 апреля. Снова представление началось с пробуждения медведя, а затем исполнялись песни и сценки. В 5 утра в комнату зашли три женщины и двое мужчин в *саках* и платках, одновременно подпрыгнули и изобразили танец уток (соксунов). Потом Павел и Юрий стали сражаться четырьмя палками, изображая охотничьи действия. Следом женщины на улице изобразили возню утят. Далее, Павел, облачившись в вывернутую шубу, выступил в роли филина, а брат сыграл роль охотника. Они исполнили сценку о птице, повторяющей слова охотника. Через несколько минут Павел уже изображал журавля. Он скинул тарелки с едой, раздвинул рейки на перегородках, поклевал лапы, сбросил украшения и вытащил монеты из глаз медведя. После этого журавль удалился.

Рис. 1. Ритуал пробуждения медведя

Семен привел медведя в порядок, смазал его лапы жиром и расчесал голову. Вновь был поставлен на место стол. Затем Семен положил на шкуру зверя три кузовка, а рядом маски и *сак*. Павел принес большой ворох сухой травы тимофеевки, разложил ее дорожкой к столу и покрыл узкой длинной белой тканью, прикрепленной одним концом к столу. Анастасия Семеновна поцеловала голову и лапы медведя. Ведущий принес угли и стал окуривать зверя, сопровождая действия небольшой речью и стуком палок друг о друга. Далее Семен в течение часа исполнял «Прощальную песню», где поведал о том, что видел и слышал медведь на вечерке. В завершение обряда в комнате появилась ворона (в его же исполнении), откинула с медведя *сак* и перевернула голову. Другие актеры стали бросать в птицу палки, и она «улетела».

После окончания театральной части обряда, каждый из присутствующих попытался узнать, каким в этом году будет его промысел. Гадающие поднимали медвежью голову: кто поднимал легко, того ждал хороший промысел, и наоборот. Как правило, убитого медведя делят на части, варят и едят, чем в конечном итоге и заканчивается вечерка. В нашем случае этого не произошло, так как зверь был добыт давно. После гадания праздник закончился. Когда мы садились в вертолет, мужчины выносили из дома шкуру и голову медведя.

Поездка показала, что традиция проведения медвежьего праздника на Демьянке хорошо сохранилась. Возможно, из-за сокращенного варианта вечерки нам были представлены не все составные части праздника, в нем не было закрытых для посторонних сюжетов, все разрешалось снимать и наблюдать. Тем не менее, большое количество исполненных песен и сценок, включая как обязательные, так и импровизированные, говорит о существенном объеме сохраненного ритуала, анализ и изучение которого будут продолжены.

Список литературы

1. Адаев В.Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 240 с.
2. Адаев В.Н. История юганских хантов на р. Демьянка в 1970-2000-е гг.: становление этнотерриториальной группы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3. С. 142-147.
3. Адаев В.Н. Этапы адаптации юганских хантов на р. Демьянке: хозяйственное освоение и заселение новой территории // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013а. № 1. С. 67-75.
4. Васильев Б.А. Медвежий праздник // Сов. этнография. 1948. № 4. С. 78-104.
5. Зенько А.П. Новые данные о медвежьем празднике у хантов // Тюменский исторический сборник. Тюмень: ТГУ; ИПОС СО РАН, 1996. С. 43-46.
6. Лазарева С.В. Медвежьи игрища // Легенды Казыма: Каталог / ред.-сост. Л.С. Андриенко. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2005. С. 41-55.
7. Лукина Н.В. Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии. Т. 3. Юган. Томск: Изд-во ТГПИ, 2009–2010. 296 с.
8. Мазур О.В. Медвежий праздник казымских хантов как жанрово-стилевая система: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 1997. 19 с.
9. Молданов Т.А. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. Томск: ИТУ, 1999. 141 с.
10. Молданова Т.А. Юильские медвежьи игрища // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 2. Томск: ИТУ, 1995. С. 141-142.
11. Рудь А.А. Сведения о медвежьем промысле в Сургутском районе // ХМАО в зеркале прошлого. Вып. 4. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Баско, 2007. С. 83-109.
12. Сагалаев К.А. Медвежий праздник современных казымских хантов // Традиции и инновации в современном фольклоре народов Сибири. Новосибирск, 2008. С. 41-51.
13. Чернецов В.Н. Медвежий праздник у обских угров. Томск: ИТУ, 2001. 50 с.

В.И. Терентьев

Горно-Алтайский государственный университет,
Горно-Алтайск, Россия
vlad33@bk.ru

ПРИЧИНЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МОНГОЛОВ

V.I. Terentyev

Gorno-Altai State University,
Gorno-Altai, Russia

THE CAUSES OF CHANGING IN ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS OF MODERN MONGOLS

ABSTRACT: This article attempts to answer the question about the reasons of the modern Mongols' departure from their traditional ecological behavior. Based on personal observations and surveys we suppose that the main factor forming Mongolian ethnicity is the idea of «native place» (in Mongolian: «nutag») and as a part of last one the idea of the nature of the native land. Distancing from the «small homeland» effects on the perception of the natural environment as a stranger (or not at all native). Act of throwing garbage in Ulaanbaatar is probably due to this perception. It is important to understand, that in the capital live, the half the country's population, and people often come here to visit relatives and friends in rural areas. The reasons of changes the ecological behavior is added «economic nationalism», which was unfolded in Mongolia by generated extractive riot. Since the beginning of development of large deposits of gold and the appearance of information about a variety of gold-bearing areas of the country, the population has formed a myth about the prospect of rapid enrichment, if become illegal miners. This class of people became known as the Ninja. Probably, ninja do not take the land, as part of its nutag where they work. The article concludes idea that it is Important to distinguish the facts of the traditional ecological behavior and perceptions of it.

Несмотря на вполне известное в кругах исследователей, занимающихся вопросами этнической экологии, положение о наличии в традиционных культурах нерациональных приемов природопользования, для большинства этнографов тезис об «экофильности» таких культур остается само собой разумеющимся. Проблема адекватного понимания характера природопользования посттрадиционных обществ связана с определенными стереотипами в изучении хозяйственных практик конкретных народов, к которым относятся рассматриваемые здесь монголы. Упование на то, что только кочевое скотоводство будет способствовать сохранению культуры, и негативное восприятие отхода от данного типа хозяйства противоречат реалиям современной Монголии. Всего 1,7% молодого поколения Западной Монголии, которое опросил новосибирский этносоциолог Д.В. Ушаков, видят себя в качестве работника сферы сельского хозяйства и животноводства [Кимеев, 2013, с. 56]. Ниже предпринимается попытка выявить причины современного отхода монголов от присущего им типа хозяйства и, соответственно, экологического поведения.

В этническом самосознании монголов важное место занимает территориальный компонент, выражающийся в особой любви к «родному месту, родным кочевьям, родине» (монг. *нутаг*), т.е. представления о «родной земле». Любой монгол, живущий в пределах сезонных пастбищ, выстраивает свое мировосприятие через знакомый ему с детства ландшафт. Где бы ни жил человек, желательно, чтобы к концу жизни он вернулся на свою «малую родину».

«Природа моего края» является вторым (после пункта «Родители») обстоятельством, влияющим на этническую идентификацию взрослого населения Западной Монголии [Кимеев, 2013, с. 45]. Дистанцирование от родного ландшафта происходит в условиях миграций населения из провинции в столицу и влияет на восприятие окружающей природы как не своей

(или не совсем родной). Этим, к примеру, можно объяснить стихийное выбрасывание мусора в Улан-Баторе, особенно представителями молодежи. Напомним, в столице проживает половина всего населения страны, а также сюда часто приезжают в гости родственники и друзья из сельских местностей.

К причинам нивелирования экологического сознания добавляется развернувшийся в Монголии «экономический национализм», порожденный добывающим бумом в стране. С началом разработок крупных месторождений золота и появлением информации о множестве золотоносных участков по стране у населения сформировался миф о перспективе быстрого обогащения, если стать нелегальным старателем. Такой класс рудокопов стал именоваться «ниндзя». Об их деятельности снято несколько полнометражных документальных фильмов, опубликовано множество различных статей. В них мало обращается внимание на то, как вчерашние скотоводы смогли позабыть вековые запреты, связанные с природой. Вероятно, ниндзя не воспринимают землю, где работают, как часть своего *нутага*. Когда ставится вопрос о личной выгоде, традиционное восприятие монголами земли как матери и связанные с этим табу, среди которых запрет на «царапание лика земли», отходят на второй план.

Ниндзя захватывают как брошенные участки золотодобычи, так и разрабатываемые, зачастую утверждая, что работы здесь велись нелегально. Насколько правомочны в данном случае действия самих «черных старателей» умалчивается. Такое отношение к природе вчерашних скотоводов-экофилов считается нормой и не встречает порицания в обществе. Добывающая промышленность формирует чувство самодостаточности монгольской нации перед вызовами современности.

Исходя из анализа внешних проявлений механизмов национальной консолидации монголов, можно утверждать, что в этом процессе пропаганде традиционного кочевого хозяйства отводится незначительное место. Часто жонглирование лозунгами, содержащими призывы к сохранению родной природы и возвращению молодежи к занятию скотоводством, популистские по натуре, происходит как часть предвыборных кампаний. Это обстоятельство также невольно влияет на затушевывание в общественном сознании и политических практиках традиционных для монголов идентификационных параметров. Именно природу, ее богатства и домашний скот монголы постоянно определяют в качестве предметов своей национальной гордости, что подтверждается рядом опросов, но на деле, как уже отмечалось, видно отсутствие желания у молодежи заниматься скотоводством.

Итак, среди причин деформации экологического сознания монголов, помимо общей тенденции нежелания заниматься скотоводством, выделяются разрыв с *нутагом* («родным кочевьем») и восприятие, при смене места жительства, окружающего пространства в качестве чужого ландшафта — *не-нутаг*. В дальнейших исследованиях для более адекватного понимания моделей экологического поведения монголов необходимо разграничивать факты реального традиционного экологического поведения, элементы которого присущи большинству сельских монголов-скотоводов, и представления о таком поведении, свойственные массовому сознанию не только монголов, но и большинства этнографов и неспециалистов.

Список литературы

1. Кимеев В.М. Очерки Западной Монголии. Т. 2. Этнокультурные взаимодействия народов Западной Монголии и российского Саяно-Алтая / В.М. Кимеев, Д.В. Ушаков, А.С. Акулова, В.И. Терентьев, Батсуурь Лхагвасурэн. Кемерово: Офсет, 2013. 199 с.

Е.Г. Федорова

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия
elenfed@kunstkamera.ru

К ИСТОРИИ ОЛЕНЕВОДСТВА СЕВЕРНЫХ МАНСИ

E.G. Fedorova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) RAS, Saint Petersburg, Russia

THE FRAGMENT OF NORTH MANSI' REINDEER HERDING HISTORY

ABSTRACT: This article provides some aspects of the history of reindeer husbandry of Mansi. It is known that some Mansi families, in the past, "lived in tents", wandered with the deer in the Urals. Nomadic reindeer herding in the Northern Mansi disappeared approximately in the 1950-1970-ies. The Population of R. Lyapin, the upper and middle reaches of the river Severnaya Sosva practiced transport reindeer, fur-bearing associated with hunting. By living here, Mansi used permanent winter settlements with log dwellings. The reindeer husbandry could draw on settled or semi-settled population, who continued maintaining an earlier economic-cultural complex. According to Lyapin, in the North Sosva in the 1930s, the reindeer were captured almost by the entire population. In the process of collectivization significant part of the animals were expropriated. In the upper reaches of the reindeer husbandry Lyapin gradually began to emerge as a leading sector of the economy. Transformation in the economy that occurred in the Soviet period, has led to the fact that the owners of the deer in a majority were cut off from direct work in reindeer herding. Now reindeer herding does not exist as occupation among the Northern Mansi. It disappeared as a result of socio-economic transformations. However, up to now it left the traces in the material culture — in the form of clothing made of reindeer fur ornament, as well as in the beliefs and rites.

История мансийского оленеводства насчитывает всего несколько веков. Относительно происхождения обско-угорского оленеводства наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой, манси и ханты заимствовали этот вид занятий от северных ненцев (А. Алквист, К. Доннер, В.Н. Чернецов, А.И. Мурзина, З.П. Соколова, В.А. Козьмин, А.В. Головнев, Е.Г. Федорова и др.). Но здесь имеются расхождения по поводу времени заимствования оленеводства. Так, В.Н. Чернецов считал, что северные группы манси и хантов были знакомы с оленеводством уже в первые века II тыс. н.э. [1941, с. 156]. З.П. Соколова периодом освоения оленеводства обскими уграми называет II тыс. н.э. [1968, с. 25 и др.]. По мнению С.В. Бахрушина, у ляпинских вогулов (манси) оленеводство существовало с XV в. [1935, с. 12]. О XV-XVI вв., как времени знакомства с оленеводством вогулов, обитавших на Среднем Урале, говорит А.В. Головнев, поскольку есть данные, позволяющие предположить возможность проникновения туда в это время самодийцев [1993, с. 96]. По мнению В.А. Козьмина, северные манси заимствовали оленеводство непосредственно от ляпинских ненцев, кочевавших в XVII-XVIII вв. в пределах Ляпинской волости, где в это время проживали и манси [1981, с. 17; 1986, с. 52-53 и др.]. К этому же времени относят развитие оленеводства в Сосьвинском Приобье и А.И. Пика [1982, с. 14]. Интересно отметить, что определенное представление о времени появления оленеводства у северных манси существует также у современных информантов. В частности, один из ляпинских манси говорил, что «олени появились после Ермака».

Оленеводство у северных манси, как впрочем, и у каждой из других оленеводческих групп обских угров, имеет свои особенности. Его называют отгонным (В.А. Козьмин), горно-таежным отгонным (А.И. Пика, А.В. Головнев), процесс формирования которого завершился в XIX в. [Головнев, 1993, с. 96-97].

В вопросе о времени появления и типе оленеводства у северных манси важным представляется соотношение этого вида деятельности не только с другими хозяйственными занятиями, но

и с типом поселения и жилых построек [см., например: Соколова, 1991]. Известно, что отдельные мансийские семьи «жили в чумах», кочевали с оленями по Уралу в течение года или даже нескольких лет, что, видимо, подразумевает все же наличие какого-то стационарного поселения. По словам информантов, кочевое оленеводство у северных манси исчезло приблизительно в 1950-1970-е гг.

Население р. Ляпин, верхнего и среднего течения р. Северной Сосьвы, как хорошо известно, практиковало транспортное оленеводство, связанное с пушной охотой. Но безоленные хозяйства на этой территории фиксировались и на рубеже XIX-XX вв. [Дунин-Горкавич, 1996, с. 108-109]. Проживавшие здесь манси имели постоянные зимние поселения с бревенчатыми жилищами, на сезонных (летних) поселениях использовались как стационарные, так и временные сооружения. Таким образом, оленеводство было заимствовано оседлым или полуседлым населением, продолжавшим сохранять сложившийся ранее хозяйственно-культурный комплекс, хотя оно и дало толчок к его трансформации: появились новые средства передвижения, одежда, изменился пищевой рацион. Здесь можно провести параллель с коми, которые, заимствовав оленеводство у европейских ненцев, продолжали проживать в поселках, в стадах же работали только пастухи. Этот принцип (так называемая оседлость ижемского типа) стал распространяться и на ненцев [Жеребцов, 1982, с. 166-167].

Постоянные зимние поселения были не только у манси Северной Сосьвы и Ляпина. Во всяком случае, уже в начале XX в. они фиксировались в верхнем течении Лозьвы — у самой западной группы северных манси. По данным В.Н. Чернецова, побывавшего на Лозьве в 1925 г., манси обитали в небольших селениях (по 1-2 семьи). Зимой жили в бревенчатых домах, реже — в чумах. Образ жизни был тот же, что и у других групп. Зимой занимались в основном охотой, летом рыболовством. Оленеводство имело транспортный характер [Источники, 1987, с. 14, 18].

В 1980-е гг. оленеводство верхнелозьвинских и верхнепелымских манси имело тот же облик, что и в начале XX в. Основу этой сравнительно малочисленной группы (в целом 187 чел., по данным на 1987 г.) составляют манси, предков которых, ранее обитавших на западных склонах Урала, в научной литературе относят к западной группе. В то же время, по всем имеющимся материалам XX в., по культурному облику и языку это северные манси, хотя у них и фиксируются некоторые особенности в лексике. В силу изолированного проживания верхнепелымские и верхнелозьвинские манси больше, чем остальные территориальные группы северных манси сохраняли в это время традиционную культуру, очень мало изменившуюся на протяжении XX в. [Федорова, 2004].

Оленеводство этой группы в 1980-е гг. отличала транспортная ориентация, малочисленность стада (в частности, около 1500 оленей на всю верхнелозьвинскую группу), вольный выпас оленей около поселений в зимний период и объединение их для летнего выпаса, который осуществлялся несколькими пастухами на горных пастбищах Урала, расположенных в 2-3-х днях пешего пути от постоянного селения. К особенностям этого оленеводства можно отнести наличие около жилища коралей для отлова ездовых животных, а также использование специального деревянного приспособления для ограничения подвижности оленей. Практиковалась ежегодная, если позволял состав семьи, смена пастухов для того, чтобы они могли уделить необходимое внимание иным видам деятельности. В отличие от других групп северных манси олень здесь выступал как основное жертвенное животное. Несмотря на то, что верхнелозьвинские и верхнепелымские манси среди всех групп, считающихся оленеводческими, были во всех отношениях в те годы ближе к оленю, оленеводство и здесь не смогло оттеснить на второе место охоту.

По Ляпину и Северной Сосьве в 1930-е гг. олени фиксируются почти у всего населения. В процессе коллективизации значительная часть оленей была обобществлена. В верховьях Ляпина постепенно оленеводство стало превращаться в ведущую отрасль хозяйства. После всех мероприятий по укрупнению колхозов оно сосредоточилось в совхозе «Саранпаульский». В 1970-е гг. манси составляли 25% от общего числа рабочих совхоза, занятых в оленеводстве. Полностью из манси состояла только одна бригада [подробнее см.: Федорова, 1986], в настоящее время уже не

существующая. Основным же оленеводческим населением на протяжении XX в. здесь были коми и ненцы.

Преобразования в хозяйстве, происшедшие в советский период, привели к тому, что владельцы оленей в своем большинстве оказались отторгнутыми от непосредственной работы в оленеводстве. Как представляется, далеко не последнюю роль в данном случае сыграло развитие транспорта — с появлением снегоходов необходимость в оленях как транспортных животных отпала. Сейчас оленеводства как занятия у северных манси нет. Исчезло оно в результате социально-экономических преобразований, оставив к настоящему времени следы в материальной культуре — в виде праздничной одежды из оленьего меха с орнаментом, а также в верованиях и обрядах.

Список литературы

1. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII веках. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 90 с.
2. Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 204 с.
3. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. В 3 т. Т. 3. Этнографический очерк местных инородцев. М.: Либерея, 1996. 208 с.
4. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982. 224 с.
5. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
6. Козьмин В.А. Оленеводство народов Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. (Проблема происхождения и типология): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981. 21 с.
7. Козьмин В.А. Традиции в развитии современного оленеводства таежной зоны Западной Сибири // Культурные традиции народов Сибири. Л.: Наука, ЛО, 1986. С. 42-56.
8. Пика А.И. Сосьвинские манси как этносоциальная общность (XVII-XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. 21 с.
9. Соколова З.П. Преобразования в хозяйстве, культуре и быте обских угров // СЭ. 1968. № 5. С. 25-39.
10. Соколова З.П. Хозяйственно-культурные типы и поселения обских угров // Материалы к серии «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 1991. Вып. VII. С. 45-61.
11. Федорова Е.Г. Элементы традиционного в современных хозяйственных занятиях северных манси // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986. С. 139-156.
12. Федорова Е.Г. Манси Урала по иллюстративным коллекциям МАЭ РАН // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб.: МАЭ РАН, 2004. Вып. 10-11. С. 110-126.
13. Чернецов В.Н. Очерк этногенеза обских югров // КСИИМК, 1941. Вып. 9. С. 18-28.

Список сокращений

ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
СЭ — Советская этнография

Т.М. Шавлаева

Академия наук Чеченской республики,
Грозный, Россия
tamara-shavlaeva@yandex.ru

АДАПТАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЧЕНЦЕВ К ГОРНОМУ ЛАНДШАФТУ

T.M. Shavlaeva

Academy of Sciences of the Chechen Republic,
Grozny, Russia

ADAPTATION OF ECONOMIC ACTIVITY OF CHECHENS TO A MOUNTAIN LANDSCAPE

ABSTRACT: In the article on the example of the southern part of the Chechen republic, by different complex relief, shown how skillfully in this region was created cultural landscape by man's, harmoniously adapted to the natural environment. Ethno-cultural explorative approach allowed to reveal how the Highlanders lined up, their economic interests in such conditions, and what was the specificity of their daily life. When changing the pristine landscape, the Highlanders did not interfere to its natural integrity. They built their relationship with nature, with the knowledge of its laws. A lot of hard work and love to the native land enabled them to adapt to the environment and to develop high standards of animal husbandry and agriculture.

На примере южной части республики, сложной относительно рельефа, мы попытаемся показать, как искусно в этом крае человеком создавался культурный ландшафт, гармонично приспособиваясь к природному. Этнокультурный подход при изучении вопроса показывает, каким образом горцы выстраивали в таких условиях свои хозяйственные позиции, и чем отличалась их повседневная жизнь.

По мнению ученых, нынешний рельеф Чечни сильно отличается от первичного, созданного в результате длительного геологического процесса, тем, что сильно преобразован бурными реками. Впрочем, по нашим полевым данным, буйные реки до сих пор создают проблемы горцам: «Смотрю, и своим глазам не хочу верить: нет почти половины моего огорода, там уже глубокое русло реки», — свидетельствует информатор [ПМА, 2015]. Скалистые горы, крутые обрывы резко переходят в межгорные котловины. Последние, как правило, относятся к аридным зонам. Физико-географические исследования, проведенные А. Головлевым, выявили у аридных зон Чечни ряд особенностей, которые исследователь объясняет воздействием своеобразного рельефа [Материалы, 1985, с. 16-23].

При такой сложности горного ландшафта самую большую селитебную нагрузку испытывали горно-котловинные участки. Они характеризуются сочетанием сравнительно благоприятных условий для проживания и ведения хозяйства, в результате чего и были освоены ранее других [Идрисова, 2009]. На наш взгляд, для объяснения повышенной селитебной нагрузки территорий горных долин и котловин, важно еще учесть, что Кавказ, в т.ч. и Чечня, издревле был привлекателен для завоевателей, от которых практически никогда не было покоя. К примеру, одно из самых разрушительных нашествий, которое относится к периоду классического средневековья, изменило картину Кавказа и почти уничтожило весь местный хозяйственно-культурный комплекс [История народов, 1988, с. 188-222]. Горный ландшафт являлся, прежде всего, надежным щитом от чужеземных захватчиков. В целом, горы, а также межгорные котловины и долины были хорошо освоены и в оборонительном, и хозяйственном отношении, а повседневная жизнь поселенцев складывалась в гармоничном подчинении природному комплексу.

Топонимическая карта Чечни включает наименования, непосредственно связанные с хозяйственной и военной деятельностью горца, а также названия, отражающие физико-географические

особенности местности [Абумуслимов, 2015, с. 40-43]. В горной полосе преобладал культурно-хозяйственный тип скотоводов аридной зоны. Как создание культурного ландшафта и даже искусство единения с природным рельефом края можно рассматривать боевые, полубоевые и жилые башни, хронологически относящиеся к средневековому периоду [Ильясов, 2004]. Они имеют местную природу, удачно копируют здешний ландшафт и, в то же время, удивительным образом его дополняют. Не менее интересны каменные хозяйственные строения, гармонично встроенные в естественные возвышенности. Появление таких конструкций обусловлено экономией ровной местности и изысканием возможности дополнительного использования поверхности. Строения, хронологически относящиеся к средневековому периоду, подразделялись на подземные, полуподземные и надземные. Среди них следует особо выделить архитектурный тип строений *нартол жосьла*, характеризующийся отходящими арочными сводами, которые напоминают бараны рога.

Интенсивное скотоводство в горной зоне вовсе не исключало занятие земледелием, однако земледельческие работы носили экстенсивный характер, что определялось известной причиной ограниченности удобных для пахотных работ земель. Даже в том случае, когда под жилище и хозяйственные строения отводили неэффективную для обработки территорию, ее все равно было недостаточно. Недостаток земледельческой продукции создавал проблемы, тогда как относительно животноводческой продукции их не возникало. Этот дисбаланс был восполнен позднее, когда произошло освоение плодородной Чеченской равнины. Прежде горцы прикладывали большие усилия, прибегая к террасированию горных склонов для создания посевных площадей. Чтобы террасы не разрушались и имели ступенчатую форму с полезной площадью, для них делали подпорные стены. На каменистые уступы гор грунт нередко приносили в мешках и превращали эту землю в плодородные участки [Хасбулатов, 2006, с. 94]. Следы таких террасных участков сохранились до наших дней в высокогорных районах Чечни — Итум-Калинском, Чеберлоевском, Шароевском, Галанчожском.

Известный этнограф М.А. Агларов считает, что «*террасирование полей — действительно одно из «чудес света» по грандиозности сооружений и количеству вложенного труда превосходящее многие известные памятники*» [Агларов, 1988, с. 48]. На обвинения исследователей XIX в. по поводу характерной «бездеятельности» мужчин-горцев Р.М. Магомедов ответил, что в горах взору открываются «*сплошные террасированные склоны, искусственный рукотворный ландшафт... Да неужели все это создано поколениями бездельников..?*» [Магомедов, 2005, с. 442].

В восточной части горной Чечни с пологими горами имела распространение система подсечного земледелия — *ирзу*. Чтобы отвоевать у природы участок земли, очистив его от корней и сора, у крестьянина обычно уходило несколько лет. Подсечное земледелие требовало от земледельца больших трудозатрат и длительного времени. От времени проведения подсеки до обработки *ирзу* плугом требовалось минимум три года труда. С-М.А. Хасиев приводит многообразные пахотные орудия, которые соответствовали земледельческим зонам Чеченской Республики [2004, с. 24, 50-57].

Таким образом, горцы не нарушали непосредственной связи с географической средой, не игнорировали превосходство природы. Они изменяли первозданный ландшафт, не вмешивались в его естественную целостность, и строили свои отношения с природой со знанием ее законов. Большое трудолюбие, любовь к родной земле позволили им адаптироваться к окружающей среде и выработать высокую культуру скотоводства и земледелия. С этой точки зрения, горцы Кавказа, в т. ч. Чечни, относятся к кругу культуросцентричных народов, сформировавших свою культуру в условиях сложного ландшафта [Шавлаева, 2013].

Список литературы

1. Абумуслимов А.А., Гарсаев Л.М., Гарсаева М.М. Топонимия Чечни как информативная лингвистическая единица // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2015. № 3. С. 40-43.
2. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XX в. М.: Наука, 1988. 243 с.

3. Идрисова Р.А. Ландшафты Чеченской Республики: пространственная структура и особенности селитебной нагрузки: автореф. ... дис. канд. геогр. наук. Нальчик, 2009. 24 с.
4. Ильясов Л. Тени вечности. М., 2004. 384 с.
5. История народов Северного Кавказа. Т. I. М., 1988.
6. Магомедов Р.М. Вековые ценности Дагестана. Махачкала: Юпитер, 2005. 528 с.
7. Материалы по изучению Чечено-Ингушской АССР. Вып. 3. Грозный, Чечено-Ингушское книжное издательство, 1985. 124 с.
8. ПМА: Аслудинова Келихат, 72 года. с. Кенхи, ЧР. 04.08.2015 г.
9. Хасбулатов А.И. Аграрные преобразования в Чечне и Ингушетии и их последствия (XIX — нач. XX в.). М.: МГОУ, 2006. 276 с.
10. Хасиев С.-М.А. Культура полеводства чеченцев и ингушей в XIX — начале XX века. Нальчик: Эльфа, 2004. 148 с.
11. Шавлаева Т.М. Культурный этноцентризм. Доклад на Всемирном Юбилейном Конгрессе МУФО 28 ноября 2013 г. г. Санкт-Петербург // Электронный ресурс. https://mail.yandex.ru/re.jsx?h=a,PtXJkMk9PhDp9bIugC7baQ&l=aHR0cHM6Ly93d3cuueW91dHViZS5jb20vd2F0Y2g_dj05LTU1U1VpTXhwWQ <https://www.youtube.com/watch?v=9-65SUiMxpY>

Н.И. Шитова

Горно-Алтайский государственный университет,
Горно-Алтайск, Россия
natalja.sni2011@yandex.ru

РУССКИЕ В ГОРНОМ АЛТАЕ: ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ (КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XX ВВ.)¹

N.I. Shietova

Gorno-Altai State University,
Gorno-Altai, Russia

THE RUSSIANS IN GORNY ALTAI: DEVELOPMENT OF NEW TERRITORIES (THE END OF THE 18 — BEGINNING OF THE 20 CENTURIES)

ABSTRACT: The most part of the research is based on field ethnographic materials of the author and on narrative sources. Landscapes in Gorny Altai are represented by the following types: low-mountains area, mid-mountains area and high mountains area. The author sets the task to study specific features of the land is development in the particular zones by the Russian population: in the low-mountains zone (Maima, Choya, Turochak Districts), mid-mountains zone (Chemal, Shebalino, Ongudai, Ust-Kan Districts) and high-mountains zone (Ust-Koksa District). The development in high- and mid-mountains zones is mainly presented by cattle farming, whereas agriculture has taken the second place. It is important to note that the most success in crop farming has been achieved by residents at the Uymon Depression (high mountains) and at the Charysh Valley (mid-mountains). The amount of agriculture's crops in the most of the districts in mid- and low-mountains zones were not enough for cooking Russian traditional meals (dishes prepared out of flour and grain). The people had to compensate the lack of it by bread, taken from other territories, and by essential amount of animal products. People used to receive "bread" from the

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-01-00453 «Этнокультурные ландшафты Южной Сибири. Историческая динамика и сравнительный анализ (конец XIX — начало XXI вв.)».

Altai steppes in exchange of products of cattle farming, forest husbandry and bee keeping. The residents at low mountains, especially at places with taiga (Turochak and Choya Districts), were most dependent on this exchange. The natural conditions were least suitable for agriculture and even for cattle farming at these lands. That is why people developed forest husbandry and hunting more. As a result of the land is development by the Russians in the studied region, the natural conditions played a significant factor in forming a specific balance between cattle farming and forest husbandry, which became the basic activities in the economy, on the one hand, and agriculture and other activities of the secondary value, on the other hand.

Особенности хозяйственного освоения русскими территории Сибири традиционно привлекают внимание ученых. Освещение этой проблемы позволяет выявить характерные черты адаптации этноса к разнообразным ландшафтным и климатическим условиям регионов Сибири. Настоящая работа посвящена выявлению особенностей хозяйственного освоения русскими территории Горного Алтая в зависимости от специфики ландшафтов региона и основана преимущественно на полевых этнографических материалах автора и выявленных им нарративных источниках.

Ландшафты Горного Алтая условно автором подразделены на следующие типы: низкогорная зона, среднегорная зона и высокогорная зона. Соответственно рассматриваются особенности хозяйственного освоения этих зон русским населением: низкогорье — Майминский, Чойский, Турочакский районы; среднегорье — Чемальский, Шебалинский, Онгудайский, Усть-Канский районы; высокогорье — Усть-Коксинский район.

На территории изучаемого региона первые русские жители стали появляться в Уймонской долине (котловине) (высокогорье) в конце XVIII в. В работе Т.С. Мамсик освещены особенности хозяйственной деятельности первых уймонских жителей. Исследовательница делает вывод о том, что за относительно небольшой промежуток времени в 20-30 лет уймонцы успешно приспособились к природно-климатическим условиям Уймонской долины [1989, с. 103, 109, 129].

Особенности хозяйственного освоения новых территорий в разных природно-ландшафтных зонах отчетливо прослеживаются в воспоминаниях наших информантов. Так, жители Уймонской долины вспоминают, что хозяйство традиционно вели заимками («у каждого своя заимка была»), где все лето стоял скот. В XX в. вблизи с. Верх-Уймон располагались заимки Бузулаево, Окол и другие. Посевные площади жителей с. Верх-Уймон и прилегающих к нему заимок находились на другой стороне Катуня, в тех местах, где сейчас расположены села Терехта, Курунда, Октябрьское, «*четыре называлось, все там сеяли*». Там же, на другой стороне реки, выпасали скот, «*Верх-Уймонская долина вся скота пасла*». Переправлялись через реку на пароме, хлеб вывозили зимой, на санях. Вблизи селения хлеб не родился, на этих землях были расположены сенокосы. От ручьев отводили при помощи плуга борозды, делали каналы («*поливные каналы*»), которыми «*поливали всю низину*» — все сенокосы и поля с хлебами. Жители Верх-Уймона не разрабатывали свои угодья из-под леса, использовали для этого природные поля («*природное все*»), где местами, «*кругалями*» был лес. Массово корчевали лес под посевные площади и строительство только в колхозах.

В других селах Уймонской долины могли прибегать к расчистке территории от леса и в XIX в. Так, например, жители с. Мульта вспоминают: «*Когда первы приехали — здесь был сплошной лес — зверя, рыбы, птицы. Жили как принцы. Копали лопатой землю — а хлеб хороший родился. Стали сеять. Они скот свой пригнали. На телеге ехали — просеку прорубали. Здесь сплошной был лес. Вода чистая, рыбы много. Было нетроганное место*» (ПМА, 2015, с. Мульта, В.М. Кузнецова, 1940 г.р.).

В низкогорной зоне Горного Алтая, основная масса русского населения которой состояла из переселенцев начала XX в., хозяйственное освоение территории также происходило путем основания заимок [Шитова, 2014, С. 26-36]. Как вспоминают потомки переселенцев, «*хутора и заимки были*». Переселенцы старались селиться вдоль рек, в естественных природных логах маленькими поселениями: «*Мужики собираются — чей лог будет. В этом логу была своя пасека*». Е.К. Буйнова, потомок тамбовских переселенцев, вспоминает: «*В Тамбове шибко тяжело было жить. А здесь видишь волю! Дадут человеку лог один — Кривоногов лог, Родионов лог. Так логами и жили*» (ПМА, г. Горно-Алтайск, 2012). Небольшие поселения стремились основывать в естественных логах, вблизи рек.

Далеко не всем переселенцам удавалось основать хозяйство в естественном природном ландшафте (логу) или же этой площади было недостаточно для занятий земледелием, и приходилось расчищать земли из-под леса. Особенно остро эта проблема проявилась после проведения землеустройства в 1909-1910 гг. и последующего массового наплыва переселенцев. Специально для заселения переселенцами отводились участки. Возникшие таким путем населенные пункты потом так и назывались участками. Если место для заимки, или хутора, крестьяне выбирали сами, поселенческие участки определяли чиновники. И.Л. Нохрин вспоминал: *«Там, где жил один арендатор, нарезался участок на несколько душ мужского пола, по 15 десятин на душу удобной земли, хотя земли эти на 70% были под лесом»* [Нохрин, 1976, л. 2]. Семье Нохриных досталась такая территория: *«Выбрали место для жительства устье речки Югала, приток р. Иша. Сплошной лес и была гарь, звали Элбашик... Сплошной бурелом: колоды кедра, заросли таилы. Здесь начали расчистку под пашню»* [Нохрин, 1974, л. 1об.-2]. И.Л. Нохрин вспоминает, как он участвовал в расчистке покосов, которую делали весной, как только сойдет снег: *«Пилили поперечной пилой сотни колодин. Он [дед, Назар Иванович Нохрин — Н.Ш.] их складывал в костры, а на следующую весну их сжигали. Мелкие кусты, калинник вырубали, а пни обкапывали, вагой выворачивали. Также все это складывали в костры и сжигали. Таким образом, к 1915 году было расчищено около 30 десятин»* [Нохрин, 1974, л. 2-2об.]. Местные жители отмечают экологичность традиционных способов расчистки леса в отличие от используемых позднее в колхозах: *«Когда корчевали техникой — разорились. Корчевали — вручную и лошадьми»* [ПМА, 2013, с. Чоя].

В 1910-е гг. у русского населения низкогорной зоны Горного Алтая продолжала формироваться система жизнеобеспечения с характерным для территории балансом занятий лесными промыслами и скотоводством как основными отраслями хозяйства, земледелием и другими занятиями — как вспомогательными.

Хозяйство русских могло быть натуральным только в высокогорных районах, в остальных ландшафтных зонах (среднегорной и низкогорной) продукты животноводства, лес и его дары обменивались на муку или продавались в степных районах. В 1920-1930-е гг. такая система жизнеобеспечения была фактически разрушена (продразверстка, коллективизация и т.п.). Последний удар по сложившейся в дореволюционный период сети населенных пунктов, рассредоточенных в соответствии с ландшафтом, природными ресурсами и хозяйственными потребностями населения, был нанесен уже во второй половине XX в. в ходе так называемого «укрупнения сел».

Можно говорить о том, что представители русского этноса осуществляли хозяйственное освоение территорий при максимальном использовании естественных природных ландшафтов, подходящих для хозяйственной деятельности. И первыми были освоены наиболее удобные для занятия скотоводством и земледелием земли, поскольку территория Уймонской долины представлена межгорно-котловинными ландшафтами, которые характеризуются минимальной степенью залесенности, по сравнению с другими типами ландшафтов Горного Алтая. Они также представляют собой сравнительно ровные участки поверхности и характеризуются климатическими условиями (среднегодовая температура), позволяющими произрастание и вызревание зерновых культур.

Особенность территории изучаемого региона — залесенность и горный ландшафт — обусловила изменения в традиционной системе жизнеобеспечения. Основой хозяйства в высокогорной и среднегорной зонах стало скотоводство, земледелие отошло на второе место. При этом наибольших успехов в земледелии добились жители Уймонской котловины (высокогорье) и долины реки Чарыш (среднегорье).

Количество зерна, получаемого в большинстве районов среднегорной и низкогорной зоны, было недостаточно для обеспечения стабильного традиционного для русского населения рациона (мучные и крупяные блюда), что компенсировалось привозным хлебом и большим количеством животных продуктов в рационе. Продукты животноводства (масло, мясо), лесных промыслов (древесина, орех и др.) и пчеловодства русское население выменивало на «хлеб» из степных районов Алтая. В наибольшей зависимости от такого обмена находились жители низкогорной зоны Горного Алтая, особенно районов черневой тайги. В этих районах природные условия были максимально неблагоприятны не только для земледелия, но и для скотоводства, на первое место по значимости выходили лесные промыслы, охота.

Таким образом, в каждой из ландшафтных зон Горного Алтая, в результате хозяйственной адаптации русского этноса к природным условиям региона, сложился специфический баланс занятий скотоводством, лесными промыслами как основными отраслями хозяйства, земледелием и другими занятиями — как вспомогательными.

Список литературы

1. Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири. Механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. Новосибирск: Наука, 1989. 240 с.
2. Нохрин И.Л. История с. Чоя. Рукопись, 1976 г. 10 л.
3. Нохрин И.Л. На память моим поколениям. Мое происхождение. Биография. Рукопись, 1974. 7 л.
4. Шитова Н.И. Русские низкогорной зоны Горного Алтая. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. 208 с.

А.А. Южаков

Северо-Западный Центр междисциплинарных исследований проблем продовольственного обеспечения, Санкт-Петербург — Пушкин, Россия
alyuzhakov@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ И МОНИТОРИНГ ОЛЕНЕВОДСТВА НА ЯМАЛЕ

А.А. Yuzhakov

North-West Centre for Interdisciplinary Studies of the Problems of Food Security, Saint Petersburg — Pushkin, Russia

ENVIRONMENTAL PROBLEMS AND MONITORING OF REINDEER HERDING ON THE YAMAL

ABSTRACT: The core of Russia's reindeer breeding by the level of preservation of traditions, by the number of nomadic families and by the total number of livestock of grazing animals is the Yamalo-Nenets autonomous district. But here acute the problem of lack of grazing resources in the tundra zone, there is a significant excess of the actual deer population estimated above. The result of many years overload of pastures is mass degeneration and death of young stock and adult animals. This problem is reaching the scale of environmental disaster. This article provides an analysis of the main causes of unregulated growth of a livestock of deer in farms, a comparison of grazing characteristics of the two biological forms of reindeer: domestic and wild. The necessity of constant integrated monitoring of nomadic reindeer herding. It offers innovative measures to stabilize the deer population on the Yamal and the creation of private reindeer herding in the taiga zone.

Северное оленеводство обеспечивает сохранение традиционного жизнеобеспечения и духовной культуры восемнадцати аборигенных народов Арктической зоны РФ. Это социально ориентированная и социально значимая хозяйственно-биологическая система с этнической спецификой. Существование любой подобной системы строится на использовании ресурсов и не только природных. В северном оленеводстве главными ресурсами, тремя его «китами» являются животные, пастбища и оленеводческий народ (семьи оленеводов). Причем последний — это не столько ресурс, сколько смысл и итог существования оленеводства как системы традиционного хозяйствования. Ядром российского северного оленеводства по уровню сохранности традиций, по количеству кочующих семей и по поголовью выпасаемых животных бесспорно является Ямало-Ненецкий автономный округ. Но здесь, как нигде, остра проблема отсутствия пастбищного ресурса в тун-

дровой зоне: двух-трехкратное превышение фактического поголовья по отношению к расчетному в Ямальском, Приуральском и Тазовском муниципальных районах. Это привело к массовой гибели животных весной 2014 г., размер которой лишь по учтенным данным составил почти 90 тыс. оленей или 11,5% основного поголовья. Наш анализ практики решения этой экологической проблемы в округе, показал, что арсенал средств борьбы с гибелью оленей при бескормице в хозяйствах округа удручающе беден. Это, прежде всего, смена пастбищных участков на более доступные для животных, но такая возможность у многих хозяйств тундровой зоны сильно ограничена из-за перегрузки пастбищ: свободных или резервных участков просто нет. Нередко у владельцев оленей и пастухов-оленеводов за пастбища идет самая настоящая конкуренция по принципу *«кто первый встал, того и тапки»*. Организация дополнительного кормления оленей неэффективна, а с учетом огромных расстояний, завоз больших запасов корма в стада невозможен. В округе отсутствует служба оповещения оленеводческих предприятий о неблагоприятных метеоусловиях на пастбищах. Самый печальный итог 2014 г. — почти 200 семей из-за потери оленей не смогли дальше вести кочевой образ жизни и перешли на оседлость.

Опросы оленеводов показывают, что существующее хищническое отношение к пастбищному ресурсу вызывает серьезные опасения у многих из них, но вот в отношении ограничения роста поголовья оленей каждый оленевод придерживается мнения: *«Если соседи начнут ограничивать свое поголовье, то и я сделаю то же самое»*. Так же рассуждают и его соседи, в итоге ситуация реально не меняется. Вернее, меняется: путем естественной регуляции численности поголовья через массовую гибель, болезни и падеж животных, после которых следует новый цикл роста стад. Причина столь беззаботного отношения животноводов к пастбищам находится, при более глубоком рассмотрении, в их *разном отношении к различным формам собственности на животных и пастбища*.

Внимание на нее было обращено учеными еще в XIX в. В статье проф. Г. Хардина «Трагедия общественного» [Интигринова], обсуждается проблема перенаселения планеты. Рассуждая о ней, автор однако обращается к общедоступному пастбищу, как примеру торжества эгоистичного поведения индивидуума, максимизирующего собственную выгоду: пользователи общественных ресурсов преследуют собственные интересы, даже если это ведет к разрушению. Автор отмечает, что увеличение поголовья имеет и позитивный эффект (прирост стада), и негативный (дополнительная нагрузка на пастбище). Но поскольку все доходы от продажи дополнительного скота принадлежат владельцу безраздельно, позитивный результат, с точки зрения этого владельца, перевешивает негативный, в равной степени влияющий на всех пользователей пастбища. Следствием становится конфликт между свободой выбора каждого владельца животных и ограничениями экосистемы, сохранение которой олицетворяет общественный интерес. Индивидуальная свобода выбора ведет к разрушению общего ресурса. В качестве инструментов, способных разрешить данное несоответствие, предлагается частная собственность на пастбища и ограничение права доступа к общественным ресурсам на основе квот, регулирующих извлечение ресурсов во времени и фиксирующих их количество, в рамках государственной собственности.

На Ямале возможность приватизаций оленьих пастбищ обсуждалась экспертами и оленеводами неоднократно и была признана в современных условиях неприемлемой. В качестве основной причины приводится аргумент о том, что переход участка в частную собственность сделает невозможным использование его другими оленеводами, как сложилось в исторической практике и традиции ямальского тундрового оленеводства. Подчеркивается наличие возможности использовать соседние участки пастбищ в периоды стихийных бедствий: гололедов, эпизоотий, нашествия хищников, а также в случае отторжения пастбищ под промышленные объекты. Нам представляются данные опасения не только преувеличенными, но и имеющими своей целью сохранение в качестве основных землепользователей крупных сельхозпроизводителей (бывшие совхозы, ныне сменивших форму собственности). Сельхозпредприятия основывают свое право на пастбища на праве т.н. «бессрочного пользования», преобразованном в аренду. Частные оленеводы, даже входящие в общины, в сложившейся ситуации никаких юридических прав на пастбища не имеют. Традиционное право, как показывает практика, при спорных ситуациях судами не учитывается. Таким об-

разом, в оленеводстве Ямала в XXI в. сложилась правовая коллизия неопределенности, требующая дополнительного историко-юридического исследования и выработки компромиссного варианта.

Кроме социально-психологических и экономических причин деградации оленеводства, есть и хозяйственно-биологические. Как известно, вид *Rangifer tarandus* подразделяется на дикого и домашнего северного оленя, которые могут рассматриваться как две экологические формы одного вида, занимающие различные экологические ниши в биоценозах. По мнению биологов, поедание домашним оленем преимущественно лишайников на зимних пастбищах — искусственно выработанная человеком хозяйственно-экологическая особенность, несвойственная дикому оленю [Сыроечковский, 1986, с. 46]. По ботаническому составу съеденного корма у диких оленей на долю лишайниковых приходится максимум 26,2% съеденного корма, а в среднем за год 16,5%. Годовое потребление кормовых лишайников домашним оленем в 3-4 раз выше. Протяженность маршрутов сезонных миграций в течение года у дикого оленя значительно длиннее, чем у домашних, и достигает 2500 км. Размер стад диких оленей имеет резкую сезонную вариабельность: так, летом на Таймыре зафиксированы стада, превышающие 100 тысяч голов. На зимовках дикий олень выпасается на пастбище мелкими, 20-40 голов, стадами. У домашних оленей колебания размеров стад по сезонам выпаса не превышают 35%. При этом увеличение происходит за счет рождения телят, а сокращение — в результате осеннего убоя оленей на мясо. Стада оленеводческих хозяйств, как правило, выпасаются зимой без разбивки, чем пастбищам наносится заметный урон. Ряд исследователей отмечают различия в численности и площади лунок в снегу вырытых дикими и домашними оленями для добывания корма [Андреев, 1975, с. 164]. Практически все исследователи считают питание дикого оленя более разнообразным и полноценным, чем домашнего сородича, а использование пастбищ экологически щадящим. В оленеводстве сверхнормативное стравливание пастбищного корма — не редкость, особенно при проведении организационно-технологических операций: прививок, инвентаризации, осеннего убоя оленей, материально-технического снабжения бригад и т.д. Нарушения ранее установленных путей кочевий стад стало обычным явлением. Фактически ЯНАО уже вступил в полосу локальных экологических кризисов: в тундрах ежегодно гибнут тысячи животных от зимней бескормицы. Продолжающееся сокращение пастбищ неизбежно приведет к переходу от локальных кризисов ко всеобщему хозяйственно-экологическому коллапсу местного оленеводства.

Мы убеждены, что, наряду с административными мерами оптимизации пастбищного хозяйства, необходимо активно разрабатывать и внедрять рыночные механизмы решения экологических проблем, как это впервые было разработано в известном Киотском протоколе. Это т.н. торговля квотами — разрешениями на выбросы двуокси углерода, вызывающего «парниковый» эффект. Если страна не расходует свою квоту полностью, то она может переуступить или продать «свободную» часть другой стране, имеющий избыточные выбросы. Данный принцип можно применить и при распределении пастбищных ресурсов: те владельцы оленей, которые превышают установленные квоты на поголовье и подрывают этот ресурс должны за это платить в специальный фонд перераспределения, из которого можно субсидировать семьи, имеющие в собственности поголовье ниже установленных квот. Управлять Фондом перераспределения пастбищ может Пастбищный совет, в который должны войти авторитетные оленеводы, главы общин и оленеводческих хозяйств. Многооленные хозяева могут оказывать помощь малооленным и напрямую- по устным или письменным договорам. Если принцип добровольности не будет работать, следует подумать о налогообложении хозяев, поголовье которых превышает принятый норматив. Для семей, имеющих поголовье оленей ниже установленных нормативов или снизивших его, следует внедрить поощрительное вознаграждение в форме бесплатного страхования оленей на случай гибели или потери.

Вместе с тем, надо реально представлять, что даже осуществление предложенных мер не снимет проблему перегрузки пастбищ полностью. Число кочующих хозяйств и семей на территории Ямальского, Тазовского и Приуральского районов имеет, пусть и незначительный, но устойчивый тренд прироста: так в Тазовском районе число кочующих семей увеличилось в 2015 г. на 5,4%, и новые хозяйства тоже нуждаются в дополнительных пастбищных участках. Поиск путей разгрузки пастбищ должен продолжаться: так, следует вернуться к рассмотрению возможности пере-

вода части поголовья оленей из перенаселенной зоны тундры в относительно свободные части лесотундровой и северо-таежной зоны. Например, из Ямальского на юг Надымского, Приуральского и в Шурышкарского районов. Из Тазовского — на север Красноселькупского района. Этот путь разгрузки пастбищ достаточно сложный для реализации, и как показывает прошлый опыт, положительный результат здесь не всегда очевиден. Однако, перевод северных стад в лесную зону Приуральского и Надымского районов ЯНАО показал, что тундровые олени могут адаптироваться в лесной зоне. Главное условие успешной акклиматизации — смена технологии выпаса оленей в летний период, поскольку тундровая технология не годится для лесной зоны. Здесь нужны замкнутые изгороди и теневые навесы, защита от «гноуса», иная система пастбищеоборота. Необходимо значительно уменьшать размер и менять половозрастную структуру стад. Важно учитывать и этнический фактор: традиционно ненцы являются оленеводами открытых пространств и им сложно адаптироваться к лесной зоне. Поэтому преимущество надо отдавать местному населению, из числа ханты, манси, селькупов и лесных ненцев.

В условиях сокращения пастбищ и отхода коренного населения от кочевого образа жизни следует гораздо внимательнее отнестись к возможности организации фермерских хозяйств изгородного типа в Шурышкарском, Надымском, Пуровском и Красноселькупском районах. В ряде стран Северной Европы, Северной Америки, Азии эта форма оленеводства получила значительное распространение. Она не может стать полной альтернативой кочующему этническому оленеводству, но гораздо ближе ментальности аборигенного населения и оставляет больше возможностей для сохранения их культурной самобытности, чем, современная жизнь в городе и работа в промышленности, в ЖКХ и т.п.

Оперативное и квалифицированное решение проблем оленеводства невозможно без внедрения в практику системного мониторинга отрасли. Предложение об его организации мониторинга северного оленеводства включено в Каутокейнскую декларацию IV Конгресса оленеводов мира (2009). Рядом международных научных и общественных организаций подготовлен и внедряется в странах Субарктики мониторинг систем оленеводства RANGIFER AS AN INDICATOR OF CHANGE IN THE CIRCUMPOLAR ARCTIC: Developing a monitoring program, широко представленная в сети Интернет [Reindeer herder's vulnerability]. Очевидно, что и возможность проведения этнологической экспертизы на территориях традиционного природопользования, будет затруднена без оперативных данных о текущем состоянии этнокультурного и этносоциального комплекса, включая демографический тренд. В постоянном системном мониторинге нуждаются традиционные хозяйства и органы местного самоуправления. Те и другие заинтересованы в получении точной и полной информации о состоянии земель, затронутых промышленным освоением: оленеводам нужны пастбища, а администрациям — пополнение в бюджет в соответствии с размером ущерба на поврежденных территориях. Мы не располагаем данными об эффективности на практике систем мониторинга традиционных систем природопользования, разрабатываемыми зарубежными коллегами. Но нам известно, что в российском секторе Арктики комплексной системы мониторинга традиционного природопользования, включающего одновременно экологические и социально-экономические параметры, до сих пор не существует. Около 40% коренного населения Ямала кочует с оленями — этот показатель уже в течение полувека существенно не меняется. В 1930-62 гг. произошел т.н. «перевод кочевников на оседлость» в ходе коллективизации, а затем, реорганизации мелких колхозов (всего 75) в крупные совхозные и рыбозаводские предприятия (всего 24), строительства и расширения национальных поселков: Белоярск, Панаевск, Яр-Сале, Сеяха, Гыда, Антипаюта, Тазовский и др. Есть сведения, что в результате количество семей, ведущих кочевой образ жизни уменьшилось на треть [Тарасенков, 1965, 221].

Ряд показателей по оленеводству до 1990-х гг. отслеживали Роскомстат и Госкомсевер, после реорганизации последнего часть его функций по сбору информации в районах Крайнего Севера перешла к Минрегиону и региональным администрациям. Показатели экономического состояния оленеводческих хозяйств Севера по форме 25-СХ (поголовье оленей, производство продукции) собирает Минсельхозпрод. Управление ветеринарии собирает сведения о заболеваниях оленей по формам 1-ВЕТ и 2-ВЕТ. Мониторинг численности хищников, представляющих опасность оленеводству, ведут районные управления биоресурсами. Демографические и некоторые социально-

экономические показатели по коренным малочисленным народам Севера собирает Роскомстат через свои территориальные управления. Медицинская статистика ведется лечебными учреждениями и муниципальными управлениями здравоохранения. Органы соцзащиты мониторят только часть кочующего населения, получающую различные формы пособий. Органы занятости отслеживают соответственно трудоспособную группу кочевников. Каждое ведомство ведет наблюдения по собственным методикам, и они не объединены с другими видами ведомственного учета посредством комплексного анализа полученных показателей. Показатели качества и уровня жизни, сохранности духовной культуры и традиций кочевников не отслеживаются вообще.

Заинтересованными в комплексном мониторинге оленеводства, заказчиками данного вида продукции должны быть, прежде всего, органы МСУ, поскольку основная ответственность за социально-экономическое состояние местного коренного населения возлагается на них. В районах планируемого промышленного освоения заказчиками мониторинговых исследований должны быть компании — лицензиаты. Но сегодня системные мониторинговые исследования по заказу МСУ и промышленных предприятий проводятся только на территории ЯНАО, в остальных автономных образованиях Севера они единичны, неполны и не связаны в единую схему. Исполнителями таких исследований выступают научно-исследовательские учреждения РАН, университеты, независимые исследователи. В последние годы заметно увеличилось участие иностранных исследователей в мониторинговых проектах, в частности представителей скандинавских стран. При их инициативе и участии реализуется проект EALAT, направленный на изучение проблем устойчивости циркумполярного оленеводства и использование традиционных знаний аборигенов (<http://arcticportal.org>). Значительный объем мониторинговых исследований российского и зарубежного оленеводства проводится проф. К.Б. Клоковым с коллегами [Клоков, Йернслеттен, 2001-2002]. Демографические показатели самого кочующего народа Субарктики — ненцев — за последние 80 лет исследовала Е.А. Волжанина [2010]. Есть работы, посвященные проведению этнологического мониторинга в условиях промышленного освоения территории ЯНАО [Василькова, Евай и др., 2011]. Убедительный социально-экономический анализ и прогноз последствий массового падежа оленей в 2014 г. на Ямале опубликован Е.В. Переваловой [2015].

Анкетный опрос членов кочующих семей Ямальского и Тазовского районов проведенный нами среди 117 семей показал, что ухудшение макроэкономической ситуации в стране неизбежно сказывается и на самых социально незащищенных группах населения, к которым относятся и кочевники. Эти данные представлены в созданной и зарегистрированной нами электронной базе данных «NomadFolk» [Южаков, Расковалов, 2008].

Непростая ситуация складывается с организацией мониторинга оленьих пастбищ: огромные малозаселенные территории требуют применения новых современных методов наблюдения в режиме реального времени. Учетом изменений в этом виде землепользования занимаются Росземкадастр и специализированные землеустроительные организации по заказам местных администраций. К ним систематически поступают данные по поголовью оленей, продукции оленеводства, наличию и выбытию пастбищ, текущему состоянию демографических ресурсов, трудозанятости и пр. Однако, в реальности, данные, полученные заказчиками, используются недостаточно полно, не подвергаются углубленному социально-экономическому анализу, не рассчитываются корреляции, тренды, экспоненты. Тем не менее, работа в Союзе оленеводов по разработке комплексного мониторинга кочевого оленеводства в режиме *online* ведется, есть первые попытки объединения ее в единый блок (<http://www.fakt-tv.info/news/na/24361>). В обсуждаемом сегодня на Ямале проекте окружного закона «Об оленеводстве» нашли место и экологические проблемы отрасли, вводится в правовое поле обязательное нормирование поголовья частных оленей. Недавно созданное Федеральное агентство по делам национальностей, имеет в составе управление мониторинга, анализа и прогноза.

Решив законодательно, с помощью науки, с выходом на практические решения проблему сбережения своих природных ресурсов, ямальские оленеводы получают шанс не только удержать лидирующую позицию в мировом оленеводстве, но и совершить новый инновационный прорыв в организации оленеводческого хозяйства и технологии выпаса. Сегодня этот шанс еще сохраняется, но завтра он может быть потерян.

Список литературы

1. Андреев В.Н. Состояние кормовой базы северного оленеводства и вопросы использования пастбищ диким северным оленем // *Дикий северный олень в СССР*. М., 1975. С. 68-79.
2. Василькова Т.Н., Евай А.В. и др. Коренные малочисленные народы и промышленное освоение Арктики (Этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). М.: Шадринск, 2011. 268 с.
3. Волжанина Е.А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX — начале XXI века. Новосибирск: Наука, 2010. 312 с.
4. Интигринова Т. Права собственности на пастбищные угодья. Электронный ресурс / Доступ: <http://book-onlain.ru/book/3-prava-sobstvennosti-na-pastbishhnye-ugodya-t-intigrinova/3-12-yevoluciya-i-kooperaciya.html>
5. За развитием оленеводства можно будет наблюдать «он-лайн». Электронный ресурс / Режим доступа: <http://www.fakt-tv.info/news/na/24361/>
6. Клоков К.Б., Йернслеттен И.Л., Устойчивое оленеводство // *Отчет / Арктический Совет*. 2001-2002 г. 159 с.
7. Первалова Е.В. Интервью с оленеводами Ямала о падеже оленей и перспективах ненецкого оленеводства // *Уральский ист. вестник*. 2015. № 2. С. 39-49.
8. Сыроечковский Е.Е. Северный олень. М.: Агропромиздат, 1986. 256 с.
9. Тарасенков Г.Н. На просторах Обь-Иртышья. Свердловск, 1964. 432 с.
10. Южаков А.А., Расковалов А.Н. Электронная база данных NomadFolk / Автор. св-во «Роспатента» № 2008620198 от 08 мая 2008 г. / Электронный ресурс/
11. Reindeer herder's vulnerability — Network study EALÁT // Электронный ресурс / Режим доступа: www.arcticportal.org

Научное издание

ЭКОЛОГИЯ ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ

Материалы V Международной научной конференции
г. Тюмень, 7–11 ноября 2016 г.

ВЫПУСК 5
Часть 2

Корректор
Компьютерная верстка
Обложка
Печать электрографическая
Печать офсетная

Ю. Ф. Евстигнеева
И. А. Штоль
В. Д. Левицкая
А. В. Баширов
В. В. Торопов, С. Г. Наумов

9 785400 013218 (ч. 2)

9 785400 013133

Подписано в печать 24.10.2016. Тираж 145 экз.
Объем 34,5 усл. п. л. Формат 60×84/8. Заказ 908.

Издательство Тюменского государственного университета
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10
Тел./факс: (3452) 59-74-68, 59-74-81
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru